МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

Духи Рождества на Трэдд-стрит

«Романтичная история, что согреет вас даже в самые холодные вечера»

Entertainment Weekly

TRADD STREET. КНИГА 6

Annotation

Духи Рождества на Трэдд-стрит (Трэдд-стрит #6)

Карен Уайт

Накануне Рождества Мелани и Джеку очень не хватает праздничного настроения.

Прямо в саду их дома идут раскопки старинной цистерны. Для города эта находка уникальная, но Мелани, наделенная даром медиума, беспокоится, что вмешательство живых растревожит призраков.

Добавляют проблем еще и слухи, что во время раскопок могут найти драгоценности, привезенные когда-то в Америку из Франции самим маркизом де Лафайетом. Сокровищами желают завладеть не только ученые…

ШЕСТАЯ КНИГА ЦИКЛА РОМАНОВ О МЕДИУМЕ МЕЛАНИ ИЗ ЧАРЛЬСТОНА.

Романы цикла можно читать по порядку или как самостоятельные истории.

«Карен Уайт – королева атмосферного южного романа. Цикл романов "Трэдд-стрит" – бесспорное тому доказательство». – Bustle

«Очарование старинных южных домов и дрожь от происходящих в них жутковатых событий… Карен Уайт никогда не разочаровывает своими сюжетами». – Crimespree Magazine

«Романтичная история, что согреет вас даже в самые холодные вечера». – Entertainment Weekly

---

- Карен Уайт
  -
  -
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5

- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- От автора

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- 5
- 6

Благодарим Вас за то, что воспользовались проектом NemaloKnig.net - приходите ещё!
Ссылка на Автора этой книги
Ссылка на эту книгу

Карен Уайт
Духи Рождества на Трэдд-стрит

Karen White
THE CHRISTMAS SPIRITS ON TRADD STREET

Copyright © Harley House Books, 2019
This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis
Перевод с английского Татьяны Бушуевой Художественное оформление серии Сергея Власова Оформление переплета Дмитрия Сазонова В оформлении переплета использована фотография:
© Fusionstudio / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Harley House Books, 2019 This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis
© Fusionstudio / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com
© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Зарубежный
романтический
бестселлер

Читайте в серии

САРА ДЖИО

Ежевичная зима
Фиалки в марте
Соленый ветер
Последняя камелия
Утреннее сияние
Лунная тропа
Тихие слова любви
Среди тысячи лиц
Назад к тебе
Сладко-горькая история

КАРЕН УАЙТ

Романы о медиуме
МЕЛАНИ МИДДЛТОН
(TRADD STREET SERIES)

Особняк на Трэдд-стрит
Девушка с Легар-стрит
Незнакомцы на Монтегю-стрит
Возвращение на Трэдд-стрит
Гости на Саут-Бэттери
Духи Рождества на Трэдд-стрит

КАРЕН УАЙТ

Духи Рождества на Трэдд-стрит

МОСКВА
2022

Посвящается реальному Ричу Кобилту, разрешившему мне использовать его имя, и да, на самом деле он носит ремень

Глава 1

Я открыла глаза. Я была в моей спальне в доме на Трэдд-стрит. В щели в деревянных ставнях пробивались стрелы.

Окутанные туманной дымкой силуэты церковных шпилей на фоне темно-лилового неба – лучшее объяснение тому, почему Чарльстон называют Священным городом. На рассвете эти острые шпили – знакомое зрелище для тех, кто любит встать пораньше, чтобы насладиться утренней прохладой, пока летняя жара и влажность не вступили в свои права, или сквозь опоры моста через реку Купер полюбоваться красотой восходящего солнца, или послушать щебетание и крики тысяч птиц и стрекот насекомых, населяющих наш край.

Другие, такие как я, просыпаются рано только для того, чтобы ночь быстрее закончилась, чтобы успокоить тайные движения неугомонных мертвецов, блуждающих в самые темные часы между закатом и восходом солнца.

Я лежала на боку. Рука Джека бережно обнимала мою талию, моя собственная рука утопала в мягком меху на пузе Генерала Ли. Его храп и мягкое дыхание моего мужа были единственными звуками в старом доме, хотя на данный момент в нем обитают двое взрослых, три собаки, девочка-подросток и полуторагодовалые близнецы. Я никогда не считала мириады духов, что мирно расхаживали по коридорам дома. За последние несколько лет я изгнала не очень хороших и примирилась с другими, которые были готовы мирно существовать рядом с нами.

Тишина. Вот что меня разбудило. Или нет, не совсем так. Точнее сказать – отсутствие звуков. Как если бы между нажатием на спусковой крючок и мгновением, когда вылетит пуля, кто-то затаил дыхание.

Стараясь не разбудить Джека и Генерала Ли, я осторожно высвободилась из-под простыней. Генерал Ли тотчас же занял мое место рядом с Джеком. Джек даже не пошевелился, и я на миг задумалась о том, стоит ли расценивать это как оскорбление. Взяв айфон, я выключила будильник, поставленный на пять утра, – кстати,

он показывал четыре сорок шесть, – затем прошла через всю комнату к своему старомодному будильнику, который держала на всякий случай. Джек заставил меня избавиться от еще двух дополнительных, которые я раньше расставляла в разных местах комнаты, обвинив меня в попытке каждое утро будить мертвых. Нашел кого учить!

С тех пор как я была маленькой девочкой, духи умерших вечно пытались заговорить со мной, вовлечь меня в свои незаконченные дела. Я находила способы – чаще всего с помощью песен квартета *ABBA* – хотя бы частично заглушать их голоса, но время от времени один голос звучал громче других. Обычно из-за того, что дух кричал мне в ухо или же толкал меня с лестницы, отчего я при всем желании не могла его игнорировать.

Включив на телефоне фонарик, я, спотыкаясь, проследовала в ванную комнату, тихонько проклиная свою сводную сестру Джейн и лучшую подругу Софи Уоллен-Араси за то, что обе были причиной моих предрассветных блужданий. После рождения близнецов Джей-Джея (Джека-младшего) и Сары две эти особы задались целью привести меня в идеальную физическую форму. Что включало в себя пичканье меня едой, которую я не дала бы даже своей собаке, – нет, я пыталась, но Генерал Ли вечно воротил нос и уходил прочь, – и заставляли меня бегать по утрам.

Хотя я обычно бегала неторопливой трусцой, по словам Софи, это упражнение требовало большего количества энергии, нежели та, которую обеспечивали посыпанные сахарной пудрой пончики, отчего я потела даже больше, нежели считала необходимым. Особенно во время влажных летних месяцев: когда я наклонялась, чтобы завязать кроссовки, по моему лицу и шее ручьем стекал пот.

Едва проснувшись, я натянула штаны для бега, которые Нола подарила мне на последний день рождения, сказав, что они преследуют двоякую цель: во-первых, они модные, во-вторых, функциональные, поскольку втягивают в себя все, отчего ваши ягодицы выглядят так, будто они всю жизнь принадлежали бегуну. Я пыталась сказать Джейн и Софи, что благодаря таким чудо-штанам можно и не бегать, но они лишь, не мигая, уставились на меня, а затем вернулись к разговору о том, как им выделить время для следующего Забега По Мосту, который должен состояться весной.

Я на цыпочках вернулась в спальню, заметив, когда потянула за край футболки, что та надета наизнанку, и остановилась у кровати полюбоваться мужем, с которым прожила меньше двух лет. Мое сердце сделало то же самое сальто, что и в тот самый первый раз, когда я встретила автора бестселлеров, писателя, мастера документально-криминального жанра Джека Тренхольма. Тогда я подумала, что он слишком красив, слишком обаятелен, слишком самоуверен и слишком меня раздражает и что таким лучше восхищаться издалека или, по крайней мере, держать на расстоянии вытянутой руки. К счастью для меня, он был иного мнения.

Мой взгляд переместился на видеоняню на прикроватной тумбочке. Сара аккуратно спала на боку, ее плюшевый кролик – подарок Софи – был зажат под мышкой. Остальные мягкие игрушки были расставлены вокруг кроватки в определенном порядке, который понимали только Сара и я. Мне пришлось объяснить Джеку, что животные расположены по рисунку и цвету меха, от самого светлого до самого темного. Я уверена, что делала в детстве то же самое, потому что, как я объяснила, мне было важно упорядочить окружающий мир.

В соседней кроватке, раскинув руки и ноги под разными углами, спал на спине близнец Сары, Джей-Джей. Его мягкие игрушки и его любимый венчик для взбивания сливок – даже я не могла объяснить его привязанность к этому предмету кухонной утвари – были беспорядочно разбросаны вокруг его маленького тельца. Мои пальцы тотчас зашевелились. Я даже заставила себя задом наперед молча повторить слова аббовской «Танцующей королевы», лишь бы не войти в детскую. Меня так и тянуло аккуратно расставить в кроватке игрушки, а сына уложить в угол кроватки и накрыть одеялом.

Этот навык я приобрела по настоянию Джейн. Она была профессиональной няней, что означало, я полагаю, что она знает все лучше всех нас. По ее мнению, моя зацикленность на порядке граничит с ОКР и не обязательно идет детям на пользу. В моей зацикленности на порядке не было абсолютно ничего плохого, поскольку она помогла мне пережить детство с отцом-алкоголиком и оставившей меня матерью, но я слишком сильно любила своих детей и потому была вынуждена прислушаться к мнению Джейн.

Тем не менее я не стала отказываться от маркировочного пистолета и приняла меры, а именно: надежно припрятала его, чтобы он не «исчез», как два предыдущих.

Я смотрела на своих милых малышей на мониторе. Мое сердце снова сжалось, и у меня на миг перехватило дыхание. «Как же мне повезло, – подумала я, что я встретила Джека, – или, как он настаивал, это он встретил меня, – а затем стала матерью этих двух чудесных малышей!» Дополнительным и приятным бонусом к нашему уравнению была шестнадцатилетняя дочь Джека, Нола, которую я любила, как собственного ребенка, даже несмотря на ее настойчивые требования убрать из кухни три мои главные группы продуктов – сахар, углеводы и шоколад.

– Доброе утро, красавица, – пробормотал Джек, глядя на меня сонными темно-синими глазами. Генерал Ли неожиданно всхрапнул. – Идешь на работу?

До замужества я всегда вставала еще до рассвета, чтобы первой прийти в офис «Бюро недвижимости Гендерсона» на Брод-стрит. Но теперь у меня была причина подольше остаться в постели, а Джек лежал в ней и выглядел куда привлекательнее, чем бег по улицам Чарльстона. Конечно, переночевать в темнице в подвале здания Старой биржи тоже было бы приятней пробежки, но все же.

– Еще нет. Встречаюсь с Джейн на пробежке.

Встав возле кровати, я наклонилась и поцеловала Джека в губы. Я целовала его достаточно долго – хотела увидеть, подаст ли он хоть какие-то признаки того, что он хочет, чтобы я нырнула обратно ему под бочок. Увы, Джек лишь снова закрыл глаза и прижал Генерала Ли еще крепче к груди, чем вызвал у меня непривычный укол ревности.

Я тихонько закрыла дверь спальни и остановилась в коридоре, прислушиваясь. Даже тиканье старых напольных часов показалось мне приглушенным, как будто его заглушало нечто невидимое. Нечто такое, что ждет. Освещавшие коридор ночники – пережиток того времени, когда Джейн жила с нами, и наша уступка ее страху перед темнотой и тем, что таилось в ней, – отбрасывали тусклый свет на закрытую дверь спальни Нолы.

Она спала в гостевой комнате, так как сразу после мартовской вечеринки по случаю первого дня рождения близнецов я решила, что ее спальню нужно отремонтировать. Проходя мимо нее к лестнице,

я ощутила укол вины, вспомнив темную фигуру, которую видела в окне спальни Нолы на снимке, сделанном одной из студенток Софи, Меган Блэк, которая раскапывала цистерну, недавно обнаруженную в саду позади дома. Меган сделала фото и показала его Джеку и мне. Мы оба увидели темную фигуру человека в старомодной одежде, держащего что-то похожее на ювелирное украшение. Но я была единственным человеком, кто заметил в окне Нолы это лицо.

Недавно столкнувшись в доме Джейн на Саут-Бэттери с духом, на редкость злобным и мстительным, я пока не нашла в себе сил вступить в схватку с еще одним. Хотя мы и обещали друг другу быть открытыми и честными во всем, я пока ничего не сказала Джеку, убедив себя, что подниму этот вопрос, как только пойму, что психологически готова. Это было восемь месяцев назад, но я ограничилась тем, что перевела Нолу в гостевую комнату и поговорила с несколькими декораторами.

Я подавила зевок. «Еще одна неделя», – подумала я. Еще одна неделя ежечасных трудов ради того, чтобы выполнить свою квоту продаж в «Бюро недвижимости Гендерсона» и вновь попасть в список лидеров. Это было важно не только по причине чувства гордости, но и потому, что нам нужны были деньги. Тогда у меня будет достаточно энергии и клеток мозга, чтобы понять, кто эти новые духи, и заставить их уйти. Желательно без боя.

Вот тогда я и расскажу Джеку о том, что я видела, а еще о том, что я уже решила проблему, и ему не о чем беспокоиться. С него хватало своих забот: он работал с новым издателем над книгой о моей семье и о том, как Джейн стала владелицей дома на Саут-Бэттери.

Я вошла в кухню. В животе у меня заурчало. Я потянулась за коробкой мюсли и киноа на полках кладовой, намереваясь проверить мой тайник с пончиками. Увы, вместо знакомого коричневого бумажного пакета я обнаружила коробку с питательными батончиками – без сомнения, столь же вкусными, как и картон, в который они были упакованы. Спереди клейкой лентой была прикреплена написанная почерком Нолы записка: «Лучше попробуй их! В них есть шоколад и девять граммов протеина!»

Единственная причина, почему я не расплакалась, были счастливые видения: вот я бегу наверх и вытаскиваю Нолу из постели раньше, чем она просыпалась хотя бы раз, начиная с младенчества. Пробили напольные часы, сообщив мне, что я уже опаздываю. Обведя

напоследок глазами кухню в поисках моего пакета с пончиками, я вышла из дома через черный ход, так ничего и не съев. Если я на полпути потеряю сознание от голода, Нола, возможно, сжалится надо мной и принесет мне пончик.

Внезапно осознав, что тишина последовала за мной наружу, я остановилась на крыльце. Ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Никакие уличные звуки не проникали в некогда пышный сад, который мой отец тщательно восстановил в соответствии с первоначальным планом Лутрела Бриггса.

Вскоре после того, как обильные весенние ливни залили большую часть сада, обнаружилась древняя цистерна. Налетев на нее, как коршун, Софи объявила сад зоной археологических раскопок и огородила его желтой лентой. Спустя несколько месяцев мы все еще лицезрели за нашим домом разверстую дыру. И я по-прежнему ощущала рядом с собой чье-то присутствие. Оно продолжало ускользать от меня, оставаясь где-то на периферии моего зрения. Тень, которая исчезала всякий раз, когда я поворачивала за угол, и только запах гнили – единственный намек на то, что она вообще была здесь.

Пятясь назад, чтобы не поворачиваться к зияющей дыре за спиной, я направила стопы к передней части дома. При этом я только дважды споткнулась о неровные плиты, которые были такой же неотъемлемой частью района Чарльстона к югу от Брод-стрит, как и кованые ворота, и жуки пальметто.

– Вот ты где! – крикнул голос с другой стороны улицы. – Я думала, ты меня продинамишь.

Я прищурилась, пытаясь разглядеть фигуру на обочине. Наверно, зря я не надела контактные линзы. Носить их постоянно я не любила, а то, что я не надевала их, бегая по утрам, избавило меня от необходимости видеть свое отражение без макияжа в зеркале ванной этим ранним утром.

– Доброе утро, Джейн, – проворчала я. Надеюсь, она понимает, что я отнюдь не в восторге от утренней пробежки. Особенно когда в спальне меня ждет более приятная альтернатива спортивным упражнениям.

Я уже вспотела от одной только мысли о четырехмильной пробежке. Хотя на дворе стояло начало но-ября, а мать-природа дразнила нас прохладными днями, когда нам пришлось вытаскивать

шерстяные свитера, ртуть сделала еще один неожиданный скачок. Температура воздуха и точка росы скакнули вверх, как будто лето решило вернуться и еще немножко помучить нас.

Хотя Джейн уже пробежала несколько кварталов по влажной жаре от своего дома на Саут-Бэттери до меня, она почти не вспотела, а ее дыхание было медленным и ровным. Мы только недавно познакомились: в свое время нашу общую мать убедили, что ее вторая дочь, родившаяся через восемь лет после меня, умерла при родах. За эти месяцы мы с Джейн сблизились. Возможно, нашей дружбе способствовало то, что у нас обеих была способность общаться с мертвыми – черта, унаследованная от нашей матери.

– Куда ты хочешь побежать сегодня утром? – спросила она, труся на одном месте. Вид у нее был слишком бодрый.

– Вернуться домой не вариант?

Она засмеялась, как будто я пошутила, и побежала трусцой в сторону Ист-Бэй. Я попыталась догнать ее и наконец поравнялась с ней, пока она бежала посередине улицы. В это время дня куда безопаснее отскакивать от проезжающих мимо машин, нежели подвергать опасности лодыжки, которые можно запросто вывихнуть на старых неровных тротуарах.

– Детектив Райли сегодня бежит с нами? – спросила я, тяжело дыша.

Ее щеки вспыхнули румянцем, и я поняла: вовсе не из-за бега.

– Не знаю. Я неделю не разговаривала с ним.

– Вы поссорились?

– Можно сказать и так.

Ее эмоции как будто подпитывали ее шаги, и она помчалась вперед. Лишь поняв, что оставила меня позади, она притормозила, чтобы я могла ее догнать.

– Что… случилось? – Мне было трудно одновременно дышать и говорить, но я должна была знать. Я познакомила Джейн с детективом Томасом Райли, и с тех пор, как в начале года мы с Джейн вместе с нашей матерью отправили восвояси неуравновешенных духов, населявших ее дом, они были парой.

– Я сказала ему, что хочу открыто помогать людям общаться с их ушедшими близкими. На что он сказал, что это плохая идея, потому что вокруг много чокнутых, которые будут ломиться в мою дверь.

Я искоса посмотрела на нее.

– Странно. Он не испытывал… подобных сомнений… когда спрашивал меня о некоторых из… своих нераскрытых дел.

Недавно я подумывала о сотрудничестве с детективом Райли по делу студентки, пропавшей без вести и исчезнувшей из комнаты общежития Чарльстонского колледжа в 1997 году.

– Это потому, что ты работаешь инкогнито. Я же хочу дать рекламу. Мама сказала, что будет рада поработать вместе со мной. Она считает, что и тебе пора перестать делать тайну из своих способностей и работать с нами.

Сказав это, Джейн снова рванула вперед, но на этот раз я была уверена: это потому, что она не хотела услышать мой ответ. Можно подумать, я могла что-то ответить, когда мои легкие были готовы разорваться.

Упорно труся следом за ней, я свернула налево, на Ист-Бэй и, когда мы приблизились к Куин-стрит, почти догнала ее. Для этого мне пришлось обогнуть кучу гниющего ресторанного мусора на тротуаре, ожидавшего, когда его оттуда вывезут. Я едва волочила ноги: от сильной влажности они стали как будто свинцовыми, дыхание сделалось прерывистым. В животе у меня урчало, и я тут же мысленно просчитала свой маршрут. В попытке самосохранения я свернула налево, на Хейзелл-стрит, даже не мучаясь вопросом, сколько времени потребуется Джейн, чтобы заметить, что я пропала. Взяв курс домой, я побежала в сторону Кинг-стрит, где свернула направо. Заветная цель была все ближе и ближе, и даже мои шаги сделались намного легче.

Заметив на Кэлхуне зеленый свет, я едва не перебежала улицу к «Глазированным пончикам». Я уже была готова к тому, что как только я подбегу к двери, появится Джейн и уведет меня. Вместо этого я вдохнула в себя райский аромат свежевыпеченных пончиков и восхитительный запах кофе, который нежно обнимал меня и приглашал зайти внутрь. На миг притормозив у входа, я глубоко вздохнула и вдруг услышала позади себя чей-то кашель.

Я повернулась, чтобы извиниться за то, что загородила вход, но тотчас замерла, разинув рот. Не потому, что высокий темноволосый мужчина, стоявший позади меня, мог претендовать на звание самого сексуального мужчины по версии журнала *People*, и не потому, что он улыбался мне не просто со случайным интересом – его темно-карие

глаза светились каким-то внутренним весельем. И не потому, что на нем был обтягивающий спортивный костюм для бега, эффектно облегающий мускулистую грудь, а сам он дышал немного чаще, чем обычный пешеход, хотя, как и Джейн, казалось, что он почти не вспотел. Я уставилась на него, потому что видела его раньше. Не только в то утро, и не только в магазине пончиков, но и в городе несколько раз за последние пару недель, когда бегала трусцой по улицам Чарльстона, или же спешила куда-то по делам, или ездила на показы домов по всему городу.

До этого момента, пока мы не оказались всего в считаных дюймах друг от друга, это не казалось мне странным. Чарльстон – маленький город, и нет ничего удивительного в том, что время от времени сталкиваешься с одним и тем же человеком. Но не каждый день. Я моргнула, гадая, что еще в нем привлекло мое внимание. Я поняла, что именно, когда дверь за его спиной открылась и появилась Джейн, раскрасневшаяся и нисколько не раздраженная.

– Я знала, что найду тебя здесь, – сказала она, шагнув мимо мужчины, и встала передо мной. Без сомнения, это была попытка запугать меня. Что довольно трудно сделать, учитывая, что мы с ней одного роста.

Я снова посмотрела на мужчину.

– Вы случайно не родственник Марка Лонго? – спросила я, надеясь, что он скажет «нет». Марк был мужем моей кузины Ребекки, а после того, как он украл идею для книги Джека, стал заклятым врагом моего мужа. Мы все еще не оправились от финансовой и профессиональной подножки, которую Марк подставил Джеку. Кроме того, Марк был занозой в заднице нашего коллективного благополучия, поскольку в настоящее время пытался вырвать у нас согласие на съемки фильма в нашем доме на Трэдд-стрит, фильма по роману, идею которого он украл у Джека. Вот такой наглый, самоуверенный тип. Тот факт, что когда-то я встречалась с ним, также не вызывал у Джека симпатии к нему.

– Родственник, – сказал он, и на миг в его глазах промелькнула тень. – Я Энтони Лонго, младший брат Марка. А вы Мелани Миддлтон, – добавил он и протянул мне изящную руку.

– Теперь я Мелани Тренхольм, – поправила я его и немного поколебалась, прежде чем ответить на его рукопожатие.

Он улыбнулся.

– Не волнуйтесь. У нас со старшим братом общие только фамилия и наши родители. – А вы, две красивые женщины, – сказал он, повернувшись к Джейн, – должно быть, родственницы. Двойняшки?

Я была готова улыбнуться комплименту, но все же сдержалась. Поскольку не сомневалась: он уже точно знал, кем мы приходимся друг другу. У Энтони Лонго с братом общим было не только происхождение и фамилия.

Джейн протянула ему руку. И, прежде чем я успела зажать ей рот, она заявила:

– У вас очень темные волосы. Каштановые. – Она быстро моргнула и опустила руку. – Я хотела сказать… да, у вас есть волосы. Что ж, приятно познакомиться. – Ее лицо стало пунцовым. – Я принесу нам кофе с пончиками, – сказала она, повернувшись ко мне.

– Извините, – сказала я, глядя ей вслед. – Моя сестра Джейн не имеет большого опыта общения с противоположным полом. Она бывает косноязычна, когда имеет дело с привлекательными мужчинами.

Энтони засмеялся глубоким, грудным смехом.

– Тогда я принимаю комплимент.

Я отступила назад, чтобы увеличить расстояние между нами и позволить какой-то паре войти в магазин. Боже, как мне хотелось возненавидеть его с первого взгляда, но я не спешила, поскольку в нем было что-то симпатичное. Он был галантен, как и Марк, но без той слащавой самовлюбленности, которую Марк источал каждой своей клеточкой. Я встретила прямой взгляд Энтони.

– Вы бежали следом за мной?

Энтони сделал большие глаза. Интересно, я и вправду застала его своей откровенностью врасплох или он просто притворяется?

– Может, лучше сядем и поговорим? – предложил он вместо ответа.

Затем протянул руку к столику на тротуаре, и я пошла впереди.

Мы сели как раз в тот момент, когда подошла Джейн с пакетом и двумя стаканчиками кофе. Энтони тотчас встал и взял у нее кофе, а Джейн прижала к себе пакет с пончиками.

– Вы не едите пончики? – спросила она у Энтони и быстро покачала головой. – Я имею в виду, я не дам вам пончиков.

Он тепло улыбнулся. Меня же так и тянуло пнуть его и сказать, что никакая смазливая внешность и обаяние ему не помогут.

– Дома меня ждет вкуснейший протеиновый коктейль, так что все в порядке, спасибо.

– Она не поделится, – выдавила Джейн, еще крепче прижимая к себе пакет. Похоже, нам еще придется поработать над развитием навыков социального взаимодействия с мужчинами. Мне казалось, что ее отношения с Томасом Райли были хорошим знаком того, что она излечилась от своей патологической неловкости, но, похоже, я ошибалась. Очевидно, ее опыт ограничивался только Томасом, а сейчас перед ней был другой мужчина.

Улыбка Энтони слегка померкла. Он вопросительно взглянул на меня, словно нуждаясь в подтверждении того, что Джейн его не укусит.

– Похоже, она имеет в виду меня. Я ни с кем не делюсь своими пончиками, и если кто-то попытается их взять, он рискует потерять палец, – сказала я и даже не улыбнулась, пытаясь показать ему, что не шучу.

Выжидающе глядя на пакет, я сделала глоток кофе. Но Джейн крепко прижимала пакет к груди. Похоже, она решила использовать пончики в качестве своеобразного залога, пока я не закончу пробежку.

– Итак, – сказала я, – почему вы меня преследовали?

Энтони приподнял бровь.

– Преследовал? Едва ли. Скорее, искал возможность подойти к вам, чтобы никто из ваших друзей, родственников или коллег не заметил. Это очень сложно сделать. Вы – движущаяся цель.

Я огляделась по сторонам. Какое счастье, что мы в общественном месте и что со мной Джейн. В моей голове уже начали звенеть колокола тревоги, те же самые, что звонили, когда Софи или мой мастер на все руки Рич Кобилт хотели со мной поговорить. Обычно это предвещало нечто малоприятное – вроде жуков-древоточцев в досках пола столовой – и всегда что-то такое, чего я не желала слышать, например, стоимость ремонта.

– Так почему вы хотели меня видеть? – спросила я.

– Я хочу заключить с вами уговор.

– Уговор? – повторила Джейн.

Энтони подался вперед.

– Возможно, вы в курсе, а может, и нет, что я владею плантацией Магнолия-Ридж, или, как ее сейчас называют, Галлен-Холл. Раньше она принадлежала семье Вандерхорст, той самой, что когда-то владела вашим домом на Трэдд-стрит. Еще в двадцатых годах ее приобрел на аукционе мой дед, но вскоре после этого продал, а несколько лет назад ее купил Марк. Если вы помните, мой дед – тот самый человек, останки которого нашли под вашим фонтаном.

Как будто такое можно забыть! Я застыла, стараясь не вспоминать грозного призрака Джозефа Лонго и не думать о том, что его тело было похоронено в моем саду вместе с телом бывшей хозяйки, Луизы Вандерхорст.

– Понятно, – сказала я, не зная, к чему он клонит, но будучи совершенно уверена в том, что мне не хочется двигаться в этом направлении.

– Возможно, вы также помните, что несколько лет назад мы с Марком, основали винодельню на участке вокруг плантации.

– Смутно припоминаю.

Тревожные колокола зазвучали еще громче. Джек недавно прочел мне – не без злорадства – статью в «Пост энд курьер» о том, что некий член семьи Лонго обвиняет Марка в мошенничестве и грозит ему судебным иском.

– Так вот, мой дорогой брат прекрасно знал, что земля не годится для виноградника. Более того, он скрыл от меня этот факт, когда сказал, что готов великодушно продать мне свою долю, – мол, для меня это будет крайне выгодная сделка. – Энтони машинально сжал кулаки. – Выгодная сделка на бесполезной земле.

– Как некрасиво с его стороны, – сказала Джейн тоном, похожим на тот, которым она говорила, когда разнимала близнецов. Или гасила споры между Джеком и мной. В конце концов, она же профессиональная няня.

– Можно сказать и так, – согласился Энтони, одарив Джейн благодарной улыбкой. Она покраснела и восстановила неторопливое дыхание.

– Но какое отношение это имеет ко мне? Он женат на моей кузине, но мы не близки.

– Знаю. Вот почему я подумал, что нам нужно поговорить. – Он наклонился очень близко ко мне. – Похоже, у нас обоих своя претензия

к моему брату.

– Неужели? Если вы имеете в виду карьеру Джека, то он только что подписал новый контракт на написание двух книг и усиленно работает над новой. Марк поставил нам подножку, но это дело прошлое.

– Разве? Мне казалось, Марк задумал снять свой фильм у вас дома.

– Верно. И я полагаю, Джек сказал ему, куда ему идти с этой его идеей.

Энтони довольно улыбнулся.

– Не сомневаюсь, что так оно и было. Мне ни разу не доводилось встречать вашего мужа, но я наслышан, как Марк разглагольствует о нем, чтобы понять, что они отнюдь не друзья.

Джейн покашляла.

– Можно сказать и так, – сказала я. – Именно поэтому мы оставили прошлое в прошлом и движемся вперед.

– Как жаль, что Марк не в курсе.

Теперь тревожные колокола звонили так громко, что я была уверена: в ресторане все их слышат.

– Что вы имеете в виду?

Энтони наклонился еще ближе.

– У Марка много… связей. Он имеет большое влияние, в том числе в издательском мире. Новый договор Джека может оказаться не таким уж железным, как вы думаете.

– Это смешно, – процедила я сквозь зубы. – Он подписал его и получил аванс. Сейчас он работает над книгой, и у его издателя большие планы на этот счет.

Энтони медленно покачал головой.

– Марку все равно. У него есть… способы получить то, что он хочет.

– И чего же он хочет?

– Ваш дом.

– Мой дом? Мы его не продаем. И не собираемся. Мы вложили в него слишком много средств, чтобы расстаться с ним.

Я вспомнила призрак Луизы Вандерхорст, которая наблюдала за нами, вспомнила запах роз, предупреждавший нас о ее присутствии. Вспомнила старого Невина Вандерхорста, завещавшего мне этот дом,

зная, что, пока я жива, мы с домом должны быть вместе. Или, как сказал Джек на нашей свадьбе, возможно, даже дольше.

Энтони улыбнулся, но я не назвала бы эту улыбку дружеской.

– Скажите мне, Мелани. Вам хватало бы денег, если бы не доходы Джека? Я уверен, он получает гонорары за свои предыдущие книги, но без новой книги продажи его старых книг падают, не так ли?

Я подумала о том, как ради сохранения дома нам пришлось занять денег у Нолы, у которой было несколько прибыльных продаж авторской музыки. Это была ссуда, и мы еще не вернули ее.

Я хотела было сказать «нет», но Джейн пнула мою ногу под столом.

– Это не ваше дело, – медленно произнесла она, словно хотела убедиться, что правильно выбирает слова.

– Верно, – согласилась я. – Это не ваше дело.

Я встала. Джейн последовала моему примеру. Энтони отодвинул стул и тоже встал, преграждая нам путь к двери.

– Что, если скажу, что могу помочь вам переиграть Марка и в то же время заработать хорошие деньги?

– Что вы имеете в виду?

– Марк нашел нечто, что убедило его в том, что в мавзолее на кладбище Галлен-Холла спрятано нечто ценное. Но он не может получить туда доступ.

– Почему? – спросила я, хотя при упоминании мавзолея я поняла, почему.

– Я знаю, что вы можете говорить с мертвыми, – едва слышно произнес он.

Джейн тихо ахнула, а я смерила Энтони недовольным взглядом.

– Не знаю, где вы это слышали…

– Конечно, от Ребекки. Я знаю, что во сне к ней приходят предчувствия, – она даже рассказала мне о тех, которые касались меня. Но она сказала, что ваши способности гораздо сильнее, что вы действительно можете разговаривать с мертвыми.

– Боюсь, она ошибается. – Чтобы обойти Энтони и получить доступ к двери, я придвинула свой стул к столу и увидела, как Джейн делает то же самое. – Мне пора. Извините, ничем не могу вам помочь.

Мы успели пройти всего несколько шагов, когда он за нашей спиной сказал:

– Я слышал о цистерне в вашем саду за домом… о том, что несколько аспирантов, назначенных проводить там раскопки, отказываются туда возвращаться. Мне было любопытно, поэтому я кое-где покопался. Вы знаете, откуда взялись кирпичи?

У меня по затылку пробежал холодок. Я вспомнила призрак человека на фотографии: он стоял у края зияющей дыры, держа в руках что-то вроде ювелирного украшения. Вспомнила я и ту угрожающую ауру, которая наполнила мой дом и двор с тех пор, как была обнаружена эта цистерна.

– Нет, – сказала я, и мой голос чуть дрогнул. – И мне все равно.

Мы уже подошли к двери, когда Энтони крикнул нам:

– Они из старого мавзолея на кладбище Галлен-Холл. Я думал, вам будет интересно знать. Так, на всякий случай.

Я повернулась к нему лицом.

– На какой такой всякий случай?

– На тот, если вы что-нибудь найдете… неожиданно в вашей цистерне.

Джейн толкнула дверь и легким толчком в спину выставила меня на теплый утренний воздух. Я обернулась, чтобы посмотреть, пойдет ли Энтони за нами, и поймала себя на том, что таращусь в стеклянную дверь магазина. Только вместо собственного отражения я отчетливо увидела в ней призрак джентльмена в старомодном галстуке и пиджаке, который смотрел на меня пустыми черными глазницами.

Глава 2

Я только что закончила сушить волосы в ванной, когда вошел Джек. Пижамные штаны низко съехали на его стройных бедрах. При виде его рельефного пресса под гладкой кожей я чуть не уронила фен. Его темные волосы живописно торчали во все стороны, чего, я уверена, иным моделям приходится добиваться великим трудом, а щетина на подбородке делала его идеальной иллюстрацией фразы «сражающий наповал».

Он включил душ и снял пижаму. Глядя на меня в отражении зеркала, он подошел ко мне сзади и, приподняв мне волосы, прильнул к моей шее жарким поцелуем.

– Неужели это великолепное создание действительно моя жена?

Я не сразу обрела голос.

– Тебе нравится мое платье?

Вообще-то я собиралась сказать не это, но, похоже, сказывалось дурное влияние Джейн.

– Ммм, – промурлыкал он, зарываясь носом мне в волосы. Его руки заскользили по красной ткани, обтягивающей мои бедра. – Мне больше всего нравится то, что внутри него.

Его зубы нашли мочку моего уха. Я тихонько ахнула.

– Не советую практиковаться на мне в диалогах для книги.

Джек продолжал покусывать нежную кожу моего уха.

– Обожаю воссоздавать диалоги настолько достоверно, насколько это возможно.

Он притянул меня к себе и прижал к груди: его интерес к вещам, иным, нежели диалог, был очевиден.

Хотя большинство клеточек моего мозга быстро прыгало с корабля в воду, некоторые из них продолжали цепляться за память о моем предыдущем разговоре с Энтони Лонго.

– Как продвигается твоя книга? Надеюсь, хорошо?

Его язык проделывал интересные движения за моим ухом, от которых, как он знал, я была без ума.

– Ага.

– Больше никакого кризиса?

– Не-а, – ответил Джек, обдав мою влажную кожу теплым дыханием. Я едва не растаяла. Но, как собака в кость, вцепилась в слова Энтони.

– То есть у тебя нет проблем с новым агентом или издателем?

Он поднял голову и развернул меня к себе лицом.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что…

Я искала нечто максимально приближенное к истине, чтобы меня нельзя было обвинить в уклонении от разговора, к которому когда-нибудь придется вернуться.

– Потому что сегодня утром я думала о том, как же я счастлива, что живу в этом доме с тобой и нашей семьей и что наши родители живут так близко от нас. Что мне не терпится увидеть, как наши дети вырастут в этом доме. Мне просто интересно, в порядке ли наше финансовое положение? Нет, я имею неплохое представление о том, какие суммы лежат на наших банковских счетах и что у нас есть в инвестициях, но я просто хочу убедиться, что ничего не упускаю. Не знаю, смогу ли я пережить еще один ужас, как то уже было раньше, и я не хочу просить Нолу снова выручить нас. Это несправедливо по отношению к ней.

Взгляд Джека стал серьезным.

– Раз уж мы договорились быть полностью честными друг с другом, я говорю, что у нас все в порядке. Если мы будем придерживаться бюджета, который мы с тобой разработали, а эта книга в соответствии с ожиданиями издателя будет хорошо продаваться, возможно, мы даже сможем продвинуться вперед. То, что моя мать взяла на себя оплату обучения Нолы в «Эшли-Холл», было огромным подспорьем, а благодаря тем двум большим продажам, которые ты совершила в прошлом месяце, мы оказались в плюсе. Ты ведь знаешь, что в любой момент можешь заглянуть в ящик моего стола, где я храню все наши финансовые отчеты. Честность прежде всего, правда?

Я кивнула. Мой взгляд скользнул к его губам, потому что я не могла встретиться с ним взглядом, да и потому, что его губы были намного интереснее, чем этот разговор.

– То есть нам не понадобятся деньги, которые Марк бросает нам в лицо, чтобы мы согласились снимать здесь его фильм.

– Пока нет. Это, конечно, может измениться, но я скорее предпочту, чтобы все неприятные призраки, которых ты прогнала, вернулись и гремели цепями, чем соглашусь на его предложение.

Я отважилась посмотреть ему в глаза.

– Не говори этого вслух. Никогда не знаешь, кто может это услышать.

Наклонив голову набок, как это делал Джей-Джей, когда наблюдал за Сарой, Джек спросил:

– Ты чего-то мне не договариваешь?

– Может быть.

Он вопросительно приподнял бровь.

«Всего еще одна неделя», – подумала я. Еще одна неделя домашнего покоя и семейных радостей. Еще одна неделя, чтобы привести свою жизнь в порядок, прежде чем я попытаюсь выяснить, что таится у меня на заднем дворе. И кто поселился в спальне Нолы.

– Может быть? – эхом повторил Джек.

– Я не могу рассказать тебе о твоем рождественском подарке. Или мне не позволено хранить его в секрете?

Он нежно поцеловал меня в губы.

– Можешь попробовать. Но у меня есть способы узнать все твои секреты.

– Неужели? – спросила я.

Его телефон, оставленный на стойке, запищал. С надеждой взглянув на него, Джек снова повернулся ко мне, но не раньше, чем я заметила в его глазах тень разочарования.

– Кто это был? – спросила я, хотя на самом я хотела знать, кто это *не был*. Прямо перед тем, как мы узнали, что Марк украл у Джека идею книги и уже подписал крупный издательский контракт, агент и редактор Джека перестали отвечать на его телефонные звонки. Во второй раз за день в моей голове зазвонили колокола тревоги. Джек ответил не сразу.

– Мама. Я ей перезвоню.

– Ты ждал звонка от кого-то еще… – начала я, но мои слова поглотил его поцелуй.

– Давай узнаем, водонепроницаемое это платье или нет.

Его слова утонули в изгибе моей шеи. Джек затащил меня в душ. Мой разум был опасно близок к тому, чтобы окончательно оставить

меня, но каким-то чудом этого не случилось, что заставило меня задуматься, что, собственно, он пытается от меня утаить.

* * *

Когда я толкнула входную дверь, в доме моей матери на Легар-стрит звучали женские голоса. Этот дом принадлежал ее семье на протяжении нескольких поколений, но после развода моих родителей наше владение на несколько лет стало собственностью миллионера из Техаса. Моя мать, бывшая оперная дива Джинетт Приоло, в свое время бросившая семью, и Софи все еще усердно трудились над удалением «творческих штрихов», нанесенных дому предыдущим владельцем, но по крайней мере дом снова вернулся в семью. Мать вновь вышла замуж за моего отца, в тот же день, когда я вышла замуж за Джека, и теперь родители, похоже, купались в супружеском блаженстве в доме, в стенах которого я родилась и прожила первые шесть лет моей жизни.

Я последовала на звук голосов в гостиную, где в лучах утреннего солнца сверкали великолепные от пола до потолка витражи. Несколько лет назад мы с Джеком обнаружили спрятанный в витражном стекле секрет, который привел нас к разгадке старинной семейной тайны, но теперь я видела лишь красоту окна и то, как оно как будто магнитом влекло меня в гостиную. А может, причиной тому было резкое падение температуры или легкий запах «Ванильного мускуса».

Примерно полтора десятка женщин расположились в гостиной на диванах и стульях. Мебель, недавно избавленная от чехлов с принтом леопарда и зебры, в которые нарядили ее бывшие владельцы дома, теперь была восстановлена в исторически точной (и современно дорогой) шелковой обивке в кремовых и нежно-голубых тонах.

Я знала, что увижу Веронику Фаррелл в этой группе, еще до того, как заметила ее рыжие волосы. Аромат духов ее погибшей сестры уже предупредил меня, что она будет там, хотя, если честно, я не ожидала ее увидеть на собрании по сбору средств для рождественского ужина и школы «Эшли-Холл». Ее дочь Линдси была близкой подругой и одноклассницей Нолы, но с тех пор, как я категорически отказалась помочь ей общаться с ее покойной сестрой Адриенной, – а затем

и вообще получила в свой адрес угрозы ее мужа Майкла, – я ее больше не видела. Даже на школьных мероприятиях мы всегда оказывались на противоположных сторонах зала, хотя я затрудняюсь сказать, по чьей инициативе.

– Мелли! – сказала моя мать. Ее стройная фигура плыла ко мне в море синего шелкового шифона. Глядя на нее, вы бы никогда не дали ей ее шестьдесят шесть лет. Только ей и Джеку разрешалось называть меня Мелли. Когда-то это имя действовало мне на нервы, отчего Джек любил дразнить меня им, но теперь я находила его даже милым. Мать поцеловала меня в щеку, а моя свекровь, Амелия Тренхольм, неизменно элегантная владелица магазина «Антиквариат Тренхольмов», встала и с доброй улыбкой поприветствовала меня.

Две женщины с детства были подругами, обе учились в школе «Эшли-Холл», поэтому было логично, что они войдут в комитет. Но не имело никакого смысла другое – то, как они взяли меня за локти, как будто боялись, что я сбегу. Уловив запах корицы и кофе, я подумала, не потому ли они пытаются удержать меня, чтобы я не бросилась к угощениям, расставленным на чиппендейловском серванте из красного дерева.

Взгляды собравшихся были прикованы ко мне. Мама между тем начала речь:

– Дамы, могу я привлечь ваше внимание? Теперь, когда моя дочь здесь, я думаю, что мы начнем с важного объявления.

Я осторожно попыталась высвободиться, но две женщины крепко держали меня. Мне не давал покоя вопрос, стоит ли мое бегство той сцены и тех комментариев, которые я буду слышать еще долгие годы? Мама заговорила дальше:

– Дорогая подруга Мелани, доктор Софи Уоллен-Араси, профессор сохранения исторического наследия в местном колледже, не смогла быть сегодня с нами, но она любезно предложила свою кандидатуру и кандидатуру Мелани в качестве руководителей мастер-класса по плетению рождественских венков в этом году.

Она выдержала паузу и услышала удивленные вздохи собравшихся – разумеется, мой был самым громким, – а затем продолжила:

– Она также согласилась возглавить украшение домов, где будет проходить ужин, и даже пообещала проследить за тем, чтобы все

материалы и методы изготовления рождественских венков и украшений были аутентичными и соответствовали эпохе Войны за независимость, которая является нашей темой в этом году. Как вы все знаете, в прошлом году на семинаре был проведен крупный сбор средств, и с этими двумя талантливыми женщинами у руля мы рассчитываем удвоить наши доходы.

Я повернулась к матери, намереваясь высказать все, что я думаю по поводу плетения исторических венков, но мои слова утонули в аплодисментах. Никогда бы не подумала, что такие стройные и хорошо причесанные женщины способны издавать такой шум.

Прибытие еще одной опоздавшей заставило всех обернуться. Моя кузина Ребекка Лонго была в своем традиционном наряде: розовое платье, розовые туфли и розовая оправа для очков. Я была почти уверена: в оправе у нее стоят линзы без диоптрий, но она носит очки просто как модный аксессуар. На руках у нее была ее собачонка Пуччи, тоже во всем розовом. У Пуччи и Генерала Ли был недолгий, но бурный роман, в результате которого на свет появился помет щенков, двое из которых – Порги и Бесс – теперь принадлежали Ноле. Технически они принадлежали Джеку и мне, поскольку были свадебным подарком, но когда Нола бывала дома, они повсюду неотвязно следовали за ней, как если бы она регулярно купалась в крепком говяжьем бульоне, и никогда не выпускали ее из поля зрения. Каждый день, когда Нола уходила в школу, они устраивали по ней короткий траур.

– Извините, что опоздала, – объявила Ребекка. – Мне пришлось приготовить целых три филе-миньона, прежде чем я смогла добиться нужной температуры, подходящей для Пуччи. Я жутко измучена, а сейчас еще только десять! – Тяжело вздохнув, она грациозно опустилась на новый диван и одарила присутствующих ослепительной улыбкой.

– В комитет может записаться любая выпускница, – тихо сказала Амелия, предвидя мой вопрос. Я кисло улыбнулась Ребекке, и она улыбнулась мне в ответ. Бледность ее кожи вызвала у меня некоторое злорадное удовлетворение – причиной тому было солнце. Его лучи пробивались сквозь витражи, заливая помещение оранжевым светом, превращая светлые волосы Ребекки в ржавые.

Мама повернулась ко мне.

– Может, ты все-таки сядешь, чтобы мы могли начать работу с подкомитетами и решить, кто возглавит сбор средств?

– Я выдвигаю Софи, – процедила я сквозь стиснутые зубы.

– К сожалению, она никогда не училась в «Эшли-Холл», – сказала мама, подталкивая меня к дивану.

Я уже была перед ним, когда поняла, что там уже сидит Вероника Фаррелл. Было уже слишком поздно менять направление и искать другое место, не показавшись грубой. Вероника мне понравилась, и в принципе я была не против сесть рядом с ней. Но вот призрачный силуэт сестры у нее за спиной напрочь отбил у меня это желание. Я была готова сесть где угодно, кроме угла комнаты.

Амелия начала ходить по комнате, раздавая бланки.

– Пожалуйста, напишите вверху страницы свое имя, если вы хотите отвечать за сбор средств. Затем внизу, пожалуйста, укажите свое имя под тремя наиболее предпочтительными комитетами, в которых вы хотели бы состоять, и добавьте звездочку, если вы желаете возглавлять комитет. У нас уже есть две замечательных главы комитетов по плетению рождественских венков, но я уверена, что они будут признательны вам за помощь. И мы ожидаем, что все запишутся как минимум в два комитета, даже если вы уже председатель одного. – Амелия улыбнулась мне. Ее взгляд был прикован к моему лбу, как будто она боялась встретиться со мной взглядом и признать, что она причастна к моему выдвижению на этот пост. Я знала: это все козни матери, но я все равно считала Амелию виновной, как ее подругу.

Вероника наклонилась ко мне.

– Я хотела бы записаться на должность председателя комитета по украшению домов, поэтому, если вы запишетесь в этот комитет, я позабочусь о том, чтобы у вас были задачи попроще. Я знаю, насколько вы заняты. – Она улыбнулась, и я улыбнулась в ответ, в надежде на то, что она мила со мной не только потому, что еще не закончила просить меня о помощи.

– Спасибо, – сказала я.

Нас окутал сильный запах «Ванильного мускуса». Голова Вероники дернулась вверх, и я поняла: она тоже его уловила. Я быстро посмотрела на листок у себя на коленях, сделав вид, что изучаю его.

– Она здесь, да? – шепнула Вероника. – Каждый раз, когда я чувствую запах ее духов, я знаю, что она рядом.

– Кто она? – спросила я с притворным равнодушием.

Вероника просто смотрела на меня с упреком в глазах.

– Вы, наверное, уже в курсе, – сказала она, помолчав, – что ваша сестра Джейн разговаривала с детективом Райли и предложила помочь… возобновить расследование убийства Адриенны. Как мать и сестра, я уверена, вы понимаете, почему я это делаю. Я не могу смириться с тем, что не знаю, что произошло… особенно, если есть другие способы раскрыть это преступление. – Она мягко улыбнулась. – Я просто хотела сказать вам это, потому что не хотела, чтобы между нами возникла неловкость. Наши дочери – хорошие подруги, и мы будем часто встречаться. Я бы хотела, чтобы и мы дружили.

– Я только «за», – сказала я, почувствовав, как призрак удаляется, и сдержала вздох облегчения. – Ладно, – сказала я, чтобы сменить тему, – тогда я запишусь в комитет по украшению домов. Хотя вам не кажется, что руководить мастерской по плетению рождественских венков – это само по себе наказание?

Она фыркнула от смеха, разбудив тем самым воспоминания о нашей совместной работе над историческим проектом в колледже. Я вспомнила, что мне нравился ее грубоватый смех, смех, которому другие люди невольно улыбались, потому что он нес в себе настоящую радость и счастье. Я тоже вспомнила, как завидовала ее смеху, потому что на тот момент у меня не было причин смеяться.

Я попыталась сосредоточиться на оставшейся части собрания, гадая, как скоро я смогу спланировать хитрый заговор, чтобы отомстить Софи за то, что та выдвинула меня в председатели мастер-класса. Мои мысли блуждали. Я даже подумала, а не положить ли мне на деревянные полы в столовой ламинат. Или не подарить ли ей щенков.

В мои размышления вклинился голос матери:

– Кто-нибудь еще желает принять у себя гостей на ужин? – она многозначительно посмотрела на меня, но я сделала вид, будто не слышала вопроса. Она знала, что чересчур бурная деятельность в доме порой может потревожить духов. А там было два духа, которых мне никак не хотелось тревожить. Первой руку подняла Вероника.

– У меня дом в викторианском стиле на Куин-стрит. Я была бы счастлива принять у себя участников исторического ужина.

Сделав запись в блокноте, Амелия одобрительно улыбнулась Веронике.

– Спасибо. У нас есть пять домов. Нам просто нужен еще один, где подадут основное блюдо. Желательно один из самых грандиозных и недавно отреставрированных. Это помогло бы продать больше билетов, а чем больше билетов мы продадим, тем больше денег соберем для «Эшли-Холл».

Послышался одобрительный шепоток, и я ощутила на себе не одну пару глаз. Стараясь не выдавать своих чувств, я нарочито медленно заново скрестила ноги, поправила юбку и обвела взглядом боковые столики, рассчитывая увидеть, где может быть спрятан кофейный торт – я уже проверила буфет и увидела там только кофейные чашки и высокий кофейный сервиз. Недоеденный кусок Вероники лежал на столике перед нами. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не схватить его и запихнуть себе в рот.

Ребекка встала.

– Мы с Марком хотели бы пожертвовать двадцать тысяч долларов. – Широко улыбнувшись, она повернулась, чтобы принять аплодисменты, и ее взгляд наконец остановился на мне. Меня тут же замутило. – Но с одним условием.

Перед чем продолжить, она выждала несколько мгновений, и за эти томительные секунды у меня свело живот.

– Мы пожертвуем деньги при условии, – продолжила она, не отрывая от меня взгляд, – что Тренхольмы согласятся провести у себя часть ужина. А чтобы не взваливать всю тяжесть на Мелани, я обещаю помочь ей с украшением дома.

Последовал еще один неожиданно громкий взрыв аплодисментов. Одновременно по комнате прокатился гул комментариев о щедрости Ребекки и о том, что от такого предложения невозможно отказаться. Я не знала, что меня напугало больше: розовые гирлянды, украшающие мои прекрасные каминные полки работы Адамса, и посыпанная розовым «инеем» рождественская елка в окне гостиной, чтобы ее могли увидеть все соседи, или мысль о том, что все эти неугомонные духи внезапно проснутся.

– Я… – начала я, но, поняв бесполезность протестов, умолкла.

– Спасибо, Мелани, – сказала мать, первой начав новый всплеск аплодисментов, которые все больше и больше напоминали мне стук

гвоздей, забиваемых в крышку гроба. Она повернулась к собравшимся. – Я считаю, дамы, на этом наша встреча завершена. Убедитесь, что вы отправили мне все заполненные бланки наших комитетов, и проверьте электронную почту, чтобы узнать имя нашего нового председателя по сбору средств и то, в какие комитеты вас назначили. Спасибо всем, что пришли.

Другие женщины начали собирать вещи и прощаться, благодаря Ребекку, как будто она только что нашла лекарство от рака. Я же осталась на месте, разрываясь между желанием придушить кузину или же инсценировать смерть и переехать в другую страну. Ибо я знала: когда Ребекка бывала щедрой и доброй, на то имелись скрытые мотивы.

– С вами все в порядке? – тихо спросила Вероника.

Я одарила ее благодарным взглядом.

– Да. Я буду в порядке. Как только найду способ заставить мою кузину исчезнуть.

Вероника криво усмехнулась.

– Да, наверное, я могла бы вам с этим помочь. Что нам делать со всем этим розовым? – Она взяла свою тарелку и, на моих глазах скомкав остаток торта в салфетку, продолжила: – У меня дурные предчувствия по поводу ее талантов в области декорирования. Может, мне вызваться ей помочь?

Я энергично кивнула.

– Буду вам признательна. Надеюсь, я смогу удержать ее, пока вы развесите в доме обычные рождественские украшения, непохожие на сахарную вату.

Вероника фыркнула, но, увидев, что к нам идет Ребекка, моментально притихла.

– Вы извините нас на минутку, Вероника? Мне нужно поговорить с кузиной.

Вероника улыбнулась и, ободряюще похлопав меня по плечу, вышла. Ребекка скользнула на диван, на то место, где только что сидела Вероника.

– Извини, Мелани. Честное слово. Но у вас есть этот большой красивый дом, который так и просится, чтобы его все увидели. Он – историческое наследие, можешь спросить у Софи. Люди будут покупать билеты, чтобы заглянуть внутрь.

Я отодвинулась.

– Все еще пытаешься протащить ко мне в дом киношников, да? Как я понимаю, ответ «нет» тебя не устраивает?

Ребекка выглядела подавленной и явно не была готова к тому, что я заподозрю худшее. Но она никогда не давала мне поводов этого не делать.

– Извини, Мелани. Честное слово. Но Марк поддерживает мою идею снимать фильм у вас дома. Он просто одержим ею! Я подумала, может, нам стоит попросить кого-нибудь из киношников пофотографировать в доме, чтобы они могли потом воссоздать его в студии? И тогда мы все будем счастливы.

– Неужели, Ребекка? Думаешь, это осчастливит Марка?

Ее плечи поникли.

– Я должна была попытаться. Ты ведь знаешь, какой он.

Я нахмурилась.

– Я тут встретила твоего деверя. Энтони. Он рассказал мне кое-что интересное.

Ребекка настороженно посмотрела на меня.

– Да?

– Он сказал, что Марк хочет наш дом. – Сопротивляясь отчаянному желанию ткнуть указательным пальцем ей в грудь, я подалась вперед. – Пожалуйста, доведи недвусмысленно до его сведения, что я лучше сожгу свой дом дотла, чем увижу, как он завладеет им.

Пуччи заскулила, и Ребекка прижала к груди собачью голову.

– Я уверена, ты это несерьезно. Надеюсь, ты помнишь, что Марк – мой муж.

– О, разве такое забудешь!

Я подумала, что она вскочит и, недовольно фыркнув, уйдет, но она осталась на месте. Выражение ее лица было мне хорошо знакомо. Сигнал о том, что она хочет сообщить мне что-то неприятное.

– Мне приснился сон, – сообщила она.

Меня так и тянуло встать и тут же уйти. Всю мою жизнь моим способом решения проблем было их игнорирование. Но с тех пор, как я вышла замуж за Джека, я попыталась измениться. Стать более зрелой, смело смотреть в лицо неприятностям, а не делать вид, будто их не существует. И хотя в половине случаев я все равно терпела

неудачу, по словам Джека, пока я стараюсь, еще не все потеряно. Я сделала глубокий вдох.

– И?

– Он был о Джеке. Ему грозила опасность.

Я тотчас насторожилась.

– Опасность чего?

– Я не уверена. Там был еще один мужчина, которого я не узнала. И он… – Она умолкла.

– И что он?

– Он хоронил Джека заживо.

Глава 3

Я наполовину выдвинула нижний ящик стола. При мысли о том, что остатки пончика из пекарни, мягкого и сладкого, все еще лежат в пакете, у меня заранее потекли слюнки. Я в течение полутора дней сопротивлялась этому искушению, и я точно знала, что должна съесть их сейчас, – ведь не могут же они оставаться свежими вечно! Но при звонке телефона моя рука дернулась и больно ударилась о твердую древесину стола. Я нажала кнопку переговорного устройства.

– Да, Джолли, что такое?

Голос администратора прозвучал приглушенно.

– Вас тут хочет видеть один человек, но он не записывался заранее. Я сказала ему, что у вас через полчаса показ дома и что он должен заранее записаться на прием, когда у вас будет больше времени, но он был очень настойчив.

Ее неодобрительный тон отвлек мое внимание от сладко пахнущего пакета и вернул мое внимание к переговорному устройству.

– Он сказал, что ему нужно?

– Лишь то, что вы старые друзья и он все объяснит, когда увидит вас.

Я села прямее.

– Как его зовут?

– Марк Лонго. Отослать его обратно?

Я со стуком задвинула ящик стола. Марк? Только его мне здесь не хватало! Может, пока есть время, открыть в офисе окно и сбежать на парковку? Именно так и поступила бы прежняя Мелани. Мелани, которая раньше пряталась от своих проблем и любой ценой избегала конфронтации. Теперь же я была новой, взрослой Мелани, которая больше не позволяла себе подобных вещей. Как правило, не позволяла.

Я взяла мобильный телефон, собираясь позвонить Джеку и попросить, чтобы он приехал, но передумала. Он работал над книгой, которая много значила для его карьеры, и мне не хотелось его отвлекать. По той же причине, повторяла я себе, я не сказала ему о лице в окне Нолы. Или о сне Ребекки. Это не имело ничего общего с моими сомнениями и страхом быть брошенной, несмотря на все

заверения Джека в том, что он любит меня и останется со мной навсегда, даже если я и склонна к странным вещам паранормального характера. Я обнаружила, что старые привычки похожи на любимую пару поношенных старых туфель: рука не поднимается их выбросить. Они стоят в вашем шкафу до тех пор, пока у вас не возникнет соблазн вновь прогуляться в них, потому что вы жаждете чего-то удобного и знакомого.

– Спасибо, Джолли. Пусть войдет.

Я встала, поправила юбку и попробовала несколько нарочито расслабленных поз. Когда Марк вошел в мой офис, я неловко устроилась на краю стола. На мое счастье, мне не пришлось здороваться с ним. От этой необходимости меня избавили надрывающийся телефон, расписание дел на сегодня и настольная лампа, рухнувшая на пол, когда я случайно задела шнур ногой, пытаясь небрежно ее закинуть на другую ногу.

– Давай я тебе помогу, – сказал Марк, наклоняясь, чтобы поднять лампу, чудом уцелевшую при падении.

– Я сама, – сказала я. – Честное слово. Я бы предпочла, чтобы ты просто сказал мне, зачем ты здесь, а потом ушел.

Он поставил лампу посередине моего стола. Абажур на ней сидел криво. Перехватив мой взгляд, когда я это заметила, он улыбнулся мне. Чтобы не потянуться и не поправить ее, я стиснула кулаки и лишь чудом не начала распевать песни группы *ABBA* задом наперед.

– Ты всегда так разговариваешь со всеми своими клиентами, Мелани?

– Ты же не клиент, так что это не в счет.

Он сел на стул, на котором обычно сидели мои посетители, и улыбнулся. Сходство с братом было очевидным: такой же цвет волос и глаз, такое же телосложение, такая же обольстительная улыбка. Правда, с одной разницей: глаза Энтони изучали тепло, а глаза Марка напоминали холодные, безжизненные камни. Все его внимание и любовь были направлены внутрь, на самого себя. Я не могла вспомнить, были ли они такими, когда я когда-то встречалась с ним, или это было что-то новое. Впрочем, женитьба на Ребекке способна сделать такое с кем угодно.

Марк вытянул перед собой и скрестил длинные ноги в итальянских мокасинах.

– А почему нет? Что мне мешает им стать?

Я вернулась к своему креслу.

– Я сомневаюсь, – сказала я, демонстративно избегая смотреть на кривой абажур, и вместо этого взглянула на часы. – Боюсь, у меня назначена встреча с клиентом…

– Я хотел бы купить дом, – сказал он, как будто не слышал моих слов. – Хороший, большой, старый, к югу от Брод-стрит. И я готов заплатить гораздо больше, чем он действительно стоит.

Внезапно я вспомнила, что сказал Энтони о том, что Марк положил глаз на мой дом, и леденящий холод распространился от моего затылка до пальцев ног. Я расправила плечи и приготовилась к бою.

– Если ты имеешь в виду наш дом на Трэдд-стрит, боюсь, он не продается. Более того, он вряд ли будет доступен для покупки как минимум лет сто.

Марк оперся локтями на подлокотники кресла и сцепил пальцы.

– Когда мы встречались, – сказал он, слегка наклонив голову, – я не помню, чтобы ты была такой… упертой.

Он подчеркнул последнее слово, сделав его особенно мерзким. Я почувствовала, как мои щеки тотчас покраснели. Его улыбка стала шире, он явно достиг своей цели. Я встала.

– Поскольку нам больше нечего обсуждать, я прошу тебя уйти. У меня много работы…

– Джек сказал тебе, что его редактора уволили? – перебил меня Марк.

– Что? – Я с трудом сдержала стон. И как только я позволила ему застать меня врасплох?

– Ах, я вижу, что он не упомянул об этом. Произошло это на прошлой неделе. Не хочу повторять слухи, но, если им верить, он был в слишком дружеских отношениях со стажером. Кстати, это моя родственница… мир тесен, да? А теперь и другие жертвы выползают из всех щелей, стремясь добавить к растущей груде обвинений свои собственные. Учитывая нынешний социальный климат, касающийся домогательств на рабочем месте, издателю ничего не оставалось, кроме как уволить его. – Марк вновь усмехнулся. – Независимо от того, имелись ли для этого реальные основания. Известные компании слишком дорожат своим реноме, не так ли?

Я вздрогнула – либо от холода, который никуда не делся, либо от того, с каким видом он сказал, что обвинительница приходится ему родственницей. Мой мозг пронзило что-то сказанное Энтони. У Марка множество связей. Он имеет большое влияние даже в издательском мире. Я изо всех сил постаралась придать голосу спокойствие.

– Я уверена, Джек об этом не упомянул потому, что это никак не повлияло на него или его работу. В его издательстве много действительно хороших редакторов. Я уверена, что, имея такой ценный актив, как Джек, они непременно постараются найти равноценную замену редактору.

Марк сел с выражением притворной озабоченности на лице.

– Я не уверен, знаешь ли ты, но когда редактор, который был единственным и самым громким борцом за конкретного автора или книгу, внезапно увольняется, автор фактически становится сиротой. Конечно, Джеку назначат нового редактора. Но ведь все будет уже не то, верно? Если только новый редактор не разделяет ту же страсть и энтузиазм по отношению к книге, что и предыдущий. А это, моя дорогая Мелани, бывает редко, если вообще бывает.

Я подошла к двери и приоткрыла ее, чтобы мое намерение было очевидным.

– Я уверена, что с Джеком и его проектом все будет в порядке. Извини, я ничем не могу тебе помочь.

– Ах, Мелани. Ты все такая же наивная!

Марк встал, но не сдвинулся с места и не торопясь принялся рассматривать вещи на моем столе.

Когда я заговорила, мой голос слегка дрожал:

– Я не наивна. Я знаю, что Джек очень талантливый автор с солидным послужным списком, и его новый издатель это знает. Идея его новой книги великолепна, и она воплотится в жизнь у любого редактора, которого ему назначат. У него потрясающий агент, который верит в него и поддерживает его. Так что перестань бросаться своими глупыми угрозами и уходи. Мы не продаем наш дом, и твой фильм там сниматься не будет. И ты ни за что не можешь сказать или сделать что-то такое, что заставит нас изменить наше мнение. Ты уверен, что твое крупное пожертвование школе «Эшли-Холл» позволит тебе заполучить снимки или кадры, или что там делают киношники, но я буду стоять до

конца и не сдамся без боя. И ты не снимешь в моем доме ни единого кадра. Даже не надейся!

Когда он не сдвинулся с места, я покрутила дверную ручку, напоминая ему, что он собирался уходить.

Он больше не улыбался.

– Я вежлив с тобой лишь потому, что у нас с тобой когда-то был роман. Но эта любезность ограничена по времени. – Он медленно подошел ко мне и встал рядом, давая понять, как ему наплевать, что он вторгается в мое личное пространство. Я не сдвинулась с места. – Я не люблю ждать, Мелани. И я всегда получаю то, что хочу. Тем или иным способом.

– Ты не смог получить алмазы Конфедерации, – напомнила я, имея в виду сокровище, спрятанное в доме в конце Гражданской войны его бывшим владельцем Вандерхорстом. Мы с Джеком нашли их раньше Марка, к великой злости последнего. Я не собиралась злить его сейчас, но не сдержалась. Его самодовольство в придачу к тому, что он сделал с Джеком – с нами! В общем, искушение щелкнуть его по носу было слишком велико.

Его ноздри раздувались.

– Ты можешь сделать это легко, а можешь – сложно. В любом случае, в самом ближайшем будущем мы с женой переедем в дом номер пятьдесят пять на Трэдд-стрит и с радостью распахнем наши двери съемочной группе, которой не терпится приступить к съемкам фильма, и он, я уверен, станет грандиозным блокбастером. – Он наклонился ближе, и я увидела ореховые точки в его глазах. – Так что можешь сказать своей подруге-профессору, помешанной на исторических домах, что у меня самые разные мысли о том, чем я хотел бы заниматься в доме, когда он станет моим, и что она не сможет меня остановить. Просто знай, что это потребует удаления большей части внутренних стен и всей этой безвкусной лепнины, как будто снятой со свадебного торта.

Из всего, что сказал Марк, это задело меня больше всего. У меня все еще ныла спина, стоило мне вспомнить, как я вручную шлифовала деревянные полы, перила и шпиндели. У меня начиналась головная боль, когда я вспоминала, сколько денег я угрохала на замену крыши и сколько времени и стараний Софи потратила на то, чтобы восстановить в фойе старинные китайские шелковые обои.

А прекрасный сад, который отец с такой любовью восстановил! А воспоминание о том, как мы с Нолой спустились по парадной лестнице в день свадьбы, а как отнесли близнецов в детскую в первый день возвращения из роддома! То, что предлагал Марк, было нескрываемым осквернением, чистым святотатством. Учитывая, что когда-то я вообще не хотела покупать этот дом, для меня стала неожиданной боль в моем сердце при одной только мысли о том, что Марк и Ребекка въезжают и разрушают его.

Я наклонилась вперед, так что мы оказались почти нос к носу.

– Только через мой труп, – прошипела я. Что-то промелькнуло в его глазах, однако он отступил и расплылся в кривой улыбке.

– Это можно устроить.

Внутри меня взорвался крошечный залп страха, но я не отвела взгляд и даже не моргнула. Да, Марк Лонго еще тот наглец, но я не позволю ему себя запугать.

– Убирайся! – процедила я сквозь зубы. – И даже не думай, что ты или твоя съемочная группа войдете в главные ворота.

Он вышел в коридор, повернулся ко мне лицом.

– Я сделал еще одно довольно щедрое пожертвование школе «Эшли-Холл» и пообещал им пригласить профессионалов кино задокументировать исторический ужин, чтобы они могли использовать съемки для рекламы. Думаю, тебе будет сложно сказать им «нет». Но это лишь для того, чтобы позлить тебя и Джека. Конечно, я смогу сделать несколько отличных кадров дома, но думаю, прежде чем планировать настоящие съемки, я подожду, пока на документе, удостоверяющем право собственности, не появится мое имя. – Он почесал подбородок, как будто в глубокой задумчивости. – Думаю, Эмма Стоун – ей, конечно, придется снова покрасить волосы – идеально подошла бы на роль Ребекки, как ты думаешь?

В глубине моего мозга снова звякнул звоночек, и мой гнев куда-то ускользнул, вновь сменившись чем-то очень похожим на страх. Главное, чтобы Марк этого не заметил.

– Почему ты так сильно его хочешь, Марк? На продажу выставлено множество других красивых исторических домов, куда более грандиозных, чем мой. Что особенного в моем доме?

Он ответил не сразу.

– Да все просто. Он принадлежит Джеку. И тебе. Но это ненадолго.

Он многозначительно приподнял брови, повернулся на каблуках и вышел.

Я проводила его взглядом, пока он не исчез за поворотом коридора. От нехороших предчувствий сводило живот. Марк был бизнесменом. Все, что он делал, было средством делать деньги или неким образом продвигаться вперед и вверх. Изначально Марк купил плантацию Вандерхорстов, полагая, что там были спрятаны алмазы Конфедерации. А потом, чтобы избавиться от неудачной инвестиции, солгал своему брату, что намеренно перестроил ее в винодельню. Для того чтобы получить доступ к дому, который я унаследовала, а значит, и возможность искать бриллианты, он даже признался мне в любви.

Помимо зависти, было в моем доме на Трэдд-стрит что-то еще, отчего Марку Лонго так хотелось его заполучить. И пока не стало слишком поздно, мне просто нужно выяснить, что именно. Я вернулась к столу и села, точно зная, с кем мне нужно поговорить. Мой палец застыл над кнопкой интеркома, когда по дверному косяку постучала Джолли. Ее серьги-стрекозы укоризненно раскачивались. По выражению ее лица я догадалась: она слышала каждое слово.

– Неприятный человек, – сказала она, насупив брови. – Вокруг него витает облако черной кармы, и, по-моему, чтобы его увидеть, не нужно быть ясновидящей вроде меня. – Она сочувственно посмотрела на меня.

– Это верно.

Джолли была убеждена, что обладает экстрасенсорными способностями, и даже начала посещать специальные занятия, чтобы научиться их применять. Пока что у нее было больше промахов, чем попаданий, но она вбила себе в голову, что собственных способностей у меня нет. Я была более чем счастлива – пусть продолжает наивно верить в это.

– Мне позвонить Джеку от вашего имени?

В ее зеленых глазах читалась тревога.

Вероятно, Джек был первым, кому мне следовало позвонить, но я не могла этого сделать. Пока не могла. Если он действительно потерял редактора и не сказал мне, у него было достаточно поводов для беспокойства.

– Нет. Но мне нужно, чтобы вы нашли мне номер Энтони Лонго.

Джолли вопросительно подняла брови.

– Да, это брат Марка. По-моему, он местный. Я припоминаю, как однажды Марк сказал мне, что у его младшего брата есть дом в центре города. Надеюсь, у него есть стационарный телефон.

– Вас соединить с ним, если мне удастся дозвониться до него?

Я покачала головой.

– Нет. Просто дайте мне номер. Пожалуйста.

Она кивнула и вышла из моего офиса, я же потянулась, чтобы поправить кривой абажур, потому что больше не могла его видеть. Но тут зажужжал айфон. Посмотрев на экран, я увидела сообщение от Ребекки.

Приснился мужчина в старомодной одежде с пустыми глазницами вместо глаз. Сказал, что идет за тобой. И за Джеком.

Быстро нажав на ОЧИСТИТЬ, я откинулась на спинку стула и закрыла глаза, гадая, как в очередной раз мой прежний упорядоченный мир внезапно стал каким угодно, только не упорядоченным, и почему беспокойные мертвецы, похоже, никак не желали оставить меня в покое.

Глава 4

Когда я после работы вошла в парадную дверь, из кухни, приятно щекоча ноздри, донесся запах рождественского печенья миссис Хулихан. Я бессознательно пошла на него, как кошка на кошачью мяту. Или собака на запах печенья, поскольку Генерал Ли, Порги и Бесс сидели перед дверью кухни, глядя на прочную деревянную поверхность, как будто сила их взглядов могла ее открыть.

Был еще ноябрь, но миссис Хулихан настояла на том, что нужно заранее набить морозильники сладкими праздничными угощениями – кто знает, каких размеров рождественскую компанию нам придется принимать у себя. Я думала, что она сделала это, чтобы помучить меня, особенно потому, что ключи от большой морозильной камеры в каретном сарае были только у нее и Джека и она всегда была заперта. Я знала это, потому что проверяла. Причем не один раз.

Я присоединилась к собакам в их бдении и, затаив дыхание, прислушивалась к любым признакам движения по ту сторону двери. Недавно, после пресловутого инцидента с печеньем, когда я показывала детям, как из раскатанного теста вырезать милые зимние фигурки, мне запретили входить в кухню, пока моя экономка, миссис Хулихан – унаследованная вместе с Генералом Ли и домом, – занималась рождественской выпечкой. Чтобы облегчить уборку стола, я тогда съела все остатки теста. При этом я постаралась, чтобы дети не заметили меня, потому что Джейн сказала, что сырое тесто им вредно. Я без проблем ела сырое тесто всю свою жизнь и поэтому была уверена, что запрет Джейн меня не касался.

Миссис Хулихан очень расстроилась, обнаружив, что для второй партии у нее недостаточно теста, и предостерегла меня от подобных поступков в будущем, не заботясь о том, что я была голодна, или мне не хватает сахара, или даже, что это я платила ей зарплату. Когда ее потайной запас красных и зеленых *M&M*, которые предполагалось пустить на пуговицы снеговиков, таинственным образом исчез, она пригрозила уволиться, если я не уйду из кухни, и мне ничего не оставалось, кроме как признать свое поражение и уйти. Даже близнецы наблюдали за моей капитуляцией с разочарованием в глазах.

Прижав ухо к двери, я услышала, как внутри суетится миссис Хулихан. Вздохнув, я повернулась к собакам.

– Извините. Нам придется подождать, пока она уйдет, а потом я обещаю украсть нам что-нибудь на пробу.

– Я это слышала! – крикнула миссис Хулихан с той стороны двери. – Просто имейте в виду, что один из моих пирогов и три дюжины печенья были приготовлены по рецептам, которые мне дала доктор Уоллен-Араси, с использованием всех веганских ингредиентов, без глютена и сахара. И я не намерена говорить вам, какие именно.

При воспоминании о некоторых кулинарных рекомендациях Софи я поморщилась и невольно вздрогнула. Затем присела на корточки, чтобы почесать три пары мохнатых ушей.

– Не переживайте. Обещаю, завтра я непременно зайду в пекарню «Мохнатая банда» и принесу вам что-нибудь вкусненькое.

Псы возобновили свое бдение, а я осторожно повесила пальто в платяной шкаф. Это заняло у меня чуть больше времени, чем следовало бы: никто в этом доме не застегивал пальто и куртки и не развешивал их лицом в одну сторону, и я взяла на себя труд исправить эту недоработку. Более того, я решила обсудить это с Нолой и Джеком во время ужина. Я уже наполовину поднялась по лестнице, направляясь в детскую, когда услышала позади меня визг и смех Джей-Джея, за которыми последовал басовитый смешок Джека. Как я поняла, звуки исходили из-за закрытой двери кабинета моего мужа. Я осторожно открыла ее и просунула голову в дверной проем.

Экран компьютера Джека был темным, а сам он лежал лицом вверх на коврике перед столом, и у него на груди сидел Джей-Джей. Оба были в ковбойских шляпах. Шляпа Джека лежала у него под головой на полу, а сам он подбрасывал сына вверх и вниз, имитируя движения лошади. При виде этой сцены у меня внутри все растаяло. Господи, и за что только мне такое счастье? За все время моего трудного детства я ни разу не представила себе свою будущую жизнь такой. Но теперь, когда она была моей, я цеплялась за нее обеими руками, как белка во время урагана цепляется за ствол пальмы.

Мой взгляд скользнул в угол комнаты: размахивая ручками, Сара сидела в лучах солнечного света и бормотала, как будто с кем-то разговаривая. Наверное, так оно и есть, догадалась я, хотя никого не увидела. Но тут же ощутила слабый запах роз – верный признак того,

что Луиза Вандерхорст, бывшая обитательница дома, посадившая в нашем саду розы Луизы, находится где-то поблизости. Хотя это был нежный, материнский дух, навещавший нас лишь время от времени, я ощутила легкую тревогу. Потому что Луиза заглядывала к нам только тогда, когда чувствовала, что мы нуждаемся в ее защите.

Я повернулась к Джеку. Тот уже снял шляпу, сел и посадил Джей-Джея себе на колени.

– Где Джейн? – спросила я, наклоняясь, чтобы поцеловать Джека в губы, затем громко чмокнула в щеку Джей-Джея и наконец подхватила на руки Сару. Сияя голубыми глазенками, она улыбнулась, поцеловала меня в нос, повернулась и показала пухлыми пальчиками в пустой угол.

– Я отправил ее домой.

Избегая смотреть мне в глаза, Джек встал и наклонился, чтобы поднять Джей-Джея себе на плечи.

– Ты отправил ее домой? Но мне казалось, ты говорил, что должен постоянно работать, чтобы сдать книгу к установленному сроку.

– Неужели? – спросил он и кругами забегал по комнате. Смех вырывался из крошечной груди Джей-Джея, как пузырьки газировки.

Я на миг решила, что мне лучше промолчать, – зачем суровым реалиям нарушать эти мгновения семейной идиллии? Лучше притвориться, будто я не знаю, что мой муж уже услышал плохие новости и решил не делиться ими со мной. Но если и был момент, когда от меня требовалось стать новой Мелани, которой я намеревалась стать, то это наверняка он.

– Джек, – начала я, готовая рассказать ему о моем разговоре с Энтони, о стычке с Марком и снах Ребекки, и, возможно, даже о нежелательных гостях, которых я видела в доме…

– Мелли, – сказал Джек, не дав мне договорить. Несмотря на мои добрые намерения, я была счастлива уступить ему очередь. Стараясь не показывать, что я задержала дыхание, я ободряюще улыбнулась ему. – Моего редактора уволили. Патрик возлагал на меня большие надежды и был моим главным защитником в издательстве, так что это довольно печально. Меня перепоручили одной из новых редакторов – молодой женщине, если не ошибаюсь, ненамного старше Нолы. Ее зовут Десмара. – Джек улыбнулся, но это была слабая копия его обычной улыбки. – Не то чтобы молодость – это обязательно плохо,

но, когда мы говорили по телефону, она призналась, что не только никогда не читала ни одной из моих книг, но даже понятия не имела, кто я такой, когда меня передали ей.

Мое сердце переполнилось возмущением.

– Значит, она обитала в какой-то глубокой норе, – сказала я и, вымучив улыбку, добавила: – У тебя все еще есть замечательный агент, который верит в тебя почти так же сильно, как и я.

На этот раз он даже не попытался изобразить улыбку.

– Десмара сказала, что ей понравилось мое фото на обратной обложке моей последней книги.

Я вспомнила это фото. Именно оно в свое время убедило меня отправиться на свидание с ним. Я попыталась не думать о другой женщине, которая, глядя на эту же фотографию, думала о том же, что и я. Я прочистила горло.

– Значит, у тебя все еще есть контракт и крайний срок сдачи рукописи.

– Однозначно, – сказал Джек, подбрасывая на плечах Джей-Джея, отчего наш сын взвизгнул от восторга.

– Тогда почему ты отпустил Джейн домой пораньше? Чтобы предаться самоедству?

Джек пристально посмотрел на меня.

– Да, наверное, так. – Он снял Джей-Джея с плеч и передал его мне.

– Пока ты будешь писать, я накормлю и искупаю детей и подготовлю их ко сну. Не выходи из этой комнаты, пока не закончишь еще хотя бы три страницы. А потом тебя ждет небольшой сюрприз.

Я многозначительно посмотрела на него, давая понять, какой именно сюрприз я имела в виду. Мне очень хотелось надеяться, что Нола не приведет вечером к нам домой свою учебную группу, потому что сегодня ее очередь.

Не то чтобы это имело значение, подумала я, когда лицо Джека стало серьезным и он сел в кресло.

– Я всегда могу попробовать. Вероятно, все это будет полное дерьмо, потому что сейчас мой мозг занят совсем не этим. Но писать – значит вечно переписывать, как говаривал мой бывший редактор. – Джек повозил по столу беспроводной мышью, и экран компьютера

ожил. Сосредоточенно насупив брови, он стал читать строки на экране.

Держа в каждой руке по ребенку, я попятилась из комнаты, видимо, уже забытая мужем.

– Что ты хотела сказать, когда я тебя перебил? – пальцы Джека застыли над клавиатурой, но он повернулся ко мне лицом.

– Ничего важного, – я улыбнулась, и он начал печатать. Все еще слыша клацанье клавиатуры, я ногой начала открывать дверь.

– И я не забыл, – добавил он, не сбавляя темпа, – что ты что-то говорила про сюрприз, если я напишу еще три страницы. Хотел бы поймать тебя на слове.

Чувствуя, как странное сочетание облегчения и вины взяло меня в тиски, я улыбнулась его затылку. Я даже сделала к нему шаг, чтобы рассказать ему все, чтобы быть той Мелани, которой я обещала себе быть. Но каждый удар по клавишам как будто загонял гвозди в крышку гроба моей решимости, убеждая меня, что в данный момент лучший выбор – не мешать ему работать.

Я на миг застыла в дверном проеме, борясь со своей совестью, но тут Джей-Джей начал извиваться, а Сара тереть глаза.

– Я люблю тебя, – сказала я, глядя на склоненную над клавиатурой голову Джека.

Не поднимая глаз, он продолжал печатать, уже погруженный в свой собственный мир. Я поставила детей на пол и тихонько закрыла дверь кабинета.

*** * ***

Генерал Ли послушно плелся рядом со мной на поводке. А вот Порги и Бесс, на отдельном двойном поводке, казалось, задались целью разбежаться в противоположных направлениях. Не выгляди они такими невинными, я бы заподозрила их в попытке меня убить. Позади нас, не обращая внимания на неровности тротуара, пока мы шагали по Трэдд-стрит в сторону Ист-Бэй и места встречи с Энтони Лонго, Джейн толкала двойную прогулочную коляску, внутри которой Джей-Джей и Сара были пристегнуты и тепло укутаны на случай внезапного падения температуры.

– Напомни мне еще раз, зачем тебе нужен эскорт на эту встречу, хорошо? – сказала Джейн.

Я упорно смотрела вперед.

– Для моральной поддержки.

– И это никак не связано с отражением того типа в витрине магазина пончиков?

Я резко повернула голову, чтобы посмотреть на нее, и тотчас же споткнулась об одну из собак.

– Ты его видела? – спросила я, когда наконец пришла в себя.

– Конечно, Мелани. Я тоже вижу мертвых, разве ты забыла?

– Верно, – сказала я, ощутив странный укол ревности. Хотя я с детства ненавидела свой «дар», он всегда принадлежал мне и только мне одной. Это отделяло меня от пресловутой толпы. И вот теперь, внезапно и неожиданно, я была вынуждена им делиться. Как будто меня понизили в звании до чего-то менее уникального. Хотя на самом деле я так не думала. Честное слово.

– Я имею в виду, – продолжила Джейн, – может показаться, что кто-то или что-то, что было в окне, неким образом связано с Энтони, верно? Вот только я видела того же духа в цистерне у тебя на заднем дворе.

Мы посмотрели друг на друга и остановились. Я вздрогнула, причем явно не из-за порыва холодного ветра.

– Энтони сказал, что в цистерне использовались кирпичи из мавзолея на кладбище плантации Вандерхорстов.

– Это могло быть совпадением, – сказала она.

Мы снова посмотрели друг на друга.

– Вот только совпадений не бывает, – сказали мы в унисон, вторя любимой поговорке Джека. И ее еще никто не опроверг.

Дикий лай исходил со стороны симпатичного викторианского особняка за чугунными воротами работы Филипа Симмонса. Услышав его, Генерал Ли дернул поводок, едва не выдернув мне плечо. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним к воротам. Там, радостно приветствуя Генерала Ли, прыгал маленький белый терьер с ушками плюшевого мишки и милой мордашкой.

– Это Синди Лу, – пояснила Джейн, наклоняясь, чтобы почесать через перила забора мохнатое ушко. Затем выпрямилась, уступая Генералу Ли свое место, чтобы тот мог восторженно поприветствовать

свою собачью знакомую. – Я всегда провожу детей мимо этого дома, и Синди Лу всегда бросается к воротам, чтобы поздороваться. По-моему, Генерал Ли ей нравится.

– По-моему, это чувство взаимно, – сказала я. – Если не ошибаюсь, я не видела ее раньше. Сказать ей, что у него уже есть щенки от других отношений?

– Ее семья только что переехала сюда из Калифорнии. Я познакомилась с мамой, ее зовут Робин. Очень милая. Я дала ей понять, что Генерал Ли еще не кастрирован, но ты очень скоро об этом позаботишься, чтобы они могли играть по одну сторону забора.

Я натянула поводок Генерала Ли, чувствуя себя преступницей при виде мучительных взглядов, которыми он и Синди Лу одарили друг друга, когда их оттащили в разные стороны.

– Да-да, ты права. Я позабочусь об этом. Это был бы не лучший способ поприветствовать новых соседей на улице.

Мы зашагали дальше по Трэдд-стрит, и каждый квартал олицетворял собой разные архитектурные эпохи. Дома варьировались от типично колониальных с кирпичным фасадом до неоклассических, в подражание Древней Греции, и особняков с двумя верандами. Выросшая в Чарльстоне, я раньше никогда не замечала настоящую сокровищницу исторических домов, которые составляли пейзаж моего детства, будучи слишком озабочена тем, что игнорировала духов, манивших меня из каждого дверного проема и окна, из каждого переулка и из-за каждого дерева. Потребовались годы, чтобы научиться блокировать их, чтобы я могла спокойно ходить по улицам родного города. Но теперь, когда мы с Джейн были вместе, наш свет сиял слишком ярко, словно маяк для неугомонных мертвецов в море вечной ночи.

С тех пор, как мы с сестрой нашли друг друга, я узнала о ней несколько вещей. Как и я, она, обожала маленьких детей и собак, звон колоколов церкви Святого Михаила и все, что содержало сахар. Ее любимым цветом был голубой – она всегда надевала одежду этого цвета, когда ей требовалась уверенность в себе. Она очень стеснялась мужчин, особенно симпатичных, не любила лук и предпочитала каблукам туфли на плоской подошве. Мы обе могли видеть мертвецов, но если я умела притвориться, будто не вижу их, то Джейн, которая была на восемь лет моложе меня и не такая измученная, порой было

трудно их игнорировать. В детстве она находила способы мысленно блокировать их, но теперь, когда мы были вместе, это давалось ей труднее.

Я увидела, как Джейн остановилась перед зданием в неоклассическом стиле, так называемого – по словам Софи – периода Возрождения. На ступеньках крыльца сидели два мальчика, лет восьми и десяти. Дети выглядели бы реальными, если бы не болезненно-желтая бледность их кожи и тот факт, что ступенек, на которых они сидели, больше не было.

– Пойдем, Джейн. Мы ничего не сможем сделать без полного вмешательства, а у нас на него просто нет времени.

– Но они же дети.

– Я знаю, – твердо сказала я, не столько для нее, сколько для себя. – Но если обращать внимание на каждого духа, которого видишь, за ним последуют и другие, и тогда они уже никогда не оставят тебя в покое. В любое время суток. Так что пусть себе делают, что хотят.

Она попятилась и отвернулась лишь после того, как они исчезли, а вместе с ними исчез и их жалобный плач. Мы молча прошли мимо дома, чьи новые владельцы продали ворота работы Филипа Симмонса на металлолом. Теперь, случайно оказываясь рядом с ним, Софи переходила на другую сторону улицы. Мне казалось, что я даже несколько раз видела, как, проходя мимо новых ворот, она плевала на землю.

Доехав до Ист-Бэй, мы свернули направо в сторону Бэттери-парка и беседки. День выдался ветреный, река Купер покрылась белой пеной, как будто безумный повар наделал на ее водной глади слишком много пирожных безе. Я заметила пиратский корабль с пробоиной в боку, медленно опускающийся под воду, и когда взглянула на Джейн, то поняла, что она тоже его видела.

Нам нужно было придумать способ, как перестать быть этакой целью, за которой следуют все неугомонные духи. Может, мне купить ей еще один компакт-диск группы *ABBA*, чтобы Джейн выучила все тексты? Тогда мы могли бы выкрикивать их вместе, чтобы отпугивать упрямых духов. Я уже подарила ей несколько компакт-дисков, но Джейн вечно то наступала на них, то где-то теряла. Я сделала мысленную заметку на будущее: нужно попросить Нолу помочь ей загрузить плейлист, чтобы Джейн могла слушать его на своем

телефоне, ни на что не наступая и ничего не ломая. И не теряя. Это было меньшее, что я могла сделать.

Джейн заметила Энтони одновременно со мной – он стоял, опираясь на перила беседки.

– Он одет, – сказала она. – В смысле, он здесь, и на нем теплая куртка.

Я закатила глаза.

– Помни, ты здесь в качестве моральной поддержки, поэтому, пожалуйста, молчи, или говори лишь в случае крайней необходимости, и только после того, как несколько раз мысленно отрепетируешь фразу. Поняла?

Увидев, что Энтони улыбнулся, она кивнула. Спустившись по ступенькам, он нас поприветствовал.

– Доброе утро, дамы. Я всего лишь ждал Мелани, но должен признаться, что встретить Джейн тоже чертовски приятно.

Мне вновь захотелось закатить глаза, но в его глазах, когда он посмотрел на мою сестру, была искренняя доброжелательность. Щеки Джейн раскраснелись, причем не только из-за ветра. Она быстро наклонилась над коляской, чтобы убедиться, что дети по-прежнему надежно укутаны, словно маленькие толстые сосиски в тесте.

Энтони сунул голые руки в карманы пиджака.

– Если честно, я удивился, получив от вас звонок так скоро.

– Я и сама удивилась. Но ваш брат нанес мне визит. Не только с целью сделать мне предложение касательно моего дома, но и чтобы пригрозить мне, если я откажусь. Я помню, как вы сказали, что у него повсюду связи, и потому решила действовать на опережение.

– Хороший ход, – похвалил он, глядя на металлический венчик, задевший его по голени.

– Извините, – смутилась Джейн. Она быстро подняла венчик, вытерла его тряпкой, которую на всякий случай регулярно привязывала к ручке коляски, и вернула Джей-Джею.

– Венчик, – сказала она, как будто это все объясняло.

Энтони наклонился вперед и скорчил детям комичную рожицу. Те дружно хихикнули.

– Его зовут Венчик? – спросил он у Джей-Джея.

– Венчик, – повторил Джей-Джей, швырнув его в Энтони. Тот быстро перехватил его кухонную игрушку, прежде чем та попала

в него.

Вернув венчик Джей-Джею, я на всякий случай отступила подальше.

– Когда я был маленьким, я питал особую привязанность к желтой губке для ванн. – Лицо Энтони посерьезнело. – Но Марк однажды разрезал ее на куски и пропитал их черной краской.

– Это многое объясняет, – медленно произнесла Джейн. Я же задалась вопросом, сколько раз она прокрутила эту фразу в уме, прежде чем произнести ее вслух.

– И что нам теперь делать? – спросила я, глядя на Энтони.

– Я хочу, чтобы вы приехали на плантацию Вандерхорстов. Чтобы вы помогли мне войти в мавзолей. Если там закопано сокровище, нам нужно найти его раньше Марка.

– Но разве эта плантация не принадлежит вам? Проводимые Марком раскопки будут незаконными.

Мне показалось, что Энтони смутился.

– Не в привычках Марка сначала спрашивать. Он просто делает то, что считает нужным. Честно говоря, я опасаюсь ответить ему отказом, даже если мне ясно, что он неправ. Но есть определенные… элементы, которые не позволяют нам обоим войти в мавзолей. Вот почему мне нужна ваша помощь. Я надеялся, что мы сможем договориться о встрече, чтобы вы приехали туда как можно скорее.

Хотя я была в теплом свитере, я поежилась, как от холода.

– Почему вы не могли просто сказать мне это по телефону?

– Потому что я не могу быть полностью уверен, что Марк не нашел способа перехватывать мои звонки и текстовые сообщения.

Вспомнив встречу с Марком в моем офисе, я бы не назвала опасения Энтони беспочвенными. Я начала рассказывать ему больше подробностей о визите Марка, как вдруг заметила позади него в беседке что-то похожее на черный дым.

– Там что-то горит?.. – начала я. Заметив вздымающееся темное облако, Джейн схватила меня за руку и остановила.

Я не почувствовала запаха гари, и, несмотря на сильный ветер, черная фигура не дрогнула, ее края, казалось, пульсировали от мерцающего тепла. Поняв, что мы смотрим на что-то позади него, Энтони обернулся – как раз в тот момент, когда клубы темного дыма начали принимать почти человеческие очертания, превращаясь

в густую тень с отчетливыми руками, ногами и головой. Правда, кто это, мужчина или женщина, сказать было невозможно.

Энтони сделал шаг вверх по лестнице. Его руки были сжаты в кулаки, как будто он был готов к драке.

– Не надо! – крикнула я, но было поздно. Его голова дернулась назад, а следом чья-то невидимая рука врезала ему по животу, и он согнулся пополам. Он повернулся, чтобы сбежать вниз по лестнице, но что-то удержало его. Его ноги поскользнулись на верхней ступеньке беседки. Пытаясь сохранить вертикальное положение, он взмахнул руками. Я двинулась к нему, подняв руки, чтобы его оттолкнуть, а Джейн убрала с дороги коляску.

Мне показалось, будто я услышала приглушенный смех, похожий на далекий раскат грома. В следующий миг вес тела Энтони сбил меня с ног и повалил нас обоих на землю. Я больно ударилась головой. От удара из глаз посыпались искры, а из легких вылетел весь воздух. Отдышавшись, я открыла глаза и обнаружила всего в нескольких дюймах над собой лицо Энтони. Удивление в его глазах отражало мое собственное. Рядом с нами раздался истерический лай собак.

– Итак, – произнес над нами знакомый голос. – Неужели мое приглашение на вечеринку потерялось в почте?

Я моргнула и увидела, что Джек смотрит на нас сверху с лукавой улыбкой, а в воздухе над ним растворяются рваные клочья дымного облака, оставляя после себя лишь отвратительную вонь гниющей плоти.

Глава 5

После того, как я помогла Джейн уложить детей спать, я тихонько закрыла дверь детской и застыла на месте, прижавшись к ней ухом, на тот случай, если Джей-Джей лишь притворился, что спит. Амелия говорила, что в том же возрасте Джек всегда ждал, когда закроют дверь, после чего переворачивал спальню вверх дном. Однажды он даже умудрился вытащить из матраса всю набивку и, скатав ее в маленькие шарики, забил ими вентиляционные отверстия в полу.

– Он спит, Мелани, – прошептала Джейн. – Мы можем идти. Кроме того, у вас есть видеомонитор. Но тебе он не понадобится.

Я в упор посмотрела на нее.

– Он сын и Джека. – Я напоследок прижалась ухом к двери, но почувствовала, как сестра тянет меня за руку.

– Как твоя голова? – спросила она.

– Просто небольшая шишка. Миссис Хулихан дала мне аспирин. И печенье. Я уже чувствую себя гораздо лучше.

Я потерла голову. Джейн на миг умолкла, глядя на меня.

– Ты все рассказала Джеку?

– Почти все. Я рассказала ему, почему я была там, чтобы встретиться с Энтони, и о моем разговоре с Марком.

– А о фигуре в спальне Нолы?

Я перевела взгляд на пятно на обоях.

– Софи сказала, что все это нарисовано от руки. Ты в курсе?

– Мелани. – Голос Джейн был строг. – Ты должна рассказать ему все. А если нет, то это сделаю я. Мне не нравится энергия, которую я чувствую, когда прохожу мимо спальни Нолы. Мы должны немедленно этим заняться и поставить в известность Джека.

– Я знаю, я согласна, – сказала я, осознав, что ее рука все еще лежит на моей руке. – Я просто пытаюсь понять, с чего начать. И мне не хочется беспокоить Джека, пока я не узнаю все наверняка. Духи не показываются мне, они как будто не хотят со мной разговаривать.

– Или они не знают, что мертвы, – предположила Джейн.

– Или так. По крайней мере я знаю, что Луиза здесь. Она защищает детей, пока я пытаюсь во всем разобраться. Я обещаю

рассказать Джеку все, когда мы будем готовы с этим разобраться, хорошо? Для него сейчас на первом месте его книга.

Я никак не отреагировала на ее косой взгляд. Крепко держа меня за локоть, Джейн повела меня вниз по лестнице в сторону гостиной.

– Думаю, он предпочел бы знать, чем быть застигнутым врасплох. Это все равно как если бы он обнаружил тебя перед беседкой в Бэттери-парке, лежащей на спине под другим мужчиной.

Я не смогла поспорить с ее логикой, но меня отвлек крепкий рывок за руку.

– Куда мы идем? – спросила я, внезапно поняв, что меня ведут явно по какой-то причине.

– Твои родители здесь, а Нола и Джек с ними в гостиной. Они хотели бы поговорить.

Хотя при упоминании компании, ожидавшей возможности поговорить со мной, я уперлась пятками в пол, она сумела-таки затолкнуть меня в дверь гостиной, где собрались все. Они пили кофе и чай, а на тарелке лежала, судя по всему, праздничная помадка миссис Хулихан. Каждый кусочек был украшен замороженными хлопьями, политыми зеленым зефиром, и усеян крошечными капельками корицы, чтобы получилось похоже на остролист. Это было моим любимым лакомством, но миссис Хулихан держала его под замком. Я направилась было в их сторону, но Джейн за шиворот вернула меня на место.

– Привет, Мелли. – Мама улыбнулась и встала, отец последовал ее примеру, а затем и Нола. Даже три собаки, спавшие перед камином, встали и повернулись ко мне.

Я подозрительно оглядела их всех, и мой взгляд остановился на Джеке, который тоже пришел сюда.

– Это вмешательство?

– Странно, что ты употребила это слово.

Джек остановился передо мной и улыбнулся. Увы, отнюдь не той своей замечательной улыбкой, к которой я привыкла. Это была улыбка человека, которому вот-вот вырвут зубы. Без анестезии.

– Почему это странно? – спросила я, выискивая глазами возможность урвать на пути к бегству кусок помадки.

– Потому что лишь тот, кто думает, что оно может ему понадобиться, способен счесть собрание близких людей

вмешательством. – Джек как будто цедил слова сквозь стиснутые зубы.

– Никто не умер, поэтому я знаю, что это не похороны, – парировала я, скрестив на груди руки.

– Мелли, дорогая, – сказал он, обнимая меня за плечи и привлекая к себе.

Я попыталась сохранить в себе негодование, но его запах, его «джекство», которому я не могла дать точное определение, но всегда умела определить, заставили меня почти забыть, почему я должна злиться.

– М-м-м, – пробормотала я в мягкий кашемировый рукав его свитера, наслаждаясь его текстурой и запахом и чудом сумев при этом не растаять.

– Сколько тебе лет?

Я как ужаленная отпрянула назад.

– Прошу прощения? Ты собираешься покопаться и выяснить, на сколько ты моложе меня?

– Никогда бы не стал этого делать, – торжественно заявил он. – Просто пока ты была наверху, у нас состоялся разговор, и мы все согласились, что ты достаточно взрослый человек и знаешь, кому доверять. А это все, кто сейчас в этой комнате.

– Я понятия не имею, кто ты…

Он остановил меня крепким поцелуем в губы, в котором утонули мои следующие слова.

– Снимите себе комнату, – проворчала Нола.

Джек улыбнулся.

– Рад, что это все еще работает. Как я уже говорил, ты должна была рассказать мне и всем остальным о встрече с Марком и о решении встретиться с Энтони. Мы ведь все заодно, помнишь? Мы – семья. Мы тебя любим. Мы любим этот дом и всех, кто с ним связан. Ну, или почти всех. Твои проблемы – это наши проблемы. И мы решаем их вместе.

– Но у тебя на носу крайний срок, нужно заканчивать книгу, и тебе нельзя отвлекаться…

Он приложил палец к моим губам, не давая мне договорить.

– Ты, твоя безопасность и наше счастье гораздо важнее.

– Мелли, дорогая, – сказала мать. – Мы с твоим отцом развелись много лет назад, потому что не общались и потому, что каждый думал,

что знает, что лучше для другого. И посмотри, к чему это нас привело.

Я отошла от Джека, чтобы собраться с мыслями. Было трудно думать, когда он стоял так близко.

– Мне понятна ваша озабоченность. Честное слово. И я вам благодарна. Но я решила сделать это сама не потому, что не доверяю вам. Просто я подумала, что справлюсь одна. Возможно, я была непра… – Я не смогла закончить слово и попробовала еще раз. – Возможно, я двигалась слишком быстро, и мне следовало подождать, прежде чем соглашаться на встречу с Энтони. И я сказала Джейн, – добавила я еле слышным голосом.

– Прямо перед нашим отъездом, прежде чем я могла получить подкрепление, – добавила та, выразительно посмотрев на меня.

Я подошла к дивану и села.

– Я все еще не убеждена, что не справлюсь одна. Просто я немного удивилась… – Мой взгляд скользнул по отцу. – Нежданному гостю.

Одной из причин развода моих родителей было нежелание отца принять или попытаться понять то, чего он не мог видеть. За годы, прошедшие после нашего примирения, он научился терпеть необъяснимые события, которые, казалось, шлейфом следовали за мамой и мной, но никогда не принимал их. Хотя он больше не проявлял открытой враждебности к невероятной идее о том, что с мертвыми можно общаться, он просто отвернулся в другую сторону, чтобы этого не замечать, словно зарывший голову в песок страус: если он этого не видит, значит, этого просто нет.

– Мелли, – сказала мать с предостерегающей интонацией. – Зря ты не рассказала нам об угрозах со стороны Марка. Тебе ни к чему подвергать себя опасности. Помни, вместе мы всегда сильнее.

Я знала: она имела в виду не только членов нашей новой семейной ячейки, которые в настоящее время окружали меня и вносили свой вклад в счастье и благополучие, обитавшие в его древних стенах, но и мантру, которую мы использовали до и после того, как к нам пришла Джейн, чтобы объединить наши силы для борьбы со злыми духами. Когда мы были вместе, наш маяк светил ярче, и это делало нас самих гораздо сильнее.

Я увидела, как Нола утащила со столика рядом с ней кусок помадки и сунула его в рот. Я нахмурилась, но она посмотрела

в потолок, чему, вероятно, научилась у моего отца.

– Теперь мне это понятно, – медленно произнесла я. Я так долго была независима от всех семейных связей, что отказывалась поверить в то, что они сомневались, справлюсь ли я в одиночку. Возможно, в глубине души я скучала по той, прежней Мелани. При всех ее причудах, которые я старалась скрывать, моя независимая натура не собиралась сдаваться без боя. Возможно, мне этого не хотелось. Возможно, я просто хотела приструнить ее, объединить старую Мелани с новой, чтобы создать более сильную себя, которая хотя и была яростно независимой, однако тоже нуждалась в любви и поддержке других. Увы, я понятия не имела, как этого добиться.

Я прикусила губу и на миг задумалась.

– Итак, я полагаю, это означает, что я должна взять кого-нибудь с собой в мавзолей на кладбище плантации Вандерхорстов? Хотя я не вижу…

– Я пойду с тобой! – Нола подняла руку, как будто она была в классе.

– Если не ошибаюсь, у тебя уроки в школе. – Джек сурово взглянул на дочь, а затем вновь обратил внимание на меня. – Очевидно, если тут замешан Лонго, с тобой должен пойти я. Они как песчаные блохи – лишь тогда замечаешь, что они роятся и кусаются, когда уже слишком поздно.

Я всплеснула руками.

– Видишь? Тебе лишь бы не заниматься книгой! Именно то, чего я пыталась избежать.

– С тобой пойду я, – предложила Джейн. – Если, конечно, мама присмотрит за детьми. Если мы пойдем все втроем, это, наверное, не очень хорошо.

Не знаю, какая часть ее комментария доставила мне дискомфорт – тот факт, что она уже понимала сложность наших способностей, или что перешла от «Джинетт» к «маме». Не то чтобы я ожидала, что она попросит у меня разрешения, но за более чем сорок лет я привыкла считать себя единственным человеком во вселенной, имевшей право называть ее мамой.

– Или ты можешь остаться здесь с детьми, и со мной пойдет мама. Как в старые добрые времена.

Все, как сговорившись, посмотрели на меня. Отец откашлялся.

– Джейн сказала, что когда Джинни в последний раз столкнулась со зловредными духами, у нее ушел почти месяц, чтобы полностью выздороветь. Так что, если Джейн захочет пойти с Мелани, я тоже пойду. Для защиты. Джейн в этом деле еще новичок.

Я кивнула в его сторону и спросила Джейн:

– Что ты сделала с моим отцом?

Ему хватило приличия изобразить смущение.

– Пока мы с Джейн работали в саду, мы долго и интересно болтали. Я по-прежнему думаю, что всему должно быть некое научное объяснение, но Джейн дала мне понять, что если для нее это реально, то я должен поверить ей, вам и Джинни на слово и согласиться с этим. По крайней мере, до тех пор, пока я не смогу предложить свое объяснение.

Я видела, как Джейн и мама обменялись теплыми улыбками взаимной признательности, оставив после себя знакомое ощущение того, как на уроке физкультуры меня последней выбрали в команду. Новая Мелани была благодарна за то, что у моих родителей и сестры теперь установились близкие отношения, хотя большую часть жизни Джейн они были разлучены. Но у той, прежней Мелани обида и ревность тлели, словно догорающий костер, и частицы горящего пепла, искрясь, влетали в комнату.

Учуяв запах шоколада, я повернулась и увидела, что Нола протягивает мне блюдо с помадкой. Я с благодарной улыбкой взяла кусочек. Скажу честно: я испытала куда большее облегчение, нежели была готова признать, что я не единственная, кто понимал всю странность того, что только что произошло. Откусив помадку, я принялась жевать, радуясь предлогу, что мне не нужно немедленно приступить к рассказу.

– Тогда все решено, – сказала мама. – Вы дадите нам знать, когда встретитесь после разговора с Энтони Лонго?

Прежде чем я смогла сказать ей, что мне нужно обдумать варианты, раздался звонок в дверь. Собаки дружно залаяли, предупреждая нас, что на веранду вторглась угроза со стороны потенциальных мародеров. Мы так и не выяснили, какой вид защиты способны предложить собаки, кроме яростного облизывания области щиколотки, но они серьезно относились к своей роли бдительных стражей.

– Я открою, – сказал Джек, коснувшись моего плеча по пути к входной двери.

Мы услышали, как открылась дверь, а затем…

– Джек, сколько лет! – донесся до гостиной голос Ребекки. Все оставшиеся хором застонали.

– Ребекка, как приятно тебя видеть! Мы как будто расстались с тобой вчера. Вы с Марком как то пятно, которое невозможно оттереть полностью.

– О Джек, – сказала она, вставая на цыпочки и целуя его в щеку. – Вечный шутник.

– Кто? Я? – спросил он притворно невинным тоном.

Я поспешила за Джеком, чтобы остановить его, прежде чем он скажет нечто настолько прямолинейное, что даже Ребекка это поймет, и тогда мне придется несколько часов поднимать ей настроение. Мать заставила бы меня сделать это, поскольку Ребекка по какой-то ужасной иронии судьбы была моей кузиной! Далекой, напомнила я себе, но все же кузиной!

Насупив брови, она переключила внимание на меня.

– Ты рассказала Джеку о моих снах?

Я быстро покачала головой и подняла указательный палец к шее – мол, довольно, молчи, но Джек слишком быстро повернулся и увидел этот мой жест.

– В самом деле, Мелли? Есть еще что-то, о чем ты мне не сказала?

Прежде чем я смогла придумать подходящий ответ, Ребекка сказала:

– Да ладно, Мелани. Не сомневаюсь, что ваш брак достаточно крепок, и можете рассказывать друг другу все, даже плохие вещи. Верно я говорю?

– По-видимому, нет, – сказал Джек.

– Конечно, – сказала я одновременно с ним. Джек вопросительно поднял бровь и посмотрел мне в глаза.

Ребекка откашлялась.

– Мне приснились два сна: в одном человек без глаз в старомодной одежде охотился за тобой и Мелани, а во втором некто – думаю, это был мужчина – пытался похоронить тебя заживо.

– Понятно, – медленно произнес он. – Что ж, в таком случае спасибо, что предупредила меня, что мне следует избегать странных

людей и открытых могил. Правда, я бы предпочел услышать это от жены.

К моему облегчению, из-за спины Ребекки появилась Софи с огромной коробкой, до краев набитой пахучей хвоей. Ее лица не было видно за коробкой, но я поняла, что это она, по ярко-голубым косичкам, крест-накрест пересекавшим ей голову, как будто она подверглась атаке безумной швейной машинки.

– В кузове внедорожника Вероники, – сказала она, сдунув сосновую ветку, которая лезла ей в рот, – есть еще куча коробок. Буду благодарна, если кто-нибудь поможет все это внести.

– Я помогу, – сказал Джек. Взяв коробку у Софи, он поставил ее в вестибюле, а затем одарил меня своей самой обаятельной улыбкой. – Поговорим позже.

Я попыталась пролепетать нечто вроде извинения, но меня отвлекла сумочка, которую Ребекка сжимала рукой в розовой перчатке.

– Что там? – спросила я.

– Контрабанда, – подбоченившись, ответила Софи. – Я уже несколько раз объяснила, что все украшения в домах, в которых будет рождественский ужин, должны быть аутентичными. То есть это должно быть только то, что люди могли найти у себя дома во время Войны за независимость.

Ребекка, похоже, была в ярости.

– Лишь потому, что тогда у колонистов не было ослепляющих пушек! – Она подняла вверх что-то похожее на маленькую лазерную пушку с болтающимся электрическим проводом. – Но если бы были, я уверена, что все их ананасы и чепчики были бы посрамлены.

Софи шагнула к Ребекке.

– Если не убрать эту штуку, посрамлены будут не только фрукты и чепчики!

– Стоп! – крикнула я, выхватывая из руки Ребекки ее «оружие». – Думаю, мы сможем спокойно поговорить об этом и потом. А пока давайте залезем внутрь, посмотрим, что там у нас есть, и решим, куда нам это пристроить, договорились?

В дверь влетел ледяной ветер, куда холоднее, чем сам холодный ноябрьский день. Я подняла глаза и увидела, что в вестибюль входят Вероника и Джек, а за ними – муж Вероники, Майкл. Я тут же уловила

запах духов «Ванильный мускус», а затем увидела парящий за их спинами сгусток света, возвещавший о знакомом мне бесплотном духе.

Я поздоровалась с новоприбывшими, надеясь, что, как только Майкл отдаст сумки, которые принес в дом, он уйдет. После нашего нелицеприятного разговора, в котором он открытым текстом сказал мне, что я не должна помогать его жене в ее стремлении узнать, что более двадцати лет назад случилось с ее сестрой, я не сказала ему и пары слов. Я надеялась, что он так же старательно избегал меня, как и я его.

Я повернулась к Веронике и улыбнулась.

– Рада видеть вас в черном и белом. Что-то подсказывает мне, что нам, возможно, придется взять на себя роль рефери в споре Ребекки и Софи.

Взяв несколько пакетов с сушеными апельсинами и гвоздикой, я перенесла их к обеденному столу, чтобы кто-то, но только не я, искусно разложил их там. Я очень надеялась, что к тому моменту, когда я вернусь, Майкла здесь уже не будет.

– Привет, Мелани! – прозвучал рядом с моим ухом голос Майкла. От неожиданности я уронила на гладкое темное дерево стола один из пакетов и рассыпала апельсины, которые раскатились во все стороны. Я была на противоположной стороне стола и не могла дотянуться до них прежде, чем они свалятся на пол. Обзор мне закрывала огромная центральная композиция из цветов и зелени из нашего сада, которую миссис Хулихан меняла почти каждый день. Я замерла, ожидая, когда апельсины упадут на пол.

Услышав в наступившей тишине, как Генерал Ли вылизывается под столом, я медленно подошла к другой стороне и остановилась: у самого края стола, словно солдаты, в аккуратную шеренгу выстроились шесть апельсинов.

– Как вы это сделали? – спросил Майкл. Его голос прозвучал громче обычного.

Я обыскала глазами комнату в поисках Адриенны, призрачной сестры Вероники, гадая, почему она прячется от меня. Но я знала: она рядом. Я чувствовала запах ее духов, как будто их только что распылили в воздухе прямо передо мной.

Я встретила его взгляд.

– Магия, – сказала я.

Он даже не улыбнулся.

– Я не верю в магию.

– Вам не нужно в нее верить, чтобы ее увидеть.

Он взял один из апельсинов и начал рассматривать, возможно, надеясь увидеть квадратную «попку».

– Я рад, что Вероника нашла себе занятие, помимо бессмысленных поисков убийцы ее сестры, – сказал он, отводя от меня взгляд. – Надеюсь, вы помните, что я сказал раньше, – для меня важно, чтобы вы не вмешивались в… навязчивую идею Вероники. Если ее не поощрять, она исчезнет гораздо быстрее.

Я пыталась сдерживать себя.

– Я не считаю желание раскрыть убийство сестры «навязчивой идеей». На мой взгляд оно вполне разумно. Что касается того, что я ей помогаю, то она меня не просила.

Он все еще держал апельсин, но его взгляд метнулся назад и встретился с моим.

– А если она это сделает? Я знаю, она хочет, чтобы вы «пообщались» с Адриенной – или как это у вас называется, когда вы говорите с мертвыми? Вы бы сказали «да»?

– Я никогда не утверждала, что общаюсь с мертвыми. – По крайней мере, это было правдой. Отрицание всегда было моим лучшим другом, когда дело касалось моего особого «дара». – Но мне хотелось бы думать, что я могу помочь Веронике другими способами справиться с ее горем, и если она попросит, я отвечу «да».

Он нарочито медленно и осторожно положил апельсин на середину стола и протянул руки ладонями вверх. На его лице была маска отчаяния.

– Я не знаю, что делать, Мелани. Вероника ни о чем другом не говорит, как будто верит, что если она узнает, кто убил Адриенну, ее сестра вернется. Я действительно опасаюсь за психическое здоровье Вероники. – Он на пару секунд закрыл глаза. – Пожалуйста, Мелани. Не вмешивайтесь. Этим вы ей не поможете, а возможно, даже навредите. Ей нужно забыть об этом и жить дальше, а не цепляться за прошлое.

Он на мгновение умолк, но я видела, что он хотел сказать что-то еще. Просто он не знал, сколько и стоит ли ему вообще говорить.

– Это негативно влияет на Линдси, – наконец сказал он. – Она почти не спит по ночам, а ее оценки в школе снижаются. – Он поджал губы. – Это разрушает наш брак.

Я скрестила руки на груди.

– Мне очень жаль, Майкл. Честное слово, очень жаль. И я могу лишь пообещать вам, что не стану ее поощрять. Большего я вам обещать не могу.

– Тогда вы наверняка пожалеете об этом. Вряд ли Нола обрадуется, если Линдси будет запрещено видеться с ней. Или если ваши таланты станут достоянием гласности.

Его рот дернулся. Он явно сдерживал не то гнев, не то слезы. Я не могла сказать, что именно. А когда он говорил, его голос звучал еле слышно.

– Я хочу вернуть нашу прежнюю жизнь, и я вижу в вас потенциальную тому помеху. Пожалуйста, Мелани. Я очень вас прошу, не поощряйте ее.

– Не буду. Но если я могу помочь, разве вы не хотите узнать правду о том, что произошло?

Он пожал плечами.

– Мы уже это знаем – Адриенну убил ее парень, а его товарищи по студенческому братству помогли ему создать алиби, благодаря чему все сошло ему с рук. Вероника считает, что найденное ею ожерелье указывает на то, что в этом был замешан кто-то еще, но мне кажется, что она всего лишь принимает желаемое за действительное. Даже детектив Райли не может найти никакой связи. – Майкл покачал головой. – Хотел бы я, чтобы мы никогда не находили это дурацкое ожерелье.

Я повела его прочь из столовой.

– Да, может быть, все наладится. В любом случае, я уверена, что сегодня вечером мы все будем заняты украшением дома и нам будет некогда говорить об убийстве или предполагаемых уликах. Мы будем рады отвезти Веронику домой, так что вам нет необходимости ждать ее здесь.

Звук падения за моей спиной заставил меня обернуться – и как раз вовремя. На пол у ног Майкла плюхнулся ком оранжевой мякоти, а на его лице виднелось красное пятно – аккурат там, где апельсин, должно быть, столкнулся с его челюстью.

Вытаращив глаза, он перевел взгляд с меня на апельсин, быстро повертел головой, как будто ожидал увидеть в комнате кого-то еще.

– Извините, – сказала я. – Предполагалось, что они будут сушеными. Должно быть, в коробку положили свежий. – Я сделала вид, будто это единственно странное свойство летающего апельсина.

– Как вы это сделали? – спросил он, держа апельсин и оглядывая комнату.

– С помощью магии, – с напором сказала я, как будто моя интонация могла заставить его в это поверить, и с улыбкой вышла из комнаты. Майкл поспешил за мной, следом потянулся аромат духов Адриенны.

Глава 6

Отец поднял на руки Генерала Ли, нехотя посадил его в мою машину и скользнул рядом с ним на заднее сиденье.

– Это и вправду необходимо? – спросил он, придвигаясь к псу, и крепко почесал его за ушами.

– Да, – ответила Джейн, пристегивая ремень безопасности рядом со мной. – Многие собаки ищут дом, и мы не хотим быть частью проблемы. Порги и Бесс пройдут процедуры на следующей неделе, так что это хорошая практика для всех нас.

К тому времени, как я вышла на улицу, Генерал Ли тяжело дышал. В его глазах застыла тревога. Я посмотрела в зеркало заднего вида на отца.

– Ты сказал ему, куда мы идем?

– Возможно, я упомянул об этом. Думаю, мужской разговор был нам необходим.

Я закатила глаза. Мы ехали на встречу с Энтони, а поскольку наш путь пролегал мимо ветеринарной клиники, Джейн записала Генерала Ли на кастрацию. До того, как я унаследовала пса, я никогда раньше не держала собак и ничего не знала о них. Я понятия не имела, сколько ему лет и что его мужское хозяйство было в целости и сохранности, пока не появились на свет Порги и Бесс. И Нола, и Джейн с тех пор приставали ко мне, требуя «принять меры», но всякий раз, когда я спрашивала его об этом, он бывал отнюдь не в восторге. Накануне вечером Нола приготовила в честь Генерала Ли особый десерт, состоящий из ореховой смеси, завернутой в веганское тесто без сахара, скатанное в форме маленьких шариков. Знали бы вы, какая это была вкуснотища! Но, возможно, я просто отчаянно нуждалась в сладком.

Я включила в машине обогреватель и немного приоткрыла заднее стекло, чтобы Генерал Ли мог высунуть голову – одно из его любимых занятий. Но он проигнорировал манящее окно и стоически глядел прямо перед собой, как идущий в бой солдат. Когда мы его высадили у клиники, я чмокнула его в макушку и подождала, когда медсестра уведет его.

– Помни, милый мальчик, – крикнула я ему вслед, – что когда все закончится, нас ждет свидание с Синди Лу!

Генерал Ли разок оглянулся, тихонько тявкнул и, высоко задрав голову и хвост, бросился, опережая медсестру, к двери. Обнаружив, что мои глаза полны слез, я ссутулилась и, прежде чем вернуться в машину, быстро вытерла их.

По мосту через реку Эшли мы покатили на юг по шоссе № 17 в сторону шоссе № 61. Хотя этот мост не столь живописен – в отличие от моста Равенель через реку Купер, с которого водителям открывается вид на силуэт Священного города и шпили многих его церквей, давших Чарльстону это прозвище, я залюбовалась видами реки Эшли и окрестных болот. Наверное, потому, что, каждый раз пересекая мост Равенель и видя в порту Чарльстона круизный лайнер, я слышала пренебрежительный голос Софи.

Среди жителей все еще можно было часто услышать недовольное бурчание по поводу высоты круизных лайнеров, подавляющих своими размерами исторические здания, которые прятались в их тени, словно заметившие ястреба кролики. Похоже, голос Софи прочно обосновался в моем мозгу, как моя совесть, поскольку я слышала его, когда искала новые обои, чтобы заменить в столовой старинные, расписанные вручную, или с помощью электрической циклевочной машинки снимала стойкую краску на двери детской.

Когда мы свернули с автомагистрали № 17, Джейн указала на рекламный щит посещений авианосца «Йорктаун», пришвартованного в районе Патриотс-Пойнт на горе Плезант.

– Ой, смотрите, авианосец! – сказала она, постукивая по окну. – Мама сказала, что она свободна весь день и может присмотреть за детьми. Так, может, в другой день мы втроем могли бы…

Я с ужасом посмотрела на нее. Однажды я уже совершила ошибку, присоединившись к классу Нолы во время экскурсии по кораблю. Помнится, тогда я поставила себя в дурацкое положение тем, что была вынуждена уйти всего через пятнадцать минут после того, как мы поднялись на борт. Мне следовало предположить, что многочисленные матросы, в свое время служившие на корабле, возможно, никуда не ушли и все эти годы ждали, чтобы с кем-нибудь поговорить.

Прежде чем меня вежливо выпроводили с корабля, Нола сказала мне, что я так громко горланила песню *Take a Chance on Me*, что никто не слышал гида. Я не помнила этой части, ибо все мое внимание было приковано к толпе раненых матросов, которые, выкрикивая мое имя, надвигались на меня, и к улыбающемуся человеку в форме и с отсутствующей половиной лица. Этот говорил мне, что его зовут Джон и ему нужно срочно вернуться домой, чтобы повидать свою девушку, Долорес. Помню, как я хватала ртом воздух, вдыхала запах немытых тел и свежей крови и слышала, как мое имя повторялось снова и снова.

– Нет. – Я даже покачала головой, чтобы подчеркнуть это слово. Я не смотрела на нее, надеясь, что мой резкий ответ – все, что ей нужно.

Отец наклонился вперед с заднего сиденья.

– Наверное, это не лучшая идея, Джейн. Я к тому, что если бы такая вещь, как паранормальная активность, существовала, то я, помимо кладбища или больницы, выбрал бы старый авианосец, принимавший во время войны участие в боевых действиях. Судя по нашим разговорам, это имело бы смысл, верно?

Джейн тепло улыбнулась ему.

– Ты совершенно прав. Спасибо.

Я украдкой посмотрела на отца, чтобы убедиться, что он не шутит. Я была рада, что он наконец начал прислушиваться к кому-то и не сворачивать тему, которая всегда была для нас табу. Еще больше я была рада тому, что он полностью принял Джейн. Но, словно крошечная заноза, застрявшая под кожей, та легкость, с которой он прислушивался к Джейн и пытался понять ее точку зрения, не давала мне покоя. Легкое раздражение, которое можно было легко отбросить. Или оставить гноиться. Или – мой любимый вариант – игнорировать, пока оно не пройдет само по себе. Я намеренно сосредоточила внимание на мелькавшем мимо пейзаже – хотела отвлечься от воспоминаний о тех случаях, когда эта стратегия с треском провалилась.

Осень на побережье – это не столько перепады температуры или тот факт, что у нас порой за одну неделю бывают все четыре времени года. Напротив, смена сезонов отмечена постепенным смещением света и вымыванием цвета высокой морской травы и деревьев. Лишь

живые дубы и южные магнолии цеплялись за свою зелень, в то время как все остальное блекло до мутной позолоты и различных оттенков коричневого. Претензия Новой Англии, славящейся своей красивой осенней листвой, на первенство вполне заслуженна, но осень на нашем побережье носит свою собственную корону, усыпанную драгоценными камнями. Это была одна из главных причин, по которой я любила называть это место своим домом. И, наверное, я любила бы его гораздо больше, не будь оно полно беспокойных духов, но, по крайней мере, пейзаж был красивым.

Джейн читала указания, которые дал мне Энтони. Впрочем, они были настолько просты, что мне не нужно было их записывать. Проехать около десяти миль по шоссе № 61, затем повернуть направо на немаркированную дорогу, следом повернуть у красной стрелки на деревянном указателе.

Первый раз я пропустила указатель и была вынуждена развернуться. Трясясь по ухабам, мы проехали небольшое расстояние по грунтовой дороге и наконец выехали к большому деревянному знаку, прибитому к старому дереву. Я была несказанно рада, что Софи с нами не было и она не видела этого безобразия. Синяя краска потускнела, но большие буквы читались легко. ПЛАНТАЦИЯ ГАЛЛЕН-ХОЛЛ.

Джейн посмотрела на меня.

– Галлен-Холл? Мне казалось, плантация Вандерхорстов называется Магнолия-Ридж.

– Место то самое, только название другое. Запутанная история, поэтому я расскажу ее тебе позже, но я рада, что Энтони предупредил нас, чтобы нам не пришлось искать не ту плантацию. Похоже, в Южной Каролине все меняется медленно, потому что большинство людей до сих пор называют ее Магнолия-Ридж, хотя смена названия произошла двести лет назад. Стань я спрашивать местных, где тут Галлен-Холл, мы бы все еще колесили здесь в поисках.

Мы обе вновь повернулись к знаку. Под названием плантации были видны края черных букв. Они проступали над глубокими и повторяющимися царапинами в древесине, как будто нанесенными острой палкой. Или ножом. Очевидно, кто-то пытался стереть все, что там было написано. Интересно, это как-то связано с обанкротившейся

винодельней? Какой же силы должна быть вражда между братьями, чтобы вылиться в такого рода действия?

Мы въехали в открытые железные ворота на кирпичных столбах, на каждом из которых наверху стояло по бетонному ананасу. По словам Софи, в Чарльстоне это был символ гостеприимства, отсюда и две дюжины ананасов, которые она заказала для моего дома для рождественского ужина. Я сказала ей, что ненавижу ананасы, и присовокупила несколько конкретных советов по поводу того, что ей делать с остатками еды после экскурсионного тура. Увы, она не поняла юмора.

Мы покатили по длинной дороге, обсаженной столетними деревьями. В какой-то момент отец наклонился вперед и с заднего сиденья посмотрел в лобовое стекло.

– Значит, когда-то это принадлежало тем же Вандерхорстам, которые были хозяевами твоего дома.

Я кивнула.

– Но к тому времени, когда Невин Вандерхорст оставил мне дом номер пятьдесят пять на Трэдд-стрит, семья уже лишилась плантации. – Я резко крутанула руль, объезжая большой камень посреди дороги. Мы все дернулись. – В двадцатых годах она недолгое время принадлежала Джозефу Лонго, а недавно Марк Лонго купил ее, полагая, что здесь спрятаны алмазы Конфедерации. А когда обнаружил, что их тут нет, попытался купить мой дом, полагая, – абсолютно верно, как оказалось, – что они там. Правда, мы не дали ему найти их первым.

Отец откинулся на спинку сиденья.

– Тебе как будто жаль этого парня.

– Еще не хватало! – в один и голос воскликнули мы с Джейн.

– Тем более что он все еще не оставляет попытки прибрать к рукам мой дом, – добавила я. – Но, как сказала наша прекрасная библиотекарь Ивонна Крейг из Библиотеки исторического общества, Марк получит по заслугам. Ее единственное желание – чтобы мы все стали тому свидетелями.

– Вандерхорст… Вандерхорст, – пробормотал отец почти себе под нос и постучал пальцами по кожаной обивке на спинке моего сиденья.

– В чем дело, папа? – спросила я.

– Я помню, что недавно читал что-то о Вандерхорстах. Ивонна помогает мне находить в архивах старые планы и статьи о садах в нашем и вашем доме, поэтому я много читал о Вандерхорстах. – Он почесал затылок. – Твой рассказ о бриллиантах… кажется, я о них уже где-то читал.

Отец умолк, а когда я взглянула в зеркало заднего вида, поджал губы.

– Я помню, – продолжил он, – как я сделал для тебя копию статьи и куда-то ее засунул, а потом сразу о ней забыл. Мои мысли тогда были заняты наброском партерного сада в нашем доме на Легар-стрит, который я тоже где-то нашел, и я не думал ни о чем другом.

Мы с Джейн переглянулась.

– Да, как ты помнишь, мы нашли все бриллианты в напольных часах. Тем не менее было бы интересно посмотреть ту статью. Я работаю над памятным альбомом для Нолы. Думаю, его копию можно было бы поместить в раздел о том, какой была наша жизнь до того, как Нола стала частью нашей семьи. У меня не так много материалов о том времени, когда она была маленькой девочкой, и я подумала, что разные штучки о нас с Джеком и нашей жизни до того, как она переехала к нам, могут быть ей интересны. Собственно, благодаря загадке алмазов Конфедерации мы с Джеком и познакомились.

– Я поищу эту статью, – сказал он. – И мы можем спросить Ивонну. У нее фантастическая память.

Ивонне, вероятно, было уже за восемьдесят, но выглядела она и вела себя как человек на пару десятилетий моложе. Она была беззаветно влюблена в Джека, которому годами помогала в работе по поиску исторических материалов, но я простила ее, ибо по собственному опыту знала непреодолимое обаяние Джека. Это одна из причин, почему у него было трое детей, ни один из которых заранее не планировался.

Мы подъехали к перекрестку, и я остановила машину. Дорожный указатель лежал лицом вверх, грязный и в пятнах, вызванных непогодой. Половина деревянного кола все еще торчала в земле, его верх, там, где его обезглавили, был зазубрен и расколот. Буквы на указателе едва читались: ВИНОДЕЛЬНЯ ГАЛЛЕН-ХОЛЛ.

– Энтони сказал, что кладбище и мавзолей находятся рядом с домом, так что я предполагаю, что нам вон туда.

Я поехала в противоположном направлении от несуществующей винодельни. Мне казалось, что мы направляемся в сторону реки Эшли. Большинство речных плантаций имели прямой доступ к реке для перевозки урожая и обычных путешествий. Все это и многое другое я узнала, очевидно, путем осмоса, общаясь с Софи. Я даже поймала себя на том, что при обсуждении объявления о недвижимости сыплю такими терминами, как *оконные проемы* и *остекление*, и даже вслух задаюсь вопросом, является ли конкретный цвет краски исторически точным для того или иного района.

Высокие сосны расступились в стороны, открыв взгляду аллею магнолий. Я знала, что это не те деревья, что остались от основателей-Вандерхорстов. Продолжительность жизни магнолии составляет от восьмидесяти до ста двадцати лет, хотя сообщалось, что некоторые бывали и в десять раз старше. Но этим было не меньше ста лет. Их темные стволы, толстые и корявые, напоминали раскрытые кисти рук с пальцами, держащими чаши, полные раскидистых ветвей и блестящих листьев. Я представила себе, как чудесно проезжать по этой аллее весной, когда магнолии в цвету. И все же гнетущее чувство страха, которым, казалось, был пропитан воздух, когда мы подъехали ближе, вселило в меня надежду, что я больше никогда сюда не вернусь.

– Ты чувствуешь? – тихо спросила Джейн.

Я кивнула, волоски на затылке кололи кожу, как острые ногти. В конце переулка виднелся огромный дом, а слева от него, отделенное огромным живым дубом в окружении скамеек в его щедрой тени, лежало кладбище. Ржавая железная ограда с закрытыми воротами моментально сообщила бы любому посетителю, что именно перед ним находится, но я поняла это по скоплению людей, одетых по моде прошлых веков, что прижимались к внутренней стороне ворот и смотрели прямо на нас.

Я тотчас загорланила *Knowing Me, Knowing You*. Джейн силилась вспомнить текст, чтобы подпеть мне. Таким образом мы обе пытались заглушить хор голосов, говоривших одновременно.

– Стоп! – крикнул отец с заднего сиденья. – Что ты делаешь?

Я резко нажала на тормоза. Нас всех бросило вперед, но ремни безопасности не позволили нам слететь с сидений.

– Извини, – сказала я, стараясь не глядеть на кладбище, чтобы призраки поняли намек, что мы не намерены вступать с ними в разговоры. – Я подумала, что прежде чем мы войдем внутрь, я сообщу, что Софи рассказала мне о доме.

– Мне казалось, ты уже это сделала.

Я встретила в зеркале заднего вида недовольный взгляд отца.

С облегчением услышав, как голоса стихают, я сглотнула, но мне требовалось больше времени, чтобы заставить их окончательно умолкнуть, прежде чем я была готова выйти из машины.

– Да, но не об архитектуре. – Я неуверенно улыбнулась ему. – Как вы, наверное, догадались, это не древнегреческое Возрождение. Первоначальный дом был построен холостяком и представлял собой простую ферму. К тому времени, когда в первой половине девятнадцатого века его внук унаследовал эту собственность и женился, плантация была гораздо прибыльнее. Именно его жена потребовала построить нечто более грандиозное, что соответствовало бы их положению в обществе. Ей непременно хотелось чего-то модного, как в Англии, а в Англии на тот момент в моде было подражание всему итальянскому.

Я толком не знала, какие элементы были необходимы, чтобы дом попал в категорию «итальянского», и мои выводы основывались лишь на том, что я узнала от Софи, и простом факте, что дом не был похож на поместье Тара из «Унесенных ветром». Мне просто требовалась причина, чтобы не ехать дальше, в основном из-за британского солдата в красном мундире, который в данный момент стоял посреди дороги, направив свой мушкет прямо на нас. Шумный вздох дал мне понять, что Джейн тоже его увидела. А вот отец, похоже, оставался в блаженном неведении о присутствии солдата с ружьем.

– Это она поменяла название плантации с Магнолия-Ридж на Галлен-Холл? – спросил он.

– Нет, – ответила я с почти незаметной дрожью в голосе. – Это случилось примерно в период британской оккупации Чарльстона во время революции, вскоре после постройки первого дома. Но на всех старых картах и даже на некоторых новых она по-прежнему именуется плантацией Вандерхорстов – Магнолия-Ридж. Интересно, как последующие владельцы относились к тому, что люди до сих пор

называют ее старым именем, как будто Вандерхорсты никогда не покидали ее.

– Может, им было все равно, – еле слышно сказала Джейн. Я бросила на нее пристальный взгляд. Она сидела прямо, сосредоточившись на дороге впереди нас. И я продолжила: – Софи не сумела выяснить причину смены названия, но думает, что это как-то связано с соперничеством между Вандерхорстами и Дрейтонами. Плантация Дрейтонов, «Магнолия», была основана примерно в то же время, но Вандерхорсты хотели, чтобы их собственная плантация тоже называлась «Магнолией», поэтому они просто добавили слово Ридж, чтобы как-то различать их. Кто-то, в конце концов, понял причину и изменил название, чтобы избежать путаницы. А чтобы все знали, какую плантацию они посещают, Вандерхорсты выпустили на лужайку настоящих павлинов, где те обитали вплоть до Гражданской войны.

Я посмотрела в лобовое стекло: призрак солдата начал тускнеть. От земли, словно пар, поднялись волны света, а затем он полностью исчез.

– А что случилось с павлинами? – Голос Джейн звучал тверже моего, но все же я уловила в нем легкую дрожь.

– Их съели. – Мы переглянулись. – Это было во время войны, и все голодали. – От того, что могло быть частью мушкета, которого больше не было, отразился луч солнца, и я нахмурилась. – К счастью, по словам Софи, с того момента, когда название изменили на Галлен-Холл, на всем, что находилось на плантации, включая бочонки с рисом и всю мебель, изображался павлин. Готова спорить, это один из первых случаев применения логотипа.

– Может, поедем быстрее? – нетерпеливо спросил отец. – Сегодня вечером я выступаю в клубе садоводов, и я хотел бы предварительно просмотреть свои записи.

– Конечно, – сказала я, вновь неохотно нажав на педаль газа, и мы поехали дальше. Впереди уже замаячил дом, когда мы услышали позади себя вой сирены. Я съехала на обочину, уступая дорогу машине без опознавательных знаков, но с мигающим индикатором на приборной панели. Обдав нашу машину грязью, она с визгом остановилась на круговой подъездной дорожке прямо у крыльца дома. Не зная, что делать, я поехала следом и припарковалась сразу за ней.

Детектив Райли – в темных очках, куртке и галстуке – вышел из водительской двери и хмуро посмотрел в нашу сторону. Джейн рядом со мной напряглась.

– Он высокий. В голубой рубашке.

Отец уже вылез из нашей машины, шел к нему, протянув для рукопожатия руку, и улыбался. Я схватила сестру за плечо и осторожно встряхнула.

– Давай, Джейн. Не бойся. Мы ведь тренировались, помнишь? Это детектив Райли. Томас. Мы его знаем. Ты ходила с ним на свидания. Он хороший парень.

Я видела, как она, сглотнув комок, кивнула.

– Я могу сделать это.

– Да, – сказала я, открывая дверь. – Ты сможешь. Если только не хочешь изобразить из себя тупую девчонку, которая впервые встретила Элвиса.

Мы вместе подошли к детективу. Тот приветствовал нас обеих формальным кивком. Это напомнило мне, что, по словам Джейн, они в ссоре.

– Рада видеть тебя, Томас, – сказала я с улыбкой. Его резкость была для меня в новинку. – Почему ты здесь?

Его взгляд переместился на Джейн, затем вновь на меня.

– Я собирался задать вам тот же вопрос.

Джейн опередила меня.

– У нас назначена встреча с Энтони Лонго. – Она говорила медленно, как будто подбирая слова, но, по крайней мере, ее речь была связной.

Он нахмурился еще больше.

– Что ж, боюсь, его здесь нет.

– Как… нет? У нас тут назначена встреча. – Я растерянно умокла. – А откуда тебе известно, что его здесь нет?

– Потому что он в больнице. Кто-то пытался сбить его, столкнуть с дороги. С ним все будет в порядке, но его машина разбита.

– Слава богу, – сказала я. Кожу на шее теперь покалывало еще сильнее. – Что случилось?

Некоторое время он молчал, словно решая, что еще можно сказать.

– Пока что не все ясно, хотя свидетели утверждают, что это была авария с участием одного автомобиля. Водитель был не совсем… в себе. Твердил, что кто-то прятался на его заднем сиденье, что и стало причиной аварии. А потом он добавил, что здесь, на винодельне, у него назначена встреча и что он боится, что этот же человек может быть здесь и может навредить людям. Я решил, что это надо проверить. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что это вы!

Пока мы разговаривали, отец направился к кладбищу. Он шел, прихрамывая, чего за ним никогда не водилось.

– Папа? Ты куда?

Он продолжал идти к воротам кладбища, как будто не слышал меня.

Джейн двинулась за ним следом.

– Пап! – позвала она. Я слишком переживала за него, чтобы меня раздражало это слово в ее устах. – Что случилось?

Отец подошел к воротам. Те с громким визгом старого заржавевшего железа распахнулись.

– Стой! – крикнула я, чувствуя, как температура резко упала.

Отец остановился и медленно повернулся ко мне, но это был не он. Совсем нет. Те же волосы с проседью, та же сильная челюсть и кривой нос, несколько раз сломанный в драках в баре, прежде чем он начал трезвую жизнь. Но это был не мой отец. Кто бы это ни был, он исказил его черты, размыл их, словно чернила под дождем.

Я застыла в паре шагов от отца. От него исходили волны зловония. К горлу подкатился комок желчи.

– Папа! – крикнула я. Я не называла его так с шести лет.

Его рот скривился, глаза впали.

– Уходи! Прочь! – Голос был громким и гулким, и определенно не отцовским. Его колени начали подгибаться, но я не смогла сдвинуться с места. Как будто кто-то держал меня за спиной за руки. Томас рванул вперед и добежал до моего отца прежде, чем тот рухнул на землю.

Глава 7

Я стояла в саду за домом, глядя, как аспиранты Софи – те немногие, кто согласились вернуться – откапывают цистерну, стараясь держаться от нее подальше, чтобы не слышать шепот невидимых людей. Ассистентка Софи, Меган Блэк, в милых наушниках в форме банта и розовом поясе с инструментами поверх стеганой куртки от *Burberry*, склонилась с небольшой щеткой над рядом грязных кирпичей. Я могла лишь гадать, во сколько ей обходится ежемесячный счет за химчистку. Возможно, его оплачивает ее мать, и она же покупает дочери одежду.

Я вспомнила, что сказал Энтони о кирпичах цистерны, доставленных из мавзолея в Галлен-Холле. Я не сомневалась, что так и было. С тех пор, как я увидела возле края цистерны призрак мужчины, держащего украшение, я знала: воздух в саду за домом заставляет трепетать, как крылья птицы, что-то помимо закопанной керамики и столового серебра. Я просто игнорировала правду, в чем изрядно поднаторела. Я не была уверена, связана ли темная тень в комнате Нолы с цистерной, или это просто нечто неприятное, возникшее во время неудачной (и, надеюсь, всего одной) игры с доской Уиджа, в которую Нола играла со своими подружками. Или все же они были неким образом связаны – энергии трех девочек-подростков, вызывавших темных духов, что таились во всех тенях, ожидая возможности вторгнуться в нашу жизнь.

– Ты такая соблазнительная, когда о чем-то задумываешься.

Почувствовав присутствие Джека еще в тот момент, как он вошел в сад, я даже не вздрогнула. Наше обоюдное влечение было таким же сильным, как притяжение океанских приливов к луне. Или, как он однажды сказал мне, неудачно подобранных цветов к табличкам на зданиях Совета по архитектурному надзору. И он был прав.

Он поцеловал меня в шею, обнял за плечи. Я не догадалась надеть пальто и была благодарна ему за его тепло.

– Не замерзла? – спросил он, привлекая меня к себе.

– Я не планировала оставаться здесь надолго. У меня назначено собеседование с другим дизайнером, и я подумала, что пока жду, зайду

проверить, как идут дела. Хотелось бы устранить эту проблему до рождественского ужина. Это такое бельмо в глазу.

– Что ж, даже если оно все еще здесь, я уверен, твой отец сможет сделать так, будто это придумал сам Лутрел Бриггс. Кстати, как там твой отец? Я разговаривал с ним вчера вечером, и он сказал, что к тому моменту, когда его снова погрузили в машину, все было в порядке, и он якобы не помнит ничего из того, что случилось.

– Да, – сказала я. – Только сейчас он настаивает на том, что, возможно, потерял сознание оттого, что у него резко понизилось кровяное давление. И он до сих пор не разговаривает со мной, потому что я настояла на том, чтобы он остался в постели и пропустил вчерашнее собрание клуба садоводов.

– Это довольно серьезно. Тебе пришлось запереть его в спальне и задраить окна? Либо это, либо ему действительно было больно. Это единственное, что заставило бы его прислушаться.

– Я тоже так подумала. Ты ведь знаешь, как он любит свой садоводческий клуб. Единственное, что его успокоило, – заверение Джейн, что на заседании она будет говорить от его имени, поскольку уже ознакомилась с его записями по данной теме. Очевидно, они проводят много времени вместе в саду.

– Как хорошо, что у него есть Джейн, – сказал он.

– Еще как хорошо! – Раскаленная добела искра чего-то такого, что ворвалось в меня вчера, когда Джейн сделала свое предложение, а отец его принял, как будто взорвалась жарким фейерверком, стоило мне вновь мысленно прокрутить этот разговор. Я повернула голову и посмотрела на Джека. – Разве ты не должен сидеть сейчас за письменным столом?

Он отвел взгляд, сделав вид, будто с большим интересом изучает работу, ведущуюся внутри цистерны.

– Я просто сделал перерыв… мне ведь разрешены перерывы, правда? – В его голосе мне послышалась непривычная нотка.

– Конечно. Но я слышала, как ты играл с детьми в детской, так что мне просто было интересно. Все в порядке?

– Все в порядке, – быстро ответил Джек. – Просто прорабатываю сцену с Баттон Пинкни и ее невесткой, – добавил он, имея в виду бывших владельцев дома Джейн на Саут-Бэттери. – Трудно создавать диалоги для реальных людей, вот и все.

– Представляю! – сказала я. – Но я абсолютно уверена, что твоя книга станет следующей «Полночью в саду добра и зла». Разве не так сказал твой редактор?

– Бывший редактор, – с серьезным лицом поправил меня Джек.

Мой взгляд переместился за его спину на окно спальни Нолы. Интересно, тень, которую я там видела, – лишь плод моего воображения? Ладно, или *сейчас, или никогда*. Я глубоко вздохнула и, как говорится в пословице, опоясала свои чресла.

– Хочу тебе кое-что показать.

Джек приподнял бровь и одарил меня похотливой ухмылкой.

– Я тоже. У нас есть время?

Я игриво толкнула его локтем в бок. Интересно, он когда-нибудь станет взрослым? Если честно, мне этого не хотелось бы.

– Это не то, что я имела в виду. У меня есть фотография задней части дома, которую сделала Меган. Там есть кое-что такое, что тебе нужно увидеть.

Он посмотрел на Меган. Та увлеченно смахивала щеткой землю с чего-то похожего на старую палку.

– Она сегодня только что вернулась на работу после снятия гипса. Когда она сделала этот снимок? – Джек с прищуром посмотрел на меня.

– Привет! – На дорожке, ведущей из-за дома, стоял высокий мужчина в безупречном сером костюме. – Ваша няня была на крыльце с двумя очаровательными малышами. Она сказала мне, что я могу найти вас двоих здесь. Он подошел ближе и протянул руку. – Я Греко.

Я так обрадовалась, что увильнула от ответа на этот вопрос, даже не успев поразиться появлению незнакомца. Мы тоже представились, он пожал нам руки и подождал, когда мы заговорим. Поскольку мы этого не сделали, он подсказал:

– Я дизайнер. У нас была назначена встреча.

Я растерянно посмотрела на него, отметив про себя и желтый шелковый галстук от Hermès, и платочек ему в тон в кармане пиджака. Он был очень высокого роста, с проницательным взглядом и приятной улыбкой, и что еще лучше, без каких-либо бесплотных прихвостней.

– Да, – сказала я, – но я ожидала кого-то по имени Джимми – друга нашего мастера Рича Кобилта. Я неправильно поняла?

Он рассмеялся.

– Моя фамилия – Дель Греко, но зовут меня Джеймс, или, как называют меня друзья и родные, Джимми. Моя сестра сказала, что прозвище Греко больше подойдет дизайнеру.

Джек весело улыбнулся.

– Не могу с этим поспорить. Значит, вы с Ричем хорошие друзья?

Греко кивнул.

– Еще с начальной школы. И даже были соседями по комнате в Клемсоне. Оставались на связи даже после того, как я уехал учиться на медбрата. Я дипломированный медбрат, но после того, как все мои друзья и родственники начали просить меня о помощи в дизайне, я понял, что выбрал не ту профессию.

Джек понимающе кивнул.

– Иногда я задаюсь тем же вопросом. Мелли не раз говорила, что я тот человек, к кому можно обратиться, когда требуется пристроить бездомную оттоманку или разместить аксессуары на книжной полке.

Греко с уважением посмотрел на Джека.

– Все думают, что умеют это делать, но на самом деле лишь немногие.

– Это верно, – сказала я, ведя его к двери кухни. Меня мучил вопрос: насколько уместно спросить его, что общего у них с Ричем Кобилтом, поскольку, очевидно, это было не следование моде.

Когда мы вошли на кухню, Генерал Ли в своем позорном конусе стоял мордой к стене. Хотя конус был прозрачным, он вел себя так, как будто не мог сквозь него видеть и никто не мог видеть его. Не считая коротких перерывов, чтобы поесть, попить и ненадолго выйти на улицу, чтобы облегчиться, он оставался в этом положении, стоически принимая свою судьбу. Это было грустно и трогательно одновременно, и я, когда никто не видел, угостила его дополнительными лакомствами и сообщила, когда он сможет наконец увидеть Синди Лу. Не могу сказать, что воодушевило его больше.

– Боже мой, – сказал Греко и, заметив пса, остановился. – Вы поступаете так со всеми, кто вас обижает?

Меня слегка задело то, что он обратился со своим вопросом ко мне. Я нахмурилась, но Джек пришел мне на помощь:

– Это Генерал Ли. Он только что перенес большую операцию.

Генерал Ли повернул голову, посмотрел на нас долгим укоризненным взглядом, после чего продолжил изучение краски на

стенах.

– Бедняга, – сказал Греко. – Я бы погладил его, но у меня такое чувство, что он предпочел бы сейчас побыть один.

Джек кивнул.

– В данных обстоятельствах он держится молодцом, но то и дело с мольбой смотрит на меня, чтобы я, не дай бог, не сел в машину с Мелли и не позволил ей сесть за руль.

Греко приподнял брови, но, похоже, как человек умный, промолчал. Он отклонил мое предложение перекусить. Я зашагала на второй этаж, а он неторопливо оглядел фойе и, судя по его глазам, воздал ему должное.

– Итак, – сказал Греко, пока мы поднимались наверх, – вы разговаривали с другими дизайнерами?

Джек кашлянул.

– Всего с парой дюжин. Мелли…

– На редкость, – продолжила я.

– Придирчива, – сказал одновременно со мной Джек. Я сердито посмотрела не него.

– Под «придирчивым» он подразумевает, что мне нравится…

– Когда с ней не спорят, – продолжил Джек. – Помимо безупречного вкуса и способности работать в рамках бюджета, любой дизайнер, которого мы нанимаем, также должен обладать некоторыми знаниями психологии, особенно обсессивно-компульсивных расстройств.

Мой локоть соприкоснулся с твердым как камень прессом Джека, и я с удовлетворением услышала сдавленное «ой».

– И, возможно, навыками самообороны, – продолжил Джек. – Хорошо, что у вас есть диплом медбрата, – это большой плюс в вашу пользу. Кстати, вы умеете пользоваться маркировочным пистолетом?

Я повернулась спиной к Джеку и лицом к Греко.

– Не обращайте на него внимания. Он писатель и большую часть времени живет в мире фантазий. Никогда не знаешь, что слетит с его губ в следующий раз.

– Рад слышать, – сказал дизайнер, даже не моргнув глазом. Приятное разнообразие. Другие дизайнеры, с которыми я беседовала до него, ретировались еще до того, как мы успевали подняться по лестнице. Так что я восприняла это как хороший знак.

Дверь спальни была закрыта. Так было с тех пор, как в марте мы переселили Нолу в гостевую комнату, когда я увидела в ее окне чье-то лицо и почувствовала в коридоре наверху присутствие темной тени. Она все еще была там, все еще ждала. И наблюдала. Я просто не знала, с какой целью. Или как долго.

Когда я оправдывалась тем, что мне нужно отремонтировать комнату Нолы, чтобы вынудить ее переехать в гостевую комнату, моей главной заботой было то, что у меня не будет денег на крупный ремонт. Но меня выручили мама и Амелия, согласившись, что это отличная идея: Нола ведь уже взрослая девушка, и ее спальня должна отражать ее формирующуюся зрелость. Они были исполнены такого воодушевления, что решили разделить расходы на рождественский подарок Ноле.

– Итак, – сказала я, поворачиваясь к обоим мужчинам. – Это комната Нолы. Она только начала свой первый год обучения в школе «Эшли-Холл», и нам хотелось бы, чтобы ее комната не только отражала ее эклектичные вкусы, но и была бы теплым и комфортным местом, куда ей хотелось бы вернуться, когда она будет учиться в колледже.

Мы с минуту стояли в коридоре, улыбаясь друг другу. Наконец Джек кашлянул.

– Может, зайдем внутрь и посмотрим?

– Да, – сказала я. – Конечно.

Я взяла дверную ручку и повернула ее. Ничего.

– Дверь заперта? – спросил Джек, делая шаг вперед, чтобы открыть ее.

– Надеюсь, что нет, – сказала я, – потому что ключ только один, и он обычно находится с другой стороны двери.

Мы многозначительно переглянулась.

– В старых домах обычно есть отмычки, – вмешался Греко. – Может, ваша экономка знает, где находится таковая?

– Да, – согласилась я, – но я не думаю, что она заперта. Ее просто… заклинило.

Джек снова попытался повернуть ручку и с силой навалился на дверь боком. Я увидела, как та подалась. Между ней и дверным косяком просочился тонкий луч света. Значит, она определенно не заперта. Но что-то с другой стороны не давало ей открыться.

Внизу открылась и закрылась входная дверь.

– Эй! – раздался голос Нолы. – Есть кто-нибудь дома?

Я закусила губу. Мне не хотелось, чтобы она увидела борьбу с дверью и поняла ее причину. Я услышала, как ее рюкзак с учебниками шлепнулся на пол у подножия лестницы, – надо будет вновь поговорить с ней на эту тему, – а затем она взбежала вверх по лестнице, и я поняла, что, увы, слишком поздно. Ее уже не остановить.

– Требуется помощь? – спросила она, направляясь к своей спальне.

– Все нормально… – начала было я, но она уже протиснулась перед Джеком, оценила ситуацию и повернула ручку. Дверь распахнулась. Мы застыли на месте, глядя в комнату, и не знали даже, что сказать.

Первое, что я ощутила, это запах лошадиного пота и кожи, а также стойкий запах пороха. Я поморщила нос, гадая, почему он кажется мне таким знакомым, и вспомнила, что недавно нюхала его. Второе, что бросилось в глаза, – вся оставшаяся мебель и постельные принадлежности были сложены на ковре этакой шаткой пирамидой, доходившей до верха столбов антикварной кровати. По стенам было размазано нечто похожее на засохшую грязь, и на первый взгляд казалось, что это случайные штрихи и фигуры. Но, присмотревшись, я увидела, что отдельные буквы образовали слово. Ее как будто в гневе и ярости швырнули на стену, эту густую от ненависти грязь. *Предан*.

– Итак, – сказал Греко, целеустремленно входя в комнату, и повернулся, чтобы осмотреть царивший в ней разгром. – Похоже, нам здесь предстоит много работы.

Джек, Нола и я обменялись удивленными взглядами и снова посмотрели на дизайнера.

– Вы нам подходите, – сказала я и порывисто обняла его.

Глава 8

Я сидела на складном пластиковом стуле в пустом доме, коротая время с коробкой сушеных апельсинов, а точнее, втыкала в них зубчики гвоздики по образцу, который Софи продиктовала для помандеровых шаров. Предполагалось, что они будут украшать собой каждый рождественский венок и каждую настольную композицию в каждом доме, где будет проводиться исторический рождественский ужин. Это занятие заняло у меня больше времени, чем ожидалось: равномерно распределить зубчики оказалось сложнее, чем я думала, даже с помощью карманной линейки, которая, к счастью, лежала в моей сумочке. Вероятно и то, что я нарочно затягивала работу ради дополнительного удовольствия, которое получала всякий раз, представляя каждый апельсин куклой вуду моей бывшей лучшей подруги.

Я не торопилась закончить работу, поскольку Софи любезно набила заднее сиденье моей машины обрезками самшита, которые требовали «обработки», прежде чем мы сможем их использовать в нашей мастерской по изготовлению рождественских венков в колониальном стиле. «Обработка» предполагала резку, очистку, повторную нарезку и замачивание. По моему мнению, все четыре шага были излишни. Я очень надеялась, что у меня будет время зайти в магазин рукоделия и купить пластиковые. Гораздо меньше возни, зато прослужат вечно. Надеюсь, Софи не заметит разницы.

Этот дом стоял на Стейт-стрит и принадлежал клиенту, чье объявление о продаже я выбрала лишь потому, что уже продала им еще один дом на Гиббс-стрит. Обычно я не проводила дни открытых дверей, потому что даже когда я, по идее, бывала в доме одна, на самом деле я никогда одна там не была, и я чувствовала себя крайне неловко, пытаясь объяснить свои внезапные всплески пения ничего не подозревающим потенциальным покупателям.

Но это был относительно новый (примерно 2002 года) особняк – или, как его называла Софи, «извращение всех архитектурных и исторических принципов», – построенный так, чтобы отдаленно напоминать дом, изначально стоявший на участке до того, как был

заброшен, а затем обречен городом на снос. Я вспомнила, как Софи всякий раз одевалась во все черное и плакала, когда ей предстояло пройти мимо пустого участка, а затем, увидев, что там строится роскошный дом, стала откровенно к нему враждебной. По словам Софи, это был «Чарльстонский двойной дом на стероидах», но главная ее печаль заключалась в том, что дом был новый. Владельцами, моими клиентами, была милая пара средних лет из Бостона. Они счастливо прожили в этом доме несколько лет, пока не узнали, что наиболее престижным местом для владения домом в Чарльстоне считается район к югу от Брод-стрит. Я была не согласна с этим мнением, но не смогла устоять перед двойной комиссией. Особенно сейчас.

Услышав, как закрылись входные ворота, я встала, чтобы посмотреть в окно, ожидая увидеть другого риелтора и ее клиентов. Я подождала, пока не услышала на крыльце шаги, и, прежде чем они успели услышать, как дверной звонок пропел мелодию «Дикси», распахнула дверь. Кстати о звонке. Владельцы наверняка думали, что это очень мило и расположит к ним соседей. Увы, они ошиблись.

– Энтони! – удивленно воскликнула я, принимая костыли, которыми он пользовался из-за вывиха лодыжки. Его лицо было сплошь в синяках, рука на перевязи. Все это, видимо, было последствиями автомобильной аварии.

– Извините, – сказал он. – Наверное, мне следовало предупредить вас о моем приходе. Я позвонил в ваш офис, и ваша милая мисс Джолли сказала, что вы здесь.

Наша секретарь обычно бывала лучшим сторожевым псом, но я не сомневалась, что Энтони пустил в ход все свое обаяние. Я отступила и придержала для него дверь. Входя, Энтони огляделся по сторонам, как будто надеялся кого-то увидеть.

– Ваша сестра здесь?

– Нет, она присматривает за моими детьми. Она наша няня.

Мои слова его явно огорчили.

– Да, конечно. Просто я… Ладно, ничего страшного. Я пришел извиниться и, надеюсь, договориться с вами о еще одной встрече, чтобы посетить мавзолей.

Вспомнив отца и зловещий голос, который вырвался из его рта, словно желчь, я содрогнулась.

– Я не уверена…

– Кто-то испортил мою машину, Мелани. Знаю, что не смогу это доказать, но в мой руль как будто кто-то вселился. Я не мог контролировать его, мне казалось, что у него есть собственный разум. Или как будто кто-то управлял им удаленно.

– Как это связано с тем, что я хочу осмотреть мавзолей?

– Это Марк, неужели вам непонятно? Он каким-то образом узнал, что я задумал, и теперь отчаянно пытается помешать нам найти то, что там может быть спрятано.

Жаль, что я этого не видела. Тогда мне не пришлось бы рассматривать другую, вполне реальную возможность того, что случилось с машиной Энтони.

– Нет, непонятно. Марк наглец, но он ваш брат. Я очень сомневаюсь, что он попытался причинить вам физический вред.

Несмотря на холод на улице и в пустом доме, на лбу у моего собеседника выступили капельки пота. Я подвела его к одинокому стулу, и он тяжело сел.

– Извините, – сказал он. – Просто я… напуган.

«Я тоже», – чуть не вырвалось у меня.

– Вам принести воды?

Он покачал головой.

– Но спасибо. Мне действительно станет лучше, если вы скажете, что поможете мне.

Я скрестила на груди руки.

– Думаю, вы должны рассказать мне больше, чем просто «встретимся у мавзолея». Вы должны рассказать мне всю историю, ничего не скрывая, договорились?

Энтони положил костыли на пол, откинулся на спинку стула и вытянул перед собой ноги.

– Марк приобрел плантацию потому, что думал, будто именно там спрятаны алмазы Конфедерации.

– Это я знала, но не знала, почему. Что навело его на такие мысли? – спросила я, остановив взгляд на одном из апельсинов: расстояние между гвоздиками на нем было нарушено.

– Думаю, по той же причине, что и все в то время… все эти слухи о предке-конфедерате Вандерхорсте, который якобы спрятал бриллианты. Но когда Марк собирал материал для своей книги о нашем предке Джозефе Лонго, он обнаружил в архивах

Чарльстонского музея деловой дневник Джозефа. Поскольку он знал, что Джек работает над книгой на ту же тему, он вырвал страницы… – Энтони умолк, как будто ему было стыдно за брата. – И уничтожил их. Но их оказалось достаточно, чтобы убедить Марка в том, что алмазы закопаны где-то на территории плантации – или были там закопаны до того, как их перевезли в ваш дом.

Не удержавшись, я подняла апельсин с криво торчащей гвоздикой и вытащила линейку. Энтони умолк, и когда я посмотрела на него, то поймала на себе его недоуменный взгляд.

– Это украшения для рождественского ужина. Вы когда-нибудь видели, чтобы в апельсины втыкали гвоздику, чтобы получились помандеровые шары?

Он медленно кивнул.

– Конечно. Но никогда… чтобы с точностью до миллиметра.

Я сердито посмотрела на него.

– Вы что-то говорили о том, почему Марк решил, что бриллианты спрятаны в Галлен-Холле.

– Верно, – сказал он, отводя взгляд от того, что я делала. – Джозеф скопировал в свой дневник некий странный рисунок, какие-то каракули. По-видимому, будучи на вечеринке в доме Вандерхорста на Трэдд-стрит, Джозеф поводил носом и нашел на столе мистера Вандерхорста старый лист бумаги с этими странными каракулями, и скопировал их в свой дневник. Марк показал мне копию только один раз. Я подумал, что это похоже на иероглифы, но Марк сказал, что это доказательство того, что Вандерхорсты спрятали в одном из своих домов что-то ценное. И, правда, зачем возиться и придумывать шифры, если вы не прячете что-то ценное, верно? Марк предположил, что это алмазы… он подумал, все дело в истории о капитане Джоне Вандерхорсте, которому после войны доверили сохранность алмазов и который снова появился в Чарльстоне уже без них.

– Да, теперь мы знаем, что бриллианты действительно были и их спрятали в напольных часах. Но почему он считает, что в мавзолее может быть спрятано что-то еще?

– Потому что, когда Марк узнал, что Джек работает над новой книгой, он решил, что, возможно, это продолжение, и захотел убедиться, что он сам все знает, а Джек не найдет ничего нового. Итак, он вернулся к своим заметкам и увидел, что на той же странице

в дневнике Джозефа Лонго он также скопировал слова «французское сокровище». Не уверен, что имелось в виду под словом «французское», но что такое «сокровище» – и так ясно. Марк думал то же самое. Бриллианты Конфедерации были получены не из Франции. Вероятно, поэтому он не стал придавать этим словам особого значения при поиске алмазов.

Я наклонилась, заглянула в коробку с апельсинами и с помощью линейки проверила положение зубчиков гвоздики.

– И? – подсказала я, вновь ощутив на себе его взгляд.

Он прочистил горло.

– Марк не понял, что означает рисунок, это я точно знаю. Он не просил меня о помощи, потому что в таком случае ему бы пришлось делиться со мной найденным сокровищем. Но это не помешало ему вести поиски. Он довольно сильно разворотил Галлен-Холл и прошелся с металлоискателем по всем этажам и стенам в поисках того, что могло быть «французским сокровищем».

Закончив с апельсинами, я принялась расхаживать по комнате, собирая с голого деревянного пола ворсинки.

– Боюсь, вы меня плохо слушали. Все бриллианты найдены и учтены. Больше нет никаких сокровищ. И вы до сих пор не сказали, какое это имеет отношение к мавзолею.

Он сел прямо и оперся локтями о колени.

– Вы ошибаетесь. Может, не по поводу бриллиантов, а по поводу того, что где-то спрятано еще одно сокровище.

– Я не…

Энтони поднял руку.

– До того, как мы с Марком поссорились, мы были в библиотеке в Галлен-Холле, курили сигары и пили бурбон. Марк всегда быстро пьянел, и это единственная понятная мне причина, почему он мне это рассказал, – и я серьезно сомневаюсь, что он это помнит, иначе бы он давно сжег дом и все остальное, лишь бы это не принадлежало мне.

Он умолк и потер больную руку.

– Что еще он вам рассказал?

– Он сказал, что точно знает, что на земле Вандерхорстов есть еще какие-то спрятанные сокровища.

Я нахмурилась.

– То есть вы думаете, что он нашел еще один алмаз?

– Нет. Он бы неделями хвастал по этому поводу. Несколько месяцев назад, когда он узнал, что Джек уже работает над новой книгой, он пошел в архив, где нашел дневник Джозефа Лонго и личную переписку семьи Вандерхорстов начиная с 1781 года, то есть со времени оккупации Чарльстона, если вы вдруг этого не знаете.

Я лишь кивнула, не желая показывать, что я понятия не имею, что он имел в виду.

– Он даже украл эти письма из архива – на тот случай, если в них есть нечто такое, что Джек может использовать для своей книги. Но когда Марк их прочел, то обнаружил совершенно другое.

Теперь я вскипела, уже из-за Джека. Мы всегда знали, что Марк – негодяй, но нам казалось, что мы видели всю глубину его непорядочности. Судя по всему, не всю.

– Что-что? – сказала я.

– Это было упоминание о том, что необходимо подготовить комнату для важного гостя из Франции, который хотел возложить венок на могилу дочери Вандерхорстов, Мари Клер. Марк указал, что Вандерхорсты, как и большая часть колонии Южная Каролина на тот момент, были лоялистами. А французы были заклятыми врагами британцев. Так зачем французу посещать Вандерхорстов? Чтобы возложить венок на могилу дочери, которой никогда не существовало?

Энтони приподнял бровь.

– Марк показал мне генеалогическое древо, он был одержим идеей поиска спрятанных сокровищ и сделал свой собственный, очень сложный чертеж. У Вандерхорстов было шестеро сыновей, но только два из них дожили до совершеннолетия. И давайте не будем забывать слова «французское сокровище», которые Марк обнаружил в дневнике Джозефа.

Я заморгала.

– Значит, судя по рисунку и письму с неверной информацией, он считал, что где-то на земле Вандерхорстов спрятан клад? Лично мне это кажется большой натяжкой.

– Да, как и то, что в вашем доме нашли алмазы Конфедерации, – сказал Энтони и одарил меня сардонической улыбкой. – Но это еще не все. Марк считает, что рисунок как-то связан с кирпичами внутри мавзолея. Он уже вскрыл пол мавзолея, все искал и искал, но вернулся с пустыми руками. Ради удобства раскопок он хотел снести весь

мавзолей, но местные краеведы не позволили ему это сделать. Судя по всему, мавзолей находится под защитой Закона об охране археологических ресурсов, который требует получение федерального разрешения на раскопки или удаление материальных останков прошлой жизни или деятельности человека. Мы не можем даже прикоснуться к нему.

– Но вы, конечно же, уже провели ваши поиски.

Глаза Энтони потемнели.

– Я пробовал. Но там есть кто-то… что-то такое… что удерживало меня. Это самое странное, поскольку в прошлом я много раз бывал внутри мавзолея, и ничего странного не происходило. Но потом внезапно, когда я попытался войти и поискать еще раз, со мной что-то случилось. Меня как будто кто-то бил и царапал. И… – Он умолк и решительно покачал головой, словно пытаясь стряхнуть болезненное воспоминание. – Каменная крышка на одном из склепов частично соскользнула и разломилась, и такой обломок едва не упал мне на ногу. Вы знаете, какие тяжелые эти крышки? Такие так просто не соскальзывают. Мне хотелось верить, что я все это вообразил, но все мое тело было в синяках. – Он на мгновение отвел взгляд, но тут же снова посмотрел на меня. – А вся спина в кровавых царапинах. Под одеждой. Как будто кто-то провел ногтями по голой коже.

Я не стала притвориться, будто понятия не имею, что это могло быть.

– Когда это случилось? – уточнила я. Мой голос дрожал.

– Это началось примерно в то время, когда прошлой весной у нас были проливные дожди, помните?

Еще как помнила! Именно тогда мой сад на заднем дворе просел, обнажив скрытую цистерну. Явив взору то, что таилось там не меньше века.

Я кивнула. Мои мысли пробегали «марафон» разными маршрутами, изо всех сил пытаясь избежать самого очевидного.

– И вы неким образом узнали, что Вандерхорсты девятнадцатого века использовали кирпичи мавзолея и старой кладбищенской стены, чтобы построить цистерну в своем доме на Трэдд-стрит.

– Верно. Совершенно случайно. По всей видимости, Марк уничтожил не все документы и письма, которые он выкрал из архивов. Одну стопку бумаг он оставил в обувной коробке в мусорном баке.

К счастью, когда я обнаружил, что являюсь незадачливым владельцем обанкротившейся винодельни, и завладел помещением, я нашел этот бак в старом каретном сарае. Очевидно, тот, кто отвечал за вывоз мусора, просто забыл про него.

Энтони устало покачал головой, и мне стало его жаль оттого, что он рос с таким братом, как Марк Лонго.

– Объятый гневом и желая получить доказательства того, что Марк занимался чем-то незаконным, я просмотрел эти бумаги. Их было много, все как одна украденные Марком из архива. Увы, ни одна не имела отношения ни к нему, ни к его деловым операциям. Их все можно было спокойно отправить в мусорную корзину. Это объясняет, почему я не смог найти о плантации ничего интересного, когда попытался провести собственное исследование.

Так я узнал о кирпичах. Я просмотрел все документы, но это была лишь куча бухгалтерских книг со стоимостью всех строительных материалов и мебели для обоих владений Вандерхорста и дневник экономки о том, сколько чая и сахара она ежедневно брала из кладовки. Единственная интересная вещь, которую я узнал, это то, что на том месте, где сейчас стоит новый мавзолей, когда-то стоял старый, но по какой-то причине его снесли, а затем в течение двух лет после сноса отстроили заново. Одновременно кирпичную стену, окружавшую кладбище, заменили железной оградой. Вандерхорсты в то время строили дом на Трэдд-стрит, – вероятно, более раннюю версию вашего нынешнего дома, – и снесенный мавзолей и стена наверняка были дешевым источником кирпича.

Я вопросительно приподняла брови.

– Зачем они это сделали? Разве новый мавзолей был больше прежнего?

Энтони покачал головой.

– Нет. В том-то и дело. Оба раза они работали по одному и тому же чертежу. И он был практически новым. На тот момент там было захоронено только три тела – все они были погребены в одном и том же году, в 1782-м.

Я перестала расхаживать взад-вперед.

– Пожалуйста, скажите мне, что обувная коробка все еще у вас.

Взяв один из апельсинов, Энтони принялся его разглядывать. Мне потребовалась вся моя сдержанность, чтобы не попросить его не

прикасаться ни к одной из гвоздик.

– Конечно. Я не такой, как Марк. Я никогда не уничтожил бы исторический документ. Это было бы просто… нехорошо.

Я решила, что Энтони Лонго мне очень нравится.

– Могу я увидеть эту обувную коробку?

Он принялся перебрасывать апельсин из одной руки в другую. Я стиснула зубы.

– Это означает, что вы все еще готовы помочь?

Я была почти уверена, что выбора у меня нет. Внутренний голос подсказывал мне, что происходящее в его мавзолее неким образом связано с моей цистерной и призраком в спальне Нолы. Я разжала челюсти.

– Да. Полагаю, да.

Он улыбнулся и встал.

– Тогда не стану вам мешать. Я доставлю коробку к вам домой, когда вам будет удобно. Или выставлю ее рядом с домом, если Джейн там.

Я нахмурилась.

– А не могли бы вы доставить ее ко мне в офис? Можете оставить ее у Джолли. Она полностью заслуживает доверия.

Он выглядел разочарованным, но дружба с Томасом Райли обязывала меня не поощрять другого поклонника Джейн.

– И, Энтони?

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Не говорите никому, что я вам помогаю. Не хочу, чтобы люди знали об этом.

Пару секунд Энтони молча смотрел на меня.

– Понял, – сказал он, кивнув, затем поднялся на костылях и направился к входной двери в восьмиугольном проходе. Его размеры, в отличие от остальной части дома, не соответствовали историческому периоду. Я чуть не прикусила язык, поймав себя на том, что начала думать совсем как Софи.

– На вашем месте я бы не стала есть этот апельсин. Он был специально высушен, – сказал я, глядя на фрукт, который он все еще держал в руке.

– Ах да, – сказал он и бросил апельсин мне.

Странно, но я изловчилась его поймать.

– И последнее.

Он смерил меня еще одним вопросительным взглядом.

– Будьте осторожны. Пока я не придумаю план, я бы на вашем месте держалась от мавзолея подальше.

Мы попрощались. Проводив его взглядом, я закрыла за ним дверь. Когда я повернулась, чтобы продолжить свою работу, все апельсины из коробки лежали на полу, аккуратно выстроенные так, чтобы получился идеальный крестик.

Глава 9

Когда я, неся коробку апельсинов и удовлетворенная точным расположением гвоздик, торчащих из их кожуры, запирала дом своих клиентов, меня кто-то окликнул. Обернувшись, я увидела дочь Вероники и подругу Нолы, Линдси Фаррелл, и ее отца, Майкла, которые выгуливали очаровательный снежно-белый лохматый комок – щенка хаски.

– Нужна помощь? – крикнул Майкл, взбегая по ступеням, чтобы взять у меня коробку.

– Спасибо, – ответила я. – Моя машина прямо здесь, но если вы сумеете всунуть в нее коробку, я буду вам признательна.

Я с помощью пульта открыла багажник, и, пока он ставил коробку внутрь, повернулась, чтобы поздороваться с Линдси.

– Рада тебя видеть. Нола не говорила, что у вас новый щенок.

Я наклонилась, чтобы почесать пушистый комок за ушами. На меня посмотрели неотразимо очаровательные голубые глаза, из пасти высунулся розовый язычок. С тех пор, как я обзавелась собакой, я стала чрезмерно замечать других собак. Я просто не могла пройти по улице, чтобы не улыбнуться им и не попросить у хозяев разрешения их погладить. Но я была бы посрамлена, узнай об этом Джек, поскольку моя официальная линия заключалась в том, что я не любительница собак. Хотя теперь у меня их было целых три, а один даже спал на моей подушке. Я не из тех, кто любят показывать, что они ослабили какие-либо свои личные правила.

– Это мамин подарок на день рождения. – Линдси наклонилась и заговорщицки прошептала: – Отец не слишком рад, но я всегда хотела собаку. Его зовут Призрак.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Призрак?

– Да. Ну, вы знаете. Как в «Игре престолов».

Я тупо уставилась на нее.

– Как в сериале по книгам Джорджа Р. Мартина, – подсказала она.

Мне это тоже ни о чем не говорило. Было видно, что она готова закатить глаза, но, поскольку я была мачехой Нолы и взрослым

человеком, она не стала этого делать.

– Да, сейчас, когда мне приходится совмещать уход за детьми и работу, у меня не так много свободного времени.

– А еще дом, – сказала она. – Отец говорит, что жить в историческом доме – это все равно что жить с упрямым толстым комаром с дырой в животе, который все время высасывает вас насухо.

Я изобразила ужас, пытаясь забыть, как когда-то думала то же самое. И даже сейчас время от времени, например, когда Софи объявила, что у нас на передней веранде гниль и нам нужно восстановить древесину, а не заменять ее на что-то менее уязвимое для природных стихий. В смысле, на что-то, что не было деревом.

– Вы правильно поняли, – сказал Майкл, подходя ближе, и подбородком указал в сторону машины. – Обучаетесь новым фокусам с апельсинами?

Его тон был легким и непринужденным, но его взгляд – нет. Я не сомневалась, что он отлично помнит про апельсин, брошенный в него в моей столовой.

Я притворилась, будто в первый раз об этом слышу.

– Вообще-то это украшения для рождественского ужина. Поскольку в вашем доме будут подавать десерт, я собиралась позвонить Веронике, чтобы узнать, могу ли я попасть к вам домой, раз уж мы совсем рядом. Софи попросила меня снять размеры каминов, – она хочет знать, сколько гирлянд нам понадобится, – и осмотреться вокруг на тот случай, если нам понадобится что-то еще. Ваш дом викторианский, поэтому он будет немного отличаться от остальных. Я не совсем понимаю, что это за отличия, но я пообещала ей сфотографировать его на свой телефон, а она потом пусть решает сама.

– Я могу это сделать сам, – пообещал Майкл. – Или Вероника. Вам не нужно тратить на это время.

Я была готова согласиться, зная, что у меня будет достаточно времени, чтобы перед встречей в офисе зайти в «Глазированные пончики» за пончиком и латте. Но внезапный запах «Ванильного мускуса» заставил меня закрыть рот.

– Полагаю, Софи просто заставит меня вернуться и все переделать, так что лучше я сразу сделаю все так, как она требует. – Я изобразила широкую улыбку, вспомнив то, что однажды сказал обо мне Джек. – Вы же знаете, какими бывают некоторые люди. У них все

должно быть в идеальном порядке, сделано в точности так, как это сделали бы они сами, а на меньшее они не согласны.

– Мамы нет дома, но входная дверь не заперта, если вы не хотите ждать, пока мы закончим прогулку с Призраком, – предложила Линдси.

Майкл было запротестовал, сказал, что пойдет со мной, но я его перебила. Я до сих пор не могла понять, почему не хочу оставаться с ним наедине, и поэтому сосредоточилась на воспоминании о брошенном в него через всю комнату апельсине.

– Не смешите меня! У меня и в мыслях нет надоедать вам или вторгаться в вашу семейную жизнь. Обещаю действовать быстро, и когда вы вернетесь, меня, наверное, уже не будет. Было приятно увидеть вас обоих, – весело сказала я, пытаясь не обращать внимания на ледяное прикосновение ладони к моей руке.

Я прошла три квартала до желтого викторианского дома на Куин-стрит. Я проходила мимо него много раз и сейчас вспомнила, как ходили слухи о том, что он был выставлен на продажу после того, как его бывшие владельцы, родители Вероники, переехали в жилой комплекс для пенсионеров. Но потом его решили не продавать – в нем поселились Вероника, Майкл и их единственный ребенок, Линдси. В то время я, конечно, ничего об этом не знала, поскольку еще не встретила свою однокурсницу по колледжу, но я вспомнила этот дом.

Это был красивый особняк в стиле королевы Анны с асимметричным фасадом и внушительным фронтоном. До знакомства с Софи я просто назвала бы такой дом старым и продемонстрировала бы его любому покупателю, заглянувшему ко мне в офис в поисках кусочка истории Чарльстона, независимо от того, какой период этот покупатель предпочитал. Большинство покупателей разбирались в исторической архитектуре ненамного лучше, чем я, а единственным препятствием для покупки обычно была запрашиваемая цена. Хотя многие такие дома требовали капитального ремонта, цены на них все равно были выше, чем в новом доме с четырьмя спальнями в Покипси. Но желание людей владеть историческим домом в Священном городе давало мне работу, чему я была очень благодарна, даже если не совсем это понимала.

Пройдя в парадные ворота, я поднялась по ступеням к крыльцу. Не имело значения, была ли дверь заперта или нет, потому что она

открылась сама еще до того, как я подошла к ней. Холодный воздух пропитался тяжелым ароматом «Ванильного мускуса». Это был дом, в котором выросли Вероника и ее сестра Адриенна. Хотя Адриенна была убита, когда жила в общежитии Чарльстонского колледжа, было логично предположить, что этот дом, о котором у нее наверняка было столько счастливых воспоминаний, будет тем местом, куда она вернется.

Викторианская архитектура с ее интерьерами, пристрастием к темному дереву, тяжелым тканям и несочетаемым узорам была наименее любимой в моем ассортименте старых домов. Стоя в арочном дверном проеме, ведущем из небольшого вестибюля в гостиную, я затруднялась сказать, нарочно ли интерьер оформлен «под старину» или просто был устаревшим. Кроме крепкого аромата «Ванильного мускуса», в воздухе комнаты ощущалась затхлость давно пустующего помещения. Все тепло прошлых лет и намеки на семейный уют давно покинули этот дом.

Я вспомнила один из предыдущих разговоров с Вероникой. По ее словам, Майкл хотел продать дом, говоря, что ремонт – слишком дорогое удовольствие. Но после того как на чердаке была обнаружена коробка с вещами Адриенны, находившимися в ее комнате в общежитии на момент ее смерти, а также новая подсказка в виде кулона, Вероника даже слышать не хотела ни о какой продаже.

Я вытащила рулетку – я всегда ношу ее с собой вместе с линейкой, ибо эти вещи всегда могут понадобиться – и айфон, чтобы в соответствии с указаниями Софи измерить каминные полки и сделать снимки. Кстати, как здорово, что у меня теперь есть Нола, мой персональный менеджер по современным технологиям. Я никогда не дружила с электронным оборудованием, в основном потому, что устройства почти всегда вырубались или теряли мощность, стоило мне слишком близко подойти к одиноким духам, требующим моего внимания. Но даже Нола была убеждена, что я в состоянии управлять функцией камеры на моем телефоне, и что даже если моя камера прикажет долго жить, фотографии будут сохранены где-то в облаке, чтобы я их не потеряла. Я решила, что мне не обязательно знать, как это все работает, главное, чтобы оно работало исправно.

Я шагнула в гостиную и, быстро измерив и записав ширину каминной полки, направила камеру на резной камин с волнистым

зеркалом над ним. По обоим краям камина стояли мраморные вазы. Я очень надеялась, что в них нет золы, потому что Софи наверняка потребует, чтобы я посадила в них какие-нибудь комнатные растения.

Явно сопровождаемая неким духом, я через открытые двери прошла в столовую, а затем в ужасно старомодную кухню. Стены были оклеены блестящими обоями в цветочек, в тон бытовой технике и ламинированным столешницам цвета золотой пшеницы и зеленого авокадо. Хотя кухня требовала полной замены всего оборудования и некоторого косметического ремонта, потенциальные покупатели выстроились бы в очередь в надежде на то, что им посчастливится назвать этот особняк своим домом. Они неизменно спрашивали, есть ли в доме привидения, – одни с энтузиазмом, другие с опаской, – и я лишь тихонько посмеивалась, реагируя на их слова как на шутку, ведь, как известно, никаких призраков не существует.

Я принюхалась и тотчас ощутила запах знакомых духов. Интересно, почему Адриенна решила не показываться мне? Может, это как-то связано с присутствием других призраков, которое я ощущала, причем не столь дружелюбным? Тем, чей мрачный и сердитый голос раздался из уст моей матери, когда она взяла найденный на чердаке кулон. Мать сказала бы, что Адриенна экономила энергию на случай, если та понадобится ей, чтобы защитить меня.

Я продолжала измерять и фотографировать нижний этаж. Мой риелторский мозг автоматически производил расчеты, необходимые для обновления дома, не только для более комфортной современной жизни, но и для перепродажи. Проходя через небольшое фойе к входной двери, я поймала себя на том, что на миг задержалась внизу лестницы. Широкие ступени были покрыты темным деревом и мрачным цветочным узором. Тяжелая деревянная балюстрада тянулась над ступенями вверх, где под блестящим витражом сворачивала на лестничную площадку и вела дальше на верхние этажи и чердак.

Это не было ни приглашением, ни гостеприимством, тем не менее я ощутила сильный толчок в спину, направивший меня вперед. Когда же я попыталась повернуть назад, то обнаружила, что чьи-то невидимые руки заблокировали мне путь.

– Ладно, – пробормотала я. – Давай, покажи мне то, что ты хочешь, чтобы я поняла, но ничего не могу обещать. Разве что

расскажу сестре и матери, чтобы они попытались помочь тебе, если смогут. Вот и все.

Джейн рассказала мне, что их ссора с детективом Райли возникла из-за ее настойчивых требований дать рекламу своих способностей. Он же сказал, что это даст повод разного рода чокнутым вылезти из щелей, чтобы отравлять ей жизнь. В данном случае я была с ним полностью согласна. Верно, это отодвинуло бы расследование на второй план, как и любые другие нераскрытые дела, в которых он надеялся просить нас о помощи. В любом случае мне хватало собственных забот, и я не слишком переживала по поводу того, что мои способности нигде не задействованы. Не то чтобы призраки обращали внимание на мой тайм-аут.

Крепко держась за перила, я медленно поднималась по лестнице. Я отлично помнила другие лестницы в других домах и прекрасно знала: один сильный толчок, и вы можете кубарем покатиться вниз. Мне не хотелось повторять этот опыт. Старые деревянные ступеньки скрипели под ногами, и этот скрип наполнял мою душу дурным предчувствием. Я тотчас затосковала по полам в моем собственном доме, скрипевшим скорее приветливо, нежели пугающе.

Коридор наверху с его темно-розовой ковровой дорожкой и розовато-лиловыми стенами создавал атмосферу похоронного бюро, и, бегло взглянув на Адриенну, чтобы показать, что я сделала все, что могла, я направилась было обратно по лестнице вниз. Но нет, идущее со мной существо продолжало подталкивать меня к лестнице, ведущей к двери чердака.

Преодолев последний пролет, я остановилась, глядя на деревянные двери и керамическую дверную ручку. Я очень надеялась, что дверь заперта и я могу развернуться и уйти. Не то чтобы это имело значение, потому что дверь неожиданно распахнулась и невидимая сила втолкнула меня в затхлое пространство чердака. Радуга приглушенных оттенков, проникавшая через пыльные витражи на обеих сторонах большой комнаты, была бессильна проникнуть сквозь его тьму и мрак.

Вдоль стен, прикрытые простынями, выстроились огромные силуэты мебели, вместе с игрушечной кухней, продуктовым магазином и детской коляской с привязанной к ней тряпичной куклой. В комнате раздалось эхо, похожее на вздох, вздох воспоминаний и времени. Он

как будто утяжелил воздух, этот единственный звук, несущий всю утрату и горе рано оборванной жизни. Я на миг закрыла глаза, но, почувствовав легкий толчок в плечо, резко открыла их.

Я шагнула вперед. Моя нога задела картонную коробку. Упаковочная лента была оторвана от верхнего шва и спиралью свернулась на коробке, но клапаны были засунуты один под другой, чтобы коробка оставалась закрытой. Словно зная, что мне делать, я наклонилась и открыла створки. И мгновенно узнала коробку Адриенны. К одной стороне был прижат памятный альбом студенческого общества. Фотографии и приглашения на различные мероприятия были высыпаны, словно конфетти, на маленькую декоративную подушку в форме сердца и бейсболку с надписью «Пумы Чарльстонского Колледжа».

Зная, что это та самая коробка, которую уже перекопали Вероника и детектив Райли, я перебрала сувениры первокурсницы колледжа, пытаясь понять, что Адриенна хотела, чтобы я увидела. Раздосадованная, я в конце концов выпрямилась.

– Ты привела меня сюда наверх, но нельзя ли поконкретнее? Они уже нашли порванную цепочку и амулет. Мы просто не уверены, что это значит… если значит вообще.

Я ощутила легкий укол паники. После того, как мать коснулась цепочки и заговорила жутковатым голосом, я забрала у нее кулон. Одна беда – я не помнила, что с ним сделала. Помню только, что положила его в такое особенное место, что даже не могла вспомнить, куда именно. Или же подсознательно я уже тогда знала, что не хочу иметь с этим ничего общего.

– Мне пора идти, Адриенна. Я скажу Джейн, что я была здесь. Вдруг она сумеет узнать больше… – Меня оборвал звук хлопнувшей входной двери и собачий лай.

– Здравствуйте, миссис Тренхольм! – донесся до меня голос Линдси. – Мы вернулись!

Я застыла на месте, глядя на дверь и гадая, как мне объяснить мое нахождение на чердаке. Может, спрятаться здесь, дождаться, когда все уснут, а затем тихонько улизнуть? Впрочем, я быстро отказалась от этой идеи. Если меня застукают, газетные заголовки будут куда хуже, чем рассказ о моей способности видеть призраков.

Я еще не закончила производить мысленный расчет, сколько времени мне понадобится, чтобы спуститься на второй этаж, когда меня по затылку ударило что-то мягкое. Я посмотрела себе под ноги, туда, где приземлился этот предмет, и подняла его. Это была подушечка в форме сердца, обтянутая красным фетром с рюшем по краю. С лестницы донесся топот бегущих ног, тяжелее, чем шаги Линдси, и, прежде чем я успела сообразить, что делаю, я сунула подушечку в сумку.

– Мелани? Вы наверху? – Это был Майкл. Похоже, он уже добежал до второго этажа. Я прислушалась: его шаги, теперь уже более медленные, приближались к двери чердака.

По-прежнему стоя, не шелохнувшись, я услышала, как у моих ног об пол стукнулось что-то еще, что-то маленькое и изящное. Посмотрев вниз, я увидела порванную цепочку и амулет, который Вероника нашла в коробке, – переплетенные греческие буквы, служившие ключом к разгадке, суть которой нам еще не ясна. Охваченная паникой, я смотрела, как дверная ручка повернулась, затем быстро подняла кулон и, прежде чем Майкл открыл дверь, тоже опустила его в сумочку. С улыбкой проходя мимо него, я заметила его удивление.

– Спасибо, – сказала я. – Думаю, у меня есть все, что мне нужно. Скажите Веронике, что я позвоню ей.

Насколько позволяли высокие каблуки, я быстро сбежала вниз по лестнице, быстро попрощалась с Линдси, погладила собаку по голове и пулей выскочила из дома, на бегу пытаясь расшифровать выражение лица Майкла. Лишь добежав до своей машины и встретившись с собой взглядом в зеркале заднего вида, я поняла, что это было. Горе.

Глава 10

Вернувшись домой, я не увидела в каретном сарае минивэн Джека. У близнецов было время обеда, так что вряд ли Джейн вывезла их на прогулку. Обычно, когда Джек был погружен в работу над книгой, он не выходил из дома в середине дня – если только не возникало чрезвычайной ситуации. Или если он отлынивал. Выйдя из машины, я нахмурилась и мысленно перебрала все возможности.

Внезапно где-то рядом взвизгнули тормоза, а затем взревел двигатель. Я невольно вздрогнула и направилась по нашей подъездной дороге обратно к улице. Выглянув наружу, я увидела, что прямо на меня летит минивэн Джека. Спустя пару секунд машина резко остановилась примерно в двадцати футах от меня ровно посередине дороги.

Дверь со стороны водителя распахнулась. Из нее выскочила взвинченная Нола и, сердито топая, направилась к дому.

– Я в любом случае не хотела знать, как водить машину! – крикнула она, когда из двери со стороны пассажирского сиденья вылез Джек.

– Отлично! – крикнул он в ответ. – Я уверен, весь мир будет тебе благодарен.

Нола расплакалась и по ступенькам взбежала мимо меня на веранду. Я слышала, как она сердито топает к входной двери, а ее рыдания были слышны даже на улице.

– Джек?! – Я еще ни разу не слышала, чтобы он повышал голос на дочь. Он посмотрел на меня, и я не увидела на его лице никакого раскаяния.

– Когда она сидит за рулем автомобиля, она представляет опасность для общества.

– Тем не менее это не повод на нее кричать. – Я указала на дом. – Зайди внутрь и извинись. Я припаркую машину, поскольку ни ты, ни она сейчас не в состоянии это сделать.

Я не стала ждать, когда он ответит. А просто села за руль, завела двигатель и припарковала машину рядом со своей. Подождав достаточно долго, чтобы Джек и Нола поговорили по душам,

я, обогнув задний сад и цистерны, вошла в дом через парадную дверь. Это стало такой привычкой, что я забыла, как выглядит наша задняя дверь.

Я остановилась в холле и прислушалась: Джейн была на кухне с близнецами, я же попыталась услышать голос Джека или Нолы. Услышав вместо них характерный звон льда в стакане, донесшийся со стороны гостиной, я, затаив дыхание, крадучись двинулась в том направлении.

Джек стоял перед тележкой-баром, обычно заставленной пустыми графинами. Поскольку и Джек, и мой отец лечились от алкоголизма, мы держали графины пустыми, за исключением тех случаев, когда у нас были гости. У меня на глазах Джек наклонился и, пару секунд поколебавшись, открыл дверцу бара. Хотя в замке был медный ключ, он никогда не запирался. Потому что запирать его не было смысла.

Джек полез внутрь, в заднюю часть бара и, пошарив, вытащил нечто похожее на полную бутылку виски «Гленфиддиш». Выросшая с отцом-алкоголиком, я узнала эту бутылку как старого друга. Я стояла, затаив дыхание, не рискуя пошевелиться, хотя если мне чего и хотелось, так это попятиться и притвориться, что я его не видела.

Держа бутылку обеими руками, он долго смотрел на нее, как на лицо старой любовницы. Думаю, в некотором роде так оно и было. Затем, не говоря ни слова, он наклонился и поставил бутылку на место.

– Джек? – мягко сказала я. При звуке своего имени он вздрогнул, но не обернулся. – Я думала, ты пойдешь проверить, как там Нола.

Я подошла к нему и, встав рядом, многозначительно посмотрела на открытую дверь шкафа.

– И это даст тебе время для чего? – Я была на грани слез. – Что происходит?

Его глаза впились в мои, но в них не было ни юмора, ни любви, которые я обычно видела в них. Нет, они не были пустыми, но чего-то определенно не хватало.

– Что происходит? – повторил он. – Что происходит помимо того, что мою карьеру смывают в унитаз?

Я взяла его за руку и, слегка потрясенная тем, что наши роли поменялись местами, подвела Джека к дивану и усадила рядом с собой.

– Что случилось? – спросила я.

Джек вскочил и принялся расхаживать по комнате, держась на расстоянии от тележки с баром.

– О, обычное дело в жизни писателя, который пытается реанимировать свою карьеру. Я пишу десять страниц, затем удаляю девять из них и после того, как переписываю их, понимаю, что все это полная чушь. Поэтому я отправился на пробежку, ведь свежий воздух и упражнения, по идее, должны способствовать творчеству, но пока бежал по Легар-стрит, я практически врезался в Ребекку и ее собачонку, – кстати, сейчас ее уши выкрашены в розовый цвет, я не шучу, – и она спросила меня, как мои дела. Спросила так, как обычно спрашивают человека, страдающего опасным для жизни заболеванием. Затем сказала мне, что ей очень жаль, и похоже, искренне удивилась, что я понятия не имею, о чем она говорит, или о чем должна сожалеть, и больше не осмелилась встречаться со мной взглядом. Поэтому я поспешил домой, чтобы проверить свои сообщения, и, конечно же, нашел письмо от моего агента.

Я глубоко вздохнула, готовясь к тому, что, как я знала, наверняка будет дурным известием. Меня так и тянуло предложить тайм-аут, чтобы найти пару пончиков, похоронить свои заботы и отвлечься от надвигающейся проблемы. Именно так и поступила бы прежняя, незамужняя Мелли. Но теперь я была замужем, ответственной взрослой женщиной, матерью троих детей. И я любила Джека. Даже дольше, чем я думала. Мне следовало бы дать прежней Мелли пощечину и найти способ провести нас сквозь испытания. В этом суть брака. Мы – команда. И если настала моя очередь быть сильной, то я должна придумать, как это сделать. Даже если я понятия не имела, с чего начать.

– И что он написал? – спросила я, и мой голос прозвучал намного увереннее, чем я себя чувствовала.

Джек остановился перед напольными часами, глядя на них так, как будто они все еще хранили секреты.

– Мне не удалось поговорить с ним, только с этой помощницей. Она сказала, что мой агент решил досрочно выйти на пенсию, он уже уволился. Она сказала, что мне дадут возможность работать с другим агентом внутри агентства или я могу найти нового сам.

Если Ребекка знала, что нас ждут дурные известия, то было только одно место, где она могла их услышать. Я выбросила эту мысль из головы, не желая двигаться в том направлении, сглотнула и попыталась изобразить спокойную улыбку.

– Что ж, это хорошие новости, не так ли?

Он повернулся и посмотрел на меня безумными глазами.

– Нет, конечно, нет. Литературный агент – это не то же самое, что агент по продаже недвижимости. Они не взаимозаменяемы.

Я сердито вскочила. Моя вспыльчивость поставила жирный крест на моих потугах вести себя как разумный, рассудительный взрослый.

– Что ты сказал? Так вот: не все агенты по продаже недвижимости одинаковы…

Он поднял руку.

– Знаю, знаю. Извини. Я не это имел в виду. Я хотел сказать, что между литературным агентом, редактором и писателем есть личная связь. Чтобы им работать вместе, необходимо твердо верить в способности писателя. Меня нельзя просто взять и передать кому-то, кто ничего не знает – ни обо мне, ни о моих книгах. Как Десмара, мой новый редактор. Я говорил тебе, что она предложила мне с помощью этой книги нацелить мои книги на более юную аудиторию! Той самой книги, первые главы которой она еще даже не прочитала и понятия не имеет, о чем она! Более того, попросить у Ким Кардашьян дать отзыв и поместить его на обложку?

Он стукнул ладонью по лбу с такой силой, что остался красный след.

– О, Джек! – я подошла к нему и коснулась его плеча, такого твердого и напряженного под моей рукой. – Мне так жаль. Знаю, это все так внезапно и неожиданно, и уж точно совершенно не ко времени, когда ты пытаешься закончить книгу. Но вдруг это даже к лучшему? Вдруг твой новый агент будет еще более энергичным и пробивным? И с радостью скажет Десмаре, где именно ей разместить рекламу Ким Кардашьян.

Джек нахмурился.

– Ему или ей, вероятно, придется подождать – сначала кто-то должен сказал Десмаре, что мы не можем ждать до публикации еще год, о чем она мне сейчас говорит. Похоже, они пересматривают свой

график изданий, и мой первоначальный слот отдан под серию исторической эротики.

– Но…

– Я знаю. Нам нужны деньги. Я уже разговаривал напрямую со своим издателем, но он оказался невосприимчив к моему предложению не менять сроки публикации моей книги, поэтому я очень надеюсь, что моему новому агенту, кем бы он ни был, повезет больше.

– Ты думаешь?.. – я не договорила. Я была готова предложить сию минуту взять детей и пойти с ними на прогулку. Да, это было бы прокрастинацией, но игра с детьми всегда снимала стресс, да и вообще, это легче, чем ломать голову над тем, что нам делать.

Джек вопросительно приподнял бровь.

– Ты хотела спросить меня, считаю ли я совпадением, что Ребекка узнала об этом раньше, чем я?

Наши взгляды встретились.

– Потому что совпадений не бывает, – сказали мы в один голос.

– Совершенно верно, – сказал Джек. – И я не сомневаюсь, что за всем этим неким образом стоит Марк.

Я не хотела соглашаться, пусть меня и охватило гнетущее чувство, что Джек прав. Но думать об этом сейчас мне не хотелось. Я отвлеклась, глядя на красную отметину на лбу Джека.

– Больно? – спросила я, осторожно потрогав ее большим пальцем.

Наши взгляды встретились, и между нами промелькнула искра. Он кивнул.

– Больновато.

Я встала на цыпочки и поцеловала его.

– Здесь тоже больно, – сказал он, указывая на щеку. Не задавая лишних вопросов, я положила руки ему на плечи и, чувствуя, как щетина на его подбородке и щеках колет мне губы, потянулась, чтобы поцеловать его еще раз.

– Ну как, лучше? – спросила я.

– Чуть-чуть. Здесь тоже больно, – Джек указал на свой рот.

Притянув его ближе, я с радостью выполнила его просьбу, стараясь гнать назойливую мысль, что он явно отвлекает меня с неким умыслом. Его руки обвились вокруг меня и скользнули мне под блузку. Он крепко прижал меня к себе. Я почувствовала, как его пальцы

расстегивают крючки на моем бюстгальтере, а губы легкими поцелуями скользят по моей щеке в направлении уха. Его горячее дыхание обдавало кожу моей шеи.

– Думаю, мне нужно немного снять стресс прямо сейчас, – прошептал он мне на ухо.

– Мне тоже, – прошептала я в ответ, теребя пуговицу на его джинсах.

Позади нас послышалось легкое покашливание. Мы с Джеком тотчас опустили руки, словно застуканные на заднем сиденье родительского «седана» подростки, и обернулись. В дверях стоял Греко, чья голова почти касалась верхней части карниза. Я совершенно забыла, что он в доме, проводит инвентаризацию мебели в комнате Нолы и на чердаке, чтобы посмотреть, что еще пригодится, а что пора отправить на реставрацию.

– Извините меня за вторжение, – сказал он, оглядывая комнату, но избегая смотреть на нас. – Я могу вернуться в более удобное время.

– Нет, нет, все в порядке, – сказала я, поправляя блузку и юбку, надеясь, что хотя бы один крючок на моем бюстгальтере остался цел. Глядя в некую точку над нашими головами, Греко улыбнулся.

– Если у вас есть минутка, я хотел бы показать вам кое-что наверху.

Я мысленно простонала. Неужели он нашел спрятанный под половицей череп или бедренную кость за отставшей обшивкой стены? В моем мире такое было возможно. Я изобразила спокойную улыбку и, пока мы с Джеком поднимались вслед за дизайнером вверх по лестнице, перебрала в уме возможные варианты всего, что он хотел нам показать. Нужно было во что бы то ни стало успокоить его, чтобы он не ушел. *Да, это и вправду похоже на след топора на затылке черепа, который вы нашли в воздуховоде. Наша Нола… она большая шутница!*

Поняв, что Греко что-то говорит, я отключила свой внутренний голос.

– Архитектурные детали этого дома, в том числе в комнате Нолы, поистине впечатляют. И антиквариат на высочайшем уровне. Нет, я, конечно, ценю ваше предложение, но, за исключением нескольких косметических изменений, я не вижу необходимости в той масштабной переделке, о которой мы изначально говорили.

Мы с Джеком переглянулись.

– Когда Нола несколько лет назад переехала к нам, – сказала я, откашлявшись, – моя свекровь освежила комнату, добавив новые ткани и покрасив стены. Кровать трогать не стали, – она слишком велика, чтобы ее куда-то переместить, – разве только проделать отверстие в стене и опустить ее с помощью крана в сад. Но тогда бы моя подруга, большая любительница старых домов, бросила бы меня в болото, предварительно привязав к моей лодыжке обломок шлакоблока. Но мы добавили в комнату антикварный стол, который мать Джека нашла здесь же, на чердаке, а также несколько случайных предметов.

– Как, например, сундучок для драгоценностей? – спросил он с легкой заминкой в голосе.

Дойдя до верхней ступеньки, мы остановились.

– Да, – сказала я. – Я думала, что его нужно перекрасить, но Амелии он понравился таким, какой он есть. По ее словам, это добавляло ему стиля.

Греко нахмурился. Мне же не хотелось, чтобы шкафчик для драгоценностей стал причиной его отказа. Я была готова согласиться покрасить все в неоновый зеленый цвет и добавить фреску Гарри Стайлса на потолок, если это потребуется, чтобы удержать его.

– Ему вовсе не обязательно здесь оставаться, если вам он не по вкусу. И мне нравится Гарри Стайлс. – Я гордилась тем, что знаю, кто это, хотя бы потому, что Джек взял нас с Нолой в кино посмотреть «Дюнкерк», и она упомянула, что актер еще и пел.

Греко слегка растерянно улыбнулся, но задумчивые морщинки на его носу не разгладились.

– Нет, это действительно очень красивая вещь, и если она понравится вашей дочери, мы, безусловно, можем включить ее в новый дизайн. Просто…

Джек подошел к спальне и схватился за дверную ручку.

– Это такая жуткая мешанина бус и безделушек, что непонятно, как она умудряется в ней что-то найти.

Он толкнул дверь и отступил, пропуская нас в комнату.

Мы с Джеком застыли на пороге.

Мы с Нолой начисто отскребли стены. Остались лишь слабые следы еле различимых букв, но, к счастью, новых надписей не

появилось. Но сундучок для драгоценностей, опустошенный Нолой, когда она переехала в гостевую комнату, теперь стоял в углу. Все его ящики были выдвинуты, а крышка откинута назад, напоминая разинутый рот.

– Вы хотите использовать его скорее как скульптуру, нежели по назначению? – предположил Джек. Я улыбнулась своей самой располагающей улыбкой, как будто подумала о том же, а вовсе не о том, что собирался нам сказать Греко.

– Я ценю ваш творческий подход, – сказал он Джеку. – Но, похоже, с ним что-то не так. Я закрываю все ящики и крышку, поворачиваюсь спиной, а в следующий момент все открыто снова.

– Как странно, – сказали мы с Джеком в один голос.

Греко скрестил руки на груди и исподлобья посмотрел на нас.

– Что-то подсказывает мне, что нет.

Джек сделал шаг к шкафчику с драгоценностями, словно проверяя, выдвинул и вновь задвинул ящик.

– Ну, вы знаете эти старые дома, то неровный пол, то разная влажность…

Греко протянул руку ладонью вверх, как будто умоляя Джека умолкнуть.

– Прошу вас. Не надо. С момента моего первого визита сюда я ощущал странные волны, исходящие от всего дома и от этой комнаты в частности.

Я затаила дыхание, готовясь услышать, что он сейчас откажется.

– Мне это отчасти нравится, – сказал он. – Наполняет творческим вдохновением. Я сам вырос в доме на Брод-стрит, где по ночам вечно что-то стукало и гремело. У меня это скорее вызывало любопытство, нежели страх, а поскольку я не мог видеть источник этих звуков, то особенно не брал в голову.

– Неужели? – спросила я, испытывая легкую зависть, что странные звуки никогда не беспокоили его, потому что он ничего не видел. Пока я не научилась блокировать образы и звуки, я все детство спала с открытыми глазами. – Это ведь старый дом, а Чарльстон считается одним из самых густонаселенных привидениями городов мира, поэтому разумно предположить, что то здесь, то там может обитать странный дух.

– Уф-ф, – сказал он, делая вид, будто вытирает лоб. – Я боялся вас напугать. Рад узнать, что напугать вас не так-то просто.

Джек обнял меня за плечо и притянул к себе.

– Кого, нас? Никогда.

– Отлично. Потому что я нашел кое-что еще, что наверняка покажется вам… любопытным.

Он подошел к большой кровати с балдахином. Замысловатая резьба вилась вверх по столбам до макушек в виде желудей. Слегка пригнувшись, он указал на ножку в виде когтистой лапы и шара и постучал пальцем по какому-то месту около нижнего края. Как обычно, я была без очков и сколько бы ни щурилась, так и не разглядела, на что он показывает.

Джек покачал головой, но затем наклонился и посмотрел.

– Резной павлин.

– Павлин, – повторила я, пытаясь вспомнить, почему это казалось мне важным.

Дизайнер выпрямился в полный рост.

– Я не уверен, что это связано между собой, но павлин был тайным символом, который много значил здесь, в обеих Каролинах, во время Войны за независимость. Я немного занимаюсь исторической реконструкцией этой войны – на британской стороне, – и потому мне знаком этот факт. Впрочем, это могло быть что-то совсем другое.

– Что вы имеете в виду под «тайным символом»? – спросил Джек. У него было хорошо знакомое мне выражение лица. Такое обычно бывало, когда он препарировал горы информации, пытаясь свести ее к чему-то, о чем он мог бы написать.

– Шпионскую сеть. Судя по тому, что я читал, она сыграла такую же важную роль в достижении американской победы, что и шпионская сеть Калпера, но гораздо менее известна. В основном потому, что до сих пор историки не совсем уверены, кто были главными игроками и на чьей стороне были те, чьи личности известны.

– Неужели? – спросил Джек, и я почти услышала, как у него в голове крутятся шестеренки.

Греко кивнул.

– Помнится, вы говорили, что эта кровать здесь уже давно, но знаете ли вы, откуда она взялась?

Я уже собралась покачать головой, но передумала.

– Раньше ее владельцами были Вандерхорсты. – Я даже улыбнулась собственной сообразительности. – И еще они владели плантацией Галлен-Холл. Моя свекровь сказала, что кое-какая мебель этого дома, скорее всего, была привезена сюда с плантации, поскольку большая ее часть старше самого дома. И держу пари, что кровать в том числе, потому что на ней есть изображение павлина.

Греко приподнял брови.

– Что ж, тогда в этом есть смысл. Вероятно, она не имеет никакого отношения к шпионской сети.

Джек наклонился, чтобы получше рассмотреть резьбу, и с уважением потрогал ее. Он повернул голову, чтобы посмотреть на меня, и улыбнулся, но глаза его были невеселыми.

– Или, может, все же имеет.

Потому что совпадений не бывает. Никто из нас двоих не сказал этого вслух, но в этом и не было необходимости.

Мне внезапно вспомнились запахи, наполнившие комнату, когда мы обнаружили написанное на стенах слово «*Предан*», запах лошадиного пота и кожи, стойкую вонь пороха. Я вспомнила, где уже ощущала их раньше. В Галлен-Холле, когда британский солдат наставил на нас с Джейн мушкет. Прямо перед тем, как изо рта отца вырвался холодный мертвый голос.

Внезапно ощутив слабость, я прислонилась к кровати.

– Да, имеет, определенно имеет, – сказала я, опускаясь на матрас. Меня мучил вопрос, не почудилось ли мне холодное дыхание на моей щеке.

Глава 11

В красно-зеленом шелковом платье-футляре, хотя ради этого поединка упрямства и воли ей следовало бы облачиться в судейскую мантию, наша мать стояла в детской между Джейн и мной. Я держала на руках довольную Сару в красном бархатном платьице с белым кружевным воротником в стиле «Питер Пэн» и замысловатой сборкой на лифе. Пухлые коленки были затянуты в колготки с крошечными карамельными тросточками, а на пухлых ножках на кнопочки были застегнуты очень маленькие черные лакированные туфельки от «Мери Джейн». Время от времени малышка поглаживала мягкий бархат своего платья и улыбалась, и даже вертела головой, пытаясь увидеть огромный бант, на который я потратила добрые полчаса, чтобы довести его до совершенства.

А вот очень несчастный Джей-Джей был на пике истерики: голова запрокинута, все четыре конечности напряжены, как будто он не мог вынести красных бархатных панталон и жилета им в тон с кружевным галстуком. Его любимый венчик был крепко зажат в маленьком кулачке, словно этакий неисправный световой меч. Наша мать что-то говорила, но очень спокойным голосом, отчего ее было трудно расслышать из-за крика Джей-Джея.

– Они не должны быть одеты в одном стиле, Мелли. Они близнецы, но очень разные личности. Пусть надевает то, что хочет.

– Но ведь это для фото на рождественскую открытку, – возразила я. – Они должны гармонировать.

Джейн с укоризной посмотрела на меня. Чаша ее терпения была явно переполнена.

– Вовсе не обязательно. Если это не вопрос безопасности ребенка и не полное несоответствие случаю – то есть не включает в себя другие цвета, кроме красного и зеленого, – он должен иметь право выбрать, что ему надеть.

Я с ужасом посмотрела на наряд, который выбрал Джей-Джей. Джейн уже разложила его на кровати.

– Джинсы? И кроссовки? Для нашей рождественской фотографии? – Я не стала упоминать сумму, которую я выложила за

панталоны и жилет. Я боялась, что, поступи я так, мы все запрокинули бы головы и зашлись в истерике.

Когда Джейн поставила Джей-Джея на пол – слава богу, она не уронила его, хотя он дергался и вырывался, – ее улыбка была больше похожа на гримасу. Он тотчас же лег лицом вниз на ковер и принялся стучать по полу руками, ногами и венчиком. Джейн слегка повысила голос, чтобы ее услышали:

– Бульдозер на свитере красный, понятно? Так что он отлично подходит. И мы можем позаимствовать для его кроссовок красные шнурки Сары. Таким образом, мы все будем в одной цветовой гамме.

Сара потянулась к моей матери, не иначе как желая потрогать нитку жемчуга, длинную, как унылая опера, на шее у ДжиДжи – так Сара и Джей-Джей называли свою бабушку. Эта нитка когда-то принадлежала моей бабушке, которую тоже звали Сара, и когда моя дочь играла с этими бусами, она лепетала на языке, который я не могла понять, но ее лепет определенно имел интонации разговора. Время от времени она делала паузу, как если бы с ней разговаривал другой человек, а иногда улыбалась от уха до уха и радостно смеялась. Я давно смирилась с этим, и Джек тоже. Но это не значит, что меня это радовало.

Мать посмотрела на меня поверх большой заколки с бантом на голове Сары.

– Это фото на рождественскую открытку, Мелли, а не прослушивание для участия в «Южном очаровании». Не то чтобы я была в восторге, но ты понимаешь, о чем я. Это должно быть весельем, а не пыткой. Близнецы будут отлично выглядеть, даже одень мы их в мешки из-под картошки. Я вынуждена согласиться с Джейн, что мы должны позволить Джей-Джею одеться так, как он хочет, иначе мы все лишимся слуха.

– Прекрасно, – сказала я, глядя на моего несчастного сына, который катался по полу и дергался, как рыба на крючке. – Может, ты заодно найдешь тюк сена, чтобы положить его в холле перед рождественской елкой, чтобы джинсы гармонично смотрелись на его фоне.

Мое раздражение рассеялось, стоило мне опуститься на колени рядом с Джей-Джеем и, положив руку ему на затылок, почувствовать жар напряжения под его темными волосами.

– Дорогой? Хочешь надеть свитер с до-до? – Мой сын с тех пор, как научился говорить, называл бульдозеры «до-до», и это слово незаметно проникло в словарный запас всей семьи.

От моего прикосновения он притих, рыдания сменились икотой, а сам он перевернулся на спину, широко раскинув ноги, руки и венчик, отчего стал похож на выброшенную на берег морскую звезду, которая любит взбивать тесто. Его голубые глаза – глаза Джека – смотрели на меня с болью и праведным гневом, а по его круглым щекам текли слезы.

– А дзинсы?

– И джинсы тоже, – сказала я, подхватив сына на руки. Он тотчас обвил ручонками мою шею и прижался мокрой щекой к моему лицу. Мое сердце мгновенно растаяло. – Как жаль, что тебе не понравился костюм, который я выбрала. Может, в следующий раз я возьму тебя с собой, и мы выберем его вместе.

– Папа выберет! – заявил Джей-Джей, отстраняясь с широкой улыбкой, как будто пять секунд назад это не он рвал на себе одежду, словно кающийся грешник во власянице. Что отчасти напомнило мне имевшее место накануне резкое перевоплощение Джека из обезумевшего писателя на грани запоя в этакого змея-искусителя. Должно быть, ДНК определяет не только цвет глаз и овал лица. Или же мужчины семейства Тренхольмов умели ловко манипулировать женщинами, зная, как их отвлечь или получить то, что им нужно. Я покачала головой, отгоняя эту мысль.

– Мы можем поговорить об этом позже. – Я посмотрела на мать и Джейн. Обе были заняты тем, что вытаскивали красные шнурки из кроссовок Сары и заменяли ими белые в кроссовках Джей-Джея. Позади них мне был виден шкаф с вещами близнецов и полка, где я хранила их аксессуары: справа банты и заколки Сары, слева галстуки-бабочки и подтяжки Джей-Джея. Все вещи аккуратно помечены моей рукой, за что я еще ни разу не слышала ни слова признательности. – Как насчет красного галстука-бабочки?.. – начала было я.

– Нет! – крикнули в один голос Джейн и мама.

– Ладно, ладно, – сказала я. – По крайней мере, Генерал Ли и щенки не прочь принарядиться в костюмы.

Словно по команде, дверь приоткрылась, и в комнату вошли все три собаки. Правда, вместо обычных прыжков и скачков они медленно прошествовали внутрь, а следом за ними Джек.

– Папуля! – в один голос взвизгнули близнецы, протягивая к нему руки. Джек подхватил обоих детей, я же осталась на полу и похлопала себя по коленям, подзывая к себе собак. Они посмотрели на меня новым для меня взглядом, их пышные хвосты, которые они обычно гордо поднимали вверх, теперь свисали у самой земли между задними лапами. Головы тоже были низко опущены. Они не двигались с места, сколько бы я ни хлопала себя по коленям или ни просила их подойти.

– По-моему, они бойкотируют свои костюмы, – сказала Джейн.

– Что ты имеешь в виду? Они в них просто душки!

На Генерале Ли был вязаный костюм Санта-Клауса с капюшоном с помпонами и блестящим черным поясом. На Порги и Бесс – одинаковые зеленые наряды оленей, но их капюшоны венчали рожки, украшенные рождественскими гирляндами.

– Ой, погодите. Я знаю, в чем проблема. – Я потянулась к щенкам и, нащупав на батарейном блоке кнопку, нажала подсветку рогов. – Вот! – с гордостью сказала я. – Согласитесь, что так лучше?

Генерал Ли с резким визгом выскочил из двери, Порги и Бесс бросились за ним следом.

– Вот тебе и ответ, – сказал Джек с легкой улыбкой в голосе.

– И ты, Брут? – осознав свое поражение, я медленно встала. – Отлично. Пойду сниму с них костюмы и извинюсь. Хотя, если бы мы все сказали им, как очаровательно они в них выглядят, они бы наверняка обрадовались своим костюмчикам. – Эти последние слова предназначались матери и Джейн, но они обе лишь печально качали головами, как будто я несла бред. Я между тем продолжила: – С тем же успехом мы могли бы сфотографироваться на нашу рождественскую открытку в июле или октябре, раз уж не имеет значения, что мы не все одеты в костюмы рождественской тематики.

– По крайней мере, фотография не может быть использована против вас, когда сюда нагрянут защитники прав животных, – сказал Джек с напускной серьезностью.

Я подняла отвергнутые красные бархатные панталончики и швырнула их ему в лицо, зная, что он не сможет их поймать, потому что держит в каждой руке по ребенку.

– Я спускаюсь вниз. Дайте мне знать, если вы все полностью измените тему и мне для фото нужно будет надеть купальный костюм и шлепанцы.

Когда я спустилась вниз, собак нигде не было. Либо миссис Хулихан угощала их на кухне, либо они избегали меня. Почувствовав позади себя в коридоре наверху какое-то движение, я повернулась, чтобы взглянуть, но, несмотря на внезапный холод, коридор был пуст. По крайней мере, я знала: собаки прячутся не от *меня*.

Набравшись того, что, как я надеялась, было храбростью, я повернулась и начала подниматься по ступеням, стараясь не задеть гирлянду из листьев магнолии, которую Вероника этим утром помогла мне смастерить для рождественского фото. Гирлянда была украшена пластиковыми гранатами, лимонами, разнообразными сосновыми шишками и палочками корицы так, чтобы пластиковые стебли листьев магнолии не слишком бросались в глаза. Я заставила Веронику пообещать, что она не скажет Софи, что все фрукты на гирлянде поддельные, а чтобы их прикрепить, мы использовали суперклей. По крайней мере, я обошлась без молотка и гвоздей, понимая, что проделай я в дереве старинных перил хоть одну крошечную дырочку, Софи бросит меня в цистерну. Лично мне было все равно, как жители колоний украшали свои лестницы. Еще меньше меня прельщала перспектива в течение месяца вдыхать разносящееся по дому зловоние гнилых фруктов.

– Эй? Есть тут кто-нибудь? – Я подождала какое-то время, а когда ничего не услышала, начала спускаться по лестнице, радуясь, что выполнила свой долг и могу доложить Джейн и нашей матери, что кто бы ни таился в коридорах наверху, ему не нужна наша помощь.

От холодного дыхания на затылке волоски на моих руках встали дыбом. Я схватилась за перила, готовая к тому, что меня в любой момент столкнут с лестницы. Вместо этого мне в левое ухо подул женский голос, пронзительный и холодный: «*Ложь»*. Звук «ж» задрожал в воздухе, словно змеиное шипение.

Я резко повернула голову и едва не потеряла равновесие. На верхней ступеньке стояла женщина и сердитыми глазами смотрела на меня. Цвет ее глаз скрывала тень. На ней было изумрудно-зеленое бальное платье с глубоким вырезом – талия затянута в корсет, юбки пышные, по моде конца восемнадцатого века. Ее густые каштановые

волосы, не припудренные, были зачесаны высоко на макушку, где их удерживало переплетение лент того же цвета, что и ее платье. Лицо обрамляли длинные локоны. На лифе сверкала большая брошь в форме павлина, глаза и перья которого были украшены разноцветными драгоценными камнями. У меня сложилось отчетливое впечатление, что она хотела, чтобы я это заметила.

Пока я смотрела, она повернула голову и наклонила ее под странным углом, и я увидела ее маленькое идеальное ушко и длинную шею. И малиновый рубец, ярко выделяющийся на ее бледной коже.

– Кто ты? – прошептала я. За мной открылась входная дверь. Видение задрожало, а затем и вовсе исчезло, но не раньше, чем я увидела, как гнев в ее глазах сменился печалью. И вновь заметила грубый красный рубец, петлей обвивавший ей шею.

– Мелани! – раздался за моей спиной голос отца.

Я схватилась за перила. У меня тряслись поджилки, и я испугалась, что упаду, когда повернусь.

– Привет, пап, – сказала я, медленно спускаясь, и случайно задела гранат. Он упал с лестницы, с глухим стуком приземлился на полу внизу и, откатившись на несколько футов, остановился. Отец даже не улыбнулся в ответ.

– Что случилось? – спросил он, глядя на лестницу позади меня.

– Ничего, – сказала я. – Просто спорю с Джей-Джеем о том, что ему надеть для фотографии.

После инцидента в склепе на плантации у отца вошло в привычку таращиться в темные углы и прислушиваться к лепету Сары. Но я сомневалась, что он уверовал в существование духов. Мне казалось, что он либо решил, что его семье суждено устроить шоу уродов, либо просто собирал необходимое количество улик, чтобы полностью опровергнуть наши экстрасенсорные способности. Несмотря на всю искренность, которую он проявил к Джейн, выслушивая ее объяснения, я до сих не могла полностью простить ему мое смущение на протяжении всей моей жизни и его нежелание признать мои способности. Я до сих пор видела в них недостаток, этакий уродливый шрам, который не хотела демонстрировать широкой публике. Или же таким, как он, упертым скептикам.

– Ты бледная, как привидение. – Он улыбнулся, как если бы пошутил. – Я ведь могу так сказать, правда?

– А почему нет? – все еще потрясенная встречей, я еще не была готова отпустить свое негодование. – А где же фотограф? – спросила я, желая сменить тему.

Словно отвечая на мой вопрос, в дверь постучали. Когда отец ее открыл, я с удивлением увидела перед собой нашего мастера на все руки Рича Кобилта.

– Извините, я пару раз звонил в дверь, но не думаю, что звонок снова сработает. – Он посмотрел через плечо отца и встретился со мной взглядом. – Буду рад взглянуть на него еще раз…

– Нет, – резко сказала я. Рич уже настраивал звонок несколько раз по цене, за которую, если бы Софи позволила, я могла бы купить около сотни новых современных дверных звонков, но я знала, что с дверным звонком что-то не так и его нельзя починить обычными средствами. И я подозревала, что Рич тоже это знал. Однажды он признался мне, что у него немного развито шестое чувство, и я продолжала ублажать его, не показывая, что он был абсолютно прав.

Теперь я посмотрела на него со страхом.

– Почему вы здесь? Неужели я забыла оплатить счет?

Счетов от ремонтно-строительной фирмы Рича было так много, что я бы не удивилась, что пропустила какой-то из них, несмотря на всю мою сложную и запутанную систему регистрации, которая гарантировала, что каждый счет строго учтен и в соответствующий день направлен для оплаты. Джек однажды похвалил меня за мою систему, сказав, что по сравнению с ней бледнеет даже план высадки союзников в Нормандии в «День Д».

Рич подтянул штаны.

– Нет, мисс Тренхольм. Не сегодня. Ваш отец искал фотографа, и я предложил свои услуги.

Даже не пытаясь скрыть ужас на лице, я посмотрела на отца.

– Ты сказал, что нанял своего знакомого, профессионального фотографа!

– Да, и он позвонил мне сегодня утром и сказал, что у него грипп и он не хочет никого заразить. Я сказал об этом Ричу, и он предложил свои услуги.

Рич откашлялся.

– Да, мэм. Я официальный фотограф на всех наших семейных торжествах, в том числе на свадьбах. Я умею выбрать удачный кадр,

уж поверьте мне на слово.

Я попыталась заблокировать в голове образ полной комнаты Кобилтов, все как один в мешковатых штанах и без ремней, и невольно вздрогнула. Но тут же вымучила улыбку: последняя надежда на красивую рождественскую открытку была полностью стерта картинкой размытых лиц и разношерстных нарядов.

– Что ж, тогда я рада, что вы согласились нам помочь. Я не уверена, что смогу снова собрать нас всех в одном месте.

– Я понимаю, – сказал Рич. – Это настоящий спектакль для большой семьи, особенно если задействованы маленькие дети и домашние животные. Моя невестка ради рождественского фото даже наряжает своих собак в самые комичные костюмы. Они выглядят настолько несчастными, что я отказался впредь их фотографировать. Но несчастные собаки еще не означают, что у меня нет таланта фотографа, верно? Я сказал ей, что в следующий раз, когда она сделает такое с бедолагами, я позвоню в общество защиты животных.

Три моих пса выбрали именно этот момент, чтобы выскочить из своего укрытия в кабинете Джека, и бросились к Ричу, как будто он пришел вызволить их из тюрьмы. Нола, одетая в красное бархатное платье, взрослый вариант платья Сары – я не стала настаивать, чтобы она нацепила бант или воротник Питера Пэна, – последовала за ними. Рич бросил на меня укоризненный взгляд.

– Пожалейте бедных животинок.

Три пары печальных собачьих глаз смотрели на меня так, будто они тренировались для пресловутой рекламы общества защиты животных. Я почти ожидала, что Рич запоет: «В объятиях ангела…».

Нола наклонилась, чтобы снять с собак костюмы.

– Я думаю, что мистер Кобилт прав, Мелани. Как думаешь, что, если я попрошу папу присобачить на передний бампер твоей машины этот круглый набитый красный олений нос, а на боковые окна рога? Давай сойдемся на этом, хорошо? Вряд ли машина расстроится.

– А следовало бы, – пробормотал Рич, снимая со спины большой рюкзак, и принялся вытаскивать фотоаппарат, чтобы установить его на треноге на полу в холле.

Признавая свое полное поражение и чувствуя немалое раздражение по этому поводу, я скрестила на груди руки.

– Я думала, мы сфотографируемся у елки рядом с лестницей. По-моему, она самая высокая и красивая. Кроме того, она единственная из шести, которая, полностью украшена для рождественского ужина. Но, конечно, мое мнение здесь ничего не значит, так что, если вы предпочитаете сделать фото посреди цистерны, действуйте.

– Нет, – сказал Рич с небольшим нажимом. – Мне кажется, что елка рядом с перилами со всей этой гирляндой будет смотреться идеально. Что вы думаете, мистер Тренхольм?

Я обернулась и увидела на лестничной площадке Джека. Держа в каждой руке по ребенку, он спускался вниз, а когда остановился рядом со мной, нежно поцеловал меня в висок.

– Если это то, чего хочет моя любимая жена, то это то, что мы должны делать.

– Только убедись, чтобы никто не прислонялся к перилам, – сказала я, слегка успокоившись. – Клеить этот фрукт на гирлянду та еще морока.

Глаза Нолы полезли на лоб.

– Клеить? – она произнесла это слово с той же интонацией, с какой некоторые люди произносят слово «убийца». – Доктор Уоллен-Араси в курсе?

От ответа меня спасли звуки *Mamma Mia* на моем телефоне, доносившиеся из гостиной.

– Я отвечу, – сказала Нола и бросилась через все фойе. К тому времени, как она вернулась, телефон перестал звонить, но она смотрела на него, нервно стуча пальцами по экрану.

– Звонила доктор Уоллен-Араси, – сказала она, не поднимая глаз. – Она отправила тебе сообщение с просьбой посмотреть снимки, которые ты ей прислала из дома Линдси.

Я нахмурилась.

– Как ты узнала мой пароль?

Нола посмотрела на меня и закатила глаза.

– Ты серьезно? Ты используешь для всего один и тот же пароль: 1–2–2–1. Даже если бы я этого не знала, я могла бы легко догадаться, раз ты так помешана на квартете *ABBA*. – Она остановилась и, приподняв брови, посмотрела на мой телефон. – Ух ты. Это серьезно.

Я взяла у нее телефон и посмотрела на фото на экране. Это был тот самый снимок зеркала над камином в доме Фарреллов на Куин-стрит. Позади меня, в комнате, где на тот момент я была совершенно одна, виднелось полупрозрачное облако, отдаленно напоминавшее человеческий силуэт. Я прищурилась, пытаясь различить черты лица или вообще что-нибудь, что помогло бы определить, что именно перед нами.

– Это палец? – спросила Нола, указывая на нечто, похожее на человеческую руку, плывущую за размытым силуэтом. Я кивнула.

– Думаю, да. Он указывает вверх по лестнице. – Я вспомнила чердак и то, как меня вели к коробке у стены. И как кулон упал к моим ногам.

– Можно рассказать Линдси? – тихо спросила она.

– Нет. В смысле, пока нет. Я покажу это ее матери, и пусть она решает сама.

Нола повернулась ко мне лицом.

– Это ее мертвая тетя, да? То есть ты собираешься помочь им выяснить, кто ее убил?

Я выразительно посмотрела на Рича. Тот очень старательно делал вид, будто занят настройкой своего фотоаппарата, хотя явно прислушивался к каждому слову.

– Давай обсудим это попозже, – сказала я, возвращая ей телефон, чтобы побежать за Джей-Джеем. Привлеченный крупным гранатом, маленький проказник теперь устремился к перилам.

– Мелани? – Отвлекшись от погони, я обернулась, услышав в голосе Нолы странную ноту.

– Что это? – Она подошла ко мне с моим телефоном. Экран был заполнен рядами снимков, не только дома Вероники, но и комнаты Нолы, чтобы задокументировать, как было до и как стало после ремонта. Она увеличила один из снимков и поднесла его мне под нос. Движимый любопытством, Джек подошел ко мне и встал рядом. Я просто нащелкала снимков и ни разу не взглянула на них, решив, что мне не нужно их видеть до тех пор, пока проект не будет завершен. Я прищурилась, уже зная, что она там увидела. Мой желудок тотчас скрутило узлом.

– Похоже на чувака в действительно старомодной одежде, стоящего у сундука с антикварными украшениями, – сказал Джек. –

И поправьте меня, если я ошибаюсь, но у него в глазницах, похоже, нет глаз.

Я ощутила на себе взгляды Нолы, Джека и Рича.

– Ты знала об этом? – сдавленным голосом спросила Нола.

Мой ответ утонул в визге Джей-Джея. Мой сын выхватил из гирлянды гранат, сдернул с перил веревку с листьями магнолии, отчего пластиковые фрукты и зелень каскадом полетели на пол фойе. Все они покатились по странной равномерной траектории и остановились, образовав вокруг меня идеальный круг. А в моих ушах, обвиваясь вокруг шеи, словно веревка, звенел свистящий звук «С».

Глава 12

Я засунула небольшой пакет с покупками от «Финики филли» под один из складных столов, установленных в конюшнях дома-музея Эйкен-Ретт на Элизабет-стрит. Мне не хотелось, чтобы Софи увидела и узнала, почему я опаздываю на нашу с ней запланированную встречу по организации мастер-класса по плетению рождественских венков перед большим мероприятием. Софи хотела до его начала убедиться, что у нас достаточно материалов. Моей же целью было сделать так, чтобы она увидела только коробки с настоящими заготовками, а не искусственные фрукты и гирлянды, которые поставила я.

После провала недавней рождественской фотосессии я остро нуждалась в шопинг-терапии, и милые продавцы в моем любимом магазине одежды и аксессуаров были более чем счастливы мне помочь. Хотя мне хотелось скупить половину магазина, я была вынуждена постоянно напоминать себе, что у меня строгий бюджет и что теперь, выйдя замуж, я должна подумать о других людях, прежде чем вытащить кредитную карту. В конце концов я выбрала в качестве подарка для матери уцененную юбку, симпатичную пару недорогих сережек для Джейн и невероятно дешевую пару туфель для себя – они были уценены настолько, что я получила их практически бесплатно. Выйдя из магазина, я почувствовала себя намного лучше.

Я принялась перебирать коробки с материалами для изготовления рождественских венков. При этом я с раздражением отметила, что на многих апельсинах, подаренных другими женщинами, зубчики гвоздики были расположены кое-как, а все гранаты были разных форм и размеров. Не было даже двух одинаковых.

– Как получилось ваше рождественское фото? – спросила Софи, встав рядом со мной. Я старалась не таращиться на ее наряд, который выглядел так, как будто его выбрала малышка Скай. Или сшила. Или Софи совершила набег на заброшенный тайник с цирковыми костюмами, где разжилась цветными брюками-баллонами с резинкой на щиколотках (чтобы подчеркнуть ее «биркенстоки») и кардиганом в цветочек с огромными пуговицами разного цвета. Из сандалий торчали неоново-зеленые носки. Я уже несколько лет пыталась сказать

ей, что пара кедов или вообще любая другая обувь, кроме сандалий, согреет ее ноги. И наконец сдалась.

– Как далеко тебе пришлось бежать, чтобы спастись от клоуна, у которого ты прихватила костюм? – спросила я, хватая еще два апельсина, и постаралась не вздрогнуть при виде неаккуратно расположенных зубчиков гвоздики. Софи взяла несколько гранатов и принялась раскладывать их на столе, чтобы сосчитать.

– Фотосессия не удалась, да? Боюсь, теперь тебе не попасть на обложку журнала «Пэрентс мэгазин».

– Вообще-то это лучше, чем быть на обложке «Серкус лайф», – буркнула я себе под нос и уже громче добавила: – Это было ужасно, если хочешь знать. Дело закончилось тем, что мы, чтобы не запечатлеть на фотографиях мертвецов, сделали снимок в Прибрежном парке возле Ананасового фонтана, а поскольку на улице было холодно, мы все были в пальто поверх наших разношерстных нарядов. Джей-Джей и собаки наотрез отказались надевать рождественские костюмы. В общем, сущая катастрофа. Сфотографироваться на улице – с моей стороны это был гениальный ход.

– Сущая катастрофа, это да, – повторила Софи. – Не знаю даже, как ты справляешься. Твоей стойкости можно только позавидовать, Мелани.

Я не поняла, серьезно она говорит или нет. У меня не было возможности спросить ее, поскольку она склонилась над одним из ящиков с поддельными ветками самшита, которые я приобрела в оптовом клубе по девяносто девять центов за ветку. Вытащив пучок, она поднесла его к лицу, понюхала и снова повернулась ко мне.

– Мелани!

– Они ведь точь-в-точь как настоящие, верно?! – с наигранной невинностью спросила я. – Между прочим, я сказала тебе, что у меня назначена встреча в историческом архиве? Я должна вернуть старые письма Вандерхорстов, которые кто-то пытался выбросить.

Временно забыв о моем проступке, она бросила ветви на стол.

– Вот как? И кто же их выбросил?

– Марк Лонго. Он украл их из архива. А потом, вместо того чтобы вернуть, он просто их выбросил. К счастью, его брат их нашел и отдал Джеку и мне посмотреть.

Софи прищурилась.

– Для таких монстров есть особый уголок ада. В них есть что-нибудь важное?

– Я не знаю. Джейн написала мне, пока я делала рождественские покупки, чтобы сообщить, что Энтони их привез. Я попросила ее оставить их на столе Джека, чтобы он сначала просмотрел их – в качестве своего рода извинения.

– За что ты извинялась? – Она выставила ладонь вперед, не давая мне ответить на свой вопрос. – Дай угадаю. Ты снова промаркировала все его ящики цветными этикетками. – Она подняла взгляд, ожидая, что я скажу в ответ. А когда я ничего не ответила, продолжала: – Значит, ты организовала его стол так, как ты бы организовала свой собственный, не задумываясь о том, хочет он этого или нет?

Я промолчала. Софи испуганно вытаращила глаза.

– О нет, Мелани. Ты снова пыталась что-то от него скрыть?

Я отвернулась от нее и наконец поддалась желанию взять один из апельсинов и довести его до ума.

– Я действительно все испортила. Как жена я чувствую себя полной неудачницей.

Софи пару секунд помолчала, и я почувствовала на себе ее взгляд.

– Мелани, – мягко сказала она. Тон ее голоса заставил меня поднять глаза. – Не смей называть себя неудачницей, договорились? Не без странностей? Есть такое. Неуверенная в себе? Да, большую часть времени. Но в целом ты замечательный человек. Ты отличная мать и потрясающая подруга. Вспомни, как ты взяла на себя заботу о Блю Скай, когда мы с Чедом слегли с гриппом, хотя у тебя было полно своих забот? Но ты ни секунды не сомневалась. И, что бы ты о себе ни думала, ты замечательная жена. Вы с Джеком просто созданы друг для друга, как и мы с Чедом. Как горошины в стручке. – Софи улыбнулась. – Органические, конечно.

Я невольно улыбнулась в ответ. Она между тем продолжила:

– Но ты должна помнить, что брак – это не то, к чему вы приходите, зная, что делать. Это процесс обучения. Итак, верно, ты допустила ошибку. Просто извинись и скажи, что ты приложишь больше усилий, и двигайся дальше.

– Ты считаешь, я должна извиниться?

Она смерила меня взглядом, который не нуждался в словах.

– Хорошо. Я поняла. Спасибо. – Я в упор посмотрела на нее. – Хотя мне трудно слушать тебя, когда ты так одета.

– Забудь, что я сказала о том, какая ты потрясающая подруга. Итак, – продолжала она. – Что именно ты ему не сказала?

Я положила на место апельсин, подышала на руки, чтобы их согреть, и вытряхнула содержимое ящика с гранатами.

– Лишь то, что я видела в комнате Нолы привидение. И что я ощущала некое темное присутствие в коридоре наверху, которое то ли связано, то ли нет со странным человеком без глаз, которого я видела у цистерны.

Софи, прищурившись, посмотрела на меня.

– Что за странный человек?

– Я не спросила, как его зовут, но он был в старомодном костюме и держал в руках ювелирное украшение. Браслет или что-то подобное с разноцветными камнями.

– Что за старомодный костюм?

Я пожала плечами.

– Я не знаю… просто старомодный.

Софи глубоко вздохнула.

– На нем были брюки или бриджи до колен?

Я задумалась, стараясь вспомнить образ, который до этого отчаянно пыталась забыть.

– Бриджи. Определенно бриджи.

– Хорошо, – медленно сказала она. – А какая рубашка?

Я закрыла глаза.

– Рубашка с высоким воротником со множеством оборок и с бантом.

Софи кивнула.

– Воротник стоял прямо?

– Он был отложной, – ответила я, даже не задумываясь. На его рубашке было большое темное пятно, и мой взгляд задержался на нем. Но я заметила бант.

– Хм, – пробормотала она, кивая.

– Хм… что? – спросила я.

– Ты лишь сказала мне, что кирпичи для цистерны были привезены со старой плантации Вандерхорстов, верно?

– Да, – я кивнула.

– До того, как плантацию превратили в винодельню, мы использовали стоящий там мавзолей для обучения студентов различным методам консервации кладбищ. Работы включали укрепление ветхих гробниц и чистку надгробий. Было чертовки трудно заставить студентов вернуться туда. Многие утверждали, что там нехорошая аура. А некоторые так вообще заявляли, что действительно что-то видели. – Софи поморщилась. – Ты знаешь, как это бывает. Кому-то что-то померещилось, и он раздувает это до гигантских размеров. Другие пугаются и говорят, что тоже что-то видели. Мы со студентами бываем во многих старых зданиях и на кладбищах, и я давно научилась воспринимать все эти рассказы с недоверием.

– И ты никогда не говорила мне об этом?

Софи посмотрела на меня так, как наверняка смотрела на Блю Скай, когда ее малышка сталкивала тарелку органической киноа на пол.

– Ты серьезно, Мелани? С каких это пор тебе хочется говорить о привидениях? Раньше за тобой этого не водилось.

– Какая разница, – сказала я, имитируя Нолу. – И что они видели?

– Очевидно, привидение в одежде конца восемнадцатого века. Никто из них не задержался там долго, чтобы рассмотреть детали, однако они успели заметить, что он был без глаз. Впрочем, такое сложно не заметить. И на его рубашке было что-то странное. Как будто большое пятно.

У основания моей шеи выступили капельки холодного пота.

– Он что-то держал в руках?

Софи на миг задумалась.

– Я не помню, чтобы они что-то такое говорили – возможно, я просто забыла. Или они убежали слишком быстро и потому не успели заметить. Меган Блэк – в числе тех студентов, которые утверждают, что они что-то видели. Она работает в цистерне, так что спроси ее. Только не говори ей, что это я тебе сказала. Я не хочу доверять подобным рассказам.

Я нахмурилась.

– Почему? Потому что ты не веришь в призраков?

– Нет. Потому что я верю. Я слишком долго была твоей подругой, чтобы сомневаться в их существовании. Видишь, Мелани? Некоторые

люди действительно учатся, меняются и растут по мере того, как они узнают что-то новое.

На моих часах запищал будильник. Это были новомодные умные часы, которые умели все, за исключением приготовления ужина и мытья посуды, но единственное, что я освоила с тех пор, как Джек подарил их мне на день рождения – это устанавливать будильник.

– Извини, мне пора. У меня времени в обрез, если я хочу успеть до встречи в архиве забрать в доме письма. – Я оглянулась на портреты мамаш из «Эшли-Холл», висящие на вечнозеленых ветвях вместе со знаками, обозначающими различные стадии мастер-класса по плетению рождественских венков. – Похоже, у тебя много добровольцев, так что тебе не придется скучать по мне.

– Подожди. – Софи подтолкнула в мою сторону несколько пластиковых стеблей. – Возьми это с собой. Я попрошу аспирантов подготовить настоящие обрезки самшита, чтобы мы могли использовать их во время семинара. – Она взяла пластиковый стебель и осторожно зажала его двумя пальцами, как будто он мог быть заразным. – Право, Мелани. Даже для тебя это довольно жалкий поступок. Тебе следует поработать с моими студентами и подготовить стебли. Для них было бы хорошим уроком. Пусть знают, что происходит, когда мы пытаемся обойтись малой кровью.

Она выглядела так, будто это все действительно было крайне серьезно. Заметив Веронику, шагавшую к нам через двор, я нетерпеливо помахала ей рукой.

– Вы как раз вовремя – думаю, вы нужны Софи. – Я пошарила под столом и вытащила сумку с покупками. – Я попозже пришлю Джека с минивэном, чтобы он забрал искусственный самшит – я на всякий случай сохранила квитанцию.

– На тот случай, если я замечу?

– Я бы *никогда* не поступила так, как ты.

Софи не ответила на мою улыбку.

– Напомни мне когда-нибудь причину, по которой мы до сих пор дружим.

– Определенно не потому, что мы восхищаемся стилем друг друга, – сказала я, указывая на ее штаны, и тотчас поспешила отступить на безопасное расстояние, на тот случай, если она вдруг решит швырнуть в меня гранатом, затем повернулась и ушла.

Вернувшись домой, я спрятала сумку с покупками в столовой, чтобы она не бросалась в глаза, пока я не смогу безопасно забрать ее и спрятать новые туфли в шкафу. Не то чтобы я рассчитывала обмануть Джека, он замечал во мне все. Я не могла по-другому сделать пробор или покрасить ногти в новый цвет, чтобы он этого не заметил и не сказал по этому поводу что-то хорошее. Некоторые женщины, с которыми я работала, жаловались, что они могли бы раскрасить тело в синий цвет и бродить по дому голыми, но их мужья даже не подняли бы глаз. Думаю, я должна быть благодарна, тем более что каждый комплимент сопровождается поцелуем – или двумя, – но я всегда опасалась, что однажды это закончится. И тогда я вновь стану прежней, неуверенной в себе Мелани, которая отказывалась поверить, что ее выбрал Джек Тренхольм.

Я подошла к двери кабинета Джека и, пару секунд помешкав, тихо постучала.

– Джек?

– Заходи.

Я толкнула дверь. К моему удивлению, Джек сидел на полу, а вокруг были разбросаны бумаги. У него на коленях высилась стопка каких-то листов, и он, очевидно, их разбирал. Я закрыла за собой дверь и прислонилась к ней.

– Ты все еще со мной не разговариваешь?

После инцидента с фото мы делили кровать, но не более того. Все наши разговоры были мучительно вежливы. Окружавшая его аура разочарования была такой же густой, как влажный воздух перед ураганом.

Джек вздохнул и посмотрел на меня.

– Мне очень жаль, Мелли. Я не пытаюсь отгородиться от тебя. Просто пытаюсь понять, что еще я могу сделать, чтобы ты мне поверила. Чтобы ты делилась со мной всем. Даже если ты не считаешь, что сейчас самое лучшее время для этого.

– Просто сейчас тебе нельзя отвлекаться…

Джек поднес палец к губам.

– Прекрати. Не хочу повторять одно и то же. Это ни к чему не приведет.

Снаружи раздался визг тормозов, а следом рев быстрого ускорения. Мы оба тотчас же повернули головы к окну. Джек подошел

и встал рядом со мной у окна. Как оказалось, это, словно подвергаемый пыткам, по улице мчит старый джип «Чероки» моего отца. При виде этого душераздирающего зрелища мы оба поморщились. Джек отвернулся от окна.

– Я не могу на это смотреть. Мне будут сниться кошмары. У твоего отца, должно быть, стальные нервы. Слава богу, что Джейн на заднем сиденье. Думаю, она окажет успокаивающее влияние.

На меня накатилась горячая волна каких-то непонятных эмоций.

– Джейн с ними?

Джек кивнул.

– Твой отец спросил ее, и Нола решила, что это отличная идея. Думаю, ей требовался запасной вариант на тот случай, если твой отец выскочит из машины.

Я еще мгновение наблюдала, прежде чем тоже отвернулась, хотя и по другой причине.

– Странно, почему Нола не спросила меня? – Неким чудом мне удалось скрыть обиду в голосе.

Джек посмотрел на меня. Его губы подергивались, словно он с трудом сдерживал улыбку.

– Сомневаюсь, что это закончится хорошо, а ты? Вам обеим может быть очень тяжело, если она неправильно пристегнула ремень безопасности.

Я нахмурилась.

– Что ж, для всего есть правильный и неправильный путь.

– Совершенно верно, – сказал Джек.

Я пару секунд наблюдала за ним, ожидая, что он скажет дальше. И, не дождавшись, спросила: – Значит, между нами все в порядке?

Джек, приподняв брови, повернулся ко мне, но ничего не сказал.

Я оттолкнулась от окна, медленно подошла к нему и, встав перед ним, заставила себя встретиться с ним взглядом.

– Извини… – Я не договорила. Сглотнула. Вспомнила, что сказала Софи, то, как я пыталась быть более зрелой. Научиться признавать свою вину независимо от того, считала ли я, что сделала что-то не так. Я попробовала еще раз: – Я… Извини. За то, что не сказала тебе про привидение в комнате Нолы. Просто я пыталась…

Джек неторопливым поцелуем заставил меня замолчать, а когда поднял голову, сказал:

– Достаточно было извиниться, больше мне ничего не нужно слышать. Мы команда, Мелли. Всегда. Я лишь хочу, чтобы ты помнила это, прежде чем вновь вздумаешь что-то от меня скрыть. Меня в тебе многое бесит, но это единственное, что я не согласен терпеть.

Я отстранилась.

– Есть что-то еще, что тебя во мне бесит? Что, например?

– С чего бы ты хотела, чтобы я начал? – Он снова поцеловал меня, и его губы задержались на моих. – Я не имел в виду ничего плохого, ведь большая часть твоих странностей мне даже нравится. Но, как мне кажется, мы могли бы начать с маркировочного пистолета…

В дверь постучали, а в следующий миг она распахнулась, и в комнату влетел мой отец, взбудораженный и помятый, как будто он только что обогнал стаю диких кошек: глаза вытаращены, волосы стоят дыбом. В руках он сжимал пухлую папку, набитую бумагами, и его пальцы слегка дрожали.

– С тобой все в порядке? – спросила я, обеспокоенная его бледностью.

– Сейчас со мной все будет в порядке.

Услышав снаружи скрип тормозов, мы все дружно повернули головы. Джек бросился к окну.

– Вы же не бросили ее одну, правда? – спросил он озабоченно. Отец покачал головой.

– Нет. Джейн настаивала на том, что справится сама. Думаю, ей суждено стать святой, – он сказал это с ноткой восхищения в голосе, отчего на меня вновь накатил горячий прилив. Неужели это уже климакс? Я сделала мысленную пометку на следующий день позвонить моему гинекологу.

Он посмотрел на разбросанные на полу бумаги.

– Что это такое?

– Это принес Энтони. Он зашел раньше с коробкой из-под обуви, полной старых писем и документов, которые он нашел в мусорном баке в Галлен-Холле. Предположительно Марк украл их из архива, когда он узнал, что я работаю над другой книгой. Очевидно, обнаружив, что в них нет ничего интересного, о чем можно было бы написать, Марк вместо того, чтобы вернуть в архив, просто выбросил их. И он, и Мелани надеялись, что там окажется какая-то информация

относительно мавзолея. К сожалению, это просто куча квитанций и каких-то списков – ничего полезного.

Отец протянул мне картонную папку.

– Вдруг ты здесь что-нибудь найдешь для себя. Когда Ивонна помогала в поисках информации о садах в городе и в нашем доме, мы обнаружили несколько положенных не туда документов. Ивонна сделала копии. Я засунул их в заднюю часть одной из папок и совершенно забыл о них и вспомнил, лишь когда мы поехали в Галлен-Холл. Помнишь, Мелани?

Я кивнула, хотя предпочла бы забыть.

Он продолжил:

– Это вырезки из газет и архитектурные планы строений на плантации Вандерхорстов, но они по чьей-то ошибке попали в папку с документами, относящимися к саду дома на Трэдд-стрит. Впрочем, несложно понять, как такое произошло, ведь и плантация, и дом принадлежали Вандерхорстам. Ивонна сказала, что для ведения делопроизводства и возврата документов в архивы после того, как кто-то работал с ними, они пользуются услугами волонтеров и стажеров. Так что не исключено, что после того, как с ними работали в последний раз, эти бумаги просто вернулись не в ту папку. Это могло случиться несколько десятилетий назад.

Джек с улыбкой на лице принялся перебирать бумаги.

– Это значит, что Марк их в глаза не видел, иначе бы он оставил их себе. Или выбросил бы их. – Он взглянул на меня с волнением, которого я давно за ним не замечала, а потом на миг умолк и, округлив глаза, осторожно вытащил из стопки пожелтевшую страницу. – Так-так-так, – сказал он. – Похоже, мы обыграли Марка в его же собственной игре.

Мы с отцом встали по обе стороны от Джека, глядя на хрупкую страницу в его руке.

– Это?.. – начала я.

– Думаю, это два архитектурных плана мавзолея в Галлен-Холле, – ответил Джек с довольной улыбкой.

Отец хотел что-то сказать, но его слова перекрыл визг тормозов и скрежет металла, долетевший с улицы. За лязгом и скрежетом последовал истошный собачий лай и непрекращающийся вой

автомобильного клаксона, от звука которого у меня в жилах застыла кровь.

Джек бросил папку и, схватив меня за руку, выбежал из комнаты, отец – за нами следом. И тут же откуда-то донесся пьянящий аромат роз, сладкий и благоухающий, как летний день, преследуя нас в холодный ноябрьский полдень.

Глава 13

Джек отпустил мою руку и, выкрикивая имя Нолы, обежал вокруг дымящихся обломков двух машин к водительской двери джипа, а отец – к двери пассажирской в поисках Джейн. Мои ноги приросли к месту, отказываясь слушаться меня. В воздухе стоял смешанный запах роз и жженой резины. Я даже закашлялась.

Прямо на моих глазах, несмотря на сморщенные бока джипа, которые больше походили на гармошку, чем на автомобильные панели, обе двери открылись и из машины вышли Нола и Джейн, испуганные, но невредимые. Уфф! Я громко вздохнула и облегченно расслабилась. На краткий миг закрыв глаза, я быстро открыла их и успела заметить смутный образ женщины, одетой по моде двадцатых годов, стоящей у качелей под древним дубом в нашем палисаднике. Она исчезла так быстро, что я подумала, что, возможно, мне это померещилось. Лишь запах роз сказал мне, что это не так.

Я повернулась к другой машине и узнала серебристый «Ягуар» Марка Лонго, вернее, то, что от него осталось после того, как Нола посреди Трэдд-стрит врезалась в его заднюю половину. Учитывая, что улица была с односторонним движением, было трудно представить, как это произошло, но я не раз была свидетельницей того, что когда Нола оказывалась за рулем, случиться могло все что угодно.

Слыша в холодном воздухе далекий вой сирены, я бросилась к «Ягуару», готовясь к тому, что сейчас увижу. Сидевший со стороны водителя Марк бил кулаками по внутренней стороне двери в тщетной попытке открыть ее. С рулевого колеса безвольно свисала спущенная подушка безопасности. Он злобно посмотрел на меня сквозь неповрежденное окно. Из глубокой раны на его лбу сочилась кровь. Я схватилась за ручку и с силой дернула, но дверь, похоже, заклинило. Я пожала плечами, показывая Марку, мол, бесполезно. В его глазах вспыхнула паника. Он начал бить по стеклу ладонями и что-то кричать, думаю, нечто такое, что я не хотела бы услышать.

Джек открыл с другой стороны машины пассажирскую дверь и на пару с моим отцом вытащил человека, у которого из носа текла кровь, а через всю щеку пролегла уродливая царапина. Одет он был так, будто

ехал в крутой танцевальный клуб. У него была гладкая кожа и телосложение юноши-спортсмена, но когда он махнул руками, чтобы высвободиться из хватки Джека, толстые вены на его руках тотчас же выдали его возраст. Бритые виски и свисающий на лоб непослушный обесцвеченный чуб больше подходили совсем молодому человеку, чем мужчине в возрасте лет под сорок. А ему явно уже было хорошо за тридцать, если не больше. Его облегающая белая рубашка демонстрировала не только отсутствие майки под ней, но и наличие впечатляющих шести кубиков пресса. Рубашка была заправлена в узкие джинсы, и я обратила внимание, что на ногах у него ковбойские сапоги. Когда же мой взгляд переместился на его лицо, меня встретило неприятное хмурое выражение, такое же, как у Марка, и я едва не попросила Джека вернуть его в машину и закрыть дверь.

Он отошел от Джека и моего отца, крича на всех, кто только слушал.

– Вряд ли меня должно удивлять, что именно так все ездят здесь, на юге! – Убедившись, что рубашка заправлена, он огляделся по сторонам и увидел Нолу и Джейн, сбившихся вместе на тротуаре. Джейн обнимала Нолу за плечи, как будто пыталась ее защитить.

Он двинулся к ним, я же бросила взгляд ему за спину. Не обращая внимания на приглушенные крики Марка и стук его кулаков по стеклу, Джек без особой спешки дернул дверь его машины. Марк оказался аккуратно прижат к рулю и никак не мог выползти из машины с другой стороны.

– Извини, Мэтт! – крикнул Джек, наигранно сочувственно пожав плечами, и приложил руку к уху, как бы прислушиваясь к вою приближающихся сирен. – Не волнуйся, пожарные скоро привезут «Челюсти жизни» и выпустят тебя на свободу. – Сказав это, он повернулся к Марку спиной. Увы, улыбка быстро соскользнула с его лица, стоило ему заметить пассажира, направлявшегося к его дочери. Остановившись перед обеими женщинами, он ткнул им в лицо указательным пальцем.

– Кто из вас водитель?

Джейн сделала строгое лицо и, обняв Нолу за талию, твердо и спокойно ответила:

– Нет необходимости повышать голос, сэр…

– Есть, и еще какая! Вы едва не убили меня! – указательным пальцем он начертил в воздухе восьмерку – от лица Джейн к лицу Нолы, а затем обратно. – Кто из вас та самая идиотка, виновница аварии? – не получив ответа, он наклонился ближе. – Которая из вас?

Он наклонился так близко, что брызги его слюны наверняка летели им в лицо. Вместо ответа Нола разрыдалась, но тут к ним подошел Джек. Он обнял ее, и она расплакалась, уткнувшись ему в грудь.

– Вам следует успокоиться, сэр. Вы сейчас в шоке. Давайте прекратим крик, пока не прибудет полиция и машины «скорой помощи». Успокоимся на минутку и будем благодарны за то, что никто серьезно не пострадал.

Я стояла рядом с Джейн и даже шагнула вперед, чтобы ее обнять, но заметила, что мой отец подошел к ней первым, и теперь она была под его надежной защитой. Незнакомец грязно выругался. Хотя я не сомневалась, что Нола слышала такое и раньше, Джек руками зажал ей уши. Я видела: Джек вот-вот взорвется, однако он сдержался и спокойно сказал моднику в ковбойских сапогах:

– В самом деле, сэр. Нет необходимости сквернословить.

К счастью, следующие два слова из уст этого человека, которые, вероятно, были советом Джеку относительно его дальнейших действий, утонули в вое сирен, возвестивших об одновременном прибытии на место аварии пожарной машины, кареты «скорой помощи» и двух полицейских машин.

Все разом заговорили. Полицейские подошли, чтобы взять показания, двое пожарных бросились к машине Марка. Я же осталась перед домом одна, наблюдая за происходящим, как если бы все происходило на киноэкране. На моих глазах модник в ковбойских сапогах локтями проложил себе дорогу в толпе и встал перед Джеком и Нолой, чтобы сделать свое заявление первым. До меня донеслись его слова:

– Я намерен подать в суд на того, кто едва не угробил меня! Он у меня за все заплатит! Я мог погибнуть или на всю жизнь остаться калекой, и все из-за какого-то идиота, которому нечего делать за рулем. – Он вытащил сотовый телефон и принялся тыкать в экран. – Я звоню своему адвокату, и он прилетит сюда первым же рейсом из Лос-Анджелеса.

– Сэр, не могли бы вы назвать ваше имя? – спокойно спросил офицер.

Мужчина на миг прекратил лаять в телефон и повернулся к полицейскому.

– Харви Бекнер, и я требую полного медицинского освидетельствования, а также немедленного ареста водителя. – Он неопределенно махнул в сторону Джейн и Нолы, еще толком не выяснив, кто из них был за рулем, и, по-видимому, это не слишком его интересовало.

Имя казалось смутно знакомым, правда, не в личном смысле. Скорее я могла прочесть его имя в журнале или услышать в новостях. Джек перехватил мой взгляд, и я поняла, что он думает о том же. Я взглянула на ковбойские сапоги, идеальное тело, лицо, накачанное ботоксом, и стильную стрижку – такое сочетание скорее увидишь в Лос-Анджелесе, чем в Чарльстоне. Я вновь посмотрела на Джека, и меня осенило. Глаза Джека полезли на лоб. Похоже, до него тоже дошло.

Скрежет металла вернул наше внимание к «Ягуару»: металлическая рука наконец выломала дверь машины, и двое пожарных освободили Марка из его «тюрьмы». Как только они его вытащили, он оттолкнул их, отмахнувшись от совета лечь на заранее приготовленную каталку. Вместо этого он, шатаясь, побрел к группе людей, сбившихся вокруг полицейского, и схватил Харви Бекнера за руку. В данный момент тот кричал в телефон, предположительно своему адвокату, сообщая, что собирается подать в суд на виновного и весь город Чарльстон, если он того пожелает.

– Харви, – произнес Марк, пытаясь улыбнуться. – Рад, что с тобой все в порядке.

Харви оторвал от уха телефон и посмотрел на него так, словно забыл о его существовании. Отбросив руку Марка, он с отвращением посмотрел на оставшийся след крови.

– Эй? Вы слепой? – Он смахнул кровь, капавшую из его носа, и вновь брезгливо поморщился, увидев на рукаве темно-красное пятно. – Кажется, у меня сломан нос! И кто знает, какое лечение мне понадобится? У меня того гляди будет посттравматический стресс. – Он кивнул в сторону Нолы и Джейн. – И я точно знаю, что подам в суд

на этих девах. Когда я с ними покончу, они даже не узнают, что их наказало.

Как будто внезапно заметив наше существование, Марк повернулся к нам, на миг застыл, а затем вновь медленно переключил свое внимание на Нолу. Его губы растянулись в ледяной улыбке. При этом его лицо было бледным как полотно – оттенок, с которым я слишком хорошо знакома, – отчего кровь на его лбу казалась еще краснее. Медик «скорой помощи» пытался привлечь его внимание:

– Сэр, у вас рана на лбу. У вас могут быть внутренние повреждения. Вам нужно лечь…

Он оттолкнул медиков, и его ухмылка стала еще шире.

– Итак, Нола, это ты была за рулем? У тебя ведь есть права?

Я хотела повалить ее на землю – да что угодно! – лишь бы она не отвечала на его вопрос. Но она уже кивала, несомненно, убаюканная ложным чувством безопасности от того, что Марк был ей знаком.

– Идеально, – сказал он, улыбаясь во весь рот. Это было странное зрелище, поскольку кровь продолжала сочиться из его лба.

– Вы знаете этих людей? – спросил Харви чуть менее воинственным тоном, чем раньше.

– Я бы сказал, как свои пять пальцев. Мы родственники. Верно, кузен Джек?

Джек улыбнулся. Я же задалась вопросом, заметил ли кто-то из них то, как он стиснул зубы, или этот странный свет в его глазах. Вряд ли, потому что в этом случае все они отошли бы на безопасное расстояние.

– Вообще-то нет, Мэтт. Никакие мы не родственники. – Он с нажимом произнес имя, которым называл Марка с самой первой их встречи. Марк слегка покачнулся на пятках, но ухмылка осталась.

– В любом случае, – он повернулся к Харви. – Это Джек Тренхольм. Вы, вероятно, о нем не слышали, поэтому не берите в голову, если его имя вам ничего не скажет. Но ему и его жене принадлежит дом номер пятьдесят пять на Трэдд-стрит. Дом, в котором происходит действие нашего фильма.

Нашего фильма. Теперь я знала это точно. Харви – продюсер фильма по книге Марка. Вернее, по книге Джека, поправила я себя.

Теперь Харви взглянул на нас с интересом. Меня так и тянуло схватить всю свою семью, забежать в дом и заблокировать дверь,

прежде чем он придет к тому же выводу, к которому уже пришла я, и – я была уверена – Марк и Джек тоже. Я сделала шаг к Ноле. Теперь мы с Джеком стояли по бокам от нее. Джейн и отец смотрели на них, и, судя по их глазам, до них тоже уже начало доходить.

Марк все с той же мерзкой улыбочкой продолжил:

– А вон та девушка, которая едва не убила нас, – их дочь Нола.

– Это так? – спросил Харви. – То есть вот та семья, которая отказывает нам в доступе в дом для проведения съемок?

– Верно, – сказала Нола, делая шаг вперед. Похоже, она не слышала моих безмолвных криков, когда я умоляла ее ничего не говорить и ни в чем не признаваться. – Я была за рулем, но это не авария. Я просто училась выезжать задним ходом с нашей подъездной дорожки и не заметила, как вы подъехали. – Она икнула и, судорожно дыша, продолжила: – И еще Марк украл у моего отца идею книги, и поэтому мы никогда не позволим снимать этот фильм в нашем доме. Никогда. Вот почему Мелани сказала, что если это случится, она покрасит волосы в фиолетовый и восстановит еще один дом, а это означает, что такого быть не может.

К последнему слову она уже сорвалась на крик. Я притянула ее к себе, чтобы она уткнулась лицом мне в плечо и отдышалась.

– Неужели? – спросил Харви. Его ухмылка теперь была под стать ухмылке Марка. Он наклонился ближе к уху Нолы. – Потому что, как мне кажется, это произойдет гораздо раньше, чем вы себе представляли. – Он выпрямился и повернулся ко мне. – И я очень надеюсь, что Мелани полюбит фиолетовый цвет.

Джек шагнул вперед, чтобы загородить собой нас с Нолой.

– Вы угрожаете моей жене и дочери?

Марк запрокинул голову и издал похожий на усмешку звук, но его бледность стала еще заметнее, чем раньше. Он упорно игнорировал двух медиков, стоявших по обе стороны от него, которые пытались уложить его на каталку.

– Это не угроза, Джек. Он просто объяснил вам, что вы проиграли. В очередной раз.

Выражение лица Джека не изменилось.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, Марк. Сколько бы раз я ни проиграл, тебе никогда не выйти победителем.

Харви снова принялся что-то кричать своему адвокату по телефону, а полиция – записывать показания Нолы и Джейн. Вот почему никто не заметил, когда Джек зацепил ногой ногу Марка. Тот соскользнул на землю, как шашлык с шампура, и приземлился с легким шлепком.

Медики «скорой помощи» попытались поднять его с земли на каталку. Джек тем временем подошел к одному из полицейских.

– Непременно проверьте его на алкоголь. Похоже, он не слишком устойчиво держался на ногах.

Не дожидаясь ответа, он вернулся к нам с Нолой и обнял нас обеих за плечи. Пока Нола и Джейн давали полиции показания, я мысленно взвешивала, что хуже: получить иск на все, что у нас есть, или научиться любить фиолетовые волосы.

* * *

Сидя на полу в главной гардеробной со своим маркировочным пистолетом, я сортировала купленные мной рождественские подарки. До того, как моя семья выросла в геометрической прогрессии, я обычно заканчивала покупку и упаковку еще до Дня благодарения. Но с тех пор, как родились близнецы, моя жизнь как будто перестала принадлежать мне. Нет, я не сожалела о том, что обзавелась детьми, – я не могла представить свою жизнь без всех троих. Но даже учитывая няню, две пары бабушек и дедушек, которые жили поблизости и всячески помогали нам, и мужа, всегда готового подставить плечо, я ловила себя на том, что мне никогда не хватает часов в сутках, чтобы успеть сделать все то, что когда-то заполняло мои дни.

Как, например, украшение дома к Рождеству и маркировка новых пластиковых ящиков, которые я купила для хранения подарков в своем шкафу. Частично проблема заключалась в том, что мое маркировочное оружие упорно продолжало исчезать, но и электронная таблица, в которую я заносила получателей подарков вместе с идеями, что кому подарить, все еще оставалась в основном пустой, лишь с заголовками вверху. Мой мозг как будто разрывался в разные стороны, не в силах сосредоточиться на чем-то одном, в результате ничего толком не было сделано, и за всем этим тянулся шлейф незавершенных проектов.

Я откинулась назад и вздохнула. Хотя на дворе уже стоял декабрь, корзины были почти пусты, а те подарки, что лежали в них, еще не были обернуты. На следующие выходные Джейн купила четыре билета в крупные торговые центры, и я очень надеялась, что проделаю в своем списке брешь. Если, конечно, когда-нибудь закончу составлять список.

Измученная просмотром сразу двух подряд рождественских фильмов, я потерла глаза. Мы с Нолой расположились перед телевизором в семейной комнате наверху. Джек тем временем закончил дела с полицией и, прежде чем отвезти отца домой, позвонил в страховую компанию. Поначалу Нола сопротивлялась, но через пять минут ее уже было не оторвать от экрана. Спустя четыре часа и две миски попкорна она сказала, что чувствует себя гораздо лучше. Но если я когда-нибудь расскажу ее подругам о том, что она только что смотрела, она приложит все усилия к тому, чтобы ни один пончик никогда больше не оказался в моем доме.

Я почувствовала присутствие Джека еще до того, как он пришел ко мне в чулан и поцеловал меня в макушку. Сев на пол рядом со мной, он улыбнулся, но я заметила напряженные морщинки вокруг его глаз и рта.

– Ты такая соблазнительная, когда занимаешься своими таблицами.

– Спасибо. Можешь как-нибудь попробовать сам. Очень помогает расслабиться.

Его брови приподнялись.

– У тебя есть запасной маркировочный пистолет?

– Небо и вправду голубое?

Я наклонилась и откинула крышку обувной коробки. Как и на всех моих обувных коробках, на этой имелось приклеенное к внешней стороне фото лежащих внутри туфель, чтобы облегчить поиск нужной мне пары. Правда, на этой коробке было фото пары туфель, которую я в прошлом году подарила Ноле. Сунув руку внутрь, я вытащила запасной маркировочный пистолет и протянула его Джеку.

– В последний раз, когда он пропал, я купила два.

Джек задумчиво посмотрел на пистолет.

– Он устаревшего типа, – объяснила я. – Нужно повернуть диск наверху и щелкнуть по нему спусковым крючком. Их труднее найти,

чем новые цифровые, но эти щелчки производят на меня терапевтический эффект. – Я осторожно толкнула его локтем в руку. – Давай, попробуй. Сейчас мне нужны два набора чисел от единицы до десяти. Хочу пометить каждый подарок для близнецов, чтобы каждый получил их на одинаковую сумму.

– Это действительно необходимо?

– Да. Мы с тобой были единственными детьми в семье, так что для нас это было не актуально, но я хочу, чтобы все было справедливо.

– Но…

Я потянулась за маркировочным пистолетом.

– И не спорь со мной, это уже не производит на меня терапевтический эффект, понятно?

– Ладно, ладно. – Джек начал крутить диск, чтобы установить единицу. – Я только что разговаривал по телефону с адвокатом Харви Бекнера.

Мое горло сжалось.

– И?

– И Бекнер, похоже, не против нас простить, при условии солидного чека от нашей страховой компании в обмен на право снимать фильм в нашем доме. Ты не поверишь, но он сказал, что по-прежнему будет платить нам обычную ставку за пользование домом. Что хорошо, поскольку, не считая жалких гонораров за мои старые книги, я не получу ни цента еще в течение как минимум года.

Я посмотрела на Джека. Погруженный в свои мысли, он щелкал курком маркировочного пистолета с большей силой, чем требовалось.

– По идее, мы должны испытывать благодарность, но я не могу избавиться от чувства, что где-то есть еще один ботинок, который ждет, чтобы ему упасть нам на голову.

Наши взгляды на миг встретились, а затем он вновь вернулся к маркировочному пистолету.

– Как там Нола? – спросила я, желая сменить тему. Когда я уходила после марафона рождественских фильмов, Джек постучал в дверь Нолы, как раз в тот момент, когда Ребекка позвонила мне, чтобы сообщить, что и Марка, и Харви выписали из больницы, наложив всего несколько швов. Это была еще одна вещь, за которую мне следовало быть благодарной судьбе, но для меня это было бы уже слишком.

Ребекка начала было говорить, что, возможно, в конце концов все уладится, но я повесила трубку прежде, чем успела высказать ей, что все было бы хорошо лишь в том случае, если бы в результате аварии Марк стал бесплодным и никогда бы не смог произвести на свет новых маленьких Марков.

– Нола потрясена, – сказал Джек. – Нам очень повезло, что никто не погиб и не получил серьезных увечий. Вряд ли она теперь когда-нибудь добровольно сядет за руль машины до конца своей жизни. Она сказала мне, что хотела бы получить на Рождество предоплаченный аккаунт в Uber.

Наклонившись к открытому ноутбуку, где на экране отображалась рождественская таблица, я набрала под именем Нолы «Подарочная карта Uber».

– Не могу сказать, что виню ее. Однажды я сама врезалась задом в пассажирский автобус на Митинг-стрит, потому что засмотрелась на стильную пару туфель на какой-то женщине на тротуаре, так что технически это была не моя вина, но мне потребовалось несколько недель, чтобы вновь комфортно почувствовать себя за рулем.

Ничего не сказав, Джек несколько раз моргнул и вновь принялся наносить этикетки.

– Луиза была там, – тихо сказала я.

– Луиза Вандерхорст? Мне казалось, она вознеслась к свету, или куда ты там отправляешь неугомонных духов.

– Так и было. Но она возвращается всякий раз, когда ей кажется, что она должна защитить нас. Я видела ее и почувствовала запах Луизиных роз. В последнее время я постоянно чувствую его. Как будто она знает то, чего не знаем мы.

Джек нахмурился.

– Было бы лучше, будь она чуть поконкретней. Тогда бы мы предвидели это фиаско.

Я хотела было объяснить ему, что это не сработало бы, но он перебил меня.

– Полиция приостановила действие водительских прав Нолы, так что ее нежелание водить машину теперь в любом случае не проблема. Она определенно виновата, поскольку, очевидно, на всей скорости дала задний ход с подъездной дорожки, когда мимо проезжал Марк, так что штраф будет довольно внушительным. Мы с ней договорились, что

она выплатит его из своих гонораров за песню с рекламой *Apple*, – сказал он, имея в виду ее внешкольное хобби – сочинять музыку для других артистов и время от времени исполнять что-то самой. Это уже однажды спасло наш дом на Трэдд-стрит.

Я глубоко вздохнула и заставила себя посмотреть на слона в комнате.

– То есть все уже решено? Они привезут сюда свои съемочные группы, и мы не потеряем дом, верно?

Джек отложил этикеточный пистолет и повернулся ко мне.

– Помнишь, что я сказал тебе в саду в тот день, когда мы поженились?

Я кивнула.

– О том, что ты хотел бы прожить здесь всю оставшуюся жизнь и увидеть, как здесь растут твои дети?

– Да. Это самое главное, чего я хотел в этой жизни. Ты и я. Наша семья. Здесь. И я не могу позволить и не позволю Марку Лонго отнять все это у нас. Я скорее умру, чем увижу, как это произойдет.

Я схватила его за руки. Внезапно я вспомнила, как Ребекка рассказывала мне о своем сне. Как некий человек хоронил Джека заживо.

– Не говори так, Джек. Никогда так не говори.

Он скривил губы в небольшой гримасе.

– Как ты понимаешь, дело не в том, что мы не можем продолжать наши отношения.

– Джек… – с нажимом сказала я, в надежде, что он поймет мой намек.

– Да, они собираются снимать фильм по книге Марка у нас дома, – мрачно сказал он. – У нас нет особого выбора. А пока я перенес нашу встречу с Ивонной на завтра. Мы будем копаться в каждом листе бумаги и что-нибудь точно найдем. Я более чем уверен. Я отправил копию чертежей мавзолея своему другу-архитектору Стиву Дунгану, чтобы он взглянул, нет ли там чего-то такого, что я не вижу своим нетренированным глазом. Под каждым чертежом есть дата, поэтому я надеюсь, что он сможет их сравнить и сказать нам, в чем разница, и, возможно, объяснит, почему первый вариант мавзолея был построен, а затем всего два года спустя перестроен. – Джек сжал мои руки. – Мы хорошая команда, Мелли.

Если мы будем работать вместе, мы не проиграем. А пока мы притворимся, будто мы поджали хвосты и сдались. – Он обнял меня за шею и нежно притянул к себе. – В эту игру могут играть двое. Скоро мы увидим, что они там против нас замышляют.

Я поцеловала его, но мои мысли по-прежнему занимал сон Ребекки. По моей коже пробежал ледяной холод, как будто кто-то прошелся по моей могиле.

Глава 14

Мне нравилось, как Чарльстон прихорашивался к праздникам. От украшенных гирляндами пролетов моста Равенель и стволов и ветвей пальм на Марион-сквер до прифрантившихся уличных фонарей на Кинг-стрит, с их венками и красными бантами, ничто так не наполняло меня духом Рождества, нежели прогулки по улицам моего города. Я всегда с детским предвкушением ждала, когда на башне дома на углу Трэдд- и Митинг-стрит установят гигантскую шапку Санты. Но пока мы с Джеком ехали на встречу с Ивонной в центре города, я почти не замечала красных бантов и еловых веток, «произраставших» из большинства дверей и железных ворот. Моя голова была занята другими духами, не имеющими ничего общего с рождественскими.

Как обычно, у Джека не возникло проблем с поиском парковки возле библиотеки Аддлстоуна в кампусе Чарльстонского колледжа, где теперь размещались архивы Исторического общества Южной Каролины. Ивонна Крейг, давно перешагнувшая пенсионный возраст, отвергла все предложения о выходе на пенсию и вместе со своими драгоценными документами переехала в новое место за несколько миль отсюда. Когда Ивонна объявила о своем решении, Джек сказал ей, что она – одно из самых важных сокровищ архива, и сопроводил комплимент поцелуем в нежно-розовую щеку. Я подумала, что она потеряет сознание от удовольствия.

Джек нес обувную коробку с документами, которую нам вручил Энтони, а я держала папку с бумагами, по ошибке попавшими в нее, которую Ивонна дала моему отцу. Мы уже просмотрели их все, прочитали, а затем перечитали их снова, но не увидели ничего, что привлекло бы наше внимание как материал для будущих исследований. Возможно, стоимость гвоздей и сахара на плантации восемнадцатого века и имела историческое значение, но эта информация, увы, не могла победить зоб на шее нашего благополучия, Марка Лонго.

И Джек, и я отказывались поверить, что в этих документах нет ничего, что привело бы нас к очередному спрятанному сокровищу. Или, по крайней мере, к чему-то достаточно ценному, что могло

защитить нас от следующей атаки со стороны Марка. Возможно, сейчас у нас было временное перемирие, но мы не были настолько наивны, чтобы поверить в то, что Марк не затаился в ожидании момента, чтобы на нас наброситься, словно дикий кот у мышиной норы.

Все наши надежды были на неукротимую Ивонну. Она с радостью приняла отсканированные документы, которые Джек прислал ей накануне, чтобы ознакомиться с ними перед нашей встречей, на тот случай, если мы что-то пропустили. По ее словам, она все равно мало спала по причине возраста. Кроме того, сказала Ивонна, она очень надеялась, что сможет помочь указать карме путь к входной двери Марка.

Когда мы входили в двери библиотеки, лицо Джека было мрачным, а глаза казались еще более синими из-за темных кругов под ними. Вкупе с темной щетиной на лице эти круги делали его похожим на пирата, и я была рада, что в эти минуты я рядом с ним. И в его постели.

Мне оставалось лишь мечтать, чтобы я выглядела так хорошо, когда не спала. Прошлой ночью Джек не ложился спать, хотел еще раз просмотреть документы и все утро был так занят, что даже не заметил новую систему маркировки, которой я, во время вчерашней маркировочной гонки, снабдила его ящик для носков.

– Одного не понимаю, – сказал он, замедлив шаг в огромной стеклянной ротонде, где прошлым летом были выставлены полные останки скелета тираннозавра. Я хотела привести детей, но Джейн сказала, что они еще слишком малы, а Нола добавила, что Сара придет в ужас, если он заговорит с ней.

– Только одного? – предложила я, не желая показаться саркастичной.

Впрочем, это не имело значения. Лицо Джека оставалось хмурым, и я даже не была уверена, что он меня услышал.

– Мы знаем, что Марк положил глаз на наш дом. Он сам это признал. Так почему бы просто не подать на нас в суд, чтобы мы продали дом, и тогда они могли бы снимать этот свой фильм в свое удовольствие? Почему они пытаются уверить нас, что примут страховую выплату за несчастный случай в обмен на право снимать внутри помещения, и делу конец?

Мы направились к третьему этажу, где, как сказала Ивонна, мы должны были найти ее в читальном зале исторических архивов. Мы шли медленно, мысленно взвешивая все за и против.

– Хорошая мысль, – сказала я. Мы остановились и посмотрели друг на друга. Я сглотнула. – Но что, если мы ему нужны?

Джек кивнул.

– Вот я о том же подумал. Должно быть, он считает, что в доме спрятано что-то ценное, но что? Это ему еще предстоит выяснить. И он надеется, что мы приведем его к сокровищу. – Лицо Джека потемнело. – Мы просто не можем позволить Мэтту найти его первым.

Я кивнула. Тревога, терзавшая меня до этого, переросла в полноценную панику. Мы не сомневались, что это Марк стоит за нынешней ситуацией Джека с его издателем. Этот негодяй знал, насколько мы уязвимы. Несчастный случай с Нолой не иначе как был ответом на молитвы Марка.

Переступая порог читального зала, я почти видела пелену мрачных мыслей, окутывающую Джека. Посередине зала стояли столы из темного дерева, на каждом – лампа для чтения. Вдоль белых стен тянулись черные книжные полки. Толстый коричневый ковер, словно губка, поглощал наши шаги.

Я заметила, как в другом конца зала появилась Ивонна, как всегда, в розовом костюме-двойке и с ниткой жемчуга на шее. Было странно видеть ее в таком современном месте с обилием стекла и бетона, а не на фоне возведенного много веков назад здания, где она раньше работала. Шагая к нам, она хмурилась – к этому я тоже не смогла привыкнуть, – но ее руки были протянуты ко мне.

– Как же приятно видеть вас обоих! – сказала она, принимая поцелуи в щеку от нас с Джеком. – Я целую неделю не видела никого старше двадцати пяти лет. Я даже начала чувствовать свой возраст – особенно на фоне всей этой… новизны.

Библиотека была недавним дополнением к университетскому городку и резко отличалась от элегантных балюстрад, ионических колонн и прекрасных архитектурных деталей Огнеупорного Здания.

– Да, оно определенно новее, – согласилась я, отметая мысль Софи о том, что историческим архивам не место под бетоном и стеклом.

Ивонна вздохнула.

– Это правда. – Она улыбнулась Джеку поверх бифокальных очков. – Но, как все мы знаем, молодость часто переоценивают.

Джек улыбнулся в ответ, и я с облегчением увидела, как в его глаза вернулось немного света.

– И я надеюсь, Ивонна, вы сможете это доказать, сказав мне, что вы кое-что нашли.

– Думаю, да, – ответила она, ведя нас к столику в дальнем конце зала.

Джек облегченно вздохнул.

– Слава богу. Потому что, если бы у вас для нас ничего нового не было, нам пришлось бы прибегнуть к нашему Плану Б.

– У нас есть План Б? – спросила я.

– Пока нет, – ответил он и, положив руку мне на талию, повел меня следом за Ивонной через лабиринт, состоящий в основном из пустых столов.

Она жестом пригласила нас сесть за один из них. На нем лежала толстая папка, при виде которой мое сердце и желудок начали подрагивать в унисон. Джек пододвинул к Ивонне обувную коробку.

– Вот документы, взятые из архивов. Мы уже поговорили с нашим другом-детективом, и хотя мы почти уверены, что их украл Марк Лонго, он сказал, что прямых улик нет. Но на вашем месте я бы повесил у входа в библиотеку плакат и нарисовал на нем его перечеркнутое черной чертой лицо.

– А вот это, – сказала я, кладя перед собой свою папку, – копии документов, которые вы дали моему отцу. Вместо садовых документов по дому на Трэдд-стрит в папку были ошибочно положены и другие. Самые разные, но среди них есть планы строительства обоих мавзолеев на плантации Галлен-Холл. Лучшее, что можно о них сказать, – они по ошибке оказались отдельно от других документов, и мы почти уверены, что Марк Лонго их не видел.

Казалось, будто мы играем в покер, где каждый из нас тщательно раскладывал свои карты, а Ивонна была нашим умным дилером. Глядя на нас из-за бифокальных очков, она открыла папку, но оставила руку поверх бумаг.

– Я не только просмотрела присланные вами документы, но и немного покопалась в них сама.

Словно крупье в казино, все еще прикрывая рукой первую страницу, она подтолкнула ее к нам.

– Судя по тому, что Мелани рассказала мне по телефону, Марк видел и, возможно, уничтожил журнал встреч, некогда принадлежавший его деду, Джозефу Лонго, и вместе с ним изображение рисунка, скопированного Джозефом из письма, которое он нашел в доме Вандерхорста во время вечеринки. – Ивонна посмотрела на меня, ожидая, что я кивну в ответ. Ее глаза были живыми и блестящими, как у хирурга, готового сделать операционный разрез.

Я кивнула.

– Брат Марка также сказал вам, что в архивах, которые Марк украл, а затем… – она умолкла, словно вспомнив о давно ушедшем любимом человеке – уничтожил, он обнаружил письмо, датированное 1781 годом, в котором говорилось, что французский гость приехал возложить венок на могилу любимой дочери Вандерхорстов, Мари Клэр. Я буду продолжать поиски, но пока, к сожалению, не смогла найти ни копии этого письма, ни каких-либо других подтверждающих документов о гостях Галлен-Холла в 1781 году. Либо его не существует, либо Марк уже нашел и уничтожил его.

– Но у Вандерхорстов в то время не было дочери, – сказал Джек.

– Именно, – подтвердила Ивонна, наконец отрывая руку от бумаги. – Следующая часть была легкой. Здесь, в архиве, есть несколько томов, посвященных различным чарльстонским семьям – первым чарльстонцам, получившим тут землю, которых многие до сих пор считают единственными настоящими чарльстонцами. Мы очень гордимся своими родословными, хотя некоторые из них не такие пуритански чистые, как нам хотелось бы думать. – Она подмигнула. – К счастью, огромное количество источников позволяет довольно легко найти родословные и биографические данные о них.

Мы посмотрели вниз и увидели фотокопию биографии, взятой из какого-то старинного учебника.

– Эта молодая женщина Элизабет Гровнер, или просто Элиза для друзей и родственников, не была их дочерью, но жила в то время с семьей в качестве подопечной миссис Вандерхорст. Ее мать и миссис Вандерхорст были дальними родственницами, и когда юная Элиза осиротела, она переехала жить к Вандерхорстам на их плантацию,

известную как Галлен-Холл. Она все еще жила там в 1781 году, когда было написано это письмо.

Джек нагнулся над обувной коробкой и, порывшись в ее содержимом, вытащил тонкий лист бумаги и с торжествующим видом протянул его Ивонне.

– Я сразу узнал это имя. Именно Элиза купила для плантации первых павлинов. Это заказ на покупку трех пар, и ее имя указано внизу.

– Молодец, – похвалила Ивонна, улыбаясь Джеку, как если бы он был ее протеже.

Я посмотрела на бумагу, которую дала нам Ивонна. В верхнем левом углу было что-то вроде изображения картины маслом, но копия затемнила почти все лицо.

Увидев, на что я смотрю, Ивонна пояснила:

– Оригинальный портрет Элизы висит в Галлен-Холле. Конечно, здесь это трудно разглядеть, но она, по общему мнению, была настоящей красавицей. И разбила множество сердец, как британских, так и американских.

– Сердцеедка равных возможностей, – сказал Джек, разглядывая смазанное пятно черных чернил, словно желая увидеть, что скрыто под ним.

– Это было первое тело, захороненное во втором мавзолее, – продолжила Ивонна, – первый мавзолей оставался пустым, пока его не снесли. Первое из трех тел, захороненных во вновь построенном, все в том же 1782 году. По сей день это единственные три тела в мавзолее, и после того года на кладбище больше не было захоронений, хотя люди в этом доме жили более двух столетий.

– Как печально, – сказала я, прищурившись и стараясь разглядеть более крупный шрифт с датой ее рождения на биографии: 1758 год. Мне тотчас вспомнились все способы, о которых рассказывала мне Софи, свести человека в могилу до появления антибиотиков. – Ей было всего двадцать три года. Болезнь?

Ивонна покачала головой.

– В официальном отчете ни слова, что, конечно же, заинтриговало меня. И я просмотрела бумаги в коробке из-под обуви и нашла письмо от Кэрролтона Вандерхорста, тогдашнего владельца Галлен-Холла,

к преподобному местной церкви о существенном пожертвовании в обмен на некую услугу.

Джек энергично кивнул.

– Я помню, что видел его… что-то о том, чтобы выделить определенную часть кладбища под новый мавзолей, и спросил преподобного, может ли тот тому поспособствовать. – Он вновь начал перебирать бумаги и наконец вытащил пожелтевший лист с тонкими чернильными штрихами на одной стороне. – Вот. «В обстоятельствах, когда церковь диктует, что душу нельзя похоронить на освященной земле, моя убитая горем жена и я умоляем вас сделать все необходимое, чтобы создать место, где душа может обрести упокоение, несмотря на нечестивую кончину».

– Когда я это прочла, – сказала Ивонна, – мне в голову пришло только одно.

– Самоубийство, – тихо сказал Джек. Ивонна кивнула.

– Да, очень трагично. Тем более что Вандерхорсты настолько любили ее, что позаботились о том, чтобы ее похоронили в семейном склепе. Конечно, нигде нет упоминания о самоубийстве, потому что это был бы ужасный скандал. Просто нет упоминания о том, от чего она умерла, но тогда смерть молодой женщины не была такой редкостью, как сейчас.

– Почему Элиза должна быть для нас важна? – спросила я.

– Я тоже сначала не поняла, – ответила Ивонна, – поэтому продолжила копать. Джек упомянул, что на одном месте с разницей в два года было построено два мавзолея, и я видела планы, которые вы мне прислали. Пока я не увидела ничего, что могло бы объяснить, почему они разрушили первый, или что могло означать это загадочное сообщение о «Мари Клэр». Разве что… – Она подтолкнула к нам еще одну страницу.

Кто бы ни напечатал эту страницу из какого-то журнала армейского снабжения, он настолько увеличил размер шрифта, что даже я смогла его прочитать. Не то чтобы это имело значение, ибо это оказался всего лишь список из четырех предметов: коньяк, перья щегла, кухарка, бургундское вино.

– Что это? – спросила я.

– Вы знаете, кто такой Болотный Лис? – спросила Ивонна.

– Конечно, – ответил Джек.

– Понятия не имею, – одновременно с ним ответила я. Мы быстро переглянулись и вновь посмотрели на Ивонну.

– Фрэнсис Марион. Во время осады Чарльстона он и его люди вели против британцев партизанскую войну. Он ни разу не попал в плен, сумел нанести сокрушительный урон британцам и поднять боевой дух патриотов. Многие сочувствующие патриотам прятали его в своих домах, пока он передвигался по прибрежной местности. Предполагаю, что Вандерхорсты тоже ему сочувствовали, поскольку имя Галлен-Холл упомянуто в его личных документах.

– И этот список… – начал Джек.

– Из личных документов Фрэнсиса Мариона времен войны. Я нашла его, когда проводила в архиве компьютерный поиск, используя слова «Галлен-Холл». Просто удивительно, на что сегодня способны компьютеры, не правда ли? Даже не верится, что раньше все хранилось на картонных карточках!..

– О, я все еще пользуюсь карточками, – начала было я, но Джек, откашлявшись, перебил меня и снова переключил внимание на Ивонну.

– И что же вам сказал этот список?

– Сначала ничего. По всей видимости, это была партия из Вирджинии, которая направлялась в Галлен-Холл и была поручена Болотному Лису для безопасной транспортировки. – Ивонна переместила в нашу сторону еще одну страницу. – Что я могла бы легко упустить, Джек, если бы вы не отсканировали мне эти бумаги вчера вечером. Потому что это из амбарной книги Галлен-Холла, где 27 марта 1781 года указана поставка точно таких же предметов.

Джек насупил брови.

– А поскольку совпадений не бывает, это должно что-то значить?

– Ну конечно! – ответила Ивонна. – У меня еще не было возможности просмотреть все, что вы прислали, – мне просто нужно еще пару дней, чтобы хорошо поработать, – но вот еще несколько моментов, которые, как мне кажется, могут вас заинтересовать, прежде чем мы вернемся к нашей милой Элизе. – Она подтолкнула к нам еще три страницы и указала на первую: – Это ход событий американской революции. Я хотела знать, что происходило в Вирджинии в 1781 году, на тот случай, если это может пролить свет на интересующие нас темы.

– Осада Йорктауна, – предположил Джек.

Я посмотрела на него с удивлением и восхищением: интересно, где он скрывал от меня эту свою занудную сторону? Странно, но я даже нашла ее довольно сексуальной. Ивонна посмотрела на Джека как учитель, подбадривающий любимого ученика.

– А кто там командовал американскими войсками?

Джек на миг заморгал, пытаясь вспомнить, а Ивонна любезно взглянула на меня, как бы проверяя, смогу ли я дать верный ответ.

– Просмотрите список еще раз, Джек. Согласитесь, не похоже на типичный список предметов первой необходимости. Но если бы от вас требовалось угадать страну происхождения, по крайней мере, для двух предметов, что бы первым пришло вам на ум?

Мы оба посмотрели на список.

– Франция, – рискнула я.

– Маркиз де Лафайет, – одновременно со мной сказал Джек. Ивонна просияла:

– Ставлю обоим пятерку.

– Хорошо, – медленно произнес Джек. – Но какое отношение это имеет к Элизе и всему ценному, что все еще может быть спрятано на плантации?

Ивонна чинно сложила руки перед собой.

– Как вы знаете, маркиз был французом и пользовался полной поддержкой французского короля, поскольку Франция в 1778 году официально признала независимость Америки, и скорее всего, чтобы утереть нос своим врагам-британцам. Это не задокументировано, но ходили слухи, что помимо обещания войск и кораблей для поддержки Америки король Франции также дал маркизу нечто в высшей степени ценное для финансовой поддержки американцев, а именно, для финансирования шпионской сети. Было нелегко заручиться помощью хорошо обеспеченных людей, которым было что терять, если их поймают. Дорогие ювелирные украшения, золото или даже произведения искусства были бы прекрасным стимулом.

– Официальных записей об этом нет, но в различных исторических архивах имеется достаточно слухов и писем с расплывчатым содержанием, подтверждающих вероятность того, что такое действительно имело место. Однако если сокровище – а мы до сих пор не знаем, что это могло быть – действительно попало

в Америку, нет никаких письменных свидетельств о том, что с ним случилось, или где оно может находиться сегодня.

Джек придвинул список ближе и, почти затаив дыхание, дважды прочел его вслух.

– Коньяк, перья щегла, кухарка, бургундское вино. Эти четыре вещи несовместимы. Я могу допустить, что Лафайет поставлял своим сторонникам в Южной Каролине коньяк и бургундское вино, но птица и кухарка? Я не понимаю. – Он снова посмотрел на список. – Это явно какой-то шифр.

– Скорее всего, – согласилась Ивонна. – Хотя, скажу честно, я еще не поняла, какой именно.

Я хотела было сказать, что мои мысли идут в том же направлении, но это было бы ложью. Вместо этого я сказала:

– Как вы думаете, это искал Марк?

Джек посмотрел на меня и медленно покачал головой.

– Возможно, хотя в коробке из-под обуви или в папке не было ничего, что на это указывало бы. Если только он не прочел что-то в газетах, которые он уже выбросил.

– Есть еще кое-что, – сказала Ивонна. Мы оба посмотрели на нее. Похоже, ей нравилось держать нас в ожидании.

Она подтолкнула в нашу сторону увеличенную копию зернистой фотографии. Я узнала треугольную форму мавзолея, который видела на плантации Галлен-Холл. Это было старое фото фасада мавзолея, где на граните были выгравированы имена и даты жизни его обитателей. Я узнала имя Элизы Гровнер, но два других имени, Лоренс Вандерхорст и Александр Монро, были мне незнакомы, не считая, конечно, фамилии Вандерхорст. Единственное, что бросалось в глаза, это то, что все трое умерли в 1782 году, Элиза – в июле, а двое мужчин – в разные дни в октябре.

– Что-нибудь известно об этих двух мужчинах? – спросила я.

– Теперь да, – ответила Ивонна, подталкивая к нам еще две страницы, обе, очевидно, из той же книги, что и биография Элизы. Я прищурилась, глядя на снимок мемориальной доски мавзолея, ожидая, когда Джек пробежит глазами две биографии. Несколько минут он молчал, затем выпрямился и глубоко вздохнул.

– Что ж, весьма неожиданный поворот событий.

– Что? – спросила я, не поднимая глаз. Что-то в этом снимке привлекло мое внимание.

– Александр был британским солдатом, расквартированным в Галлен-Холле во время оккупации Чарльстона, которая началась в 1780 году. А Лоренс… – он помолчал, прежде чем продолжить, – был помолвлен с Элизой.

Я тотчас оторвалась от снимка и подняла глаза.

– И что случилось?

– Не совсем понятно. Там просто сказано, что Александра нашли в реке Эшли, он плыл по воде лицом вниз. Причиной смерти стало случайное утопление.

– А Лоренс?

Джек прищурился.

– Его нашли четыре дня спустя с огнестрельной раной в груди. Согласно биографии, обвинение в его смерти не было предъявлено никому…

– Согласно тому источнику, – прервала его Ивонна. – А вот согласно этому, а именно: атласу шпионов Войны за независимость, опубликованному в тридцатых годах, их смерть имела некое отношение к шпионской сети, и один из них мог быть двойным агентом, продававшим секреты.

Мы с Джеком переглянулись, вспомнив, что Греко рассказывал нам о шпионской сети. Тогда он указал на резного павлина на ножке кровати Нолы.

– Как называлась шпионская сеть? – спросил Джек.

– Информации о ней немного, – сказала Ивонна. – Некоторые историки даже сомневаются в ее существовании, поскольку не сохранилось никаких списков людей, состоявших в ней. Единственный способ, с помощью которого они опознавали друг друга, – это символ в виде павлина.

Я почувствовала на себе взгляд Джека, но мое внимание было приковано к снимку в моей руке.

– Думаю, слухи были верными, – сказала я, не отрывая глаз от фотографии мавзолея. Зернистость старого фото делала детали практически неразличимыми.

Джек стоял позади меня, его теплое дыхание обдавало мне затылок. Я ощущала напряжение в его теле, с трудом сдерживаемое

волнение оттого, что мы, возможно, что-то нашли, пусть нечто смутное и неясное, но это нечто могло помочь нам освободиться от хватки Марка.

– Вот, – сказала я. – На что это похоже? – я указала на обрамляющий доску витиеватый орнамент, сплошь состоящий из завитков, в которых легко было скрыть любую картинку. Если только вы не знали, что искать.

– Похоже на глаз на конце хвоста павлина, – сказал Джек, в голосе которого слышалась улыбка.

– Согласна, – сказала я, улыбнувшись в ответ. – Конечно, это может быть просто намек на любовь Элизы к птице, раз уж она там похоронена. А может, и нет.

Он быстро поцеловал меня в губы.

– Я же сказал вам, что мы с Мелли – отличная команда.

Ивонна осторожно откашлялась.

– А мы трое – *исключительная* команда, – быстро поправил себя Джек и повернулся ко мне. – Похоже, нам нужно вернуться в мавзолей и все там хорошенько осмотреть, – пылко добавил он. Его улыбка слегка потускнела. – Хотя я не совсем уверен, что все это означает, или даже означает ли это вообще что-нибудь, но это, по крайней мере, дает мне возможность сосредоточиться на чем-то, кроме Марка, книги и Десмары. Кстати, ее последняя идея состоит в том, чтобы на новых авторских фото я был без рубашки. Чтобы привлечь более юную аудиторию.

– Но разве эта демографическая группа умеет читать? – спросила я.

– Понятия не имею. Знаю только одно: я просто хочу, чтобы меня оставили в покое, чтобы я мог писать, и мне не нужно было заморачиваться по этому поводу.

Я схватила его за свободную руку.

– Я знаю. Надеюсь, в ближайшее время мы получим ответ от твоего друга-архитектора и узнаем что-то полезное. А пока я позвоню Энтони и договорюсь с ним о времени, когда нам можно будет посетить мавзолей и, надеюсь, во всем разобраться, – сказала я с гораздо меньшим воодушевлением, вспомнив подавленное чувство, когда я была там в прошлый раз, и липкую вонь гниющей плоти, преследовавшую меня до самого дома.

– Не забудь сообщить и Джейн, чтобы она тоже поехала с нами, – сказал Джек, собирая фотокопии, которые дала нам Ивонна, после чего заключил ее в объятия.

– Конечно, – сказала я, заставив себя улыбнуться, и на прощание поцеловала Ивонну в щеку и тоже обняла.

Когда мы выходили из библиотеки, Джек даже насвистывал, невзирая на гневные взгляды библиотекарей и посетителей. Он взял мою руку и крепко ее сжал. Мне очень хотелось быть от нашего открытия в том же восторге, что и он. Но, если честно, с другой стороны, я не горела желанием выяснять, что же охладило мое собственное волнение, словно темная туча, заслонившая собой солнце.

Глава 15

На следующее утро, направляясь в кухню, чтобы выпить кофе перед работой, я услышала из кабинета Джека лепет близнецов. Заглянув внутрь из-за двери, я увидела своих детей: все еще одетые в рождественские пижамки, они хлопали по смятому бумажному шарику, а все три пса как загипнотизированные наблюдали за ними. Поняв, что из этого следует извлечь урок, я быстро подсчитала в голове деньги, которые я уже потратила на подарки для Сары и Джей-Джея, с которыми те, вероятно, никогда не будут играть с тем же азартом, как с этим смятым бумажным шариком.

Джек сидел рядом с ними на полу и фотографировал их камерой своего айфона. Он постоянно снимал своих трех детей и из-за огромного количества снимков был вынужден перейти на новый телефон с большей памятью. Не считая тех случаев, когда он наводил камеру на меня, мое сердце сжималось с каждым щелчком, заставляя меня любить своего мужа еще больше. Если такое возможно.

– Доброе утро, – сказала я, подойдя к Джеку, чтобы поцеловать его. – Мне было интересно, где же мои дети и почему их одежда, которую я разложила на стуле в спальне, все еще там и лежит.

Я опустилась перед Сарой и Джей-Джеем на колени и расцеловала их в нежные щечки. Что-то ласково проворковав в ответ, дети улыбнулись мне, но их тут же отвлек один из щенков, игравший со скомканной бумажкой.

Я нахмурилась и встала.

– А где Джейн? Надеюсь, что к настоящему времени она уже знает, что детей нужно одевать до того, как…

– Привет, Мелани. – Я обернулась. Позади меня, с чашкой кофе в руках, стояла Джейн. Она выглядела молодой и отдохнувшей. В отличие от меня, которая еще не пила кофе и трижды просыпалась посреди ночи, когда Сара болтала с кем-то, кого я не могла видеть. Но поскольку я почувствовала запах роз, то не испугалась. Лишь слегка разозлилась, что Луиза Вандерхорст – между прочим, тоже мать – не понимала, что мне нужен сон.

Джейн сжала кружку чуть крепче, и я поняла, что таращусь на нее.

– Извини, Мелани, Джей-Джей и Сара выглядели так очаровательно в своих пижамках, что я подумала, а не устроить ли нам пижамное утро. На улице так холодно, и я решила, что мы принесем вниз подушки и одеяла, стопки книг и устроимся перед камином. Когда днем станет чуть теплее, я одену малышей и отведу в парк.

Она сделала глоток кофе, чем напомнила мне, что я все еще не свожу глаз с ее кружки. Я заставила себя посмотреть ей в лицо.

– Да, конечно. Я не против. – Я заправила прядь волос за ухо и, чувствуя, как солнце струится в окна, быстро вернулась на место. Что, если солнечный свет лишь сильнее подчеркивает шесть слоев тонального крема, которые я нанесла под глазами, чтобы скрыть темные круги? – Ладно, я пойду за кофе, а потом на работу…

Джек встал.

– Погоди. У меня есть несколько отличных фотографий детей, которые ты, вероятно, захочешь для альбома. Взгляни. – Он обнял меня за плечи, подводя ближе, и поводил большим пальцем по экрану, чтобы показать мне фотографии Сары и Джей-Джея в милых пижамках, играющих со щенками. Джек был прав. Это были отличные снимки, и я, наверное, включила бы их в фотоальбомы. Вот только на каждой была Джейн – либо с детьми на коленях, либо сидя между ними или с ними рядом. Не знаю, почему, но меня это беспокоило. Она была моей сестрой. Их тетей. Она должна присутствовать в наших фотоальбомах, потому что она член нашей семьи. Но настырный комариный писк и зуд непонятного раздражения жег мою совесть, не давая мне встретиться взглядом с Джейн, когда Джек опустил айфон.

– Ты прав, снимки и вправду классные. – Я попятилась из комнаты, надеясь, что немного кофеина – все, что мне нужно, чтобы подавить этот неумолкающий писк в затылке.

– И не забудь позвонить Энтони – я взял на себя смелость и рассказал Джейн о том, что мы вчера узнали от Ивонны. Она очень хочет еще разок съездить в Галлен-Холл.

– Вообще-то, – медленно произнесла я, глядя на Джека, – я уже говорила с ним. Он сказал, что встреча позже на этой неделе его устроит, и, поскольку я знала, что у тебя в календаре ничего нет, я сказала, что мы встретимся с ним в пятницу в четыре часа.

– Но тогда Джейн останется с близнецами, – заметил Джек.

– В принципе… – начала было я, но Джек не дал мне договорить.

– Я уверен, что твоя или моя мама с радостью предложат свои услуги.

– Я позвоню маме и спрошу, – предложила Джейн. – Хотя я не уверена, стоит ли нам говорить об этом отцу. Что вы думаете?

Отцу?

– Хм, если мы не хотим повторения того, что произошло в прошлый раз, не думаю, что это было бы хорошей идеей.

– Согласна, – весело сказала Джейн. Она осушила свою кружку и, поставив ее на стол Джека, подошла ближе. Вероятно, теперь, когда ее кружка была пустой, она почувствовала себя в безопасности.

– Вчера я была в ногтевом салоне и пока делала себе маникюр-педикюр, немного подумала обо всем, что происходит здесь, у цистерны, и о связи с Галлен-Холлом и всей этой истории.

Я согнула пальцы, поспешив спрятать в ладони свои обглоданные ногти с воспаленной кутикулой, чтобы никто не заметил, как давно я не видела маникюрный салон изнутри.

– Да? – сказала я, заставляя себя слушать.

– Помните, как солдат, которого мы видели, направил на нас мушкет, когда мы были на плантации? Что ж, мне интересно, что одним из соседей Элизы по мавзолею был британский солдат. Слишком много совпадений, чтобы быть совпадениями, верно, Джек? – посмотрев на моего мужа в поисках подтверждения, она продолжила: – Что действительно интересно, так это то, что Александр Монро был британским офицером, во время оккупации жившим на плантации. Тогда почему же он погребен вместе с сыном хозяев и его невестой? В их распоряжении было все кладбище… почему бы просто не похоронить его в обычной могиле?

– Я подумал о том же, – сказал Джек, восхищенно глядя на Джейн, отчего комар в моей голове загудел еще громче.

Джейн между тем продолжала:

– А помните тот запах в комнате Нолы, который возник, когда у нее на стене появились эти буквы? Пахло порохом, лошадьми и кожей, верно?

Я кивнула. Я подумала о том же самом, но держала свои мысли при себе, надеясь сначала понять, что все это значит. Будь у меня

время привести в порядок ногти, возможно, я бы тоже в этом разобралась.

– Должно быть, это Александр, – предположила Джейн. – Это означает, что между цистерной и мавзолеем имеется определенная связь. Впрочем, не знаю. – Она покачала головой. – Я не почувствовала исходящих от него негативных эмоций, но в спальне Нолы определенно царит негативная атмосфера.

– Есть еще женщина, – добавила я, избегая смотреть на Джека. – Я видела ее на лестнице. Всего один раз и мельком. В тот день, когда мы снимались на рождественское фото, и я видела ее только раз. Я не связала ее с мавзолеем, вероятно, потому, что видела ее здесь, и…

Они оба недоуменно посмотрели на меня, и я поняла: мы все вспомнили нашу с Джеком ссору в тот самый день, когда Нола нашла на моем телефоне фотографии другого духа из ее спальни. Ссору из-за того, что я не обо всем рассказываю Джеку. Я сглотнула.

– Все было мельком, – повторила я. – Но мне кажется, она что-то сказала… но не слишком четко. Я подождала, надеясь увидеть ее снова, чтобы убедиться, правильно ли ее расслышала, прежде чем кому-то что-то сказать. Я хотела убедиться.

Губы Джека сжались в тонкую линию.

– Как ты думаешь, что она сказала?

Я все еще слышала шипение последней согласной, скользящей, как масло, в моей голове.

– «Ложь».

– Только одно слово? – Джек недоверчиво прищурился.

Я подошла к нему и крепко поцеловала в губы, по причине присутствия Джейн и детей ограничившись рейтингом 0+.

– Всего лишь одно слово. Клянусь.

Его руки легли мне на плечи.

– Есть еще что-нибудь, что, по твоему мнению, ты могла бы мне сказать?

Я покачала головой.

– Я не рассказываю тебе о каждом призраке, который вижу. Вдруг ты начнешь сомневаться в моем здравом уме? Я не могу заблокировать их всех. – В поисках подтверждения я посмотрела на Джейн. Она кивнула. – Я не подумала упомянуть женщину на лестнице, потому что посчитала, что, возможно, она забрела следом за мной снаружи и это

был разовый случай. Такое часто бывает. Или же это был дух, которого вызвали девочки, когда играли с доской для спиритических сеансов… нет никакого способа это узнать. Но теперь, в контексте того, что нам сказала Ивонна, возможно, этот призрак связан с цистерной.

– Ты выглядишь так сексуально, когда ты серьезна, – сказал Джек, и его губы дрогнули в невольной улыбке. Он притянул меня к себе и поцеловал.

– Не хочу уподобляться Ноле, но снимите себе комнату.

Мы отпрянули друг от друга и посмотрели на Джейн. Она крепко зажала глаза ладонями, одна поверх другой, чтобы не дай бог ничего не увидеть даже в самую тонкую щелочку между пальцами.

– Вообще-то мне нужно на работу, – сказала я, но мои слова растворились в воздухе, стоило мне услышать, как перед домом остановился грузовик строительной фирмы Рича Кобилта. – Кто-нибудь кроме меня услышал звук гигантского кассового аппарата, высасывающего все наши деньги?

Джек проследил за моим взглядом.

– Почему здесь Рич Кобилт?

Мы услышали, как Нола топает вниз по лестнице, а затем она резко остановилась перед дверью кабинета Джека.

– Пап?! Ты можешь отвезти меня в школу? Сегодня очередь миссис Равенел, но Олстон и Линдси должны быть в школе пораньше, а я нет, поэтому я сказала, что меня отвезет кто-то из родителей.

Джек посмотрел на часы.

– Разве ты не должна быть в школе через двадцать минут?

Нола кивнула.

– Да. Так что нам нужно поторопиться.

Джек тяжело вздохнул и потянулся за ключами от машины.

– И ты не подумала вчера сказать мне об этом?

– Извини. Вылетело из головы. – Она поправила на спине рюкзак, вытащила из-под пояса серой форменной юбки фиолетовую рубашку поло с длинным рукавом и повернулась ко мне. – Кстати, доктор Уоллен-Араси заходила вчера днем, чтобы снова взглянуть на пол в столовой, и попросила меня сообщить, что мистер Кобилт будет здесь сегодня утром и сообщит примерную стоимость работ.

Мы с Джеком лишь молча переглянулись и воздержались от комментариев. Мы были так рады, что Нола физически не пострадала

в аварии, что ни он, ни я не осмелились отругать ее за безответственность. Прибережем для другого раза.

– Пойдем, Нола, садимся в фургон. – Джек коротко поцеловал меня в губы, попрощался с Джейн и близнецами и ушел с Нолой.

– Отлично, – сказала я, втягивая воздух и мысленно подпоясывая чресла. – Думаю, это означает, что мне нужно поговорить с Ричем.

Джейн наклонилась и взяла малышей за руки.

– Он сразу направился за дом, так что тебе лучше выйти через кухню. Вероятно, он хочет проверить, как продвигаются дела с цистерной. Разве ты не сказала ему, что хочешь засы́пать ее к Рождеству?

– Да. Хотя я не сказала Софи, потому что боюсь того, что она мне скажет. – Я поцеловала Джей-Джея и Сару и, схватив пальто и чашку кофе, вышла через кухню на улицу. Рич Кобилт был в толстом свитере, достаточно длинном, чтобы прикрывать пояс, за что я была бесконечно благодарна. Вряд ли без хотя бы чашки кофе мой желудок выдержал бы вид преддверия его ягодиц.

– Доброе утро, миссис Тренхольм! – поздоровался он.

Я закрыла за собой дверь. Мое лицо покалывало от холода.

– Привет, Рич!

Я заметила у него на шее большой металлический крест на тяжелой цепи. Я была почти уверена, что не видела его раньше. Должно быть, он догадался, куда я смотрю, потому что потрогал крест.

– Подарок жены, – сказал он. – Без обид, мисс Тренхольм, но этот сад меня пугает. Если вы думаете, что скелет, который нашли в фонтане, а за ним еще один в фундаменте, снесли мне крышу, так вот, от этой цистерны у меня по коже пробегают мурашки. Когда я на заднем дворе, мне вечно кажется, будто кто-то наблюдает за мной. Моя жена дала мне это в качестве дополнительной защиты. – И он покачал цепочку.

– Весьма мило с ее стороны, – сказала я, не в силах придумать, что еще сказать. И какой же будет адекватная реакция на то, что кто-то повесил себе на шею крест для защиты себя от вашего заднего двора?

– Да, она довольно заботливая, – вновь повернувшись ко мне, сказал он. – Я слышал, что мой друг Греко сейчас работает на вас. Он забавно одевается, но в целом он хороший парень.

Я постаралась сохранить нейтральное выражение лица.

– Он молодец. С ним приятно работать. И уж точно его нелегко напугать.

При этих моих словах Рич слегка прищурился. Я же прикусила губу, сожалея, что сказала это вслух. Он повернулся к цистерне, где, несмотря на холод, Меган Блэк и двое других студентов старательно ковыряли кирпичные стены.

– Между нами говоря, это заняло гораздо больше времени, чем я думал. Если они не закончат на этой неделе, я никак не смогу засы́пать яму до вашей большой вечеринки.

– Не могли бы вы просто привести сюда бульдозер и все это сровнять с землей? А мы назовем это несчастным случаем, что скажете?

Рич тупо уставился на меня.

– Вы серьезно, мисс Тренхольм? Потому что вряд ли доктор Уоллен-Араси согласится на это. – Он подчеркнул свои слова, покачав головой. – Вообще-то она милая и все такое, но я бы не хотел портить с ней отношения.

Как частая жертва другой стороны ее натуры, я была вынуждена согласиться.

– Нет, вы точно не захотите туда идти. Итак, – сказала я, стремясь уйти от цистерны и вездесущего запаха мертвечины и гниющих вещей, висевшего в прохладном воздухе, несмотря на заверения Софи, что все мертвое давно бы разложилось.

– Вы пришли посмотреть на пол в столовой?

– Да, мэм. Я так понимаю, у вас водятся эти мерзкие жуки-древоточцы.

– По словам доктора Уоллен-Араси, да. – Я положила руку ему на плечо и наклонилась ближе. – Не могли бы вы сделать мне одолжение? Если на избавление от них и ремонт пола уйдет больше тысячи долларов, не могли бы вы назвать мне стоимость ламината? Знаете, того, что смотрится как дерево, но невкусен для жуков?

Он поджал губы.

– Доктору Уоллен-Араси это не понравится. От слова «совсем».

Я отступила.

– Верно. Но ведь за это платит не она? – сказала я и с прищуром посмотрела на него. – И если вы скажете ей хоть слово о том, что

я только что сказала, вам понадобится гораздо больше защиты, чем этот ваш кулон. Вам понятно?

Его брови взлетели вверх.

– Да, мэм. Понятно.

– Хорошо. Идите внутрь. Я же сначала хочу задать быстрый вопрос одной из студенток. Я присоединюсь к вам через минуту.

Он не стал ждать, пока я повторю, и почти дошел до кухонной двери, прежде чем нагнулся и завязал шнурок. Я чуть не поперхнулась кофе и заставила себя отвести глаза.

Повернувшись к цистерне, я увидела, как Меган Блэк – все в тех же симпатичных черных наушниках-бантиках и розовом поясе для инструментов, в каких я видела ее раньше – наклонилась вперед с крошечной щеточкой и принялась счищать землю с кирпича, торчащего в стене цистерны.

– Привет, Меган! – окликнула я ее.

Она продолжала усердно работать щеткой. Я заметила, что из-под теплых наушников у нее тянутся провода. Подойдя к ней, я помахала руками, и она наконец меня заметила. Она сняла наушники и улыбнулась мне.

– Доброе утро, миссис Тренхольм.

– Доброе утро. – Я сделала глоток кофе. Тот стремительно остывал. – Итак, – сказала я, указывая на глубокую яму на заднем дворе. – Вы почти закончили?

Мой вопрос, похоже, ужаснул ее.

– Нет, что вы! Мы каждый день что-нибудь находим, но нужно время, чтобы убедиться, что во время раскопок ничего не повреждено. – Она подошла ко мне, и я увидела на земле розово-зеленый термос для кофе. Рядом было расстелено белое одеяло, на котором аккуратными рядами лежало что-то похожее на обыкновенный мусор.

– Посмотрите, что мы нашли сегодня утром, – взволнованно сказала она, показывая на нечто, похожее на битый фарфор. – Это осколки фарфора!

– Какая прелесть! – сказала я.

– Я знаю. – Меган осторожно положила осколок рядом с почти таким же. – Думаю, у нас наберется целая чашка с блюдцем. – Она

переместила руку к небольшому предмету на одеяле. – Еще мы нашли вот эту кость, – сказала она, держа что-то маленькое и белое.

У меня перехватило горло. Ее лицо посерьезнело.

– О, не волнуйтесь, миссис Тренхольм. Мы нашли много костей животных, в основном куриных. Наверное, из закопанного мусора. Вы знаете, как говорят: мусор для одного – сокровище для другого, – она произнесла эти слова с таким воодушевлением, что я была вынуждена улыбнуться.

– У вас найдется минутка? Хотела спросить вас о том снимке, который вы сделали. И о человеке, стоявшем возле цистерны.

Она вздрогнула и поежилась, и я была почти уверена, что ветер здесь ни при чем.

– Я удалила его со своего телефона. Вместе с фоткой лица в окне наверху.

Я не удивилась. Я бы сделала то же самое, не знай я наверняка, что от духов не так-то легко избавиться.

– Не беспокойтесь – вы прислали мне фото по электронной почте, так что они у меня на телефоне, плюс вы дали мне распечатанные копии снимка, помните?

Она кивнула.

– Да. Думаю, вам стоит удалить снимки и порвать распечатки. Не то чтобы я верю в такие вещи, но мне кажется, что такое не следует хранить дома.

– Без сомнения, – сказала я. – Я не знаю, насколько хорошо вы помните этот снимок, но заметили ли вы что-то такое, что врезалось вам в память?

– Не считая того, что его там не было лично, а только на фото? Это сложно забыть.

– Конечно. Но что вы помните о его одежде?

– Вот вы о чем! Это определенно был наряд конца восемнадцатого века.

– Вы уверены? Потому что на фотографии на нем был галстук с отложными воротничками.

– В отличие от женской моды, разницу между мужской модой семнадцатого и восемнадцатого веков не смогут увидеть многие люди, если только они не изучали специально ее историю. У женщин по ширине юбок всегда можно определить, из какого они десятилетия

и какого века. Галстуки носили на протяжении десятилетий, почти два столетия. Но я знаю, что это был восемнадцатый век, потому что отчетливо помню, что его волосы были зачесаны назад, в хвост, а не стрижены. В этом основная разница между двумя веками.

Я питала надежду, что этот призрак не имеет отношения к женщине на лестнице или солдату в Галлен-Холле. Потому что в таком случае это были бы отдельные сущности, с которыми можно поговорить. Но сразу три привидения восемнадцатого века указывали совершенно в другом направлении.

– Было ли что-нибудь еще? – спросила я и почти затаила дыхание, ожидая ее ответа.

Она хотела покачать головой, но вспомнила что-то еще.

– Я пыталась забыть о нем, но с его глазами что-то было не так. Сначала я подумала, что они просто скрыты тенями. Но потом… – Меган умолкла и посмотрела на меня. – Но после того как снимки распечатали и мы их внимательно рассмотрели, было похоже, что их у него просто… нет. – Она пристально посмотрела на меня. – Надеюсь, я вас не пугаю, миссис Тренхольм. Вероятно, это просто была грязь на моем айфоне. Моя мама всегда говорила, что у меня слишком бурное воображение, поэтому я, естественно, приняла пятно за человека. Потому что никаких призраков не существует.

– Так считается, – сказала я и как будто невзначай спросила: – Вам когда-нибудь доводилось работать на кладбище в Галлен-Холле?

– О да. На младших курсах, на занятиях по цифровой обработке информации, мы несколько раз ездили туда с лазерным сканером FARO, чтобы задокументировать надписи надгробия. Это было прикольно.

– Представляю, – сказала я. – И вы или кто-то из ваших однокурсников когда-нибудь… что-нибудь там видели? Например, грязные пятна на линзах фотоаппаратов, похожие на привидения?

Она застыла в неподвижности.

– Может быть.

– Так да или нет? – не унималась я.

– Да. Некоторые из нас однажды что-то увидели, и все побежали, включая меня. Но я споткнулась – я немного неуклюжая – и потому разглядела его лучше. Он стоял у мавзолея.

– Он был похож на того же человека, которого вы уже видели здесь?

Она на миг задумалась и кивнула.

– Да, это точно тот же самый. Я знаю, потому что на его рубашке, там, где она видна из-под верхней одежды, было… пятно или что-то вроде того. Должно быть, пуговицы были расстегнуты или что-то в этом роде, потому что я видела белую рубашку. – Меган передернула плечами, словно пытаясь избавиться от мысли, что кто-то наблюдает за ней. – Я не рассказываю об этом, потому что об этом лучше просто забыть.

Я натянула широкую улыбку.

– Совершенно логично. Если бы я увидела нечто подобное, я бы тоже захотела об этом забыть. – Я допила остывший кофе. – Что ж, спасибо, что поговорили со мной. Не хочу задерживать вас. Не буду отвлекать вас от работы. Приятного вам дня!

Она с энтузиазмом кивнула.

– Не волнуйтесь, так и будет! – Она вновь надела наушники. Я же отошла от желтой ленты и направилась обратно в дом. Я шла, ощущая на спине чей-то взгляд, от которого у меня по коже пробежали мурашки. Я, не оглядываясь, вошла в кухню, стараясь убедить себя, что это был взгляд Меган.

Глава 16

Я придерживала табурет со стоявшей на нем Вероникой, чтобы та могла водрузить ангела на макушку рождественской елки в столовой. Я очень надеялась, что никто не заметит, что у ангела отсутствует половина волос из желтой пряжи и одно из фетровых крыльев. А все благодаря Саре, которая приняла это елочное украшение за игрушку для жевания. Я понятия не имела, как она до него добралась. После того, как она заметила его в столовой, я была вынуждена положить его в закрытую коробку, но ангел непонятным образом сумел-таки пробраться в ее кроватку. Может, это Луиза посмертно дала выход своему инстинкту снисходительной бабушки.

– Идеально, – сказала Вероника, слезая с табурета. – По-моему, все рождественские деревья выглядят прекрасно, но это, пожалуй, самое красивое.

Я отступила, любуясь эффектом свисающих с сосновых веток кукол ручной работы, нитей попкорна и гирлянд сосновых шишек.

– Мои руки такие короткие. Я рада, что вы были здесь и повесили украшения на верхние ветви.

Вероника улыбнулась, но глаза ее были грустными.

– К семнадцати годам Адриенна была ростом пять футов одиннадцать дюймов. Ей всегда поручали украсить елку или просили что-то достать с верхней полки. Все думали, что она играет в баскетбол или волейбол, но она совсем не была спортивной. Предпочитала читать и играть на пианино. Это было и вправду обидно – такой рост, и потрачен зря.

– Представляю, – сказала я, внезапно уловив в воздухе вокруг нас запах духов ее сестры. Сделав вид, будто продолжаю рассматривать елку, я натужно пыталась решить, должна ли я что-то сказать. – Я, гм… Когда я была в вашем доме и делала снимки для Софи, я случайно оказалась на чердаке.

Вероника без удивления посмотрела на меня. Мы как будто бросали друг другу вызов, чтобы увидеть, кто сможет притворяться дольше, что не видит стоящего посреди комнаты слона.

– Знаю. Майкл мне сказал. Он думал, что вы собираетесь сфотографировать только первый этаж.

– Я тоже так думала. Но ваш дом такой красивый! Я просто не могла остановиться. Надеюсь, вы не возражаете, что я такая любопытная.

Вероника покачала головой.

– Нисколько. Надеюсь, вы получили все, что вам нужно.

Она не сводила с меня глаз, и я поняла: она говорила не о фотографиях.

– Думаю, да. – Я умолкла, но все же не могла не ощущать необходимость сказать больше. – Я нашла коробку с вещами Адриенны.

– Я знаю. Я заметила, что ее маленькая подушечка в форме сердечка пропала.

Мои щеки залила краска.

– Не знаю, зачем я ее взяла. Просто я… запаниковала, когда услышала, как в парадную дверь вошли Майкл и Линдси, и на тот момент это казалось логичным поступком. Подождите секунду, я пойду и принесу ее…

– Нет, прошу вас, не надо. Думаю, Адриенна хотела, чтобы она была у вас. Если только у вас нет привычки брать вещи из чужих домов. – Она улыбнулась, чтобы я не обиделась.

– Нет, обычно нет. Я просто ощутила… необходимость положить ее в сумочку. – Я на миг закусила губу и поправила нить попкорна и сосновых шишек. Мне хотелось вытащить линейку и постараться, чтобы они были нанизаны через равные промежутки, но я подавила в себе этот порыв. Джек сказал, что это единственный способ стать лучше, – бороться со стремлением к точности, – если только я не хочу стать механиком «Формулы-1» или нейрохирургом.

– Эта подушка была важна для Адриенны?

Вероника улыбнулась.

– Да. Наша мама сделала ее перед тем, как Адриенна поступила в колледж. Мама сказала, что хочет, чтобы Адриенна помнила, что ее любят.

Сильный запах духов защипал мне глаза. Я заморгала, стараясь сдержать слезы.

– Бедная ваша мама, – сказала я, подумав о Ноле. Что бы я чувствовала, если бы с ней что-то случилось? Мне было страшно это даже представить.

– Мы все, конечно, были убиты горем, но особенно наша мать. Не думаю, что она по-настоящему оправилась от утраты. – Вероника неожиданно улыбнулась. – Была еще одна коробка, которую мы забрали из ее комнаты в общежитии, полная одежды, которую она сшила. Адриенна хотела быть модельером – с самого детства. Она всегда шила одежду для мамы, меня и большинства своих подруг. Она невероятно ловко умела обращаться с иглой. Зная, что Адриенна это одобрила бы, я пожертвовала одежду женскому приюту. Как странно… – она не договорила.

А когда молчание затянулось, я спросила:

– Что именно?

Вероника пожала плечами.

– Как вы сказали, вы ощутили потребность взять подушку в форме сердца? Я почувствовала то же самое, когда увидела эту коробку с одеждой. Как будто Адриенна шепнула мне на ухо.

«Наверное, так и было», – чуть не вырвалось у меня.

– Кулон все еще у вас, верно? – спросила Вероника.

Я не могла сказать ей, как заново обнаружила его, поэтому просто кивнула.

– Я хотела попросить вас о нем, – сказала она, все еще глядя на елку, – но подумала… – Она на миг умолкла, подняла руку и потрогала деревянного щелкунчика, одетого в красный мундир британского полка. – Но я подумала, что пока он у вас, есть шанс, что вы согласитесь нам помочь.

– Нам?

Вероника посмотрела мне в глаза.

– Адриенне и мне. Майкл хочет, чтобы я просто все забыла. Но я не могу так дальше жить. – Она понизила голос почти до шепота: – Я все время чувствую, что она рядом со мной. Не думаю, что она успокоится, пока мы не узнаем, что с ней случилось. Пока виновный не будет наказан. А значит, я не имею права сдаваться. Просто детектив Райли не смог найти ничего нового, несмотря на кулон и то, что тот мог означать. Мы вернулись к тому, с чего начали, до того как я нашла эту коробку. – Она пожала плечами, но я услышала в ее голосе

неуверенность. – Вы моя последняя надежда. Я не знаю, куда еще мне обратиться.

Я снова повернулась к елке, рассматривая игрушку в виде гнезда малиновки, в котором лежало единственное яйцо, сделанное из деревянной пуговицы. Мои щеки горели, как будто Вероника только что отчитала меня, что, полагаю, она по-своему и сделала.

– Итак, – сказала я. – Чисто гипотетически, будь я ясновидящей, что бы вы попросили меня сделать?

– Гипотетически, будь вы экстрасенсом, я бы попросила вас спросить у Адриенны, кто ее убил.

Я на миг задумалась, вспомнив призрака, которого я запечатлела на свой телефон, когда фотографировала обстановку ее дома. Но я не хотела ее пугать. Я помолчала, пытаясь подобрать правильные слова, и, откашлявшись, сказала:

– Судя по тому, что мне говорили, так никогда не бывает. Живые и мертвые как будто по-прежнему говорят на одном языке, но используют совершенно другой диалект. А еще есть… задержка во времени. Помните, как раньше, до изобретения волоконной оптики, мы говорили по междугороднему телефону? Когда один человек задавал вопрос, а к тому времени, когда другой человек его слышал, он уже начинал задавать свой? Так что нет. Это никогда не бывает так просто, типа взять и спросить.

Я едва не упомянула гессенского солдата, который когда-то приходил в дом моей матери на Легар-стрит. У меня с ним бывали полноценные беседы, и я не понимала, как такое возможно, пока мать не объяснила мне, что при жизни он, должно быть, тоже мог общаться с духами. Но я не могла сказать этого Веронике. Ведь по идее я не умела разговаривать с мертвыми.

Я поняла, что Вероника смотрит на меня.

– Да, я это слышала, – быстро сказала я. – И часто духи недостаточно сильны, чтобы передать сообщение целиком. Им требуется много энергии, чтобы их кто-то увидел. – Или *уловил их запах*, едва не добавила я. – Затем они должны найти способ как можно быстрее передать сообщение, что обычно длится всего секунду. Вот почему так много сообщений с той стороны кажутся зашифрованными. Просто они очень быстро произносят то, что хотят сказать.

– То есть вы их слышали.

Я кивнула:

– Да.

– В таком случае я бы попросила вас быть начеку и обращать пристальное внимание, когда она передаст вам сообщение. Например, заставит вас подняться на чердак, куда вы не планировали идти.

– Допустим, я это сделала, и мне каким-то образом удалось выяснить, кто это сделал с Адриенной, – как бы вы поступили?

– Я бы сообщила детективу Райли и исключила любое упоминание вашего имени в связи с раскрытием дела двадцатилетней давности. Я никогда не смогу найти слов, чтобы выразить мою благодарность, но обещаю, что никогда не оставлю попыток.

В глазах у меня защипало, и я быстро моргнула.

– Приятно слышать.

– Так вы мне поможете?

Мы обменялись взглядами, и я сглотнула.

– Будь я ясновидящей, мне было бы очень трудно отказать.

Не знаю, что она сказала в ответ, потому что ее слова заглушил громкий стук. Кто-то колотил во входную дверь. Я поспешила открыть ее и тотчас пожалела об этом. На крыльце, взбудораженная и слегка взлохмаченная – в ее случае это была одна выбившаяся прядь и чуть съехавший набок розовый бант, – стояла Ребекка. В руках у нее была настольная серебряная рождественская елка, увенчанная ослепительной звездой и украшенная гирляндой из розовых перьев.

Я отступила, впуская ее вместе с елкой в вестибюль.

– Не понимаю, почему ты не можешь починить звонок в дверь, Мелани. Я все звоню и звоню и замерзаю на улице. Ты забыла, что я собиралась прийти?

– Странно, у Вероники он сработал. И да, я забыла. Мы с Вероникой все утро были заняты украшением всех каминов, и еще мы только что закончили украшать последнюю елку в столовой.

Ее накрашенные розовой помадой губы обиженно надулись.

– Но Софи сказала, что я могу поставить мою елку в столовой.

Сделав вид, что задумалась, я покачала головой.

– Нет, я почти уверена, что она сказала «в прачечной». Поскольку елка настольного размера, мы подумали, что лучше всего она будет смотреться на стиральной машине.

Она снова поджала губы.

– Мы с Марком жертвуем на это мероприятие кучу денег. Хотелось бы думать, что это дает мне некий бонус.

– Разумеется, – мягко сказала Вероника, забирая у Ребекки уродливое дерево, чтобы моя кузина могла снять розовую шубу из искусственного меха. – Вот почему мы поставим вашу елку в прачечную. Она станет центральным элементом, поскольку там не будет никаких других украшений, которые бы затмили ее красоту.

Я хотела поблагодарить Веронику за то, что она не упомянула, что это будет единственный рождественский предмет в прачечной лишь потому, что туда вряд ли заглянет кто-либо из гостей.

– Спасибо, – сказала Ребекка слегка успокоенным тоном и, повернувшись к Веронике, добавила: – У меня есть целый мешок украшений в виде маленьких собачек, которыми я украсила свою машину. Если хотите поставить в прачечную елку, я схожу за ними. А вы затем поможете мне повесить их на нее.

– Конечно, – сказала Вероника, и я восхитилась ее способностью держаться спокойно и не закатывать глаза. – И пожалуйста, еще раз поблагодарите вашего мужа за щедрое пожертвование школе «Эшли-Холл». Я уже разговаривала со школой, и, поскольку я знаю, что Мелани в это время года безумно занята работой и своими семейными обязанностями, я сказала, что буду рада принять у себя дома съемочную группу, когда наступит моя очередь проводить Рождественский ужин. Так что им не придется беспокоить Мелани. Вы можете ему это передать? – Она широко улыбнулась и направилась прочь.

– Конечно, – пробормотала Ребекка и, когда Вероника исчезла в задней части дома и была вне пределов слышимости, взяла меня за руку и спросила:

– Как дела у Нолы?

Я напряглась.

– Физически с ней все в порядке. Что касается душевного состояния, она говорит, что больше никогда не сядет за руль. Особенно после того, что сказал ей этот ужасный Харви Бекнер.

– Я знаю. – Ребекка заговорщически наклонилась ко мне. – Мне он тоже не по нутру. Но Марк пишет сценарий, потому что никто другой не способен рассказать эту историю…

– За исключением Джека, – язвительно перебила ее я.

– Возможно, но в любом случае Марк работает над сценарием, а Харви по-прежнему требует больше секса, насилия и всего прочего, чего не было в оригинальной книге. Он хочет показать любовную сцену между Джозефом Лонго и Луизой Вандерхорст.

– Что? – ужаснулась я. – Она же любила своего мужа! Этого никогда не было… никогда. Это просто ужасная выдумка… и искажает всю историю!

– Знаю, знаю. Бедный Марк. Он и вправду угодил между молотом и наковальней, да?

– Что-что? – переспросила я, уверенная, что ослышалась. – Ты говоришь, что Марк здесь жертва?

Круглые голубые глаза Ребекки медленно моргнули.

– Я лишь говорю, что Харви ведет себя неразумно. Книга Марка сама по себе безупречна. Ведь иначе она не попала бы во все эти списки бестселлеров, верно? Я не знаю, почему Харви требует так много изменений. Но в любом случае я беспокоилась о Ноле и рада слышать, что ей уже лучше.

– По крайней мере до тех пор, пока в январе не приедут съемочные группы, чтобы приступить к съемкам фильма. Мне кажется, она расстроена этой сделкой даже больше, чем мы с Джеком. Она думает, что это ее вина.

– Это глупо. Просто скажи ей, что рано или поздно это случилось бы. Марк всегда добивается своего.

– Неужели? – сказала я, сложив на груди руки. – Потому что он сказал мне, что станет владельцем этого дома.

– Я не знаю, зачем ему этот старый скрипучий дом, но если он говорит, что его хочет, рано или поздно он его получит.

Я подождала мгновение, чтобы она осознала, что только что сказала мне.

– Надеюсь, ты понимаешь, что говоришь о моем семейном доме?

– Разумеется, но ты ведь никогда его не хотела, помнишь? Разве не ты называла его жерновом на шее?

– Да, но это было до того, как я вышла замуж за Джека, и до того, как Нола переехала к нам и у нас родились близнецы.

Похоже, Ребекку это не убедило.

– Все, что я знаю, так это то, что ты никогда не хотела этот дом. Что ты всегда ненавидела старые дома. Это единственная причина, почему я не спорю с Марком по этому поводу. Потому что знаю: вы оба именно этого и хотите.

Я была так зла, что не смогла найти слов, чтобы возразить. Должно быть, она приняла мое молчание за согласие, потому что снова взяла меня за руку и сказала:

– Мне приснился еще один сон.

– О том, что с Джеком случилось что-то плохое? Я начинаю думать, что ты все это выдумываешь лишь затем, чтобы мы больше не спорили с Марком.

– Нет. Этот был не о Джеке. – Она так пристально разглядывала меня, что я была вынуждена отступить назад.

– Он был обо мне?

Ребекка быстро покачала головой.

– Нет. Он был о Ноле.

Мои желудок и сердце сжались.

– Ноле?

– Да. По крайней мере, я почти уверена, что это была она. Это была девушка примерно ее возраста, и Нола – единственный человек, кого я знаю, кто подходит под это описание, поэтому я предположила, что это была она. У нее на шее… – Ребекка в защитном жесте протянула руку к шее. – У нее на шее была веревка…

У меня перехватило дыхание. Я тоже машинально схватилась за шею, как будто желая убедиться, что там ничего нет. Ребекка похлопала меня по запястью.

– Знаю, такое неприятно слышать. Но еще я знаю, что со временем ты поймешь, что это значит, и защитишь ее. Я дам тебе знать, если вдруг увижу какие-нибудь новые сны. – Она сверкнула ослепительной улыбкой. – А сейчас я принесу из машины эти великолепные украшения и помогу Веронике установить мою елку. Это будет самая красивая елка в доме, если не во всех домах!

Я проводила ее взглядом, затем еще с минуту постояла в вестибюле, глядя на закрытую дверь. Я слышала, как около часа назад Нола пришла из школы. Мне внезапно захотелось увидеть ее, убедиться, что с ней все в порядке.

Перешагивая сразу через две ступени, я поднялась по лестнице. К моему удивлению, дверь в ее комнату была открыта, а изнутри доносились голоса. Заглянув в комнату, я обнаружила Нолу сидящей на кровати с очень большой и очень толстой книгой на коленях и раскрытым ноутбуком. Три наших пса сидели у ее ног и наблюдали за ней. Греко стоял у стены между окнами, как обычно, безупречно одетый, в рубашке и при галстуке. Его костюмный пиджак был аккуратно повешен на стул. Рукава рубашки были закатаны, а сам он, похоже, рассматривал десяток пятен краски на стене.

Увидев меня, он улыбнулся, затем вновь хмуро посмотрел на стену.

– Кто бы знал, что существует столько оттенков серого?

– Я думала, их всего пятьдесят, – сказала Нола с ухмылкой.

– Тебе не положено знать об этой книге, – строго сказала я.

– А что, была книга? Я знаю только о фильме.

– Более того, их даже несколько – и того, и другого. Может, нам все же стоит отправить тебя в монастырскую школу в Ирландии, о которой постоянно твердит твой отец?

– Но тогда ты будешь слишком по мне скучать. – Она улыбнулась мне и вернулась к своему ноутбуку.

Я встала рядом с Греко, стараясь не обращать внимания на сундучок для драгоценностей с его открытой крышкой, открытыми дверцами и выдвинутыми ящиками.

– Я думала, серый – это просто смесь черного и белого.

– Иногда, – подтвердил он и наклонил голову. – Но при другом свете некоторые оттенки могут показаться скорее синими, зелеными или бежевыми. Мисс Нола предпочитает строгий черно-белый серый цвет. И моя работа – сделать так, чтобы именно он попал на стену.

Я посмотрела на Нолу. Та что-то читала на своем ноутбуке.

– Почему ты здесь, Нола? Разве у тебя в гостевой комнате нет хорошего эргономичного письменного стола и удобного кресла?

– Есть, – ответила она, не поднимая головы. – Но Греко здесь, а он эксперт по американской революции, а это то, что мы сейчас изучаем. Он реконструктор эпохи Войны за независимость. Он тебе это говорил?

– Говорил, – сказала я. – Но он здесь не для того, чтобы помогать тебе с домашним заданием.

– Мне это даже нравится, – отозвался Греко. – Приятно поговорить на мою любимую тему, да еще с такой заинтересованной и умной ученицей.

Я гордо улыбнулась, как будто его комплимент предназначался мне. Но что касалось Нолы, я просто не имела права приписывать себе какие-либо заслуги. – Что ж, она любит историю, и это хорошо, поскольку ее отец в значительной степени живет и дышит ею.

– Джек должен попробовать себя в исторической реконструкции.

Я представила Джека в военной форме. Эта мысль тотчас сотворила забавные вещи с моим желудком.

– Я так и скажу ему.

Греко взял пробную банку краски и закрутил крышку.

– Эта определенно не подойдет. Слишком бежевая, а мисс Нола не любительница бежевого.

Пока он говорил, Нола переставила на кровати ноги. Три пса тоже были вынуждены поменять положение, в результате чего толстый учебник начал валиться с кровати. Поймав его на полпути к полу, я шлепнула его на кровать, на той странице, где он был открыт. Нола прижала руки к сердцу.

– О спасибо, Мелани! Надеюсь, он цел. Он принадлежит Греко и очень старый.

– Не переживай, – сказал дизайнер. – Я практически выучил его наизусть. Вообще-то он принадлежит моему двоюродному деду, профессору истории в Каролине. Достаточно уважаемый специалист в своей области. Он занимался изучением шпионских сетей на протяжении всей американской истории, особенно во время революции.

Я посмотрела на раскрытую страницу и замерла, заметив вверху большую картинку.

– Да это же Галлен-Холл! Нола, ты в курсе, что он принадлежал тому же Вандерхорсту, который владел этим домом?

– Да, Капитан Очевидность. Вы с папой говорите об этом без перерыва вот уже несколько дней.

Греко что-то говорил о необходимости смешать два образца краски, чтобы получить идеальный истинный серый цвет, но я слушала его вполуха, а сама читала текст в учебнике.

– Интересно, – сказала я. Мое сердце забилось чуть быстрее, стоило мне увидеть под изображением особняка маленькую картинку. – В другом справочнике, который я видела, также говорилось, что Лоренс Вандерхорст мог быть шпионом, а когда был разоблачен, то был убит выстрелом в грудь, а его убийцу так и не нашли. Но это что-то новое. – Я на миг умолкла, чтобы снова найти эту часть текста, и, прищурившись, чтобы его разглядеть, прочитала вслух.

«Когда тело Лоренса Вандерхорста было обнаружено утром двадцать восьмого октября, единственное, что не вызывало сомнений в его смерти, – это то, что ее причиной была пуля, попавшая ему в грудь. Несколько человек выбежали из дома на звук выстрела, но смогли найти лишь следы в росной траве, которые вели сначала к дому, а затем прочь от него, причем часть следов, по-видимому, принадлежала жертве. Были опрошены все слуги и члены семьи, но не было четких свидетельств того, что кто-либо из них был замешан. Это убийство так и не было раскрыто».

Я вновь прочла текст про себя и подумала, как странно, что никто не был арестован, несмотря на улики, указывающие на кого-то, кто находился в доме в момент убийства. Я подняла глаза и посмотрела на Греко, – тот наносил на стену еще один образец краски, – а затем на Нолу, которая уставилась в свой ноутбук и рассеянно потирала шею. Я услышала в комнате царапающий звук, как будто некое маленькое животное, запертое в стенах, пыталось выбраться наружу.

– Вы слышите? – спросила я.

– Что именно? – Нола посмотрела на меня.

– Тот звук. Такой царапающий звук.

Греко покачал головой. Увы, было слишком поздно определить, откуда звук доносился, поскольку он уже прекратился. Я положила книгу обратно на кровать перед Нолой.

– Не могла бы ты положить на эту страницу закладку? Хочу сделать копию, когда ты закончишь, чтобы показать ее твоему отцу. Понятия не имею, означает ли это что-нибудь, хотя вряд ли…

Я мгновенно забыла, что говорила. На стене за Нолой, над изголовьем кровати, на краске было нацарапано слово «Ложь». Нола, вытаращив глаза, посмотрела на это слово, затем вновь на меня. Мы обе медленно повернулись к Греко.

– Что ж, – сказал он с улыбкой, – хорошо, что мы планируем покрасить всю комнату.

Глава 17

Я стояла на пороге кабинета Джека, слушая, как Нола наигрывает на пианино бессвязную мелодию. Это было далеко не идеальное место для инструмента, но и Джек, и Нола утверждали, что быть вместе в общем пространстве полезно для их общей творческой атмосферы. Мне было приятно видеть, как они работают бок о бок, ведь я знала: это одна из причин тесной связи между отцом и дочерью. Учитывая, что большую часть жизни Нолы они были разлучены, эта их связь была немалым подвигом. Мы с Нолой тоже были близки, и я старалась не обижаться на то, что она никогда не осмеливалась закатить глаза в присутствии отца, приберегая это для меня. Она никогда не лишала его любимой еды. По ее словам, это был ее способ продемонстрировать ее привязанность ко мне, но меня это не убеждало.

Джек ссутулился за столом, погрузившись в документы касательно Галлен-Холла и трех человек, похороненных в мавзолее. Он пока еще не получил ответа от своего друга-архитектора Стива, но мы надеялись, что архитектурные визуализации будут содержать то, что нам нужно. Когда я вошла, Джек и Нола в унисон вздохнули, левой рукой убрали со лба волосы и посмотрели каждый на свое рабочее место.

– Ты готов ехать? – спросила я Джека.

Он ответил не сразу, как будто не хотел отрываться от работы. Затем отодвинул стул и лишь тогда взглянул на меня.

– Конечно. Только возьму куртку.

Он снова посмотрел на бумаги на своем столе, затем перевел взгляд на Нолу. В полдень у нее был прием у врача, а потом она сумела убедить меня, что вместо того, чтобы возвращаться в школу, ей лучше просто прийти домой, так как потом у нее будет лишь два урока – физкультура и музыка.

– Требуется творческий перерыв? – спросил Джек.

– Даже если и не творческий, то просто перерыв. Здесь мне не приходит в голову абсолютно ничего нового. Я весь день взрослячила, и я устала.

– Взрослячила? – спросила я, будучи абсолютно уверена, что даже если бы я поискала это слово в словаре, то наверняка не нашла бы. И Джек, и Нола посмотрели на меня с одинаковым недоумением.

– Ну, ты понимаешь, ишачила, как взрослая, – сказала Нола, медленно и четко, как будто что-то объясняла близнецам.

– Не думаю, что есть такое слово, – сказала я.

– Есть, – Джек встал и снял со старинной вешалки за дверью свою куртку. – Если бы ты смотрела реалити-шоу или была подписана на определенные каналы на ютубе, ты бы это знала.

– На ютубе? – спросила я. Кажется, я это уже где-то слышала – вероятно, подвозя Нолу и ее подружек в школу. Их компания, как правило, бывала неисчерпаемым кладезем знаний.

– Я просвещу ее в машине по дороге в Галлен-Холл, – заверил Нолу Джек. – Хотя бы ради того, чтобы она не опозорила тебя перед твоими подругами.

– Как скажешь. – Нола убрала руки с клавиатуры и понурила плечи. – Мне требуется творческое вдохновение. Ты уверен, что я не поеду с вами?

– Абсолютно исключено, – сказал Джек. – Я уверен, что у тебя есть домашнее задание.

– Сегодня пятница.

– Хорошо, – рассеянно сказал Джек, похлопывая по карманам куртки и джинсов. – Кто-нибудь видел мой…? – Он не договорил и протянул руку, чтобы взять со стола телефон, но всего на миг замер, схватил лист бумаги и подошел к Ноле. – Вот, – сказал он, протягивая ей лист. – Ты так ловко разгадала загадку снежного шара Хэйзел Пинкни, так, может, и с этим тебе повезет больше, чем мне. Можешь искать в Интернете или в любом другом источнике, который придет тебе в голову, хотя я почти уверен, что видел их все. – Он указал на книги на полу у своего стола. – И есть целая куча книг о шифрах, восходящих еще к египтянам. Подумай, вдруг разгадаешь.

Нола взяла бумагу, посмотрела на нее и прочитала вслух:

– Коньяк, перья щегла, кухарка, бургундское вино. – Она недоуменно подняла глаза. – Что это должно значить?

Джек серьезно улыбнулся ей.

– Мы надеемся услышать ответ от тебя. Ты сказала, что тебе нужен творческий отпуск, так что давай работай.

– Отлично, – сказала она с тяжелым вздохом. – Можно пригласить Олстон и Линдси помочь мне?

Я кивнула.

– Конечно. Можете заказать пиццу. Только убедись, что она не вегетарианская, и оставь немного для меня. Джейн поедет с нами, близнецы останутся с моими родителями, так что твои подружки составят тебе компанию. Они могут даже переночевать здесь, если захотят.

– Я уверена, что они приедут, но ночевать не будут. Они говорят, в нашем доме после наступления темноты жутко.

– Только после наступления темноты? – уточнил Джек. Я толкнула его локтем в бок.

– Как хотят. Мы с радостью отвезем их домой, когда вернемся. Надеюсь, не поздно, если тебе от этого легче.

– Мне было бы легче, если бы я знала, кто это был в окне моей спальни, но я вас не тороплю.

– Мы работаем над этим, Нола, – сказал Джек, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в макушку. Он подбородком указал на бумагу. – Может быть, это поможет. Пока мы знаем одно: это может установить связь между сокровищем короля Франции и американцами во время революции.

– Хорошо, – сказала она. Ее пальцы уже летали по экрану телефона, пока она строчила сообщения своим подружкам. – Желаю вам весело провести время на кладбище.

Я улыбнулась. В нашем доме такой комментарий звучал совершенно нормально.

Мы взяли мою машину. Минивэн Джека был забит детскими игрушками, крошками печенья и запасными подгузниками. Джек прошел долгий путь со времен «порше», и похоже, он никогда не испытывал ностальгии по утраченным дням холостяцкой жизни. Для его рождественского подарочного чулка я купила наклейку на бампер с надписью: НАСТОЯЩИЕ ОТЦЫ ВОДЯТ МИНИВЭНЫ. Со мной тогда была Нола, и она хотела купить другую с надписью: КОНДОМЫ ПРЕДОТВРАЩАЮТ МИНИВЭНЫ, но я ей не позволила. Когда мы подъехали, Джейн уже ждала возле своего дома на Саут-Бэттери и скользнула на заднее сиденье.

– Готова? – спросил ее Джек, глядя на нее в зеркало заднего вида.

– Как всегда. – Она пристегнула ремень безопасности, и Джек выехал на улицу. – Мама дала мне краткий список того, что делать, поэтому я уверена, что мы с Мелани справимся со всем, что нас ждет. И не забывай, у меня есть небольшой опыт того инцидента на чердаке.

Я почувствовала, что Джек ждет, когда я что-нибудь скажу.

– Да. Абсолютно. Нам с мамой доводилось сталкиваться с таким количеством злых духов, что теперь общение с ними – практически вторая натура.

– Я последую твоему примеру, – с жаром сказала Джейн.

– Как говорит мама, вместе мы сильнее. Нам просто нужно помнить об этом, – произнесла я, чуть смутившись.

– Отличный план, – сказала Джейн. – Кстати о маме: ты еще не думала, что подарить ей на Рождество?

Я слегка повернулась на сиденье, чтобы получше рассмотреть сестру.

– Вообще-то думала. Я уже купила ей юбку в «Финики Филли», и я знаю, что она ей понравится. А еще она обожает спа-салон «Вудхаус», поэтому я решила подарить ей подарочный сертификат на посещение спа-салона. Владелица, Ким, просто прелесть. Сказала, что упакует его в великолепную подарочную корзину со свечами и косметическими средствами для кожи.

– Отличная идея. Как насчет того, чтобы я внесла свой вклад и добавила что-нибудь в корзину? Может, целый уик-энд спа-процелур? Маме бы понравилось.

Мое горло как будто было облеплено опилками. Я не могла выдавить ни звука, хотя чувствовала тяжесть тишины в машине.

– Отличная идея, не правда ли, Мелли? – подсказал Джек. – Твоя мать уделяет столько внимания близнецам и Ноле. Думаю, побаловать ее со стороны обеих дочерей было бы идеальным подарком.

Я кивнула, пытаясь проглотить опилки и заговорить.

– Отлично, – сказала Джейн. – А что касается папы, я подумала, что мы могли бы найти ему личного садовника-наставника, чтобы тот давал ему индивидуальные уроки в его собственном саду. Софи сказала, что знает кое-кого из колледжа, кто идеально подошел бы на эту роль, и дала мне его номер. Я просто хотела сначала уточнить у тебя.

Мне наконец удалось открыть дыхательные пути и заговорить.

– Звучит замечательно. Для них обоих. Если ты вдруг захочешь пригласить для него садовника-наставника, я позвоню Ким в «Вудхаус».

– Вообще-то я уже позвонил. У меня есть отличная дизайнерская программа, поэтому я сделал действительно классный ламинированный плакат, который все объясняет, и нам будет что обернуть. – Джек ткнул меня в ногу.

– Спасибо, – выдавила я. – Это сэкономит мне массу времени, и я уверена, что ему это понравится.

К счастью, я была избавлена от необходимости сказать что-то еще, потому что зазвонил телефон Джека. Джек посмотрел на экран.

– Это Ивонна. Я поставлю ее на громкую связь. – Он нажал кнопку на рулевом колесе.

– Привет, моя несравненная. Я в машине с женой и невесткой, поэтому не говорите ничего компрометирующего.

Ивонна засмеялась, и я представила, как ее мягкие руки поправляют прическу.

– О Джек Тренхольм. Вы неисправимы.

– Спасибо. Я пытаюсь. Мы сейчас на пути в Галлен-Холл. Надеюсь, у вас хорошие новости для нас.

– Не уверена, что это хорошие новости, но они интересны. Этим утром я совершала утренний моцион со своей тусовкой…

– Вашей тусовкой? – с улыбкой спросил Джек.

– Да, Джек. С тех пор, как я работаю здесь, в Чарльстонском колледже, мне пришлось освоить новый словарный запас. Говорят, что изучение иностранного языка – лучший способ сохранить мозг молодым.

– Это верно. Продолжайте, пожалуйста.

– Хорошо. Помните, когда мы разговаривали, я сказала вам, что не смогла найти ничего о том, как умерла Элиза?

– Да, – медленно произнес Джек.

– Так вот, в Чарльстонском музее есть огромная коллекция личной переписки и фотографий. Для ее сортировки и хранения часто нанимают стажеров, так что неудивительно, что что-то попадает не в ту папку. К тому же каждый месяц, поскольку люди опустошают чердаки и тому подобное, они получают все больше и больше документов. Поэтому, проходя сегодня утром мимо музея, я подумала,

что мне нужно пойти посмотреть, нет ли там чего-нибудь о Вандерхорстах из Галлен-Холла. Я была почти уверена, что нашла все, что было, но поискать еще раз не помешало бы.

Когда она ничего не добавила, Джек искоса взглянул на меня и сказал:

– И?

Я почти видела розовые щеки Ивонны и сверкающие голубые глаза.

– Я кое-что нашла… оно было подшито к другим документам семьи Гровнер. Вероятно, поэтому Марк Лонго не заметил его, когда был занят похищением писем Вандерхорстов.

Она больше ничего не сказала, поэтому Джек спросил:

– И что вы нашли?

– Я нашла письмо от врача, которого вызвали на место смерти Элизы. Оно было адресовано его жене, что, по-видимому, и объясняет его откровенность. В нем он выражает глубокое сожаление по поводу кончины такой яркой молодой женщины, «срезанной в цвету ее юных лет». Это его точные слова. Интересно, был ли этот каламбур преднамеренным, ведь ее в буквальном смысле пришлось срезать.

Я наклонилась ближе к динамику, чтобы убедиться, что все расслышала верно.

– Она повесилась? – спросил Джек.

– Да, к сожалению. По словам доброго доктора, Элиза повесилась на дубе, на кладбище на территории плантации.

Джек нахмурился и задумчиво потер подбородок.

– В наши дни женщины крайне редко кончают с собой через повешение, или стреляются, или совершают суицид каким-то еще более жестоким образом. Интересно, тогда было как-то иначе?

– Думаю, тогда это было бы еще более нетипично, – предположила Ивонна. – В то время женщины считались созданиями более деликатными. Не то чтобы я проводила исследование на эту тему, но из того, что я помню из прочитанных книг на тему самоубийств и убийств с участием женщин за последние два столетия, они, как правило, предпочитали яды. – Голос Ивонны зазвучал бодрее. – Недавно я прочла об одном интересном случае начала восемнадцатого века, когда няня лишила жизни свою хозяйку с помощью листьев олеандра…

– Спасибо, Ивонна, – перебил ее Джек. – Как вы думаете, что это может значить?

– Разве это не ваша работа? – с усмешкой спросила она.

– Да, но мне всегда кажется, что у меня больше шансов оказаться правым, если вы со мной согласны.

– Хитрец. Я знала, что должна быть причина, почему вы мне нравитесь. И вы научили меня одной важной вещи – доверять внутреннему голосу. И когда я прочитала это письмо о том, что Элиза покончила с собой, хотя повешение – редкость для женщин-самоубийц, угадайте, о чем я подумала.

– Что она вовсе не покончила с собой, – сказал Джек.

– Именно.

Несмотря на серьезность темы, Джек улыбнулся.

– Иногда мне кажется, что нас разлучили при рождении, Ивонна.

Его собеседница цокнула языком.

– Не говорите глупости, Джек. В таком случае с вашей стороны было бы нехорошо по уши влюбиться в меня.

Джек громко рассмеялся ее шутке.

– Согласен. Спасибо, Ивонна, мне определенно есть над чем подумать. Мы направляемся в Галлен-Холл, посмотреть на ее могилу, так что, возможно, мы откроем для себя что-то новое, что будет иметь смысл.

– Держите меня в курсе. Всем пока.

Джек нажал кнопку на рулевом колесе, отключая телефон, и потянулся к моим рукам. Как оказалось, я обвила ими его шею, даже не подозревая об этом.

– С тобой все в порядке?

Я кивнула.

– Да. Все хорошо. Просто…

Джейн покашляла, словно напоминая мне о моем обещании Джеку говорить ему все.

– Просто Ребекка рассказала мне еще один сон.

Джек нахмурился.

– И о чем же? Что тебя повесили? На твоем месте я бы не верил ничему, что говорит Ребекка. Готов поспорить, Марк скармливает ей всякий бред, чтобы она пересказывала его нам.

– Знаю. Я сама так подумала. Но какой бы ни была Ребекка, она наша родственница, и, несмотря ни на что, семья для нее на первом месте. Помнишь, ведь это именно она рассказала нам, что задумал Марк после той кошмарной вечеринки по случаю презентации книги. Она просто оказалась меж двух огней, потому что вышла за него замуж. Она не станет умышленно причинять нам вред. Но нет. Сон был не обо мне.

Джек искоса взглянул на меня, и я заметила в его глазах беспокойство.

– Это была Нола. По крайней мере, Ребекка так думает. Она сказала, что картинка была неясная, но это точно была девушка примерно того же возраста, что и Нола. – Я вспомнила, как Нола сидела на кровати, делая уроки, и рассеянно потирала пальцами шею. – Ребекке приснилось… что у Нолы на шее была веревка.

Под кожей Джека заходили желваки. Джейн потянулась с заднего сиденья и положила руку ему на плечо.

– У нас все получится, Джек. Мы с Мелани здесь. Вы соберете все подсказки, а мы поговорим с мертвецами. Мы разберемся с этим и не допустим, чтобы с Нолой что-то случилось. Хорошо?

Впервые присутствие Джейн успокоило меня. Я была рада, что мы с Джеком не падаем в эту бездну одни. Я протянула руку и положила ее поверх руки Джейн.

– Вместе мы сильнее, не правда ли?

Она кивнула и откинулась на спинку сиденья. Я последовала ее примеру и, пока мы переезжали через реку Эшли, наблюдала за пейзажем, сопротивляясь порыву потрогать свою шею.

Мы какое-то время тряслись по дороге, ведущей к дому. Я с облегчением вздохнула: никакой призрак солдата, нацелившего на нас мушкет, не преградил нам путь, хотя владевшее мной беспокойство мало отличалось от того чувства, которое я испытала в первый раз, когда была здесь. Оно пощипывало мою кожу, словно кислота. Я вновь посмотрела на Джейн и поняла, что она чувствует то же самое.

Джек припарковал машину перед лестницей, и мы все вышли. Первое, что я ощутила, это запах пороха. Второе – терпкий запах свежевскопанной земли. Заметив, как Джейн зажала нос рукой, я вновь испытала прилив уверенности от того, что здесь я не одна. Присутствие Джека, его физической силы и ума всегда помогало мне,

но это не то же самое, когда с вами рядом ваша сестра-экстрасенс. Впрочем, я не была уверена, что готова вслух признаться в этом.

Входная дверь открылась, и на крыльцо вышел Энтони. Его рука все еще была на перевязи после автомобильной аварии. Из-за растяжения лодыжки он все еще нуждался в костылях, но теперь к ним прибавилась повязка на носу и пара «фонарей» под глазами.

– Спасибо, что пришли, – сказал он, задержав взгляд на Джейн, а затем повернулся ко мне. Джек протянул для рукопожатия руку.

– Надеюсь, тот парень выглядит хуже, чем вы.

Энтони потянулся к своему носу, как будто забыл, что тот у него есть.

– Да. Верно. Увы, я хотел бы сказать, что это была отважная попытка защитить себя, но это было… – он умолк. – Если честно, это было нечто весьма странное. Я стоял на ступеньках, ведущих к винному погребу, как вдруг кувырком полетел вниз. Я был там совершенно один, поэтому понятия не имею, как это произошло. Мне повезло, что я не сломал себе шею. – Он протянул костыль. – Эта штуковина спасла мне жизнь. Застряла в перилах и не дала мне скатиться до самого пола.

Мы с Джейн переглянулись.

– Мы отправимся на кладбище через минуту. Я понятия не имел, что на улице так холодно. Заходите внутрь, здесь тепло, а я пока найду куртку.

Он повел нас в дом, но Джейн бросилась к нему.

– Давайте я принесу? Если она, конечно, не в вашей спальне. Потому что там вы обычно ходите без одежды. – Она крепко зажмурилась.

– Думаю, она предлагает принести вам куртку, чтобы вы не ковыляли за ней на костылях.

Джейн залилась краской, однако сумела кивнуть. Энтони, явно развеселившись, кивнул.

– Это было бы чудесно. Я устал ковылять по дому. Под лестницей есть небольшой чулан. Просто потяните за ручку – дверь легко открывается.

Джейн не терпелось сбежать, и она направилась прочь, а мы с Джеком огляделись по сторонам. Несмотря на итальянский внешний вид здания, отступление от архитектурных норм того времени не

повлияло на интерьер. Дом был спроектирован в колониальном стиле с центральным вестибюлем и анфиладами парадных комнат по обе стороны от него, отделенными друг от друга дверями. Судя по тому, что я видела в главной гостиной и прочих комнатах, мебель была укрыта белыми чехлами – этакие призрачные обитатели практически заброшенного дома. Это напомнило мне мой дом на Трэдд-стрит, когда я впервые увидела его, полный паутины и пятен плесени. *Это часть истории, которую можно подержать в руках*. Слова мистера Вандерхорста всегда преследовали меня, когда я входила в старое здание и мой внутренний голос начинал подсчитывать затраты на ремонт.

Я собиралась спросить у Энтони о его планах относительно дома и земли, когда мой взгляд скользнул вверх по стене вдоль круговой лестницы, откуда на нас со стен с осыпающейся штукатуркой смотрели написанные маслом портреты неизвестных людей.

– Я единственная, кто по выражениям их лиц понимает, что мы не… – я не договорила. Мой взгляд остановился на самом большом портрете, чуть в стороне от других, поскольку он висел на самой закругленной части стены.

Это был портрет темноволосой девушки в зеленом шелковом платье. Ее волосы были уложены в высокую прическу. Она была совсем юная, лет двадцати с небольшим. Ее темные глаза, казалось, блестели, следуя за зрителем. Но мое внимание привлекла не ее красота и не мастерство художника. Нет, это было нечто иное. Мой взгляд был прикован к сверкавшему драгоценными камнями павлину на лифе ее платья.

– Кто это? – спросила я, хотя была уверена, что уже знаю ответ. Энтони покачал головой.

– Не знаю – ни на раме, ни за портретом нет ничего, что указывало бы на сюжет картины. Хотя…

Джек вопросительно приподнял бровь.

– Хотя что?

– Хотя мне кажется, что мы знаем друг друга… и очень близко. Ее глаза следуют за мной, куда бы я ни пошел. Я ловлю себя на том, что ночью тороплюсь вверх по лестнице, просто чтобы поскорее уйти от нее.

Я продолжала смотреть на портрет, вспоминая женщину, которую видела на лестнице в моем доме, – темноволосую женщину в зеленом платье с брошью в виде павлина. Я вспомнила, как странно она держала голову, и красный рубец, опоясывающий ее шею. Джек однажды сказал мне, что когда человека вешают, большинство людей не задыхается, как думают многие. Если им повезет, они умрут, когда их шея сломается в результате падения, а их тела останутся висеть. Я повернулась к Джеку.

– Думаю, это Элиза. Элиза Гровнер.

И прежде чем я смогла остановить себя, я подняла обе руки к шее, а Джейн подошла ко мне и прошептала слово «ложь».

Глава 18

Я, разинув рот, уставилась на сестру, не зная, послышалось мне или нет. Неужели она на самом деле произнесла это слово вслух?

– Что ты сказала? – спросила я Джейн. Ее взгляд был пуст, как у человека, который только что проснулся после долгого сна.

– Я что-то сказала?

Я кивнула.

– Мне показалось, будто ты сказала «ложь». – Я оглянулась туда, где Энтони стоял рядом с Джеком. Если он нуждался в нашей помощи, не было смысла защищать его от даже от самых зловещих аспектов общения с мертвецами. – Это же слово сказала мне женщина на лестнице у меня дома перед тем, как исчезнуть.

Я посмотрела на Энтони и удивилась: в его поведении сквозило больше предвкушения, нежели опасений.

– Вы пытались прикоснуться к ней?

– Ох уж эти любители! – сказала я себе под нос. Джейн толкнула меня локтем и смерила укоризненным взглядом. А затем громко, чтобы Энтони мог слышать, объяснила:

– Обычно любое физическое взаимодействие заставляет их уйти. Эффект будет тот же самый, если их игнорировать, – что любит делать Мелани, – но на это уходит больше времени.

Темно-карие глаза смотрели на меня с портрета, пока я шла через фойе, пытаясь убедить себя, что такой эффект – результат большого таланта художника. Я поднялась по лестнице и остановилась перед картиной. Я стояла, опустив руки вдоль боков, и рассматривала женщину в зеленом платье, чья светлая кожа резко контрастировала с темными волосами. Тонкий нос, красивое лицо, высокие скулы.

А вот ее рот с трудом поддавался описанию. Розовые губы были полуоткрыты, как будто она только что закончила говорить, а его уголки приподняты в улыбке Моны Лизы. С такими губами в сочетании с таким завораживающим взглядом… я бы не удивилась, если бы она сошла с холста и стала спускаться по лестнице. Наверно, я удивилась бы меньше, чем среднестатистический человек, но все же.

– Это женщина из книги Ивонны, – сказал Джек. – Там была черно-белая копия, но это определенно тот же портрет. Или я единственный, кто видит сходство с Мелли?

– Вовсе нет, – возразила я, польщенная, но не убежденная. Даже по портрету было ясно: красота, элегантность и гордая поза, которыми обладала эта женщина, были врожденными. Если у меня было хоть одно из этих качеств, то оно проявлялось лишь случайно и только в мои лучшие дни.

– Нет, Джек прав, – сказала Джейн, спускаясь по лестнице. – Это не столько физическое сходство само по себе, хотя у вас обеих потрясающие скулы, и что-то общее в разрезе глаз. Это скорее выражение лица. Я часто вижу его на твоем лице… как будто ты не имеешь ни малейшего представления о том, что тебе делать дальше, но собираешься притвориться, будто точно это знаешь.

Я нахмурилась, глядя на сестру. Меня так и тянуло спросить ее, когда она успела стать таким экспертом по поведению, однако осеклась, когда поняла, что она не так уж далека от истины.

– Возможно, ты права, Джейн, – сказал Джек, глядя мимо меня на портрет, чтобы не видеть моего раздражения. – И Ивонна тоже права. Элиза была горячая штучка.

Я посмотрела на него так, как смотрела на других риелторов, которые утверждали, что переманили клиента совершенно случайно.

– Правда, Джек? Ты хочешь, чтобы другие мужчины так отзывались о твоих дочерях?

Он смущенно покашлял.

– Я лишь хотел сказать, что Элиза была на редкость красива. Прямо как ты. И наверняка умна.

Мы дружно повернулись, чтобы посмотреть на портрет. Мой взгляд остановился на ее шее, без каких-либо украшений. И без красного рубца, уродовавшего идеальную кожу.

– Это определенно она? – спросила Джейн, поднимаясь по лестнице и вставая позади меня. – Та самая женщина, которую ты видела на лестнице дома?

По гигантскому вестибюлю пронесся стук костылей Энтони:

– Вы видели ее призрак?

Я на миг встретилась взглядом с Джейн и повернулась к Энтони.

– Да. Я почти уверена, что это была она. Она выглядела так же, как и на этом портрете. За исключением… – я умолкла, пытаясь понять, что изменилось, кроме отсутствия следов веревки на шее. Мой взгляд скользнул на брошь в виде павлина, на четыре разноцветных камня, отражающих свет невидимого источника.

– За исключением… – подсказал Энтони.

Я нахмурилась, глядя на портрет.

– Я не уверена. Я видела ее недолго, всего один миг, так что даже не могу вспомнить. Но я помню ее взгляд. Сначала гневный. А затем, прямо перед тем, как она исчезла, такой… печальный.

Мой взгляд упал на брошь, и внезапно я вспомнила, как мне показалось, будто она хочет, чтобы я это заметила. Чтобы я обратила на нее внимание.

– Думаю, эта брошь что-то значит. Нечто такое, что она хочет, чтобы мы заметили.

Джек наклонился ближе к холсту и прищурился, рассматривая тонкую золотую цепь, обвивающую ленту и темные кудри, а затем перевел взгляд на брошь.

– Возможно, все дело в освещении, при котором работал художник, но не похоже, что металл броши – это золото, согласны? Не тот цвет… и он определенно отличается от золотой цепочки в ее волосах.

– Он выглядит почти оранжевым, – согласилась я. – Совсем не золотым. И он везде однородный, ровного оранжевого цвета. Не похоже, чтобы его оттенок изменил некий отраженный свет, который художник мог увидеть и решил воспроизвести.

– Похоже на медь, – в один голос сказали Джейн и Энтони и посмотрели друг на друга. Джейн улыбнулась.

– Как бы не сглазить!

Энтони улыбнулся в ответ, и я при виде этой милоты едва не закатила глаза. Меня сдержала лишь моя преданность детективу Райли.

– Если предположить, что это настоящие камни, – сказал Джек, – не могу представить, почему они использовали менее дорогой металл, нежели золото. Медь ведь не благородный металл. Может, это латунь?

– Латунь? – переспросила я, надеясь, что я не единственная неосведомленная персона в этом зале.

– Дешевая имитация, – пояснил Джек. – Смесь меди и цинка, которая изначально использовалась в производстве бижутерии и часов. Она должна выглядеть как золото, но если положить их рядом, несложно определить, где настоящее золото, а где жалкая подделка.

– Элиза не была в семье родной дочерью, – сказала Джейн. – Лишь подопечной миссис Вандерхорст. Так что, возможно, камни в оправе – полудрагоценные.

– Тогда почему ее портрет висит на таком видном месте? – спросил Энтони. – Если ее не считали членом семьи, я имею в виду. Насколько я понимаю, с тех пор, как домом владели Вандерхорсты, тут ничего не меняли и не двигали, и эти портреты висят здесь уже пару столетий.

– Она была помолвлена с Лоренсом Вандерхорстом, так что вскоре должна была стать полноправным членом семьи. – Джек окинул взглядом стену возле лестницы. – Но я не вижу здесь его портрета. Остальные мужские портреты из разных эпох. – Он поднялся на несколько ступенек выше и остановился перед двумя овальными портретами меньших размеров в золоченых рамах. – Посмотрите сюда. Здесь целая история: двое мужчин примерно одного возраста в военной форме времен Гражданской войны. Один в темно-синей, другой в серой… вероятно, брат против брата. Как будто Вандерхорсты существуют для того, чтобы дарить мне книжные сюжеты.

– Верно, – согласилась я. – И наш дом.

– На данный момент, – буркнул Джек себе под нос и начал спускаться по лестнице. Прежде чем последовать за ним, я на пару секунд задержалась и оглянулась на портрет Элизы. Ее взгляд – у меня возникло такое ощущение – вроде бы встретился с моим, и мне показалось, что она во мне как будто разочаровалась. Как если бы она громко и ясно говорила на языке, который я должна понимать, а я все равно не улавливала суть.

– Что за ложь, Элиза? – тихо спросила я и вздрогнула, увидев на моей руке руку Джека.

– Мы узнаем. Надеюсь, это приведет нас к тому тайному сокровищу, которое ищет Марк Лонго. А если нет, то к бестселлеру, по которому снимут фильм. Я слышал, что такое иногда случается.

– Да. Я тоже это слышала, – сказала я, пока он вел меня вниз по лестнице, и все это время чувствовала, как глаза Элизы следят за нами.

Подойдя к двери, мы с Джеком сообщили Энтони подробности того, что узнали от Ивонны, а затем Джейн поведала ему о моей встрече с Элизой. Она говорила спокойно и четко, поэтому я позволила ей рассказать ему об этом. А еще потому, чтобы Энтони убедился, что Джейн в здравом рассудке. Нет, я не считала, что они непременно должны общаться, но Ребекка была его невесткой, и я хотела быть уверенной, что он не думает, будто у кого-то из нас не в порядке с головой.

Позднее послеполуденное солнце отбрасывало тени на подъездную дорогу, искажая тень самого дома. Когда мы подошли к воротам кладбища, то скудное тепло, которое предлагало солнце, исчезло, и по мере приближения к мавзолею температура понизилась еще на несколько градусов. Ворота были закрыты, но не заперты, и мы, не сговариваясь, остановились перед ними. Мы с Джейн переглянулись. Моя тревога отразилась и в ее глазах. Нет, я не увидела и не уловила ничего необычного. Но холод в воздухе не имел ничего общего со временем года. Это меня настораживало. Кто-то – или что-то – был здесь, ждал и наблюдал за нами. А отсутствие всего пугающего, кроме холода, означало, что некая неизвестная сущность копила свою энергию.

Джейн повернулась к Энтони.

– Когда вы обычно чувствуете, что не должны идти дальше?

– Прямо на этом месте. Как только я протягиваю руку, чтобы открыть ворота, я чувствую давление в груди. Как будто чья-то рука держит меня, не пуская дальше.

– Это просто давление или толчок? – уточнил Джек.

– Просто давление… сначала. Но если я пытаюсь идти дальше, сила того, кто удерживает меня, возрастает, как будто кто-то пытается меня защитить. Однако если я продолжу идти вперед, давление на грудь… – Он умолк и глубоко вздохнул. – Становится невыносимым. Как будто меня зажали между камнями. И те несколько раз, когда мне удавалось попасть внутрь мавзолея, заканчивались настоящими ударами и ссадинами.

Мы все посмотрели в сторону мавзолея, как будто ожидая, что кто-то выйдет наружу и бросит нам вызов.

– А Марк смог без проблем зайти внутрь и покопаться? – спросил Джек.

Энтони кивнул.

– Я тоже мог – до недавнего времени.

– Примерно до времени сильных дождей, – сказала я. – Когда у нас на заднем дворе обрушилась цистерна.

Джек посмотрел на меня.

– Я уверен, что это не совпадение.

– Вероятно, нет, – согласилась Джейн. – Поскольку кирпичи цистерны были привезены отсюда.

– И поскольку совпадений не бывает, – резко произнесла я. Не знаю, что заставило меня огрызнуться на нее: растущая тревога или просто ее вечная уверенность почти во всех сферах ее жизни. В ее возрасте я не была такой. У меня имелись сомнения, что я и сейчас такая.

Она посмотрела на меня с пониманием, что разозлило меня еще больше. Я любила свою сестру, честное слово. Я помнила, как маленькой девочкой отвечала любому, кто меня спрашивал о подарке на день рождения и Рождество, что я хочу сестру. Я была счастлива, что она есть в моей жизни. Просто меня слегка напрягало то, что она вторглась в нее как Златовласка в кровать Медвежонка. Устыдившись собственных мыслей, я широко улыбнулась ей. – Я имею в виду, по мнению Джека.

Она улыбнулась в ответ, отчего мне сделалось еще хуже.

– И вы оба правы. Спасибо, что напомнили мне. – Заметив, что Джек вопросительно смотрит на меня, я быстро повернулась к Энтони. – Предлагаю вам подождать здесь с Джеком, пока мы с Джейн попытаемся попасть в мавзолей. У вас есть ключ?

Он покачал головой.

– С тех пор, как я был там в последний раз, я не смог подобраться достаточно близко, чтобы заново запереть ворота. Они закрыты, но не заперты.

Я впервые заметила дуб, ветви которого нависали над забором на противоположной стороне кладбища. Проскользнувшие когда-то под землей, словно невидимые змеи, его похожие на канаты корни приподняли вверх железные прутья ограды, а надгробные камни

заставили беспорядочно накрениться, отчего те походили на кривые зубы.

– Думаю, это то самое дерево, – тихо сказал Джек. Я кивнула. Было приятно, что наши мысли часто работают в тандеме. Я оглядела толстый ствол, тяжелые локти суков, с которых свисали фестоны испанского мха, и оценила возраст дерева примерно в триста лет.

– Он определенно достаточно стар, – сказала я.

– Достаточно стар для чего? – громко спросил Энтони слишком громким голосом.

– Чтобы быть тем деревом, на котором повесилась Элиза, – сказала Джейн. Она сказала это еле слышно, но ее голос разнесся над пустым кладбищем, как последний вздох.

Ложь. То ли мне показалось, то ли кто-то и вправду прошептал мне на ухо. Я взглянула на Джейн. Сестра смотрела на меня широко раскрытыми глазами, и я поняла: она тоже это слышала. Она взяла меня за руку, и я в ответ сжала ее пальцы.

– Вместе мы сильнее, правда?

Я кивнула, и мы сделали шаг к мавзолею. Ветерок, который лишь разбрасывал по земле листья, но не колыхал испанский мох на деревьях, кружился вокруг наших ног, толкал нас в спину, направляя вперед. Мы сделали еще один шаг.

– Стойте! – Мы тут же обернулись на голос Джека. – Я считаю неправильным отправлять вас одних. Я пойду с вами.

Он сделал шаг, но я подняла руку.

– Все в порядке, Джек, – сказала я. – Мы знаем, что делаем.

– Мы? – буркнула себе под нос Джейн, чтобы Джек ничего не слышал.

– Почему бы вам с Энтони не осмотреть остальную часть кладбища и не поискать что-нибудь необычное на любом из надгробий? – предложила я.

– Здесь похоронены некоторые из любимых Элизой павлинов, – сказал Энтони. – Но мы будем держаться поближе к мавзолею, чтобы не выпускать вас из поля зрения.

Джек нахмурился, разрываясь между желанием изучать надгробия – одно из любимых его занятий – и желанием остаться рядом со мной, что было в числе моих любимых ощущений.

– Со мной все будет в порядке, – сказала я увереннее, чем чувствовала. – Вы с Энтони останетесь неподалеку, и если нам что-то понадобится, вы будете с нами в считаные секунды.

Желая покончить с этим до наступления темноты, я взяла Джейн за руку и потянула за собой ко входу в мавзолей. Как и сказал Энтони, дверные ворота с квадратным узором из кованого железа поверху были слегка приоткрыты. Сквозь ржавую решетку мы вглядывались в темное нутро и не видели ничего, кроме смутных очертаний единственного склепа напротив входа.

– Два других склепа, должно быть, стоят по бокам, – сказала я, отметив табличку на передней части треугольной конструкции, на которой вместе с именами двух мужчин было указано имя Элизы. Я подняла телефон и сфотографировала мемориальную доску и ворота, чтобы потом внимательно их рассмотреть. Мне меньше всего хотелось оставаться на этом кладбище дольше, чем нужно.

– Пойдем, – сказала я, и мы включили фонарики на телефонах. Я посветила внутрь мавзолея и замерла, услышав звук, похожий на шорох мыши или птицы. Или длинного платья, скользящего по каменному полу.

– Ты это слышала? – спросила Джейн.

Я кивнула, вглядываясь внутрь и надеясь, что ничего не увижу. Круглые пятна света от наших фонариков позволили увидеть пыльные кирпичи и толстый слой раствора на стенах, затем квадратные каменные плитки на полу. В трех нишах в кирпичных стенах лежали каменные гробы, как будто в безмятежном покое. Свет от моего телефона упал на сломанный угол одной из крышек, а затем скользнул к кирпичам под каждой нишей.

– Похоже на иероглифы, – сказала Джейн.

– Да, так сказал Энтони. А Марк думает, что это какой-то шифр. Или же просто причудливые элементы из кирпича, потому что каменщик возомнил себя художником.

– Ты действительно так думаешь? – спросила Джейн.

– Вообще-то нет. Я просто хочу, чтобы все было чуть проще и мы могли побыстрее уйти отсюда. Мы сделаем снимки и покажем их Джеку. – Я протянула руку, чтобы толкнуть ворота, но, увы, в следующее мгновение те захлопнулись перед моими пальцами. Звук

был таким же окончательным, как будто на место встала крышка склепа.

Я знала: лучше не винить Джейн за то, что она их закрыла, и начала дергать за решетку, надеясь, что здравый смысл возобладает и незапертые ворота, которые несколько секунд назад были приоткрыты, действительно распахнутся. Увы. Я принялась с силой их трясти. Джейн не выдержала и взяла меня за руку.

– Вдруг то, что нам нужно увидеть, находится вовсе не внутри? – Джейн указала на сложный орнамент на верхней половине ворот мавзолея, завитки и линии, замысловатые и четкие, как в паутине. Я подняла телефон и сделала еще несколько снимков.

Поднялся ветер, и на нас полетели мертвые ветки и листья. Я подняла глаза: еще минуту назад ярко-синее зимнее небо затянула зловещая черная туча, нависнув над нами, словно жуткая улыбка. Не до конца убежденная, что мы не сможем попасть в мавзолей, я просунула руку сквозь решетку, надеясь найти защелку, которую можно было бы отпереть изнутри.

Я услышала хруст приближающихся шагов, и голос Джека позади меня произнес:

– Вот-вот начнется гроза, мы должны попасть внутрь…

Я не слышала, что еще он сказал. Что-то дернуло меня за руку изнутри мавзолея с такой силой, что я ударилась головой о железные ворота. Из глаз посыпались искры, в ушах зазвенело металлическое эхо, а в следующий миг я услышала мужской голос, низкий и хриплый. Он громко кричал у меня в голове. *Предатели заслуживают смерти и того, чтобы гнить в аду*.

– Мелли? Мелли! – Голос Джека был полон отчаяния. Он цеплялся за ворота, пытаясь их открыть. – Джейн, помоги мне!

Рука Джейн сжала мою. Мои колени ударились о бетонную ступеньку перед воротами, рука онемела, в голове зазвенело. Зловоние тлена ударило мне в ноздри, а по мавзолею разнесся тяжелый топот сапог кого-то, спешившего ко мне. Я в ужасе закрыла глаза и приготовилась к худшему. А затем то, что тянуло меня за руку, внезапно отпустило ее, и я полетела обратно в объятия Джека. Услышав тревожный скрип петель, я подняла глаза: ворота мавзолея медленно открывались. Призрак британского солдата в ярко-красном

мундире медленно растворился в темной бездне, оставив после себя запах пороха и безошибочное чувство отчаяния.

Глава 19

Мы все четверо уставились на открытые ворота, ведущие внутрь мавзолея и как будто приветствовавшие нас. А ведь всего несколько минут назад они захлопнулись намертво прямо у нас перед носом, а кто-то внутри пытался выдернуть мою руку из сустава. Я посмотрела на Джека, Джейн и Энтони. Сомнения всех троих по поводу целесообразности входа внутрь были очевидны.

Радуясь, что мы все на одной волне, я отступила назад, желая поскорее уйти. Но как только моя нога ступила на траву, молния расколола небо. Свинцовые тучи над нами разверзлись, обрушив на нас и могилы потоки ледяной воды. Дождь с силой хлестал по нам, и капли рикошетом отскакивали от кирпичей мавзолея.

Я почувствовала, как Джейн подтолкнула меня в спину.

– Иди дальше, – сказала она, следуя за мной внутрь, и поманила за собой обоих мужчин. – Давайте немного подождем внутри. То, что только что случилось, отняло много энергии, и ему на подзарядку потребуется время.

Она была права, но это не остановило во мне поднявший голову гнев. Не потому, что мне хотелось поскорее сделать отсюда ноги и уже возвращаться в нашей машине домой, а Джейн была готова вновь заняться работой. Я злилась, потому что она сказала это первой и не колеблясь, сделала то, чего никто из нас не хотел. Что еще хуже, из нас четверых Джейн меньше всех рисковала в этой игре. Она приехала с нами лишь затем, чтобы помочь мне. Странно, но осознание этого факта было бессильно смягчить необоснованную обиду, проникшую в меня, словно жук-древоточец, планирующий долгое пребывание в половицах столовой.

Внутри температура была на добрых десять, а то и больше градусов ниже – как я надеялась, из-за кирпичных стен. Мы все включили фонарики в телефонах. Я вздрогнула, и вода брызнула с моих волос на экран.

– Иди сюда, – сказал Джек, притягивая меня к себе. Он тоже промок, но излучал внутреннее тепло. Эх, вот бы найти способ продавать это тепло другим, вроде меня, которые большую часть

календарного года вечно мерзли до самых костей. Это могло бы стать еще одним источником дохода.

– Ух ты!

Мне нравилось слушать рокот его голоса в его груди, когда он говорил, поэтому я обратила внимание на это слово лишь тогда, когда Энтони сказал:

– Вы серьезно? Я уверен, это что-то значит, но понятия не имею, что именно.

Я отстранилась от Джека, чтобы увидеть, о чем он говорит. Избегая смотреть на сами склепы, я изучала кирпичи в нижней половине трех стен под нишами. По ширине каждой стены проходила полоса шириной в два кирпича, причем каждый кирпич внутри такой полосы нес на себе орнамент в виде завитков, который, похоже, не повторялся.

– Действительно похоже на иероглифы, – сказала я, присев на корточки перед одним из склепов. Я провела рукой по кирпичу передо мной, нащупывая пальцами линии. – Но это не иероглифы.

– Откуда вы это знаете? – спросил Энтони.

– Помнится, в восьмом классе я посмотрела фильм о Клеопатре и решила изучить иероглифы. Я не эксперт, отнюдь нет, но я знаю достаточно, чтобы понять, что это не так.

Никто ничего не сказал. Поэтому я обернулась и обнаружила, что все смотрят на меня, включая Джека, который силился сдержать улыбку.

– Эй, я была одиноким ребенком. Тогда не было никакого Фейсбука, чтобы тратить время зря, и мы искали другие способы развлечься.

– Естественно, – сказал Джек, расплывшись в широкой улыбке. – Я просто не могу поверить, что не знал этого о тебе.

Я фыркнула и повернулась, чтобы посмотреть на кирпичи.

– Ты еще многого обо мне не знаешь.

– Тогда мне не терпится узнать.

Энтони откашлялся.

– Я бы посоветовал вам снять комнату, но спальни в данном доме довольно пыльные.

Я покосилась на Джека, затем направила фонарик на кирпичи.

– Где копал Марк? – спросила Джейн у Энтони.

Тот направил луч света в сторону склепа в центральной стене со сломанным углом на крышке.

– Судя по табличке, это Элиза. По какой-то причине – это всего лишь мое предположение, поскольку она похоронена посередине – Марк начал копать здесь после того, как поиски с помощью металлоискателя ничего не дали.

– Почему же он остановился? – спросила я и вздрогнула, прочтя на мемориальной доске слова ЭЛИЗАБЕТ ГРОВНЕР и даты под этим именем, увековечившие ее короткую жизнь.

– Та же самая крышка склепа, которая соскользнула и чуть не упала мне на ногу, шлепнулась и у ног Марка. Он отделался лишь легким испугом. Вот почему позже он пытался ее сломать, но люди из бюро охраны памятников ему не позволили. – Энтони нахмурился. – В последний раз я был здесь потому, что Марку требовалась помощь, чтобы открыть гроб. Он решил, что если крышка вновь ляжет на место, у него не будет второго шанса.

– Вы что-то нашли?

Он бросил на меня странный взгляд.

– Не то, что мы ожидали. Когда мы вернулись, крышка склепа была снова на месте. Единственное, что заставило меня поверить в рассказ Марка о ее повторном падении, – это то, что угол был отломан, а обломок все еще валялся на земле.

Он указал на плитку в узком бордюре вокруг земляного пола перед склепом.

– Хорошо видно, где она упала. В этом месте от плитки почти ничего не осталось. – По его лицу расплылась странная улыбка. – Вы даже не представляете, как же это здорово – не пытаться объяснить необъяснимое.

Мы все четверо молча рассматривали странные отметины. Шорох наших пальцев, касавшихся кирпичей, сливался со звуками дождя, падающего на землю снаружи, и редкими щелчками телефонных камер. Я на пару секунд села на корточки, пытаясь уловить случайную мысль, и наклонила голову вправо, влево и снова вправо.

– Если хочешь, могу подержать тебя за ноги, чтобы ты рассмотрела их вверх ногами, – предложил Джек.

Я одарила его колючим взглядом, снова посмотрела на полоску кирпичей.

– Это напоминает мне детскую головоломку. Ту, где внутри коробки с одним недостающим местом нужно передвигать пластиковые квадратики, чтобы получился рисунок, помнишь?

Джек кивнул, и его губы растянулись в медленной улыбке.

– Да, когда я был ребенком, я получал их в подарочных пакетах на день рождения.

– Я их помню, – сказал Энтони. – И вы правы. Судя по тому, что линии края не совпадают ни с одним из соседних кирпичей, похоже, что каждый кирпич стоит не на своем месте. – Он почесал затылок. – Интересно, может, они остались от какой-то другой стройки, поэтому не имело значения, в каком порядке их положили.

– Или же их специально положили именно так. – Джек наклонился ближе и потер пальцами шероховатую полоску раствора между двумя кирпичами.

– Учитывая, что это было построено задолго до изобретения фотоаппаратов, единственный способ выяснить закономерность – если, конечно, таковая имеется – это вынуть все кирпичи и сложить их вместе.

– Вы получили ответ от Стива Дунгана, вашего друга-архитектора? Вдруг он сможет пролить свет на это? – спросила я.

– Я позвоню ему, как только мы вернемся домой. – Энтони вытащил телефон. – А пока пусть каждый выберет себе часть стены и сделает снимки отдельных кирпичей. Потом можно будет их увеличить и распечатать и сложить все вместе, как фрагменты пазла, и посмотреть, подходят ли они друг к другу.

Я услышала в его голосе волнение, что в последние месяцы случалось нечасто. Даже травма, полученная им в результате того, что некая неизвестная сущность вышвырнула его в ворота мавзолея, того стоила.

– Хорошая идея, – сказала Джейн. – Я займусь вот этой стеной, – она указала на стену слева. – Джек, ты той, что в центре, а вы, Энтони, той, что напротив моей.

– А я? – обиженно спросила я, чувствуя себя обделенной. Мне тотчас вспомнились уроки физкультуры, когда мои одноклассники выбирали товарищей по команде для игры в волейбол.

– Ты останешься снаружи. Будешь внимательно следить за любым падением температуры или необычным ветром, короче, следить за

всем тем, что может сигнализировать о возвращении нашего гостя. Твои способности намного сильнее моих.

Отчасти польщенная, но слегка пристыженная тем, что слишком поспешно сужу о людях, я улыбнулась ей.

– Хороший план. А поскольку дождь перестал, я буду стоять снаружи, прямо у порога. На тот случай, если двери вновь заклинит. Не хотелось бы, чтобы мы все четверо оказались в ловушке внутри.

Все тут же посмотрели на меня.

– Разумно, – сказал Джек, не отрывая взгляда от ворот, пока я не оказалась на другой стороне. Чтобы сохранить как можно больше тепла, я скрестила на груди руки. Холод мавзолея, казалось, проникал в мои кости, не желая отпускать меня. Отчасти я была даже рада, так как это держало меня в напряжении, ибо я не могла избавиться от ощущения, что кто-то – или что-то – наблюдает за мной.

– Я замерзла, – крикнула я. – Мне нужно двигаться. Обещаю, что далеко не уйду.

Не дожидаясь, когда Джек велит мне быть осторожной, я бросилась бегом по периметру кладбища. Я очень надеялась, что мои новые умные часы считают мои шаги и я не напрасно потрачу усилия. Добежав до дуба, я перешла на шаг. С печальных ветвей дерева теперь стекали слезы дождя, и я почувствовала, как температура упала. Но мне не было страшно. В воздухе ощущалась мягкость, некое замедление, как будто я нырнула в море, но мое тело зависло в воздухе. Запах смерти и гнили исчез, сменившись запахом дождя и мокрой травы. Но я была не одна. В этом не было никаких сомнений.

Мое внимание привлекло движение – легкое смещение тени, вот только над головой не светило солнце. Я увидела ее не сразу – зеленое платье сливалось с зарослями на другой стороне кладбищенской ограды. И пока я смотрела, ее силуэт постепенно стал менее прозрачным, а лицо и одежда – лучше различимыми. Мое внимание вновь привлекла брошь на лифе ее платья: драгоценные камни в хвосте и в глазах павлина сверкали, несмотря на отсутствие солнечного света. Мне хотелось подойти ближе, чтобы рассмотреть лучше, но я боялась, что она исчезнет. Я же была без очков и не могла рассмотреть ее во всех деталях. И примерно в сотый раз прокляла собственную закомплексованность.

Я вспомнила, как впервые увидела ее на лестнице в моем доме на Трэдд-стрит, вспомнила, как мне тогда показалось, будто она хотела, чтобы я заметила ее брошь. И еще – что с этой брошью было что-то не так. Возможно, дело в металле, который не был похож на золото. Я прищурилась, чтобы рассмотреть получше, но тотчас отступила на шаг назад, поняв, что ее ноги не касались земли, а болтались на уровне верха забора. И когда я подняла глаза, то увидела на ее шее веревку, другой конец которой был привязан к толстой ветви.

Ее взгляд был прикован к моему лицу. Ее губы не двигались, но слово «Ложь» хлестнуло меня, как будто его выкрикнули, вспугнув при этом с высокого участка травы двух черных ворон, которые охотились на червей. Резко взмахнув крыльями, вороны улетели, а я услышала, как Джек, Энтони и Джейн вышли из мавзолея.

– Ты это слышала? – спросила я, глядя на пустое дерево.

Джейн кивнула, подтверждая, что мне ничего не примерещилось.

– Что именно? – спросил Джек, подходя к нам. Он притянул меня к себе и поцеловал в висок.

– Элиза была здесь. И я думаю… – я прищурилась, пытаясь вспомнить, что, собственно, я видела.

– Что? – подсказал Джек.

– Она определенно хотела, чтобы я обратила внимание на ее брошь в виде павлина. Я не совсем уверена, но мне кажется, что это та же брошь, что и на портрете, с четырьмя драгоценными камнями, на месте глаз и в перьях.

– Дай угадаю. Ты была без очков, поэтому не можешь сказать наверняка. Знаешь, Мелли, сейчас есть такие штуки, как контактные линзы…

– Знаю, знаю. Просто у меня в них пересыхают глаза, и я ощущаю дискомфорт. Я хотела записаться на прием к окулисту, но не смогла выкроить времени. Но я непременно запишусь. Скоро.

– Что ж, надеюсь, ты снова столкнешься с ней, когда наденешь очки и сможешь лучше ее рассмотреть. – Джек взглянул на темнеющее небо. – Нам лучше вернуться домой. Подружки Нолы не любят зависать у нее после наступления темноты.

– Это почему же? – спросил Энтони. Мы все посмотрели на него, чтобы убедиться, что он не шутит.

– По той же причине, по какой вы пробегаете мимо портрета Элизы, – предположила Джейн. – Все было бы намного проще, если бы Марк боялся ночных барабашек.

– А он их боится, – сказал Энтони. – Просто он думает, что Ребекка обладает над призраками некой властью и может управлять ими. Ребекка тоже рада согласиться с этим предположением. Но ведь у нее есть только предчувствия, верно? Не то что у вас с Мелани. Вы ведь не только видите призраки, но и можете с ними разговаривать.

Джек посмотрел на Энтони, но его мысли, похоже, были где-то далеко.

– Кроме шуток, – сказал он, обращаясь ко мне. – Думаю, мы могли бы найти ахиллесову пяту Марка.

– Что вы имеете в виду?

– Как-то раз ты сказала мне, что появление съемочной группы может взбудоражить некоторых местных обитателей. Это может быть даже очень хорошо.

Я нахмурилась.

– Поскольку мы, возможно, нашли способ отбить у Марка интерес к отъему нашего дома, значит ли это, что мы отказываемся от попыток разгадать эту загадку?

Джек покачал головой.

– Черт возьми, нет! Мы задействуем каждую клеточку мозга, чтобы выяснить это и сделать все для того, чтобы руки Марка никогда не дотянулись до нашего дома или спрятанных сокровищ. Разозлить его и заодно напугать так, чтобы он наложил в штаны… да это предложение – просто глазурь на торте!

* * *

Высадив Джейн возле ее дома, мы покатили домой и всю дорогу спорили по поводу радиостанции, скорее по привычке, нежели из-за желания вообще слушать музыку. Когда Джек въехал на нашу подъездную дорожку, у обочины перед нашим домом я увидела незнакомую машину.

– Линдси или Олстон уже умеют водить? – спросила я, пока мы шли вокруг дома к веранде.

– Понятия не имею. Просто у них у всех есть права. – Джек подошел к скромному «седану» и остановился, чтобы прочитать наклейку на бампере. А когда прочел, плотно сжал губы. – Цитадель, – коротко сказал он.

Осторожнее, сказала я себе. Старший брат Олстон, Купер, ныне старшекурсник в Цитадели, был частым гостем в нашем доме, но всегда со своей сестрой или группой друзей. За последний год его визиты стали реже, отчасти – я была в этом уверена – из-за враждебности Джека. Лично мне Купер нравился. Высокий, симпатичный, вежливый, умный и добрый с сестрой и матерью. Я всегда считала, что последнее – качество хорошего мужа. Мое мнение укрепилось, когда я наблюдала за Джеком и его матерью. Не то чтобы Нола искала мужа, да и Джек вряд ли разрешил бы ей встречаться с мужчинами до того, как ей исполнится тридцать, но я была уверена, что с Купером Нола в безопасности. Самое безумное, что они когда-либо сделали вместе, это просмотр подряд всех восьми эпизодов «Звездных войн» в нашей телевизионной комнате наверху в один из выходных. Джек потребовал, чтобы дверь оставалась открытой, а затем регулярно приносил свежий попкорн и напитки, чтобы убедиться, что они не сидят слишком близко.

– Вероятно, Купер привез Олстон и Линдси. Он, знаешь ли, хороший брат.

– Хм. – Джек поднялся по ступеням веранды. – Он парень. Это все, что мне нужно знать.

Я закатила глаза и подождала, когда он отопрет входную дверь и придержит ее для меня. Пока мы стояли в фойе, снимая пальто, сверху донесся смех Нолы, а вслед за ним мужской голос. Мы подождали еще пару секунд, в надежде услышать другие женские голоса. А когда не услышали, Джек, преодолевая по две ступеньки за один раз, взлетел вверх по лестнице. Я поднялась следом за ним, но уже более спокойным шагом.

Я прошла мимо трех собак, сидевших наверху лестницы и глядевших в угол коридора. Я остановилась и проследила за их взглядом, надеясь, что ничего не увижу, а потом забеспокоилась, потому что ничего не заметила. Генерал Ли тихонько зарычал, давая понять невидимому злоумышленнику, кто здесь главный, и сразу же

побежал за мной, а Порги и Бесс устремились за ним следом. Хорошо, что они были милыми, раз уж защитники из них вышли никакие.

Я продолжала смотреть в угол, в надежде что-нибудь увидеть, когда внезапно уловила аромат роз. Я тотчас немного расслабилась, ведь Луиза тоже была здесь, защищая нас.

– Спасибо, – прошептала я, медленно пятясь в сторону комнаты Нолы, откуда доносился повышенный голос Джека.

– Ты знаешь правила насчет закрытых дверей, Нола.

Я встала позади Джека, застывшего в дверном проеме. Он стоял руки в боки, совсем как миссис Хулихан, когда она обнаруживает, что я у нее на кухне тайком таскаю печенье. Нола сидела на кровати со своим ноутбуком и разбросанными книгами, Купер стоял перед креслом, в котором, по-видимому, сидел, прежде чем Джек, не постучав, распахнул дверь.

– Собаки вели себя странно, но отказывались выходить на улицу и воротили носы от любых лакомств. Но они продолжали нас отвлекать, поэтому я просто закрыла дверь.

– Отвлекать вас от чего? – спросил Джек. Я не видела его лица, но тотчас представила, как он щурится, что идеально соответствовало образу мстительного отца.

Купер протянул Джеку руку для рукопожатия.

– Рад вас видеть, сэр. У нас тут состоялся мозговой штурм по поводу списка слов, который вы дали Ноле. Мы с ней спорили, сможем ли мы их верно интерпретировать.

Пару секунд поколебавшись, Джек пожал-таки руку молодому человеку.

– Угу, – сказал он. – Я сказал ей, что она может пригласить нескольких подруг на пиццу.

– Верно, сэр. Но моей сестре нездоровилось, а Линдси на этих выходных уехала с родителями на остров Поули. Поэтому я вызвался прийти на помощь и составить Ноле компанию.

– Как же это удобно… – начал было Джек.

Я протолкнулась мимо Джека, чтобы поздороваться с Купером.

– Это прекрасно. Большое спасибо. И вы смогли что-нибудь выяснить?

Нола с облегчением посмотрела на меня.

– Пока нет. Мы не можем найти ничего, что связывало бы эти вещи, поэтому Купер подумал, что мы должны составить для каждого объекта идентифицирующие списки, начиная с цвета, поскольку три из них – кроме кухарки – могут быть описаны определенными цветами.

Джек посмотрел на Купера с плохо скрываемым восхищением.

– Я об этом не думал. Возможно, это зацепка, хотя я понятия не имею, какое место в этом уравнении заняла бы кухарка.

– Мы пришли к такому же выводу, сэр. Но пока мы не придумаем что-то еще, мы создаем четыре списка – поскольку мы работаем с четырьмя элементами – описательных слов, начиная с цвета, чтобы посмотреть, сможем ли мы что-нибудь придумать. Это процесс. Полагаю, это как писать книгу.

Вы не поверите, но Джек улыбнулся Куперу.

– Да, можно сказать и так.

– Вы что-нибудь нашли на кладбище? – спросила Нола. Теперь, когда Купер и Джек обменялись сердечными словами, она выглядела заметно спокойнее.

– Мы не уверены, – сказала я, доставая телефон. – Джейн и Энтони пришлют мне свои снимки, но в целом мы сделали много фотографий, в том числе двух рядов кирпичей со странными отметинами на них. Если их распечатать по отдельности, то можно будет сложить вместе, как пазл. Это займет целую вечность, поскольку мне нужно будет найти способ распечатать снимок каждого кирпича в натуральную величину, а затем найти достаточно большую поверхность, чтобы собрать на ней этот пазл.

Купер откашлялся.

– Возможно, я не смогу найти место на полу для вашего пазла, но у меня есть доступ к довольно классному программному обеспечению, которое слегка упростит задачу калибровки и печати. Я буду рад взглянуть, если вы согласитесь прислать мне ваши снимки.

Мы с Нолой улыбнулись Куперу, но Джек скептически прищурился.

– А что вы ожидаете взамен?

– Папа! – возмущенно воскликнула Нола, а я хлопнула Джека по плечу.

– Ничего, сэр, – сказал Купер, заливаясь краской. – Я просто хочу помочь. Думаю, ваша затея с пазлом – это круто придумано, тем более

что она может оказаться в одной из ваших книг. Кстати, я прочитал их все. Я ваш большой почитатель.

– Хм, – буркнул Джек.

Я схватила его за локоть и потащила прочь из комнаты, прежде чем он успеет ляпнуть что-то еще.

– Спасибо, Купер, – крикнула я из коридора. – Я попрошу Нолу переслать вам все снимки, а вы посмотрите, сможете ли вы что-то придумать. И наша благодарность будет действительно безгранична, правда, Джек?

Я дернула его за руку и потащила по коридору к лестнице. До меня внезапно дошло, что кто-то стучит во входную дверь. Прежде чем спуститься в фойе, мы с Джеком переглянулись. Собаки последовали за нами по пятам, а Генерал Ли зарычал. Джек встал передо мной, загораживая меня собой, и посмотрел в боковые фонари у двери.

– Черт, а я думал, что мой день уже ничто не способно испортить.

Прежде чем я успела его спросить, он резко распахнул дверь. Нашим взорам предстала гладкая физиономия и тщательно выщипанные брови Харви Бекнера.

– Давно пора! Я звоню в дверь уже двадцать минут. – Он сделал шаг вперед, но Джек перегородил ему дорогу.

– Дверной звонок звонит, лишь когда дом хочет пустить человека внутрь.

Харви усмехнулся.

– Верно. Потому что у домов есть душа.

Он повернулся и что-то крикнул группе мужчин, разгружавших оборудование из двух фургонов, незаконно припаркованных у обочины. На следующее утро на Трэдд-стрит по графику была уборка, а значит, эвакуатор был им гарантирован, но я не собиралась упоминать об этом. Джек продолжал блокировать доступ в дом.

– Уже поздно, и мы собираемся ужинать…

– Отлично, – сказал голос из двери в конце веранды. – Умираю с голоду.

Джек напрягся.

– Мэтт, – шутливо произнес он, правда, сквозь стиснутые зубы. – Почему ты затемняешь мой порог?

Марк подошел и встал рядом с Харви.

– Прежде чем приступить к съемкам, нам нужно сделать несколько фотоснимков ночных интерьеров и проверить освещение. А Харви еще не бывал внутри, поэтому он привел своих специалистов по освещению и так называемых разведчиков, чтобы узнать их мнение.

– Первый раз об этом слышу. – Джек снова посмотрел на меня. – Мелли, это записано в твоем календаре?

– Нет… – начала было я, чувствуя себя двухфутовой дамбой на пути цунами.

– Не думаю, что ты в состоянии спорить, Джек, – сказал Марк. – Нам всем будет легче, если вы позволите нам приступить к работе.

– Но менее чем через две недели я устраиваю здесь рождественский ужин, – возразила я. – Ребекка сказала мне, что договорилась с вами, чтобы до Рождества в доме не было никаких камер и прочего оборудования.

Марк толкнул дверь, но Джек был непреклонен.

– Мы закончим к воскресенью. И будем готовы приступить к съемкам примерно в первую неделю января. К тому времени вы должны убрать весь этот рождественский хлам.

Он хмуро посмотрел на гирлянду из магнолий, на которую мы с Вероникой потратили несколько часов. Во мне все заклокотало от обиды.

– Это крайне неудобно… – начал было Джек, но не договорил, потому что я потянула его за руку.

– Прекращай, Джек, – прошептала я ему на ухо. – Они выиграли эту битву. Но не войну.

После небольшой заминки Джек отступил в сторону.

– Тогда добро пожаловать в наш дом, – сказал он, любезно распахивая входную дверь – настолько широко, насколько то было возможно. – Я рад вас всех здесь видеть.

И Марк, и Харви подозрительно посмотрели на Джека. Мне же стало интересно, что тому причиной: то ли внезапный холод в воздухе, не имевший ничего общего с температурой на улице, то ли звук бегущих шагов по пустому холлу позади нас. Меня мучил и вопрос, помнит ли кто-то из них двоих, как Харви сказал, что у домов нет души. Что, если они сейчас выяснят, насколько он ошибался?

– Прошу, – сказал Джек, жестом приглашая мужчин войти. – Чувствуйте себя как дома, но не забывайте, что вы в гостях. Мы

с семьей сейчас сядем в кухне за вкусный ужин, но вы на него не приглашены. И примите к сведению: свет выключается в десять, а иногда, если здесь наши близнецы, даже раньше. Поверьте, вам не захочется быть тут после наступления темноты.

Он сказал это как раз в тот момент, когда съемочная группа начала заполнять вестибюль. Джек положил руку мне на талию и повел меня в кухню, где миссис Хулихан оставила наш ужин разогреваться в духовке. Толкнув кухонную дверь, он пропустил меня первой, и когда дверь за нами захлопнулась, изобразил злой смешок Винсента Прайса из фильмов ужасов с его участием.

Глава 20

Пройдя с Джеком небольшое расстояние от нашего дома до дома Джейн на Саут-Бэттери, я подула на руки, пытаясь их согреть.

– Холодно? – спросил Джек, притягивая меня к себе.

Я повернулась к нему лицом, уверенная, что он заметит, как дрожат мои губы.

– Я сейчас превращусь в ледышку, и мне больше не придется думать о том, что я замерзла. – Я попыталась улыбнуться, но у меня замерзли даже зубы. – Не знаю, почему мы не взяли машину.

– Потому что у «Шоп энд стролл» нет своей парковки, и нам, вероятно, пришлось бы идти пешком точно такое же расстояние. Я уверен, у Джейн найдется горячий шоколад, чтобы нас согреть, и, как только мы заберем билеты в отеле «Фрэнсис Марион», по дороге будет много всякой еды и напитков.

– Если я прежде не умру от переохлаждения, – пробормотала я, пытаясь пошевелить пальцами ног. Я постаралась идти с ним в ногу и прижалась к нему ближе. – Ты – лучшее одеяло с подогревом, о каком только может мечтать девушка.

– Так вот почему ты вышла за меня замуж! – в голосе Джека слышалась улыбка. – Значит, только в этом причина?

– Одна из многих. Я бы не сказала, что это причина номер один, но она довольно близка к вершине.

– Ты корыстная, – сказал Джек и поцеловал меня в макушку.

– Девушка должна делать то, что должна делать.

Мы подошли к дому Джейн и остановились у конца подъездной дорожки. Я посмотрела на венок на входной двери и гирлянду, обвивающую перила, ведущие к парадному портику, и прищурилась. – Они…

– Розовые, – закончил за меня Джек. – Они определенно матово-розовые. Похоже, здесь побывала Ребекка.

– Фу! Она думает, что только потому, что пожертвовала кучу денег на нужды школы «Эшли-Холл», теперь может делать все, что захочет. По крайней мере, она сумела уговорить Марка снимать рождественский ужин у Вероники, а не у нас дома, за что я ей

благодарна. Но я определенно не хочу быть здесь, когда Софи это увидит, и с ужасом думаю, что она сделает в отместку.

– Может, снять с Пуччи розовый лак и свитер, чтобы она выглядела как настоящая собака?

Я сердито посмотрела на него.

– Хорошо, я согласна, лак – это, наверное, слишком, но свитера для собак – по-моему, это нормально.

– Давай останемся каждый при своем мнении, ладно? – сказал Джек, ведя меня по подъездной дорожке.

– Как ты думаешь, в чем заключается сюрприз Джейн? – спросила я, стуча от холода зубами. – Она знала, что на сегодня у нас билеты в «Шоп энд стролл», так что я очень надеюсь, что это нечто впечатляющее и мы не зря разгуливаем по такому лютому холоду.

– Ты ведь знаешь, что сегодня всего около пятидесяти градусов?[1]

Я изобразила возмущение.

– Для некоторых из нас это почти мороз. – Я начала подниматься по ступенькам. – Давай, пока я не посинела.

Дверь открылась прежде, чем я успела в нее позвонить, и в дверях появилась моя мать.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, когда мы обнялись. – Ты и есть тот самый сюрприз?

– Я была здесь весь день, а сюрприз готовили Джейн и твой отец. – Она оглянулась назад, туда, где стоял Джек.

– Хорошая работа, Джек. Я знаю, какой настойчивой может быть Мелли, когда подозревает, что что-то не так.

Я повернулась к мужу лицом.

– Ты знаешь, что это? – Я шагнула в фойе и едва узнала ярко освещенное пространство, которое впервые увидела сразу после того, как Джейн унаследовала старый дом, каждый дюйм которого был заполнен паутиной и осыпающейся штукатуркой. Я знала, что Джейн работает под присмотром Софи, чтобы вернуть дому его былое величие, но, посмотрев на блестящие перила, выглядывавшие из-под розовой с блестками гирлянды, и на стены без плесени, была вынуждена признать, что Софи отлично знает, что делает. Я заметила Джейн у двери столовой.

– Пожалуйста, только не говори мне, что у тебя где-то спрятана розовая рождественская елка, – сказала я. – Я отказываюсь поверить,

что ты позволила Ребекке сотворить такое со своим домом!

– Знаю, знаю. Но она была сильно расстроена, когда пришла сюда. Она знает, что прачечную в вашем доме, которую ты разрешила ей украсить, никто не увидит, но она скрыла от тебя свое разочарование, потому что знает, что у тебя сейчас «проблемы» – это ее слово, а не мое. Она сказала, что у нее осталось много украшений, и попросила разрешения украсить мой дом. Я согласилась, поскольку ремонт еще не закончен и я не участвую в подготовке рождественского ужина. Она казалась мне по-настоящему искренней.

Я не была уверена, слышала ли я когда-нибудь раньше в одном предложении имя Ребекки и слово «искренний». Но тот факт, что она скрыла от меня свое разочарование, слегка ослабил мою злость на нее. Но только совсем чуть-чуть.

– Привет, Орешек, – сказал отец, выходя из столовой. Я посмотрела мимо него, почти ожидая увидеть полосы обоев в пятнах влаги, свисающие с потрескавшихся карнизов. Но стены были тщательно зачищены и ожидали покраски или обоев. Зная Софи, я бы не удивилась, узнав, что она привезла из Италии художников, чтобы те вручную воспроизвели оригинальные обои, а Джейн безропотно разрешила ей это.

– Итак, что тут у вас? – спросила я, пока отец обнимал меня. Я не сводила глаз с обеденного зала, где мне была видна Джейн и нога другого человека, стоящего возле обеденного стола.

Войдя в столовую, я была встречена громким «Сюрприз!». Это был голос Джейн. Я повернула голову и на миг утратила дар речи: кто-то поднял айфон и сфотографировал меня.

– Купер.

– Да, мэм. Нола присматривает за детьми, поэтому она попросила меня сфотографировать вас, когда вы удивитесь.

Прежде чем я успела задать вопрос, мой взгляд упал на поверхность огромного стола и аккуратные ряды фотоснимков размером пять на семь.

– Это?.. – начала я, обводя взглядом лица собравшихся вокруг стола.

Купер откашлялся.

– Я потратил всю ночь, чтобы загрузить их все, задал размер, чтобы они были одинаковыми, и, наконец, распечатал их. Впрочем,

Нола принесла мне завтрак, так что оно того стоило.

Почувствовав, как Джек сердито смотрит на Купера, я сказала:

– Уверена, все это было веганское и без глютена, так что у нее не было шансов произвести впечатление на кого-либо.

Купер покачал головой.

– Вообще-то это была булочка с корицей и картофельные оладьи, которые приготовила миссис Хулихан. Она даже подвезла Нолу, чтобы доставить их сюда. Лучшие картофельные оладьи, какие я когда-либо пробовал.

Словно почувствовав напряжение, Джейн подошла ко мне и поправила один из снимков.

– Мама рассказала мне про Марка и про этого ужасного типа Харви, которые вторглись в ваш дом. Поэтому, когда Нола сказала мне, что Купер распечатал все снимки, я подумала, что будет безопаснее всего принести их ко мне. Таким образом, Марк не сможет шпионить.

– Блестящая идея, – сказала я совершенно искренне, хотя и уловила в своих словах тон, какой вовсе не ожидала услышать.

Джек кивнул.

– Джейн по этой же причине предложила мне очистить мой офис и временно хранить мои вещи у нее дома.

– Джейн, разумеется, думает обо всем, – сказала я, легонько постучав пальцами по одному из снимков. – Не представляю, как мы жили до того, как она приехала в Чарльстон. – Я посмотрела на единственную фотографию, подняла ее и внимательно рассмотрела. – Думаю, это подходит для одного из углов – это видно по дизайну, потому что только две стороны имеют законченные узоры, а на двух других мы видим усеченные линии, которые продолжаются на других кирпичах.

Я подняла глаза и обнаружила, что взгляды всех прикованы ко мне. Кроме одного человека, Джейн. Прикусив нижнюю губу, она быстро моргала, а затем посмотрела на стол и на снимок, который я держала, зажав в пальцах, и нервно сглотнула.

– Думаю, ты права, Мелани. Хорошая работа – теперь у нас есть место, с которого можно начать. – Она начала очищать один угол стола, затем указала на пустое место: – Думаю, тебе следует предоставить честь положить здесь первый фрагмент.

Она улыбнулась мне. Но меня как будто пнули ногой в живот.

– Вообще-то, – сказала я, чувствуя на себе осуждающие взгляды присутствующих, – эта честь принадлежит тебе. Это ты предусмотрительно разложила пазл в своей столовой. – Я протянула ей фотографию. – Держи.

Поколебавшись всего мгновение, она взяла у меня снимок.

– Спасибо, – сказала она, положив его на почетное место в углу стола. – Я хочу, чтобы вы все в любое время свободно приходили сюда и работали над этим пазлом. Когда я буду у Мелани, присматривая за близнецами, вы просто можете заехать за ключом. Как говорится, чем дальше, тем веселее.

На камине звякнули старинные каретные часы, и я взглянула на свои наручные.

– Не хочу опаздывать за билетами во «Фрэнсис Марион». Это сократит время покупок.

Джек смотрел на стол, и я поняла: по его мнению, лучше потратить время на пазл, чем на рождественские покупки на Кинг-стрит.

– Джек, – строго сказала я, – ты же знаешь, сегодня у них есть специальная услуга – помощь мужчинам сделать покупки. Я бы не хотела, чтобы ты упустил такую возможность.

Он поднял глаза, удивленный тем, что его подловили.

– Я просто подумал…

– Поехали, – сказала я. – Давай позвоним в Убер или куда-нибудь еще в этом роде. Сегодня слишком холодно, чтобы идти до Калхуна пешком. – Я оглядела комнату и поняла, что недосчитываюсь одного человека. – Где Энтони? Разве он не должен был приехать сегодня вечером?

Джейн покачала головой.

– Он болен. Сказал, что плохо себя чувствует с тех пор, как ушел с кладбища. Я сказала ему, что он должен вернуться в свой городской дом на тот случай, если в Галлен-Холле что-то не так, но он сказал, что слишком плохо себя чувствует и не в силах двигаться. Я предложила позвонить его врачу, но он ответил, что к утру будет в порядке. Я попозже позвоню и проверю.

Я переглянулась с матерью, но в присутствии Купера не стала ничего говорить о том, что Энтони желательно держаться подальше от

лестниц и не открывать окна, оставаясь в одиночку в доме на плантации.

– И если вы не возражаете, мисс Смит, я хотел бы ненадолго остаться и поломать голову над пазлом. Всего час-другой. – Купер вопросительно посмотрел на Джека. – Разумеется, если вы не возражаете, сэр.

– Пока ты здесь, а Нолы нет, не имею ничего против.

– Джек… – начала я, но меня прервал звонок в дверь.

Джейн прошла через холл и открыла дверь. Последовала короткая пауза, а затем…

– Томас, – сказала она голосом на октаву выше, чем пять секунд назад. – Что ты здесь делаешь?

Детектив Райли стоял в дверном проеме, его высокая фигура заполняла собой все пространство. Он посмотрел за спину Джейн и встретился со мной взглядом.

– Прошу прощения. Я не знал, что у вас здесь будет компания. Я просто хотел зайти и спросить, как у вас дела. – Он улыбнулся. – И хорошо ли ведет себя ваш дом.

Купер и отец явно были сбиты с толку, но остальные из нас, кто были свидетелями изгнания духа с чердака Джейн, тотчас все поняли.

– Все в порядке, – сказала Джейн, распахивая дверь шире. – И у тебя на ногах туфли. Пожалуйста, заходи в них.

Чувствуя, что нужно спасать сестру, я положила руку ей на плечо и сжала, напоминая, что, прежде чем пытаться снова что-то сказать, нужно сделать глубокий вдох.

– Приятно видеть вас, Томас. Мы тут собрались в «Шоп энд стролл», но зайдите на минутку погреться. Если Джейн, конечно, не против.

Я вопросительно взглянула на сестру, и она решительно кивнула.

– Я действительно не хочу мешать вам. Я могу вернуться позже… – начал было Томас.

– Не говорите глупостей. Мы все здесь старые друзья. – Я затащила его внутрь и закрыла за ним дверь. Повисла неловкая тишина, нарушаемая лишь глубоким дыханием Джейн. Мы все посмотрели друг на друга.

Отец сцепил руки.

– Что мы думаем? Среди нас профессиональный детектив, а на обеденном столе разложена целая тайна. – Он указал на столовую. – Не хотите взглянуть, детектив?

Мне показалось, что я увидела в глазах Томаса азартный блеск.

– С удовольствием, – сказал он, следуя за моим отцом, и остановился перед столом. – Ух ты. Похоже на гигантский пазл. Это кирпичи?

– Да. Из мавзолея в Галлен-Холле, – медленно произнесла Джейн, взвешивая каждое слово. – Внутри был горизонтальный бордюр шириной в два кирпича, окружавший интерьер, но ни один кирпич в нем не совпадал с другим.

– И вы решили, что линии на кирпичах могут совпасть, если их разделить на отдельные части пазла. – Томас посмотрел на Джейн так, как если бы перед ним в столовой стоял сам Эйнштейн.

– Вообще-то это предложила сделать моя другая дочь, – сказал отец с широкой улыбкой. – Мне определенно повезло в лотерее с тремя потрясающими женщинами в моей семье.

Другая дочь? Я улыбнулась и кивнула, хотя, если честно, не испытала искренней благодарности за его комплимент. Я не стала копаться в своих чувствах, вполне уверенная в том, что знаю точную причину.

Томас начал расстегивать пальто.

– Это действительно выглядит любопытно. Хотя, возможно, это просто были лишние кирпичи и они никак не связаны друг с другом.

– Мы, безусловно, рассматривали такую вероятность, – сказал Джек. – Но мы полны решимости и не теряем надежды на разгадку.

Томас нагнулся над столом, чтобы получше рассмотреть.

– Вижу, что кто-то уже нашел угловой элемент. Отлично.

– Это я нашла, – выпалила я, по-видимому, все еще считая себя первоклашкой, которой постоянно требовалось одобрение и поддержка учителя.

– Верно, – сказал Джек, погладив меня по спине, отчего я еще больше почувствовала себя ребенком. Я повернулась, чтобы выразить свое раздражение, но была встречена нежным поцелуем в губы.

– Кто-нибудь думал остаться сегодня вечером и потрудиться над головоломкой? – Томас с надеждой в глазах огляделся в поисках желающих.

– Да, – сказал Джек.

– Нет, – сказала я одновременно с ним.

Мать шагнула вперед, чтобы высказать свое мнение.

– У нас есть дополнительный билет в «Шоп энд стролл», Томас. Почему бы вам не составить нам компанию?

И Джек, и Томас с тоской посмотрели на фотографии.

– Звучит заманчиво, – сказал Томас, оборачиваясь к маме. – У меня куча племянников и племянниц, которым я должен купить подарки, так что «Шоп энд стролл» – именно то, что мне нужно.

– У них есть специальная акция для мужчин, когда продавцы помогают им выбрать подарки, – сказала мать, подходя к отцу. – Хотя должна сказать, что некоторым мужчинам помощь вообще не требуется.

Я было закатила глаза, но, увидев, что Джейн смотрит на них с обожанием, остановилась. Я была жутко рада, что мои родители снова обрели друг друга и вели себя просто как голубки. И да, у наших отношений было трудное прошлое, но мы ушли от старых обид. По крайней мере, я очень на это надеялась и хорошо это понимала. Возможно, отрицательные эмоции подобны вредным привычкам, и, чтобы излечиться, мне требовалась программа из двенадцати шагов, чтобы я могла двигаться вперед без всего этого багажа, привязанного к моим ногам, который в прошлом не давал мне сдвинуться с места. Я сделала мысленную заметку добавить этот пункт в начало таблицы с новогодними обещаниями.

– Отлично, – сказала я. – Всем одеться потеплее. Я бы предпочла Убер, но мне не хочется спорить с Джеком, которому, похоже, нравится холод. Нам предстоит долгая прогулка по замерзшей тундре, но, насколько я знаю, нас ждут горячие напитки.

– Сегодня не так уж и холодно, – сказали все хором, когда я дважды обернула вокруг шеи шарф и заправила волосы под вязаную шапку.

– Хмм, – сказала я, засовывая руки в перчатках в карманы пальто, и первой зашагала к выходу.

Мы добрались до конца дороги, когда зазвонил телефон Джека. Мой муж посмотрел на экран и простонал:

– Это Харви. Пусть лучше он оставит сообщение.

Мы оставили Харви и его команду в доме на вторую ночь подряд. Предыдущая обернулась полной катастрофой: по какой-то причине их оборудование не работало. Нола и близнецы были вынуждены ночевать у моих родителей – невеликая цена, по словам Нолы.

Я нахмурилась.

– Думаю, тебе стоит ответить. Вдруг он просто скажет тебе, что уезжает навсегда и хочет знать, как включить сигнализацию.

Джек в ответ нахмурился, но нажал на телефоне ОТВЕТИТЬ. Я не слышала, о чем шла речь, но довольная улыбка на лице Джека подсказала мне, что это хорошие новости. Джек завершил разговор и сунул телефон обратно в карман куртки.

– Они закончили? – спросила я.

– Нет. Прежде всего, он пожаловался на человека со спущенными штанами, который работал в столовой и не хотел уходить.

– Это Рич Кобилт, – сказала я.

– Он хотел закончить пол в столовой до Рождества, чтобы провести время с детьми, которые вернутся домой из колледжа, и я сказал ему, что он может работать столько времени, сколько ему понадобится. – Я усмехнулась успеху моего плана. – А потом он сказал, что электричество продолжает вырубаться, хотя все выключатели включены, а в окнах всех соседних домов горит свет.

Судя по голосу Джека, его настроение улучшилось.

– Затем он сказал, что большая часть его съемочной группы выбежала из дома после того, как осветитель сказал, что увидел в зеркале в передней гостиной стоящую позади него женщину, но когда обернулся, там никого уже не было.

– Подумай, почему, – сказала я и тоже улыбнулась.

Джек поднял глаза на чистое ночное небо, обнял меня и привлек к себе.

– Я когда-нибудь говорил, какую замечательную команду мы с тобой составляем?

– Думаю, да. Но можешь повторить, я никогда не устану это слышать.

Мы остановились на тротуаре, давая остальным обойти нас. Джек наклонил голову, чтобы меня поцеловать.

– Думаю, мы на финише, Мелли. Что-то подсказывает мне, что мы на пороге того, чтобы навсегда убрать Марка Лонго из нашей жизни.

Он снова поцеловал меня.

– Мы похороним его заживо.

Он притянул меня к себе и ускорил шаг, чтобы догнать остальную компанию.

– Все еще мерзнешь? – спросил он. Я кивнула, не в силах сказать ему, что дрожь моих губ не имеет ничего общего с температурой воздуха, а скорее связана с тем, что мне вспомнился сон Ребекки, в котором заживо хоронили вовсе не Марка.

Глава 21

Мы стояли в элегантном вестибюле отеля «Фрэнсис Марион» под старинными хрустальными люстрами, высоченными потолками и такими же высокими колоннами, увенчанными позолоченными листьями аканта на капителях. В конце девяностых в отеле была проведена реставрация, за что он удостоился от Национального фонда сохранения исторического наследия награды в размере двенадцати миллионов долларов и, что куда важнее, снискал одобрение моей подруги (а иногда и заклятого врага) доктора Софи Уоллен-Араси. Команда реставраторов вернула отелю элегантность двадцатых годов прошлого века, что хотя и было красиво, но стало одной из причин, по которой я обычно избегала этого отеля.

– Ты слышала? – спросила я Джейн.

– Музыку двадцатых?

Она кивнула.

– Ты заметила девушку, танцующую чарльстон в воздухе, где когда-то по идее стоял стол?

Я попробовала не обернуться, не желая привлекать к себе внимание духа, но не удержалась. Было нечто притягательное в том, чтобы увидеть настоящую историю такой, какой та была прожита, пусть даже в кратких отрывках. Это была единственная особенность моего шестого чувства, которая не вызывала во мне отрицательных эмоций.

У девушки, немногим старше Нолы, были светлые, коротко стриженные волосы, выглядывающие из-под сетчатой шапочки со свисающими над ушами жемчужинами. Ее платье с заниженной талией и длинные нити жемчуга качались в такт ее ногам, танцующим чарльстон. Опускаясь на невидимый стол, ее туфельки на низком каблуке с ремешками на щиколотках всякий раз издавали приглушенный стук.

Я хотела было отвернуться, но не смогла. Ее танцевальные па замедлились, как будто она заметила, что кто-то наблюдает за ней. И захотела, чтобы на нее посмотрели. Замерев на месте, она медленно

повернулась к нам, полностью показывая свое лицо, включая темный синяк на одной щеке и алую кровь, капающую с носа и губ.

Мы посмотрели друг на друга, как будто каждая ожидала, что другая сделает шаг первой.

– Нам пора, – мягко сказала я Джейн. Она, как и я, не могла оторвать взгляд от грустных глаз девушки-призрака.

– Мы могли бы ей помочь, – прошептала в ответ Джейн. – Не сейчас, но позже. Мы могли бы попросить отель разрешить нам доступ. Тогда бы мы выяснили, что ее здесь держит, и смогли бы отправить ее в путь.

– Кого и куда отправить? – Рядом с нами, держа в руках по бокалу вина из углового бара в вестибюле, появился Томас.

– Никого, – сказала я, взяв бокал и сделав глоток. Почувствовав на себе взгляд Джейн, я вспомнила, что ее разрыв с Томасом отчасти был вызван его настойчивым требованием не демонстрировать ее экстрасенсорные способности. Я была совершенно уверена: удаление призраков из вестибюля городского отеля – не лучший способ скрывать наши таланты. Я оглянулась и посмотрела туда, где только что стояла девушка, но увидела лишь элегантный вестибюль, забитый толпой замотанных в теплые шарфы любителей рождественского шопинга, жаждущих весело провести вечер в Чарльстоне.

– Ребекку, – сказала Джейн в ответ на вопрос Томаса и поднесла стакан к губам.

– Будь она здесь, я бы определенно отправила ее в путь, – сказала я, делая еще один глоток, и едва не выплюнула его обратно в свой стакан, когда позади Джейн внезапно, словно кролик из шляпы фокусника, появилась наша кузина в розовой шубе и розовых угги в тон.

– Не ожидала увидеть тебя здесь, – сумела сказать я, едва не поперхнувшись вином. – Знаю, завтра тебе нужно рано вставать на мастер-класс по плетению рождественских венков. А ведь, насколько мне известно, ты любишь свои десять часов сна ради красоты.

– Верно, – сказала она. – Очень даже люблю, но, к счастью, в них нет необходимости. Не волнуйтесь – завтра в восемь утра я буду тут как тут… блестящие глаза и хвост трубой. – Она легонько отсалютовала, а я украдкой огляделась в поисках Марка.

– Еще раз здравствуйте, – сказал Томас Ребекке. – Не думаю, что я имел удовольствие видеть вас с тех пор, как мы встретились в Кэннон-Грин, на вечеринке, посвященной презентации книги вашего мужа. – Томас демонстративно обвел взглядом присутствующих. – Кстати, Марк здесь?

«Интересно, – подумала я, – пытается ли он дать нам фору, чтобы найти Джека, моих родителей и наши билеты и броситься к черному ходу».

– К сожалению, нет. По идее, он должен был быть здесь, но он в доме Мелани пытается успокоить Харви Бекнера. Похоже, у них там то и дело отказывает оборудование, и они ничего не могут поделать. Харви считает, что это как-то связано с плохой инфраструктурой здесь у нас на Юге.

– Надеюсь, что он сказал это вслух, чтобы любой мог услышать, – сказала я.

– Интересно. – Лицо Джейн осталось невозмутимым. – И что сказал ему Марк?

Ребекка пожала плечами.

– Точно не знаю. У него проблемы с аккумулятором в телефоне, он разряжается сразу же после зарядки. Я слышала, как этот ваш Рич на заднем плане кричал Харви, чтобы тот убрал свое оборудование с недавно отремонтированных полов в столовой, а затем связь оборвалась.

Мы с Джейн переглянулись.

– Послушай, Ребекка, – сказала я. – Тебе не кажется, что это знак того, что Марк не должен снимать фильм в моем доме?

– Не думаю, что эти съемки его и вправду волнуют, – она умолкла и округлила глаза, поняв, с кем разговаривает и что только что сказала.

– Тогда что его волнует? – спросила я, подходя к ней так близко, что почти почувствовала, как розовый мех щекочет мне нос.

– Ничего особенного, я не хотела этого говорить. Конечно, ему хочется…

– Ребекка, – перебила я ее. – Если все, что ты говоришь о семье как о самом важном для тебя, – правда, ты просто обязана рассказать нам, что задумал Марк.

Ее ярко-голубые глаза наполнились слезами.

– Но Марк тоже моя семья. И я люблю его. Он добрый и нежный и совсем не похож на монстра, каким ты его считаешь. Он мой муж.

К горлу подкатился комок желчи, но я проглотила его.

– То, что ты вышла за него замуж, – твоя вина. И теперь частично отвечаешь за его действия. Марк пытается разрушить мою жизнь, поломать карьеру моего мужа и украсть мой дом. Думаю, ясно, на чьей стороне должны быть твои симпатии.

Ребекка принялась нервно дергать пальцы своих розовых вязаных перчаток.

– Если он делает что-то незаконное, – мягко произнес Томас, – тогда вы можете оказаться соучастником преступления и понести соответствующее наказание. Не знаю, смотрите ли вы телевизор, но вам нужно непременно посмотреть «Оранжевый – новый черный», чтобы подготовиться к женской тюрьме. Где носить розовое запрещено правилами. И я не думаю, что оранжевый – это ваш цвет.

Глаза Ребекки полезли на лоб, сама она побледнела.

– Не надо мне угрожать.

– Я вам не угрожаю. Просто предупреждаю вас. – Томас спокойно скрестил на груди руки. Мы трое смотрели на Ребекку, ожидая, что она вот-вот расплачется.

Она вздернула подбородок, как черепаха в оборонительной позиции.

– Что незаконного в том, чтобы вернуть что-то, что когда-то принадлежало вам?

– Например? – я прищурилась, глядя на нее.

Она осторожно огляделась по сторонам, затем наклонилась ближе и прошептала:

– Лист бумаги.

– Какой еще бумаги? – нетерпеливо спросила я, заметив за ее плечом родителей и Джека, шагавших через вестибюль. Я была почти уверена, что в присутствии Джека Ребекка не будет столь откровенна.

– Что-то, что он выбросил в мусорный бак на плантации. А когда вернулся, то уже ничего не нашел.

– Ты имеешь в виду документы из исторического архива, которые он украл, а затем выбросил?

Ребекка с вызовом расправила плечи.

– Я ничего об этом не знаю, но я уверена, что Марк ничего не украл бы из архива. Возможно, это произошло случайно, и когда он вернулся за ними, их уже там не было.

Мы все с сомнением посмотрели на нее.

– Они были найдены в мусорном баке, Ребекка. – Бросив взгляд за спину кузины, я увидела, что Джека и родителей остановили супруги средних лет и о чем-то с ними болтали. Я снова посмотрела на Ребекку. – Не могла бы ты подробнее рассказать о бумаге, которую он ищет? Может, я знаю, где он ее найдет.

Ребекка задумчиво поджала губы, стреляя глазами то в меня, то в Джейн, то в Томаса, то снова в меня.

– Это рисунок. Его орнамент совпадает с рисунком в дневнике Джозефа Лонго. Это всего один лист из стопки бумаг в папке, которую Марк позаимствовал из архива. Он не понял этого в тот первый раз, но когда недавно вновь увидел копию рисунка из дневника, он был почти уверен, что они совпадают.

– И где же он видел его снова? – спросила Джейн.

Ребекка глубоко вздохнула.

– Марк решил, что случайно выбросил кучу заметок, которые он собрал, работая в архиве над материалами для следующей книги. – Она посмотрела на нас, словно желая проверить, знаем ли мы, что Марк отправился в архив лишь потому, что узнал, что Джек работает над новой книгой.

Мы сохранили невозмутимые лица, и она продолжила:

– В любом случае, рисунок и несколько других бумаг, похоже, упали за его стол, потому что лежали там, когда нам пришлось его переместить, когда я решила, что стены его кабинета нужно обшить вагонкой. Теперь это писк моды в шоу на канале HGTV…

– Ребекка, – перебила Джейн, и я заметила, как она наблюдает за тем, как родители и Джек идут к нам.

– В любом случае, в тех бумагах, которые он позаимствовал в архиве, он не нашел ничего важного, поэтому он положил их не туда, намереваясь позже вернуть в архив, но когда мы нашли позади его стола его собственные бумаги, он снова увидел рисунок из дневника, и у него появились сомнения. Поэтому он вернулся на плантацию, чтобы забрать коробку с бумагами из архива, но обнаружил, что она пропала.

– Что это за рисунок? – спросила я. Ребекка вновь пожала плечами.

– Очень странный – множество завитков и линий.

– Можешь мне его показать? – быстро спросила я, но Ребекка уже отступила и с улыбкой поприветствовала маму, при этом настороженно глядя на Джека.

– Ребекка, где же твоя собака? – спросил Джек.

– На улице так холодно, и я решила, что Пуччи будет комфортнее дома. С твоей стороны так мило осведомиться.

– Я имел в виду не Пуччи, – сказал Джек с улыбкой, которая могла соперничать с ледниками.

Ребекка нахмурилась.

– Я отказываюсь понять, почему двое мужчин, с которыми меня связывали самые серьезные отношения, так не любят друг друга. Я убеждена, что если бы мы вчетвером проводили больше времени вместе, мы стали бы лучшими друзьями.

Если ее напоминание о том, что она и Джек когда-то встречались, никак не повлияло на мой желудок, этот последний комментарий определенно сделал бы свое дело. Я внезапно жутко обрадовалась, что еще ничего не ела, но вино неприятно булькало у меня в желудке. Джек продолжал улыбаться ледяной улыбкой, его глаза были прикованы к потолку, как если бы он действительно обдумывал ее предложение.

– Или я мог бы окунуться в масло и поджечь себя, – наконец произнес он. – Думаю, в обоих случаях результат будет одинаковым.

Ребекка сделала большие глаза и медленно моргнула. Дважды.

– Это еще зачем?

Настала очередь Джека моргнуть.

– Чтобы достичь того же уровня удовольствия.

Прежде чем она смогла придумать, что еще сказать, Джек сделал вид, что помахал кому-то через весь зал.

– Прошу нас извинить. Тут один человек хочет поздороваться со мной и Мелани. – Он улыбнулся остальным. – Мы сейчас вернемся. И я уверен, что у Ребекки есть рождественский список новых свитеров и аксессуаров для Пуччи, которые ей нужно купить, и мы не хотим задерживать ее.

Не дожидаясь ответа, Джек взял меня за руку и потащил через зал. Я попыталась встретиться взглядом с Ребеккой, чтобы дать ей понять, что наш разговор еще не закончен. У меня было отчетливое впечатление, что она избегает смотреть мне в глаза, сосредоточив внимание на пуговицах пальто.

Джек внезапно остановился перед элегантной пожилой парой, и я налетела на его спину. Джентльмен, в настоящей фетровой шляпе, вроде тех, что носили в пятидесятые годы, помогал платиновой блондинке облачиться в пальто. Осторожно накинув его даме на плечи, он протянул ей мягкий шелковый платок, который достал из кармана своего пальто. Женщина улыбнулась ему и повязала платок на голову.

– Ивонна, – сказал Джек. Я пригляделась, уверенная, что Джек солгал, говоря, что увидел кого-то знакомого, чтобы отделаться от Ребекки.

– Ивонна? – повторила я, почти не узнавая ее в новой обстановке. Как будто я ожидала, что куда бы она ни пошла, ее будут окружать толстые и пыльные тома справочников.

– Какая приятная неожиданность! – воскликнула Ивонна, принимая поцелуй в щеку от Джека, а затем от меня. И, повернувшись к стоящему рядом с ней мужчине, сказала: – Позвольте представить вам моего кавалера Гарольда Чалмерса. – Она взглянула на него сияющими глазами. – Гарольд, познакомься с двумя из моих самых дорогих друзей, Джеком и Мелани Тренхольм.

От удивления я на миг лишилась дара речи, но затем поняла, что очень мало знаю о личной жизни Ивонны. Я взглянула на высокого элегантного мужчину, наверно, чуть более пристально, чем следовало бы, но мое любопытство взяло верх над хорошими манерами. У Гарольда Чалмерса были добрые карие глаза, а волосы под шляпой – с проседью, как у Джорджа Клуни. Морщинки в уголках глаз говорили о том, что он, по всей видимости, часто смеется и проводит много времени на солнце.

Я протянула ему руку, и он крепко и тепло ее пожал.

– Приятно познакомиться, мистер Чалмерс.

Он усмехнулся низким рокочущим смехом.

– Прошу вас, не заставляйте меня чувствовать себя старше, чем я есть на самом деле. Просто Гарольд, – сказал он, пожимая мою руку. – И могу я называть вас Мелани? После всего, что Ивонна

рассказывала мне о вас, у меня такое чувство, будто я знаю о вас все. И это все – только хорошее, уверяю вас.

Джек прижал ладонь к сердцу.

– А что насчет нас, Ивонна? Я думал, между нами есть нечто особенное.

Щеки Ивонны порозовели, а глаза заблестели еще больше. Она перчатками хлопнула Джека по руке.

– Конечно, Джек. Но, по-моему, будет лучше, если мы будем просто восхищаться друг другом издалека, не так ли?

– Так, наверное, лучше всего, – согласился Гарольд. – Не хотелось бы вызывать вас на дуэль из-за благосклонности дамы. Когда-то в Чарльстоне частенько так поступали. В самых разных местах, но довольно часто поблизости, в Филадельфийском переулке.

Я улыбнулась и кивнула, хорошо знакомая с этой улицей. Я только однажды совершила ошибку, пройдя по узкой, мощенной кирпичом дорожке, с ужасом наблюдая, как двое одетых по моде восемнадцатого века мужчин стояли спиной к спине, а затем с пистолетами наготове начали расходиться, отсчитывая шаги.

– Нет, сэр, – сказал Джек, протягивая руку для рукопожатия. Он улыбался, но я заметила, как он украдкой поглядывал на толпу вокруг нас.

– Не волнуйся, – сказала я. – Марка здесь нет. Ребекка сказала, что он все еще у нас дома, принимает на себя всю тяжесть гнева Харви из-за периодических отказов электричества и оборудования.

Джек медленно и тепло улыбнулся мне.

– Какая жалость.

– Вот и я подумала то же самое, – я улыбнулась в ответ и взяла его под руку.

– К слову о Марке Лонго, – сказала Ивонна довольно язвительным тоном. Будь на ее месте кто-то другой, я бы ожидала, что при упоминании его имени она плюнет на землю. – Я провела еще кое-какие поиски информации о Вандерхорстах и Галлен-Холле в частности, пытаясь понять, есть ли что-нибудь еще, что могло бы помочь вам найти то, что вы ищете. К сожалению, у меня еще не было времени сделать ксерокопию и отправить вам по электронной почте, потому что сегодня мне нужно было в салон красоты, и время убежало от меня. – Она погладила блестящий шлем волос. – Как бы то ни

было, – продолжила она, – у меня из головы не выходили та записка от маркиза к Болотному Лису и слухи о сокровище, подарке французского короля американцам, которое так и не было найдено. Я так и не смогла найти ничего определенного, что прояснило бы, что это за сокровище. Тем не менее… – Она закрыла рот, и ее щеки слегка надулись, как будто ей было трудно удержать секрет.

– Да? – подсказала я, опасаясь, что Джек потеряет рассудок, если ему придется вытягивать из нее каждое слово.

– Поэтому я решила сосредоточить свой поиск на определенных словах, обозначающих сокровища, таких как «драгоценные камни», «золото» и «металл».

И вновь она слегка надула щеки, как будто приготовилась что-то сказать. Я едва устояла перед искушением легонько встряхнуть ее, чтобы слова выскочили из ее рта.

– И? – подсказала я.

– И, – сказала она, растягивая слово так, что любой чарльстонец точно бы проникся гордостью, – я случайно наткнулась на нечто неожиданное. Возможно, это ничего не значит, но опять-таки, поскольку совпадений не бывает, то наверняка что-то значит. – Ивонна подмигнула Джеку. – В старинном тексте об архитектуре Чарльстона я наткнулась на статью, посвященную различным мастерам и работам по металлу в городе и его окрестностях. У нас ведь красивейшие железные ворота и заборы, не правда ли?

Мы все кивнули, но я заметила, что у Джека нервно задергалась челюсть.

– Во всяком случае, я увидела упоминание о Сэмюэле Вандерхорсте, уважаемом кузнеце и слесаре, жившем в нашем городе примерно в конце восемнадцатого века. Имя, конечно же, бросилось мне в глаза, поэтому я немного покопалась и нашла краткую его биографию в старом томе, в котором также упоминалась Элизабет Гровнер. – Ивонна покачала головой. – И как я только пропустила это, когда в первый раз просматривала книгу! Наверное, потому, что к нему не было конкретной отсылки, поскольку… – она на миг умолкла, но, заметив маниакальный взгляд в глазах Джека, тотчас продолжила: – Сэмюэл был вольноотпущенником и бывшим рабом на плантации и поэтому упоминался лишь бегло, и его имя было упомянуто в числе примерно двух десятков других ремесленников на плантации.

Владельцы освободили его, когда обнаружили, каким талантом он обладает по части обработки металлов. Все ворота и ограды на плантации, в том числе и кладбищенские, были спроектированы и изготовлены им. Я могла бы легко пропустить его имя и род занятий, если бы в списке не упоминалось, что он также занимался изготовлением ювелирных изделий.

Ивонна приподняла брови, и я ожидала, что она для пущего эффекта ими подвигает, но она не стала.

– Не хотите спросить меня, какое ключевое слово я использовала в поиске и в результате нашла его имя в списке?

– Да, пожалуйста, – сказал Джек с натянутой улыбкой. – Боюсь, я не в силах больше ждать.

– Пинчбек! После революции Сэмюэл покинул плантацию и открыл мастерскую в Чарльстоне, где в основном занимался ковкой ворот и заборов в городе и вокруг него. Но в свободное время он мастерил для менее обеспеченных клиентов бижутерию, в основном из пинчбека.

Мы с Джеком уставились друг на друга.

– Брошь, – сказали мы одновременно.

– Не исключено, что это он сделал брошь в виде павлина, которую мы видим на платье Элизы Гровнер на портрете в Галлен-Холле, – закончил Джек.

– Это поможет? – спросила Ивонна.

– Я очень надеюсь, – ответил Джек. – Не знаю, но уверен, что это часть пазла. Просто пока не знаю, куда она вписывается. – Он посмотрел на Гарольда. – Можно я обниму Ивонну?

– Давайте, не стесняйтесь. Думаю, она была бы разочарована, если бы вы этого не сделали.

Джек обнял Ивонну и поцеловал в щеку.

– Говорил ли я вам в последнее время, что вы просто чудо?

– Тише, Джек. Гарольд вас слышит, – хихикнув, сказала Ивонна.

Мы все засмеялись, а затем попрощались с Ивонной. В свою очередь она пообещала прислать нам по электронной почте фотокопии того, что ей удалось обнаружить.

Шагая рядом с Джеком в направлении нашей компании, я огляделась, чтобы убедиться, что никто не слышит, и сказала:

– Ребекка только что сообщила мне, что Марк ищет одну из тех бумаг, что мы нашли в коробке, которую передал нам Энтони. Это рисунок, и, похоже, у Марка есть свой, который ему соответствует, – тот, который скопировал Джозеф Лонго в доме Вандерхорстов. Ребекка знает лишь то, что, по мнению Марка, они как-то связаны. Как ты думаешь, он знает, что ищет?

Джек остановился и встретился со мной взглядом.

– Сомневаюсь. Единственное, что я знаю наверняка, – Марк знает не больше, чем мы, а то и меньше. А значит, мы, вероятно, все еще на несколько шагов впереди него. Я думаю, брошь важна – ты сказала, что Элиза хотела, чтобы ты ее заметила. В любом случае, нам нужно найти ее до того, как это сделает Марк. Помнишь, Энтони сказал, что Марк пользовался металлоискателем и водил им по полу мавзолея? Металлоискатель не может обнаружить пинчбек – это сплав меди и цинка, которые относятся к цветным металлам.

– То есть?

– То есть их должно быть чертовски много, чтобы их можно было обнаружить с помощью металлоискателя. А количества пинчбека, которое содержит брошь, было бы недостаточно. Это означает к тому же, что Марк не знает, что, собственно, он ищет. – На мгновение Джек задумался. – Скажи, а ты могла бы спросить Элизу о ее броши?

– Ты же знаешь, что это так не работает… – начала было я.

– Знаю. Но я подумал, что ты могла бы попробовать, посмотреть, к чему это приведет. Я уверен, что Джейн будет рада тебе помочь.

Я сглотнула.

– Разумеется, – сказала я. – Потому что Джейн всегда рада помочь.

Джек странно посмотрел на меня.

– Представь себе, – сказала я, съежившись под его взглядом. – Это ведь хорошо, правда? И не говори то, что ты думаешь.

Джек поднял руки в знак капитуляции.

– Я ничего не сказал.

– Тебе и не нужно было. – Я направилась к нашей компании. Заметив, что ко мне, открыв окровавленный рот, как будто пытаясь что-то сказать, с другого конца комнаты движется призрак юной танцовщицы, я ускорила шаг.

– Пойдем, – сказала я, беря Джейн под руку. – Пойдем. Иначе мы не успеем сделать все рождественские покупки. – Чувствуя разочарованный взгляд мертвой женщины, последовавшей за мной за дверь, я, не оборачиваясь, поспешила к выходу.

Глава 22

Высокий каблук моих туфель уже в третий раз застрял в земляном дворе дома-музея Айкен-Ретт, пока я перемещалась между так называемыми станциями плетения рождественских венков, установленными внутри каретного сарая и по периметру двора. Вращая ногой, чтобы вытащить каблук из каменистой почвы, я подняла глаза и увидела Софи. Стоя возле столика с кофе и пончиками, она наблюдала за мной, а потом опустила голову и многозначительно посмотрела на свои ноги, обутые в «биркенстоки».

Я заковыляла к ней, намереваясь запустить руку в коробку с пончиками, стоявшую на столе перед ней. Я заказала их в «Глазированных пончиках», причем попросила, чтобы мне положили лакомства с моими самыми любимыми вкусами: козьего сыра и тирамису. Два я тут же завернула в салфетку и спрятала в сумочке под столом.

– Конечно, – сказала я, – возможно, тебе так удобнее, но, по крайней мере, мне не нужно беспокоиться о том, что меня примут за кого-то, кому нужна памятка. Тебе, наверное, стоит поставить перед собой стеклянную банку – ты всегда можешь отдать вырученные деньги школе «Эшли-Холл». – Я взглянула на ее джинсы с зауженными лодыжками и высокой талией образца этак 1990 года, водолазку с орнаментом из крошечных китов, которая определенно была пережитком восьмидесятых, но испытала на себе одержимость Софи покраской одежды, и жилет с кожаной бахромой, похоже, родом тоже из восьмидесятых годов, но уже девятнадцатого века.

Когда Софи сказала мне, что ее родители переезжают в дом меньших размеров и мать отправила ей кучу одежды из своего шкафа, я попыталась подготовиться. Но масштабы свалившихся на Софи подарков оказались больше, чем я думала. Я пыталась сказать своей подруге, что даже если мать отдала ей всю эту одежду, это вовсе не означает, что она обязана ее носить, но Софи была столько же ревностно предана принципу дарить вторую жизнь всему и вся, как и восстановлению старых домов. К несчастью.

– Хорошая явка, – сказала я, оглядывая группы людей, стоящих у каждого пункта плетения рождественских венков. Я наклонилась и сунула руку под задрапированный красной скатертью стол. – Слава богу, хорошая сегодня погода. Надеюсь, мы соберем достаточно денег, чтобы пропустить Рождественский ужин.

Софи сдула с лица прядь волос с зелеными «перышками», выпавшую из ее косы.

– Верно. И это произойдет сразу после того, как отменят Рождество.

Я вытащила небольшой пакет и протянула Софи.

– Вопреки здравому смыслу я купила это для Скай. Я была в магазине, искала очередную замену любимой книжки Сары «Если бы я был ягненком», – Джей-Джей продолжает отрывать обложки, – и когда увидела ее, то не удержалась.

Софи открыла пакет и заглянула внутрь. С радостным восклицанием она вытащила небольшую желтую вязаную шапочку с неоновым тиснением значков-пацификов.

– У меня есть такая же! – сказала она.

– Знаю. Но я подумала, что на Скай она будет смотреться очень мило.

– Спасибо! – сказала она, застигнув меня врасплох, и обняла. – Я всегда знала, что ты не скряга, какой притворяешься.

– Хм. – Я посмотрела на Веронику, стоявшую на другом конце двора. Она руководила «апельсиновой и гвоздичной станцией», помогая своим подопечным прикрепить фрукты к фанерным рамкам венков, прежде чем перейти на следующую, с ягодами падуба.

– Разве ты не должна помогать Веронике? – спросила Софи, наливая кофе из автомата в бумажный стаканчик.

– Должна, но она сказала, что справится сама, поэтому отправила меня к Джейн, которая занимается лентами, и Джейн сказала то же самое. Так что я пришла сюда, чтобы узнать, не нужна ли тебе моя помощь.

Мы посмотрели на растущие очереди перед секциями Вероники и Джейн. Им явно требовалась еще одна пара рук. Софи повернулась ко мне.

– Ты реорганизовала все, что они принесли с собой, верно? – Она многозначительно посмотрела на стопку чашек, которую я подняла,

чтобы поставить на противоположную сторону стола.

– Возможно, – медленно ответила я. – Чем я могу тебе здесь помочь?

– Например, тем, что расположишь пакетики с сахаром в маленькой корзинке по срокам годности – они напечатаны крошечными буквами на обратной стороне каждого пакетика, – причем самый старый будет впереди.

Я бы солгала, скажи я, что эта мысль меня не взволновала. Я поставила чашки на место и потянулась за сахаром.

– Хорошо, – сказала я. – Хотя, похоже, мои таланты пригодились бы в другом месте. – Я указала на длинную очередь, которая теперь тянулась даже во двор.

Я окинула взглядом толпу. Поскорее бы Ребекка пришла к нам, чтобы я могла спросить ее о рисунке, который был у Марка. Я рассказала Джеку о том, что накануне вечером узнала от Ребекки, и мы с ним, вернувшись из «Шоп энд стролл», просмотрели документы из архива и в конце концов нашли фотокопию страницы, испещренной, как выразилась Ребекка, линиями и завитушками. Для нас это ничего не значило, и я уверена, что Марк пришел относительно своего рисунка к такому же выводу. Но мы должны были взглянуть на нее, на всякий случай, если это что-то значило. Все, что от меня требовалось, – уломать Ребекку показать мне эту страницу.

– Доктор Уоллен-Араси?

Мы с Софи подняли глаза и увидели стоявшую перед нами Меган Блэк. Если честно, я бы даже не узнала ее, если бы не нитка жемчуга, стеганая куртка от *Burberry* и собранные в высокий хвост волосы. Сегодня на ней не было симпатичных наушников, но я узнала брюки и балетки от *J. Crew* из их недавней, совместной с Нолой экспедиции по магазинам.

– Меган! – воскликнула я. – Приятно видеть вас за пределами цистерны. Я уже было начала думать, что вы всего три фута ростом. Пришли к нам смастерить пару венков?

– Почему бы нет – я живу в каретном доме на Ратледж-стрит. Моя дверь не видна с улицы, но держу пари, что моя мама в Атланте захочет получить в подарок рождественский венок. Вообще-то я здесь, потому что Нола упомянула, что именно в этом месте я могу найти

сегодня утром вас обеих. – Она быстро огляделась, шагнула чуть ближе. – Миссис Лонго здесь?

Я покачала головой.

– Моей кузины не будет здесь, по крайней мере, еще час. Она сказала, что вчера вечером ее муж пришел домой поздно и разбудил ее, и ей потребовалось некоторое время, чтобы снова уснуть. Она устала. – Я постаралась сохранить нейтральное выражение лица, хотя сама прошлой ночью дважды поднималась и шла в детскую, – один раз из-за того, что венчик Джей-Джея вывалился через решетку его кроватки, а второй – из-за того, что Сара громко бормотала, и я подумала, что кто-то был в ее комнате. Когда я подошла к ней, она уже успокоилась, но сладкий запах роз подсказал мне, что это была Луиза. В третий раз к детям пошел Джек, я же снова заснула и понятия не имела, кто или что прервало мой сон: в тот момент это меня уже не заботило.

Меган кивнула и посмотрела на меня большими глазами.

– Поймите меня правильно, но я не уверена, что она должна это слышать. – Она наклонилась чуть ближе. – Вчера я нашла в цистерне одну вещь и подумала, что вы обе, возможно, захотите ее увидеть. Этот кинематографист и мистер Лонго постоянно топтались поблизости, задавали вопросы и просили, если мы что-нибудь обнаружим, сначала показать это им. Пожалуйста, не обижайтесь, но я не уверена, что хочу, чтобы они были рядом с чем-то хрупким или исторически важным. Сомневаюсь, что они понимают важность старых вещей, согласны?

Мы с Софи энергично кивнули. Меган мне понравилась с того момента, когда мы с ней познакомились, и теперь я поняла, почему.

– Абсолютно с вами согласна, – сказала я, глядя на сумку для покупок *Anthropologie* в ее руке, набитую смятыми газетами, обернутыми вокруг предмета. – Что же вы нашли?

Оглянувшись еще раз, она поставила сумку на землю рядом с собой, затем вынула завернутый в газету предмет и положила его на пустой угол стола с закусками. Это было нечто прямоугольное, но тоньше кирпича и на вид явно легкое.

– Он не очень хрупкий, но старый, поэтому будьте осторожны, открывая его. – Она подтолкнула сверток к Софи.

– У меня нет перчаток.

Меган улыбнулась.

– Я всегда ношу с собой запасные. – Она полезла в карман пальто и вытащила чистую пару хирургических перчаток.

Надев их, Софи начала разворачивать газету, а мы с Меган следили за тем, чтобы нам никто не мешал. Подошли две пожилые женщины. Я молча налила им кофе, чтобы они быстрее ушли.

– О! – Софи склонила голову над бумагой. Я шагнула к ней, чтобы тоже взглянуть на находку.

– Я знаю, – сказала Меган. – Удивительно, что он так хорошо сохранился. Вероятно, потому, что он сделан из красного дерева, которое от природы устойчиво к воздействию насекомых и влаги, но еще и потому, что оказался в кожаной дорожной сумке, завернутый в ткань, которая, как мы думаем, могла быть пропитана льняным маслом. Это делало ее частично водонепроницаемой. Раньше из такой ткани делали коврики, и нам повезло, что один из них, возможно, был выброшен примерно в то же время, когда вот это оказалось в цистерне. Удивительно, какой древний мусор мы можем спасти, потому что его случайно выбросили вместе с чем-то, что помогло его сохранить. – Меган говорила взволнованно, прямо как невеста, которая наконец нашла идеальное свадебное платье.

Посередине газеты лежала небольшая деревянная дощечка размером с зеркало заднего вида моей машины. Одна сторона была покрыта темной морилкой. Само дерево было тусклым и потрескалось от долгих лет пребывания в земле. Софи перевернула находку. С этой стороны дерево было светлее и ничем не пропитано, и в худшем состоянии оттого, что его не защищали ни морилка, ни лак. На одной из коротких сторон, весь в пятнах, со своего места рядом с верхом свисал латунный квадрат, который, возможно, был дверной петлей, а два крошечных отверстия для гвоздей рядом с низом показывали, где могла находиться вторая петля.

– Похоже на крошечную дверь, – сказала я.

Меган кивнула.

– Я тоже так подумала. Прежде чем завернуть, я почистила его щеткой, чтобы доктор Уоллен-Араси могла лучше рассмотреть эту штуку. Она настолько отличается от всех этих фрагментов глиняной посуды и костей животных, что я подумала, что это достаточно необычно, и решила показать вам.

– Отличная работа, Меган, – похвалила ее Софи. Щеки девушки тут же покраснели от удовольствия. Софи наклонилась чуть ближе. – Что это?

На мне не было очков – это неудивительно, – и когда я прищурилась, оказалось, что в углу было просто темное пятно грязи.

– Я тоже это заметила, – сказала Меган. – И после того, как я ее очистила, я достала лупу и посмотрела. Это резной павлин. С распушенными хвостовыми перьями. Понятия не имею, что это может значить.

Мы с Софи переглянулись.

– Вероятно, это означает, что какой бы предмет мебели это ни был – а я предполагаю, что это часть предмета мебели из ценной породы дерева, – он был сделан на плантации Галлен-Холл. – Софи провела рукой по небольшому углублению в верхнем углу. Ее палец аккуратно вошел в него. – Думаю, это могла быть одна из потайных дверей, которые мы все время находим внутри старых письменных столов и комодов. Эта дверь должна была быть вровень с задней или боковой стенкой ящика, и ее можно было открыть одним пальцем. – Она снова перевернула дощечку. – Это было нечто довольно маленькое, в чем можно было прятать вещи. Скорее всего, письма или документы, – она мельком взглянула на меня. – Определенно что-то маленькое.

– То есть не золотые слитки? – уточнила Меган.

– Разумеется, нет. – Софи покачала головой. – А почему ты спросила?

– Марк Лонго несколько раз выходил к цистерне, чтобы проверить наши успехи, и спрашивал нас, пользуемся ли мы металлоискателями, чтобы найти что-нибудь металлическое. – Меган закатила глаза. – Как будто у нас нет оборудования получше. – Она подняла ногу, теперь уже без гипса, чтобы напомнить нам про рентгеновский аппарат, который упал на нее в этом году, несколько раньше. – Дело в том, что я слышала, как он что-то говорил тому продюсеру. Я не хотела подслушивать, но вы знаете, как громко он говорит.

Я кивнула, давая ей знак продолжать.

– Как бы то ни было, я была в столовой, и мистер Кобилт показывал мне ремонт, который он делал там на полу, а мистер Лонго что-то рассказывал продюсеру о том, что он якобы уверен, что золото

Конфедерации спрятано где-то во владениях Вандерхорста. – Меган снова закатила глаза. – Это просто курам на смех. По этому поводу было проведено так много исследований и сделан вывод, что большая часть этого золота была украдена у федеральных войск в 1865 году неизвестными лицами и роздана. – С улыбкой знающего человека Меган добавила: – И мы все читали об алмазах Конфедерации, найденных в ваших напольных часах, миссис Тренхольм. Все они учтены, поэтому, как мне кажется, мистеру Лонго очень хочется верить, что золото тоже должно быть там. – Она вопросительно посмотрела на меня и склонила голову. – Они ведь все учтены, верно?

Я кивнула.

– Да. Мы знаем, что случилось со всеми алмазами, и нашли оставшиеся, которые не были отданы или проданы. Хотелось бы, чтобы их было больше. – Я не хотела это говорить, по крайней мере, вслух почти незнакомому человеку. Но в открытом лице Меган было нечто такое, что располагало к откровенности.

– Вы уверены? – спросила она.

– Да, – помедлив, ответила я. – Почему вы спрашиваете?

На ее лице все еще лежала печать задумчивости.

– Вчера тут была репортерша из «Пост энд курьер», какая-то Сьюзи. Она пишет рассказ об исторических сокровищах, которые спрятаны и, возможно, найдутся в прибрежной части штата. Она упомянула пиратский клад, предположительно захороненный на острове Салливана, золото и алмазы Конфедерации, а также связь последних двух с вашим домом. Я посоветовала ей расспросить лично вас, потому что все, что я знала, – что я должна раскапывать цистерну, хотя пока обнаружила лишь глиняные черепки и кости.

– Это все? Она больше ничего не сказала?

– Вообще-то сказала. Что-то о другом сокровище… времен американской революции. О чем-то таком, подаренном американцам королем Франции? Якобы ходят самые разные слухи о том, что это за сокровище, но никто не знает наверняка. Она спрашивала, слышала ли я что-нибудь о нем и не говорили ли мне об этом вы.

Во рту у меня мгновенно пересохло. Я получила около дюжины телефонных звонков и текстовых сообщений от Сьюзи Дорф, которые я, как обычно, проигнорировала. С тех пор, как я унаследовала дом на Трэдд-стрит, она была для меня занозой в боку. Помимо излишнего

любопытства по поводу слухов о том, что я умею разговаривать с мертвыми, ее худшим недостатком была дружба с Ребеккой. Может, я все-таки зря поспешила с кнопкой ОТКЛОНИТЬ на моем телефоне?

– Понятно. А мистер Лонго был там, когда она заходила?

Меган покачала головой.

– Нет. Его отправили за аккумуляторами и лампочками, потому что электричество все время вырубалось, и каждый раз, когда они зажигали свет, лампочка взрывалась. – Она приподняла брови, как будто ожидала, что мы заверим ее, что это совершенно нормально. В общем, так и было. Для нас.

– Интересно, – сказала Софи тоном, который свидетельствовал об обратном. – Она случайно не упомянула, почему, по ее мнению, миссис Тренхольм что-то известно о французских сокровищах?

Меган снова покачала головой.

– Она не сказала, а я не спросила. Уже темнело, а у меня в цистерне оставалось много работы, пока еще был дневной свет. Никто из нас не любит оставаться там после захода солнца. – Ей не нужно было объяснять, что причина лишь отчасти заключалась в том, что в сумерках трудно копать.

– Ничего страшного, – успокоила ее Софи. – Между прочим, ты отлично справляешься. – Она указала на деревянную дверцу на газете: – И спасибо, что принесла мне ее. Я уверена, что это важно. Просто я пока еще не поняла, почему.

– Ура! – воскликнула Меган и даже хлопнула в ладоши. – Вы дадите мне знать, когда во всем разберетесь, хорошо?

– Обязательно, – пообещала Софи. – А теперь иди, сплети для мамы венок и повеселись. Нола и ее друзья здесь, чтобы подсказать тебе, с чего начинать…

Софи не договорила, а мы проследили за ее взглядом до первого столика в открытом каретном сарае, где Нола, Олстон и Линдси должны были встречать участников, проверять билеты и объяснять, как устроен весь процесс. Однако все три девушки сидели за столом, склонив головы над открытым толстым учебником, который лежал перед ними, а люди топтались перед ними, пытаясь понять, с чего им начинать.

Я глубоко вздохнула.

– Погодите, пойду выясню, чем там заняты эти три представительницы поколения Зет!

– Эй, не ругайте миллениалов – мы не все плохие! – Меган выглядела искренне расстроенной.

– Извините! – крикнула я, шагая через двор туда, где за длинным столом под одним из арочных входов сидели девушки. Пытаясь спасти свои туфли, я на цыпочках шла по земле, и каблуки замедляли мои шаги. Дойдя, я остановилась перед столом, ожидая, что кто-то из девушек поднимет голову. Когда ни одна этого не сделала, я нарочито громко прочистила горло.

– О, здравствуйте, миссис Тренхольм! – приветливо сказала Линдси. – Мы не видели, что вы тут стоите.

– И еще около двух десятков человек, которым требуются советы.

Я нахмурилась, глядя на всех троих, одетых абсолютно одинаково: в черные кардиганы «Эшли-Холл», фиолетовые рубашки поло с длинными рукавами, клетчатые юбки и черные колготки. Они никогда намеренно не согласовывали, какого цвета футболку или колготки из тех, что были разрешены правилами школы, собирались надеть, но почему-то в конце концов всегда выглядели как тройняшки. Лично мне это нравилось. Возможно, потому что я была несчастной матерью близнецов, которая предпочитала выбирать для них одинаковые вещи, но мои усилия никем не ценились.

Нола тяжело откинулась на стуле.

– Извини. Просто Линдси напомнила мне сегодня утром, что наша учительница истории искусств сказала классу в четверг, что в понедельник у нас тест по голландским художникам, а я забыла принести домой учебник по истории искусств. Этот материал входит в наш выпускной экзамен, поэтому мы должны его знать.

– Я тоже забыла учебник, – призналась Олстон. – А на этой теме мы должны заработать примерно десять процентов нашей общей оценки, поэтому мы стараемся с пользой тратить каждую удобную минуту.

Посмотрев на толстую книгу с глянцевыми страницами, я увидела картинку: женщина в голландском чепце и ярко-синем фартуке наливает из кувшина что-то похожее на молоко. Вспомнив, насколько я сама в этом возрасте была одержима оценками, я нахмурилась и даже почувствовала легкий приступ паники.

– Вам здесь сидеть еще два часа, – сказала я, взглянув на часы. – Как вы посмотрите на то, если я заменю вас на час, а вы пойдете куда-нибудь и спокойно повторите материал? Но всего на час. У меня сегодня тоже есть работа. – Я не сказала, что часть этой работы связана с составлением фотопазла на обеденном столе Джейн.

Девочки мгновенно вскочили с мест.

– Спасибо, Мелани, – сказала Нола, быстро обняв меня. – Я посвящу свою пятерку по этому предмету тебе.

Она обеими руками подняла тяжелую книгу, и все трое побежали к дому. Я надеялась, что они в курсе, что дом Айкен-Ретт сохранен в своем первоначальном виде, а не восстановлен, – различие, вбитое мне в голову Софи, – и что в нем нельзя сидеть ни на какой мебели. Я отвернулась – пусть попробуют догадаться сами.

Почувствовав запах кофе, я повернулась и увидела перед собой бумажный стаканчик. Я улыбнулась Веронике.

– Спасибо. Вы, должно быть, читаете мои мысли, – сказала я, взяв его в руки.

– Мне нужен был перерыв на кофе, и я подумала, что, вероятно, и вам тоже. – Она сделала глоток. – Жаль, что вас не было здесь раньше, когда одна дама потребовала для своего венка пластиковую зелень, чтобы он как можно дольше оставался зеленым и не выцвел. Я испугалась, что у Софи случится сердечный приступ.

Я громко рассмеялась.

– Да, жаль, что я пропустила эту сцену! Прошлой ночью я не выспалась, поэтому сегодня утром заторможенная.

Вероника кивнула. Она ничего не сказала, но по ее лицу я догадалась, что ей явно хотелось что-то сказать. Я молча потягивала кофе и ждала.

– Стоит ли мне беспокоиться, если дверь чердака все время открывается сама по себе? – в конце концов спросила она.

– Вы спрашиваете, поскольку считаете, что с вашим домом что-то не так в плане его конструкции? Я бы сказала, что, пожалуй, нет. Хотя я в таких вещах не разбираюсь.

– Адриенна пытается мне что-то сказать, да?

Я на миг закрыла глаза, вдыхая запах кофе и наслаждаясь теплом стаканчика в руках.

– Наверное. Особенно если это что-то новенькое.

– Да, и я не думаю, что это совпадение. Все началось в тот вечер, когда Майкл сказал, что хочет выставить дом на продажу.

Я посмотрела на нее.

– И когда он хочет это сделать?

– После Нового года. – Вероника встретила мой взгляд. – Он поставил мне ультиматум. Либо он, либо дом. Он сказал, что если я дорожу нашим браком, я его продам, чтобы мы могли начать все сначала. – Она сделала глоток кофе. – Боюсь, что, если мы переедем, мы потеряем Адриенну навсегда. И я никогда не узнаю, что с ней случилось на самом деле.

Я уставилась в свой стаканчик и наклонила его, глядя, как мое отражение кружится в темной жидкости.

– Я сама сейчас на грани помешательства от всей этой рождественской суматохи и съемок в моем доме, не говоря уже о раскопках на заднем дворе.

Вероника тотчас приуныла, и мне на миг показалось, что она вот-вот расплачется.

– Я не знаю, что мне делать.

Мне тотчас вспомнилась молодая танцовщица в отеле накануне вечером. А еще то, как я была вынуждена горланить песни *ABBA*, чтобы заглушить крики о помощи. Я глубоко вздохнула.

– Я могла бы помочь вам, или, по крайней мере, выиграть для вас немного времени. Позвоните мне в офис, и давайте договоримся о встрече. Я могу выставить ваш дом на продажу, но сделаю все для того, чтобы процесс продвигался как можно медленнее. – Мой босс, Дэйв Гендерсон, убил бы меня за то, что я взвалила на себя бесперспективную недвижимость, но я не могла сказать Веронике, что ничем не могу помочь ей. Кроме того, я не обещала ей узнать, что Адриенна пыталась ей сказать. Я лишь пообещала, что помогу ей выиграть немного времени.

Вероника схватила мою свободную руку и крепко сжала. В ее глазах стояли слезы.

– Спасибо, Мелани. Большое спасибо. Меня не волнует, что Ребекка говорит о вас… по-моему, вы замечательная!

Я хотела спросить, что она имела в виду, но к нашему столу подошла группа матерей из школы «Эшли-Холл», которых я узнала, и они тотчас забросали меня вопросами. Я допила кофе

и переключилась на них, все время ощущая слабый запах духов «Ванильный мускус» и ленточку ледяного воздуха, ласкавшую мне щеку. Что не оставляло ни малейших сомнений в том, что вечно открытая дверь на чердаке Вероники не имела ничего общего с совпадением.

Глава 23

Я проснулась от единственного звонка стационарного телефона. Он больше не был подключен, но оставался на моей прикроватной тумбочке именно для таких случаев. Стараясь не потревожить Генерала Ли или Джека, я быстро села и поднесла трубку к уху.

– Алло?

Мое ухо наполнилось треском и помехами пустого пространства. Я прижала телефон ближе, надеясь услышать голос бабушки. Она давно умерла, но все еще любила общаться со мной по телефону. И лишь когда считала, что у меня проблемы.

– Бабушка? – прошептала я в трубку. У меня в желудке было такое чувство, будто вокруг него туго натянули несколько резинок. Ответом на мое приветствие стало электрическое шипение допотопной телефонной линии, которая, по идее, вообще не должна была издавать никаких звуков.

– Бабушка? – повторила я, все еще пытаясь услышать ее голос. Подождав еще секунду, я медленно убрала трубку от уха, но тотчас замерла. Звук был пронзительным, словно крик птенца, и доносился до меня, словно из другой галактики.

Джек.

– Что? – Я снова прижала телефон к уху. – Ты сказала «Джек»? Прошло еще мгновение, и я снова услышала. *Джек*.

– И что насчет Джека? – ответом на мой вопрос была гробовая тишина. Стихло даже потрескивание. – Что насчет Джека? – повторила я. Но телефон полностью отключился, остались лишь звуки старого дома и храп Генерала Ли.

Я положила трубку и повернулась, чтобы проверить, проснулся ли Джек. Через его подушку, подчеркивая белизну пустой наволочки, пролегла полоска лунного света.

– Джек? – позвала я и посмотрела на дверь ванной в поисках полоски света из-под нее. Но дверь была широко распахнута, и черная пустота проема говорила о том, что внутри темно.

Я выскользнула из кровати. Генерал Ли зашевелился, удобнее устроился на моей подушке и снова заснул. Я взглянула на

видеомонитор, но, если не считать двух спящих в кроватках младенцев, детская была пуста. Сунув ноги в тапочки, я схватила халат и, просунув руки в рукава, поспешила к двери. Резинки вокруг моего желудка сжались сильнее. Моя бабушка никогда не звонила, чтобы просто поболтать.

Я поспешила по коридору и остановилась наверху лестницы. Внизу горел свет, и несколько резинок соскользнули с моих внутренностей. Когда Джек работал над книгой, он частенько просыпался посреди ночи с идеей, которая не могла подождать до утра. Я поставила ногу на верхнюю ступеньку, но, услышав странный звук, исходящий из спальни Нолы за закрытой дверью, застыла на месте. Пока Греко продолжал переделывать ее спальню, она все еще спала в гостевой комнате. Краска и опилки от новых встроенных книжных полок и оконных карнизов делали ее спальню почти непригодной для жизни. И неугомонные духи тоже, если считать их нарушителями сна.

Бросив взгляд на свет внизу, я медленно двинулась по коридору к спальне Нолы мимо двух миниатюрных елок, увешанных крошечными детскими игрушками, – одна для девочки и одна для мальчика, – которые мы поставили по настоянию Софи. И я, конечно же, их задела. Одна елка задрожала и едва не упала, когда мой халат зацепился за нее. Чтобы удержать ее в вертикальном положении, я машинально схватилась за верхушку, увенчанную плюшевым мишкой, и в миллионный раз пообещала себе, что в следующем году мы на Рождество отправимся в круиз и совсем пропустим праздники.

Я остановилась на миг, чтобы включить в коридоре свет. Каково же было мое удивление, когда ничего не произошло. Один из истеричных телефонных звонков, которые Харви прошлым вечером обрушил на Джека, касался этих же самых лампочек. Очевидно, с южной проводкой (его слова, а не мои, и он использовал еще несколько описательных прилагательных перед словом «южный») было что-то не так, из-за чего лампочки, стоило их включить, тут же перегорали.

Я было подумала, а не позвать ли Джека, но остановилась. Если он работает, то это хорошо, и я не хотела ему мешать. Я взрослая женщина. Я мать малышей-близнецов и девочки-подростка. Меня ничто не способно напугать. Конечно, я справлюсь со всем, что за этой

дверью. А если нет, мне ничего не мешает закрыть ее и пойти за Джеком.

Я осторожно дотронулась до дверной ручки и почему-то подумала, что она будет горячей. Медь была прохладной на ощупь, поэтому я обхватила ее пальцами и прижала ухо к двери. Сначала я не смогла определить звук, вероятно, потому, что в моем доме в разгар зимы он казался вырванным из контекста. Из-за двери доносилось жужжание, похожее на звук работающей мужской электробритвы, только на несколько децибелов громче. Из моей головы оно перешло в мои пальцы, и я ощутила в них покалывание.

Сделав глубокий вдох, я повернула ручку, приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Лунный свет лился сквозь незанавешенные окна, наполняя комнату бело-голубым сиянием. Нащупав за дверным косяком выключатель, я щелкнула им. Не помогло.

Жужжание сделалось громче. Его источник находился в одной части комнаты. Ко мне поплыл пыльный запах пороха, и я украдкой заглянула в темные углы, рассчитывая увидеть британского солдата с мушкетом, которого дважды видела раньше. Не считая лунного света, углы были пусты, комната была голой.

Толкнув дверь до упора, я шагнула чуть дальше в комнату и прислушалась. Жужжание приобрело новый ритм: тук-тук, тук-тук. Словно бьющееся сердце. Я сглотнула, не желая отпускать дверную ручку на тот случай, если мне потребуется поспешно отступить и найти дверь. Мои глаза постепенно привыкли к лунному свету. Мой взгляд скользил из одного конца комнаты в другой и наконец остановился, когда достиг кровати.

Греко снял с нее все постельные принадлежности и накинул на нее образцы ткани, чтобы Нола и ее бабушки могли выбрать понравившийся. Но шум исходил не от матраса, а откуда-то сверху. Я посмотрела на изножье кровати, где, словно толстые пальцы, торчали две резные стойки. Я заморгала, в темноте мое зрение ухудшилось, но его хватало, чтобы сказать, что одна из стоек отличается от другой. Похоже, сверху она была толще. Круглая. Я снова моргнула. Она *двигалась*.

Я мгновенно отпрянула и ударилась пятками в край открытой двери. Сделав глубокий вдох, я снова посмотрела на стойку, пытаясь понять, что я видела, надеясь, вопреки всякой надежде, что это были

не те летающие жуки пальметто, которые наводили ужас даже поодиночке. Я даже не говорю о том, когда они летали стаями.

Но они жужжали. Как пчелы. Заставив себя отпустить дверную ручку, я подошла ближе к кровати, чтобы лучше рассмотреть. Одна особь пролетела перед моим лицом, как будто отправилась на разведку. К моему облегчению, она была намного меньше жука пальметто. Скорее всего, это была пчела. Она жужжала и дергалась, а затем полетела обратно, чтобы присоединиться к группе своих жужжащих собратьев, роящихся вокруг столбика кровати.

Я прошла через комнату, чтобы проверить окна – вдруг одно из них осталось открытым. И вдруг вспомнила. На дворе стоял декабрь. Судя по тому, что мой отец объяснил мне о поведении пчел, в зимние месяцы пчелы оставались в своих ульях, согревая матку до весны. Была лишь одна причина, почему в декабре у меня дома мог оказаться рой пчел. Неестественная причина. Моя бабушка однажды сказала мне, что пчелы – посланцы из мира духов. Неудивительно, что я только что получила от нее телефонный звонок. Глядя сквозь туманную тьму на гудящую роящуюся массу на стойке кровати Нолы, я вздохнула: что мешало ей просто сказать мне по телефону то, о чем она хотела сообщить, вместо того, чтобы посылать пчел. Видимо, слово «простой» никому в моей семье не было знакомо.

По цистерне внизу проплыл какой-то силуэт, но свет быстро сменился тьмой. Я отступила, не желая, чтобы меня заметили, и подождала, когда кто-то появится на другой стороне. Я прищурилась. Интересно, кто это? Злоумышленник из плоти и крови или кто-то бесплотный? Я не знала, кого бы я предпочла видеть. Я подождала еще немного, но ночь оставалась тихой и темной. Однако я знала: там кто-то есть… или что-то. Я ощущала на себе враждебный взгляд, налипавший на мою кожу, словно смола.

Решив больше не ждать, чтобы узнать, кто это может быть, я быстро попятилась. И продолжала пятиться, пока не добралась до дверного проема. Мне не хватило храбрости повернуться спиной к окну. И тогда я увидела ее. Элизу. Она стояла у столбика кровати, глядя на нее так, словно пчелы удивили ее не меньше меня.

Я вспомнила, что Джек велел мне спросить Элизу о ее броши. Я знала, что обычно это не работает, но я устала ждать, пока мне придет сообщение. Я хотела, чтобы меня оставили в покое, хотела

вновь сосредоточиться на Джеке, нашей семье и моей карьере. Хотела вернуться к нормальной жизни, где не было роя пчел, бродящих по заднему двору призраков и репортеров, задающих вопросы, на которые я не хотела отвечать.

Элиза была скорее тенью, чем светом, но зеленый цвет ее платья сиял в лунном свете как изумруд, а блеск усыпанной драгоценными камнями броши на ее лифе как будто подмигивал мне.

– Элиза. – Я говорила тихо, чтобы мой голос не перекрывал жужжание пчел, не желая напугать ее, ведь тогда она исчезла бы.

Она смотрела прямо на меня. По крайней мере, я чувствовала, что она смотрит на меня. Я не была уверена, – ее лицо и тело скрывала тень, – но я ощущала на себе ее взгляд. Несмотря на окутывавшую ее тьму, камни на ее броши как будто были подсвечены изнутри, сияя крошечными маячками света. Мой взгляд был прикован к ней, как будто я должна была что-то заметить. Я по привычке прищурилась, но поскольку стояла достаточно близко, сумела разглядеть очертания птицы и пышный хвост. Четыре камня как будто насмехались надо мной, пока я изо всех сил пыталась понять, что Элиза хочет мне сказать.

– Что это? – прошептала я. – Что ты хочешь, чтобы я увидела?

Ложь. На мгновение мне показалось, что это просто жужжание пчел. Но меня обдало холодное дыхание трупа. А само слово кружилось по комнате, говоря мне, что это не так.

– Элиза? – прошептала я, но она исчезла вместе с пчелами, жужжанием и запахом пороха. Я выждала мгновение, пытаясь отдышаться, а затем дрожащими руками потянулась к двери и вышла из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь. Заметив в холле свет, я поспешила вниз по лестнице, зная, что Джек находится по ту сторону этого света и сможет мне помочь.

Дверь в кабинет Джека была открыта, настольная лампа с зеленым абажуром освещала комнату тусклым светом. Тяжело дыша, я остановилась на пороге и сначала не увидела Джека. И все же я определенно уловила запах… трубки?

– Джек? – окликнула я, надеясь, что меня не ждет очередной призрак. Одного призрака за ночь было более чем достаточно.

– Я здесь.

Мой взгляд скользнул туда, откуда донесся голос, и остановился в углу за роялем, где Амелия поставила красивое кожаное кресло и оттоманку на тот случай, если Джеку захочется спокойно почитать или просто поразмышлять в своем кабинете. Я почти не видела, чтобы он проводил там время, поскольку большую часть своих мыслей он обдумывал либо расхаживая по комнате, либо сидя за рабочим столом. Но теперь он сидел в кресле, в полной темноте, положив ноги на оттоманку. И курил трубку.

У меня было так много вопросов, что оказалось сложно выбрать первый.

– Почему ты куришь трубку? – наконец выдавила я.

Джек вынул трубку изо рта и посмотрел на нее так, словно удивился, увидев ее.

– Знаю, что ты не одобряешь сигареты, а сигары воняют, но я подумал, ты не против трубки. Мой дед передал мне свою коллекцию в завещании, а мистер Вандерхорст любезно оставил в морозильной камере несколько банок табака.

– Но ведь ты не куришь.

Он пожал плечами.

– Не то чтобы курю. Но я не хотел снова напиваться, так что мой выбор пал на следующую строчку в списке – трубку. У Шерлока Холмса это работало. Он всегда курил трубку, решая сложные головоломки. Кроме того, когда меня не станет, дым от трубки подскажет тебе, что я все еще зависаю здесь. – Он кисло улыбнулся.

– Не говори так, Джек. – Не знаю, что встревожило меня больше: его слова о собственной смерти или его потребность в выпивке. Я прошла через комнату и остановилась возле его стула. – Что случилось?

Он насупил брови, как будто пытался что-то вспомнить.

– Во-первых, когда я проснулся в три часа ночи, первой мыслью в голове было, что мне нужно выпить. – Он сделал глубокую затяжку и слегка закашлялся. – Меня уже много лет не посещала такая мысль. – Его глаза встретились с моими, и я ощутила жар его взгляда. – Обычно мне есть о чем подумать, когда я просыпаюсь.

Из глубин моего естества вырвалась вспышка жара и, достигнув моей головы, вызвала сильное головокружение. Джек производил на

меня такой эффект с самой нашей первой встречи. Я сделала глубокий вдох.

– Что-то случилось?

– Что ты предпочитаешь услышать в первую очередь, хорошие новости или плохие?

– Давай начнем с хороших, – предложила я, надеясь тем самым отвлечь его от плохих новостей.

– Я получил известие от Стива Дунгана, моего друга-архитектора. Он наконец посмотрел на планы строительства обоих мавзолеев, изучил все размеры, сравнил ширину и длину всех стен, углы треугольника, образующего структуру, и попытался найти различия. – Джек на миг закрыл глаза и снова затянулся, а когда выпустил дым, я ощутила приятную смесь сладости и пряностей.

– И? – подсказала я.

– Он обнаружил только два отступления от оригинала. Во-первых, в первом мавзолее было пространство для десяти склепов, а не для трех, как сейчас. Еще он заметил, что второй мавзолей ровно на два кирпича выше первого.

Я на миг задумалась.

– Ряд кирпичей со странными метками, два кирпича в ширину. Это говорит о том, что вся цель перестройки мавзолея заключалась в добавлении этого двойного ряда.

– Да, возможно, это и есть причина, почему два года спустя первый мавзолей был снесен и заменен почти таким же. Надеюсь, мы выясним, в чем дело, когда закончим складывать пазл на обеденном столе Джейн.

Джек приподнял брови.

– А ты бы не могла попросить призрак Шерлока Холмса помочь мне в этом вопросе?

Я нахмурилась.

– Ты ведь знаешь, что это вымышленный персонаж, верно?

Джек откинул голову на спинку стула и посмотрел на меня полузакрытыми глазами.

– Конечно. Просто пытаюсь сохранить нетронутым свой мир фантазий, чтобы и дальше писать книги. – Он слегка наклонил голову. – Ты выглядишь очень сексуально с такими волосами, взъерошенными от сна.

Я улыбнулась, радуясь не только тому, что отвлечь Джека оказалось легче, чем я думала, но и тому, что мне не придется выслушивать плохие новости. Я сделала шаг ближе. Его глаза следили за мной.

– Но есть и плохие новости, – сказал он, и я замерла в ожидании.

Джек поднял голову.

– Я совершил ошибку, проверив электронную почту вместо того, чтобы снова уснуть. Моя блестящая редактор, которая, как я начинаю подозревать, на самом деле замаскированный двенадцатилетний мальчик, сказала мне, что на встрече по маркетингу, где начальство обсуждало, что делать с проблемными детьми, – книгами, которые они не знают, как продавать, – было сделано блестящее предложение превратить мою следующую книгу в графический роман.

– Графический роман? Что это?

– В общем и целом? Комикс. Издательство выходит на более молодую аудиторию.

– Но твоя книга – о психически больной матери с синдромом Мюнхгаузена, которая убивает собственную дочь. Не знаю, как это воплотится в комиксе.

– Бинго! Ты даже не представляешь, как приятно слышать голос разума. По-видимому, это редкость в издательском бизнесе.

– Но без твоего согласия они не могут этого сделать, верно? И если могут, ты просто найдешь другого издателя.

Он мрачно, озлобленно усмехнулся.

– Если бы все было так просто! Если есть такая вещь, как занесение в черный список, думаю, именно это и случилось со мной. Никто не отвечает на мои телефонные звонки и на мои электронные письма. Я смог бы найти нового агента прямо сейчас, если бы доказал, что я – реинкарнация Маргарет Митчелл. Но я как чума, и все шарахаются от меня, боясь заразиться.

Неуверенная в своей роли, я села на край оттоманки. Джек всегда был тем, кто давал ответы. Первым, к кому я обращалась. Трудно было представить, что состоявшийся человек с красивым лицом и пронзительным взглядом и человек, называвший себя заразным заболеванием, – один и тот же. На мгновение я решила перевести разговор, закрыть глаза на проблему, поскольку я понятия не имела, как ее решить, и рассказать ему о том, что я только что видела наверху,

надеясь, что ответ на вопрос Элизы заставит его забыть собственные печали.

Но я не могла ничего из этого сделать. Потому что я была нужна Джеку. Ради него я обязана быть сильной и, подставив плечо, взять на себя решение части проблем. У меня сложилось впечатление, что сегодня вечером Элиза пыталась что-то мне сказать, и это было ключом ко всему. Я представила себе, как разгадываю всю эту загадку и пересказываю ее Джеку, а он немедленно превращает все это в бестселлер. Может, именно поэтому мне и позвонила бабушка. Возможно, она хотела сказать мне, что я должна взять все на себя и защитить Джека, пока он разбирается со своими личными демонами.

Положив руки на его ногу, я наклонилась к нему ближе.

– Это все временно, Джек, – сказала я. – У тебя уже есть отличная книга и идея для другой. Ты еще не вышел из игры. Отнюдь нет. У тебя достойный объем работы, и это уже говорит о многом.

Он выпустил облако дыма, и оно на время скрыло его лицо.

– Я очень хочу в это верить. Ты даже не представляешь себе, как. Но, Мелли, моя карьера – это моя личность. Я писатель. Автор бестселлеров. Кто я без этого?

Я наклонилась ближе.

– Ты отец, сын и муж. И ты чертовски хорош во всех этих трех ролях, а они чертовски важнее всего остального. – Я пыталась придумать, что еще могло бы вывести его из уныния, но мне никак не удавалось найти слова, чтобы подбодрить его. Будучи на протяжении большей части своей взрослой жизни единственным ребенком и одинокой женщиной, я не овладела этим навыком. Может, хоть бы разок я снова стану прежней Мелли и сделаю вид, что никакого уныния у Джека нет? Ведь это так легко. Я бы просто этого не допустила.

– Ты это серьезно? – спросил он хрипловатым голосом.

Я встала, взяла из его руки трубку и положила в хрустальную пепельницу на столе рядом с ним, села ему на колени. Его руки скользнули под мой халат и остановились на моей талии.

– Серьезно. Я не могла выбрать для своих детей лучшего отца. И я безнадежно и непрестанно люблю тебя, Джек Тренхольм. Какую бы профессию ты ни выбрал.

Его руки ласкали мои бока сквозь тонкую ткань ночной рубашки, творя нечто жуткое с моими нервными окончаниями.

– Покажи мне, как, – прошептал он мне на ухо.

И я показала.

Глава 24

Вернувшись на следующий день домой после работы, я распахнула дверь на веранду, намереваясь броситься наверх, в комнату Нолы, чтобы увидеть хоть какие-то свидетельства того, что Элиза или пчелы были там прошлой ночью. Этим утром я опаздывала на работу, а Сара и Джей-Джей были не в духе и просились на ручки, так что я не успела провести свое расследование. При виде Греко, вешавшего на входную дверь рождественский венок, я остановилась. Затем осторожно подошла к нему и отступила, чтобы вместе с ним полюбоваться новым творением.

– А что случилось с венком, который был тут до этого? Тем, который сделала я на мастер-классе в пользу школы «Эшли-Холл»?

Греко шагнул вперед, чтобы расправить гроздь ягод падуба и поправить огромный, замысловато завязанный красный бархатный бант.

– Он здесь. Мне понравилась ваша цветовая гамма, вы с ней отлично справились. Просто требовалось немного… джушинга.

– Джушинга?

Он кивнул.

– Это профессиональный сленг дизайнеров и означает «добавить что-то» или «расширить». Или же, говоря языком непрофессионала, нужно взять что-то убогое и неэлегантное и переделать в нечто, чем клиент мог бы действительно гордиться. И даже повесить на входной двери.

Наверное, мне следовало бы обидеться, но, как ни досадно, он был прав. По сравнению с этим элегантным и великолепным изделием мой венок был жалким самозванцем. Даже Джек не сразу смог придумать убедительный комплимент. Нола же только назвала его печальным.

Я пристально вгляделась в него.

– Так что мой венок где-то под всем этим… джушингом?

Греко кивнул.

– Да. Где-то очень глубоко. – Он повернулся и указал на стеклянные ураганные лампы по периметру веранды. – И я отключил

ваши светильники. Не думаю, что бумажные пакеты настолько хороши, а фальшивые свечи внутри выглядели… фальшивыми. Я нашел электрические свечи, которые не только кажутся настоящими, но и не такие безвкусные, как некоторые из менее дорогих.

Я было запротестовала, но он вытянул перед собой руки.

– Все за мой счет. Ваши мать и свекровь настолько щедры в оплате моих трудов по переделке комнаты Нолы, что я решил удвоить усилия. Надеюсь, вы не против.

Я посмотрела на фонари «молния»: все до единого безупречные и с желтоватыми свечами в медных подсвечниках. Было невозможно сказать, что свечи ненастоящие.

– Пламя мерцает, как у настоящей свечи?

Греко, похоже, обиделся.

– Конечно. У них есть таймеры. Они сами включаются в сумерках и выключаются на рассвете. Самое приятное то, что доктор Уоллен-Араси их одобрила. По ее словам, они выглядят так же, как в колониальные времена, поэтому идеально подходят для рождественского ужина, да и гораздо безопаснее, нежели открытое пламя. В общем, они ей так понравились, что она хочет, чтобы они были размещены по всему дому, чтобы в тот вечер, когда состоится ужин, не было необходимости в более очевидном электрическом освещении.

– Замечательно, – сказала я, представив себе, как гости, спотыкаясь, бродят по моему дому в почти кромешной тьме, а из-за отсутствия яркого света, который мог бы их отпугнуть, из всех щелей вылезают духи. Я посмотрела на Греко. – Вы сказали «доктор Уоллен-Араси»? Вы ее видели?

– Она внутри. Приехала минут двадцать назад, и я впустил ее. Надеюсь, вы не против. Она не видела брошюр по замене окон на столе в холле, если вас это беспокоит. Хотя мне, наверное, не стоило упоминать при ней о них, потому что все знают, что в долгосрочной перспективе ремонт ваших исторических окон будет намного экономичнее.

– Спасибо, Греко. И если вы захотите оплатить ремонт, я попрошу Нолу открыть аккаунт в «ГоуФанд-Ми» и сообщить вам об этом.

Он взял две хозяйственные сумки, из которых торчали несколько свежесрезанных сосновых веток.

– Поеду домой, чтобы приготовить из них что-то вроде букета, этакое попурри, а завтра принесу внутри своих старинных серебряных помандровых шариков – все очень кошерно, как я объяснил доктору Уоллен-Араси. Как внутри, так и снаружи моего творения ничто не соответствует колониальному периоду.

– Какое облегчение. – Я сделала вид, будто вытираю пот со лба. Я была почти уверена, что Греко было известно о моих весьма сдержанных чувствах к исторической подлинности, когда дело касалось дебета-кредита. Потому что для меня дебет с кредитом и удобство были самым главным. Думаю, он это ценил и, возможно, даже наслаждался своей ролью рефери в отношениях между Софи и мной.

– А у них тогда вообще имелось попурри? Я думала, это современное изобретение таких магазинов, как «Аберкромби энд Фитч», чтобы заманивать людей.

Он пристально посмотрел на меня, и меня позабавило, как он изо всех сил старался не закатить глаза.

– Вот и нет. Попурри существует с времен ранних цивилизаций. Полагаю, его использование коррелирует с уровнем гигиены, практикуемым людьми того времени. В колониальные времена, когда не было водопроводов, а отопление считалось редкостью, люди редко мылись, особенно зимой. Попытайтесь представить себе запах пота поверх запаха мокрой шерсти – примерно так пахло тогда в обычном доме. Отсюда и попурри.

Настала моя очередь уставиться на него.

– Я не знала и, возможно, была бы счастлива оставаться в неведении, но спасибо.

– Пожалуйста. – Он намотал на шею синий кашемировый шарф. – Между прочим, то слово, нацарапанное на стене, которую я отшлифовал, снова вернулось. Хотел сообщить вам, что я в курсе и работаю над этим. – Он улыбнулся, в шутливом приветствии притронулся ко лбу и направился к двери веранды.

– Спасибо, – сказала я, отступая назад. Меня поразило, что его больше заботило то, как стереть слово, нежели то, почему оно там появлялось или что оно могло означать.

Взглянув на часы, я поспешила в парадную дверь и даже не стала ее придерживать, позволив ей захлопнуться за мной. Я быстро сняла

пальто и повесила его, застегнув на нем каждую пуговицу, потому что именно так и должно было быть, а когда повернулась, то едва не столкнулась с Джейн.

– Извини! – воскликнула я. – Я немного опоздала, а потом остановилась поболтать с Греко на улице. Но я здесь, так что ты можешь идти домой. Близнецы хорошо себя вели? – Я сунула руку в шкаф и вытащила ее пальто. Расстегивать мне пришлось только верхнюю пуговицу.

– Славные маленькие ангелочки, как всегда. Сара бегает повсюду и лепечет вовсю. Джей-Джей предпочитает, чтобы его везде носили, и возводит башни и замки из всего, что может найти. Даже не верится, что они брат и сестра, разве что похожи на Джека.

– Даже не верится, – повторила я, кладя руку ей на плечо и осторожно подталкивая к двери.

– Они спят в кроватках, так что еще примерно полчаса будут просто золото. – Джейн посмотрела на мою руку на своем плече, заглянула мне в глаза. – Почему ты так жаждешь избавиться от меня?

Я посмотрела мимо нее на маленькие каретные часы на столе в холле и ускорила шаг.

– Я не пытаюсь избавиться от тебя, но разве ты не говорила, что сегодня должна уйти чуть раньше? Вот почему я прибежала домой.

Джейн остановилась.

– Это не чрезвычайная ситуация или что-то в этом роде, Мелани. Просто я собираюсь навестить Энтони в больнице.

Я взялась за дверную ручку и замерла как вкопанная.

– Он в больнице?

– Да, врачи не знают, что с ним что-то не так. По их мнению, это какой-то вирус, но они не могут сказать точно. Его постоянно тошнит, он не может удержать в желудке ни пищу, ни жидкость, и поэтому лежит под капельницей.

В ее глазах читалась тревога.

– И он в таком состоянии с тех пор, как мы все побывали на кладбище?

Она кивнула.

– Мне кажется, он… восприимчив к злым духам. Помнишь его автомобильную аварию?

– Да, но мне казалось, это Марк что-то нахимичил с его машиной.

– Может быть, но он сказал Томасу, что прямо перед аварией видел кого-то или что-то на заднем сиденье, а затем, когда был один в доме, его столкнули с лестницы, а теперь вот это. Не могу представить себе, что Марк способен вызвать такую болезнь. По-моему, злой дух, чье присутствие мы продолжаем ощущать, плохо влияет на Энтони, потому что тот пытается найти ответы, а дух не хочет, чтобы он их нашел. – Она глубоко вздохнула. – Я предложу Энтони переехать в мой дом, когда его состояние стабилизируется и врачи смогут выписать его из больницы. Дом большой, и я буду следить, чтобы с ним ничего не случилось. И он будет далеко от кладбища.

– Ты хочешь, чтобы он переехал к тебе?

– Нет, дело не в этом. Просто я хочу защитить его, и только до тех пор, пока ему не станет на сто процентов лучше.

Я пристально посмотрела на Джейн.

– Это была твоя идея или его?

Ее взгляд скользнул в пространство за моей спиной.

– Наверно, наша общая. – Она задумалась. – Хотя, возможно, он упомянул о ней первым. Я думаю, он напуган. Таким образом, кто-то весь день будет дома и продолжит складывать пазл. Мы пока сделали только четверть. Слишком много кирпичей с почти одинаковым рисунком, только крошечные завитки или линии, и почти никаких отличий. Я начинаю задаваться вопросом, есть ли тут вообще намеренный умысел.

Меня мучили те же сомнения, но я держала свои мысли при себе. Как будто верила, что если ничего не говорить вслух, то это не может быть правдой.

– Вряд ли Томасу это очень понравится, – сказала я. Джейн сжала губы.

– Не думаю, что в этом вопросе он имеет право голоса.

Каретные часы начали бить, и я распахнула входную дверь.

– Не хочу задерживать тебя. Скажи Энтони, что я передаю ему привет, а потом позвони мне и расскажи, как у него дела.

Я закрыла дверь и подождала, пока не стихли удаляющиеся шаги Джейн. Тогда я бросилась к окну столовой и выглянула, проверяя, не идет ли по улице мать. А когда ее не увидела, перепрыгивая через две ступеньки, бросилась вверх по лестнице и поспешила в комнату Нолы.

Софи стояла на коленях перед шкафчиком для хранения драгоценностей.

– В доме пожар, о котором мне следует знать? – язвительно спросила она, обернувшись ко мне.

– Извини. Джейн только что ушла, а мамы еще нет, так что у меня всего несколько минут, чтобы осмотреть комнату Нолы.

Похоже, мои слова сбили ее с толку.

– Понятия не имею, как это связано.

Я вздохнула.

– Мы с мамой договорились сегодня днем отвезти Джей-Джея и Сару в Хэмптон-парк. Погода такая хорошая…

Софи странно посмотрела на меня, и я умолкла.

– И ты не хотела, чтобы Джейн поехала с вами?

Я прикусила язык, поняв, что да, я не хотела, чтобы Джейн поехала с нами. Именно по этой причине я так торопилась домой – хотела выпроводить ее до приезда нашей матери. Я сглотнула.

– Может быть.

– Не стыдись признаться в этом, Мелани. Это понятно. Вы обе лишь недавно заново открыли для себя мать и построили прочные отношения. Ты никогда не думала, что тебе придется делить мать с кем-то, но теперь приходится. И тебя даже никто не спросил.

Из моей груди как будто вынули шар для боулинга. Наслаждаясь новым ощущением легкости, я сделала два глубоких вдоха.

– Я не могла выразить это словами, но да. Ты права. А сегодня днем я просто хотела побыть с мамой. Не потому, что я не люблю Джейн или не хочу, чтобы у всех нас были хорошие отношения. Просто я хотела ненадолго остаться наедине с мамой и близнецами. Что в этом плохого?

Софи покачала головой.

– Конечно, ничего. И признаться себе в том, что тебе нужно, – это первый шаг к построению более крепких отношений с другими.

– Спасибо, – сказала я. – Я ценю, что ты говоришь мне слова, которые я должна слышать. Большинству людей не хватает смелости. – Я посмотрела на ее клоунские волосы с зелеными «перышками», свитер 1980-х годов от «Бенеттон» с огромными подплечниками, те самые джинсы, в которых она была в мастерской по плетению рождественских венков, и «биркенстоки». – И даже несмотря на твое

сомнительное чувство стиля, ты по-прежнему можешь считаться моей лучшей подругой.

– Взаимно, – сказала она, опираясь на столбик кровати, чтобы встать. – И напомни мне подобрать для тебя несколько камней чакры. Кажется, ты в состоянии стресса.

– Правда? Не понимаю, почему. – Подойдя к кровати, я узнала прямоугольный кусок дерева, который Меган Блэк нашла в цистерне. Он все еще лежал на газете. – Полагаю, это как-то связано с тем, почему ты здесь? То есть помимо раздачи советов.

Софи поморщилась.

– А еще чтобы отваживать досужих репортеров. Эта Сьюзи Дорф искала тебя здесь. Похоже, она заглянула к тебе на работу, но ей сказали, что тебя там тоже нет.

– Приятно знать, что Джолли на стойке регистрации делает свое дело. Что ты ей сказала?

– Что тебя здесь нет и я понятия не имею, когда ты вернешься. Но у нее был один вопрос лично ко мне.

Я вопросительно приподняла брови.

– Она хотела знать, почему мы дружим. Я сказала ей, что понятия не имею.

Я одарила ее слабой улыбкой.

– Я тоже.

– Знаешь, Мелани, тебе, наверное, стоит поговорить с ней. Узнай, что ей известно о подарке французского короля. Потому что это лишь вопрос времени, когда она выведает все, что мы обнаружили, и расскажет Ребекке. Тогда Марк набросится на добычу, как жук пальметто на хлебную крошку.

Я вздохнула. Меньше всего мне хотелось говорить с любопытной и миниатюрной Сьюзи Дорф. Но Софи была права. Как обычно.

– Хорошо. Я свяжусь с ней завтра. – Я указала на деревяшку. – Итак, ты что-нибудь узнала?

– И да и нет. – Она подошла к шкафчику для драгоценностей. Все его ящики и крышка были открыты. – Я почти уверена, что знаю, откуда эта маленькая потайная дверца. – Положив на пол газету, она вынула верхний ящик шкафчика и поставила его на пол, а затем включила на айфоне фонарик и посветила внутрь. – Посмотри на правую сторону – там все еще есть сломанная петля, цепляющаяся за

дерево небольшой полости, и ее размер совпадает с отверстиями в том куске, который нашла Меган. Когда я подняла дощечку, она полностью совпала по размерам. – Софи посмотрела на меня, и наши взгляды встретились. – Похоже, ее сорвали с петель. Она не запирается, поэтому нет причин отрывать ее, чтобы добраться до содержимого узкой полости.

– Если только кто-то очень торопился.

Софи кивнула.

– Но полость пуста?

– Да. – Она взяла ящик, вернула его обратно в шкафчик для драгоценностей и, снова повернувшись ко мне, сказала: – Ты помнишь, откуда взялся этот шкафчик? Не мог ли он попасть сюда с плантации Вандерхорстов?

– Он попал сюда с чердака – там полно мебели Вандерхорстов. Этот чердак – прямо как машина времени. Сомневаюсь, что они когда-либо что-нибудь выбрасывали.

Я вспомнила павлина на кровати, которого показал мне Греко, и историю о том, как все вещи, изготовленные на плантации, были помечены изображением павлина. Я указала на когтистую ножку у основания стойки.

– А резной павлин совпадает с тем, что на маленькой дверце?

– Да. Но это означает лишь то, что оба предмета были изготовлены в Галлен-Холле и, скорее всего, использовались там в качестве мебели до того, как были перевезены сюда. Этот дом не так стар, как Галлен-Холл, и столяры и краснодеревщики первым делом мастерили мебель для плантации. – Она осторожно поддала ногой что-то лежавшее на полу. – Есть идеи, почему здесь так много мертвых пчел?

Я подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть. Под подошвой моего ботинка что-то хрустнуло. Посмотрев вниз, я увидела скопление мертвых пчел, их крылышки и ножки застыли в вечном полете.

– Они были здесь вчера вечером. Роились вокруг этого столбика кровати, но больше нигде. Окна были закрыты, а на улице слишком холодно, чтобы пчелы могли вылететь из ульев.

Она постучала пальцем по подбородку.

– Я уверена, что в этом шкафчике для драгоценностей было что-то спрятано. Ума не приложу, как эта маленькая дверца оказалась

в цистерне, но, вероятно, после того, как ее сломали и выбросили, ее сочли мусором. Именно так большинство вещей попадало в цистерну. Теперь можно только догадываться, где сейчас находится то, что было спрятано в этом шкафчике, но если столбик кровати украшен такой же резьбой и оба сделаны в одном стиле и из дерева, то, вероятно, их создали для того, чтобы они стояли в одной комнате. Я уже не говорю о том, что вчера вечером вокруг этого столба жужжали пчелы, в доме, в разгар зимы! Держу пари, это было бы неплохим началом.

Стараясь не наступить ни на одну из пчел, Софи наклонилась и в нескольких местах постучала по столбику. Выражение ее лица оставалось прежним.

– Никаких пустот. – Не говоря ни слова, она скинула «биркенстоки» и, отодвинув ногой лиловый полог, забралась на кровать. Встав на цыпочки, она потянулась к ананасу наверху столба и сняла его.

– Эти навершия – съемные на всех старинных кроватях, чтобы зимой для тепла можно было установить балдахин.

Улыбнувшись мне, она сунула пальцы в отверстие и покрутила ими.

– Ничего, – произнесла она, нахмурившись. – Я бы солгала, если бы сказала, что не разочарована. Пчелы роились только около этого столбика?

– Да, вне всяких сомнений. Шишка была размером с баскетбольный мяч, столько их там было.

– Хм. – Еще разок засунув пальцы в столбик кровати, она вернула на место навершие и осторожно обошла матрас, чтобы проверить остальные три. И, признав тщетность своих попыток, опустилась на пол. – Извини, Мелани. Я не знаю, что тебе сказать. Я была готова поклясться, что эта маленькая дверца приведет нас к чему-нибудь.

– Я тоже. В любом случае спасибо за попытку.

Она начала заворачивать деревяшку в газету.

– Дай мне знать, что скажет репортерша, хорошо? Или если тебе понадобится помощь по замене пластиковых фруктов в гирлянде на лестнице.

От ответа меня спасло появление матери, как всегда красивой, элегантной и вовсе не настолько старой, чтобы быть моей матерью.

– Извини, что я без стука, но дверь была открыта, поэтому я просто вошла. Вообще-то, Мелли, я бы не советовала тебе оставлять дверь открытой.

– Я и не оставляла. – Пристально посмотрев ей в глаза, я подождала, пока она поздоровается с Софи.

– Ты готова идти? Мне нужно лишь разбудить детей и надеть на них свитера.

Но она не слушала, ее взгляд был прикован к кровати позади меня.

– Здесь что-то есть, – она умолкла и покачала головой. – Здесь есть что-то, чего мы не видим. Меня почему-то тянет к этому столбику. – Посмотрев на пол, она заметила кучку пчелиных трупиков. – Все понятно.

– Совершенно верно, – сказала я.

– Прошлой ночью они роились вокруг столбика, – пояснила Софи. – Я уже заглянула в верхнюю часть каждого такого столбика, постучала по ним, чтобы проверить, нет ли в них полостей, и ничего не нашла.

– И, – добавила я, – Элиза была здесь прошлой ночью. Несколько секунд.

Наши взгляды встретились.

– Она что-нибудь сказала?

Я на миг заколебалась.

– «*Ложь*». Она уже говорила это раньше.

Мать подошла ближе к кровати, поднесла палец к губам и прижалась ухом к деревянной стойке кровати.

– Я что-то слышу. Кого-то. Девушку. – Она снова прижалась ухом к спинке кровати и закрыла глаза. – Голос слишком искажен. Ничего не могу разобрать.

Она начала медленно стягивать перчатки.

Я бросилась вперед, чтобы схватить ее за руку и остановить, но она уже обхватила столбик. Ее тело напряглось, лицо исказилось, как от боли, подбородок опустился на грудь, и я перестала видеть ее лицо.

– Мама…

Ее голова откинулась назад, и на миг я не узнала лицо, что смотрело на меня в эти мгновения: все в пятнах, с выпученными глазами и окровавленной кожей. Голос, что вырвался из хрупкого тела

матери, заставил нас с Софи отпрянуть, как будто нас ударили, но ни она, ни я не смогли отвести взгляд.

Предатели заслуживают смерти и того, чтобы гнить в аду!

Сквозь пол и штукатурку стен просочилась тошнотворная вонь гниющей плоти. Мой желудок скрутило узлом, но я осталась стоять, как бы мне ни хотелось уйти.

– Мама! – вскрикнула я и, взяв ее руку, отцепила ее голые пальцы от столбика кровати, почувствовав при этом на ее коже что-то вроде пульсации электрического тока. Широко открыв глаза, она посмотрела на меня. Растерянность на ее лице слегка смягчилась. Похоже, она меня узнала.

– Это я, мама. Твоя Мелли.

Она кивнула, давая понять, что слышит меня. Крепко держа ее за руки, пока ее тело расслаблялось, я повела мать к кровати. Мы почти подошли к краю, когда ее глаза широко раскрылись и из ее рта вырвался голос моей бабушки, чистый, как воздух. *Джек*.

Глава 25

Обойдя на следующее утро маленькую, усыпанную блестками рождественскую елку в центре вестибюля «Бюро недвижимости Гендерсона», я остановилась перед украшенным мишурой столом администратора. Странно, но за ним никого не было.

– Джолли? Джолли Томпсон? Вы здесь?

– Я здесь, – раздался голос из-под стола. – Я сейчас.

Обойдя стол, я увидела нашего администратора – она сидела в позе лотоса в штанах для йоги и ярко-синей тунике. Ее глаза были закрыты, что дало мне возможность полюбоваться ее бирюзовыми тенями для век и блестящей тушью.

– Что вы делаете?

Джолли резко открыла глаза.

– Подождите. – Она перевернулась на четвереньки и вылезла из-под стола, а потом протянула руки, и когда я помогла ей встать, встряхнула головой, словно пытаясь прояснить ее. – Извините, просто пытаюсь выполнить домашнее задание для своего онлайн-класса по экстрасенсорике. Он посвящен энергетическим каналам, и я решила попробовать.

– И есть результат? – спросила я.

– Пока нет. Хотя я не очень удивлена. Думаю, моя сила в интуиции. И прикосновении. – Она потерла руки. – Прямо сейчас, когда вы меня подняли, я ничего не почувствовала. Ни покалывания, ни чего-то еще, что только подтверждает мои подозрения, что у вас вообще нет экстрасенсорных способностей.

– Правда? – удивилась я. – Как интересно.

Экстрасенсорные заявления Джолли чаще оборачивались промахом, нежели попадали в цель, поэтому я старалась не поощрять ее, хотя несколько раз она была пугающе близка к тому, чтобы попасть, что называется, в яблочко. Я посмотрела на ее стол.

– Есть какие-то сообщения? Отказы? – Я надеялась, что Вероника позвонит и отменит нашу утреннюю встречу. Я пообещала помочь ей выиграть время, но я знала, что рано или поздно мне придется вызвать на разговор призрак ее сестры и выяснить, что удерживает ее здесь.

У меня и без того был полный рот забот, и я опасалась, что несчастная моя голова не выдержит и взорвется.

Джолли склонилась над своим столом. Серьги-стрекозы в ее ушах временно уступили место рождественским лампочкам.

– У вас две новые встречи… оба раза с приехавшими из других городов… и Вероника Фаррелл позвонила, чтобы подтвердить встречу в девять часов. А еще… – она для пущего эффекта выдержала долгую паузу. – Когда вы вчера были на показе дома, Сьюзи Дорф заезжала сюда, а потом дважды звонила после того, как вы закончили работу. Не знаю, сколько еще я смогу сдерживать ее. Она не привыкла встречать отказы.

Я вспомнила, что сказала Софи: мне нужно поговорить с Сьюзи и выяснить, что именно ей известно. Я тяжело вздохнула.

– Ладно. В следующий раз перенаправьте мне звонок. Может, тогда она от нас отстанет.

– Только если вы уверены в этом, – сказала Джолли. Судя по ее лицу, моя уступчивость ее разочаровала. Похоже, ей слишком нравилось исполнять роль моего цербера.

– Я уверена.

Джолли взяла один из своих нескончаемых списков, – она составляла списки всего, что было одной из причин, почему мы с ней так хорошо ладили, – и что-то вычеркнула.

– Ну вот, держите, – она вручила мне сообщения. – Ой, и еще один момент. – Она потянулась за розовым блокнотом и оторвала верхний листок. – Звонила ваша мать. Сказала, что вместо парка в полдень встретится с вами и детьми на Бельмонд-плейс, чтобы посмотреть рождественскую елку и игрушечный поезд в вестибюле. Погода слегка испортилась для прогулки по парку.

Вспомнив мамин обморок накануне днем и прерванную поездку в парк, я кивнула.

– Она упоминала, будет ли с нами Джейн?

– Нет. – Джолли опустила подбородок, глядя на меня поверх очков. – Это имеет значение?

Я махнула рукой, мол, какая разница.

– Нет, конечно. Она моя сестра.

– Хмм, – задумчиво протянула Джолли, как будто ей было известно больше, чем следовало, что, вероятно, она приписывала

своему «экстрасенсорному дару».

Я на миг задумалась, что, возможно, я транслирую свои смешанные чувства по поводу Джейн, и поставила перед собой задачу в присутствии Джолли думать только о младенцах и щенках.

Посмотрев на кофе и пончик на серванте позади нее, я заставила себя улыбнуться. Их почти не было видно за гигантским Санта-Клаусом, который, если хлопнуть в ладоши, восклицал «Хо-хо-хо!» и звонил в колокольчик. Заметив, куда я смотрю, она заблокировала мне вид на пончик.

– Если что, я у себя в кабинете, – сказала я. – Дайте мне знать, когда приедут Фарреллы.

– Непременно.

Я направилась было к своему кабинету, но Джолли вновь окликнула меня. Я обернулась.

– Да?

– Когда вчера ваш очаровательный муж зашел, чтобы принести вам очки, я снова увидела за его спиной того человека.

– Того человека?

– Да, помните? Некоторое время назад я говорила вам обоим, что видела за спиной Джека темноволосого мужчину, державшего какое-то украшение. Но тогда я сказала, что у него были усы, а теперь я в этом не уверена. Думаю, это просто темная щетина, как будто он несколько дней не брился.

– Да, конечно. – Я хорошо это помнила, в основном потому, что Меган Блэк удалось снять на телефон стоящего у цистерны мужчину, подходящего под это описание.

– Повторите, пожалуйста, как он выглядел? – спросила я, надеясь, что на сей раз она скажет что-то совершенно другое.

Она закрыла глаза.

– Как я уже сказала, у него были темные волосы. Я смогла их разглядеть, потому что он был без шляпы. Одежда на нем была старомодной – такие короткие штаны до колен, которые мужчины носили когда-то. – Она резко открыла глаза. – А еще он что-то держал в руке. Кажется, в первый раз, когда я его увидела, я подумала, что это браслет, но на этот раз я поняла, что это был вовсе не браслет.

– И что это было? – не унималась я.

– По-моему, какая-то птица. С четырьмя большими камнями, поэтому сначала я подумала, что это браслет. Но сейчас скажу, что навряд ли. Может, кулон?

– Или брошь? – мой голос дрогнул.

– Точно! Скорее всего, брошь! – для убедительности она даже кивнула. – И кто бы это ни был, он явно пришел оттуда, где только что был Джек, потому что он увязался следом за Джеком, когда тот уходил.

Я не упоминала, что Джек сейчас работал дома, или что мне известно, откуда пришел дух. Умолчала я и о том, что понятия не имею, почему.

– Вы рассказали Джеку о привидении?

– Конечно. – Джолли пожевала нижнюю губу. – Тем более что от этого человека определенно исходила враждебность. И когда я посмотрела на его лицо, вместо глаз у него были просто темные пустые глазницы. И я решила, что Джек должен знать. – На ее лице читалось сочувствие. – Должна признать, что ваш муж как будто слегка испугался, – вряд ли кому-то приятно услышать, что за ним следит злой дух.

Я поймала себя на том, что с такой силой стиснула зубы, что моя челюсть почти онемела. А когда наконец заговорила, то не узнала собственный голос.

– Этот дух… он сказал что-нибудь?

Ярко-зеленые глаза Джолли тут же впились в меня.

– Призраки не разговаривают, дорогая. Вы смотрели слишком много выпусков «Говорящей с призраками». – Она подалась вперед, и ее сережки в виде рождественских лампочек качнулись. – Это больше похоже на… ментальную связь с духом. И вот что вам скажу, это точно был злой дух, и я почти уверена, что не хотела слышать, что он говорил. Не считая…

– Не считая чего? – подсказала я.

– Не считая того, что за гневом я почувствовала что-то еще. Что-то очень похожее… на разбитое сердце. Не просто разбитое сердце, а сердце *обожженное*. Как будто его ужасно предал тот, кого он очень любил. Поэтому я решила послушать, что он пытался мне сказать.

Зазвонил телефон, и мы обе вздрогнули.

– Минутку, – сказала Джолли, взяв трубку, а затем поставила звонок на удержание.

– И? – нетерпеливо спросила я.

Она поджала губы.

– Обычно я так не выражаюсь…

– Ну, скажите мне, пожалуйста.

– Я почти уверена, что он пытался сказать: «Предатели заслуживают смерти и того, чтобы гнить в аду».

Я вспомнила те же слова, прозвучавшие в моей собственной голове тогда, в мавзолее, а затем из уст матери в спальне Нолы, и по моей спине пробежал ледяной страх. Я сглотнула.

– Это все?

Джолли задумалась и покачала головой.

– Нет. Он произнес какое-то имя. Но у меня создалось впечатление, что он думал, что это имя Джека, но это было не оно.

– И что за имя?

Зеленые глаза Джолли стали размером с блюдце.

– Я почти уверена, что «Александр».

Я знала только одного Александра. Александра Монро. Имя на одном из склепов мавзолея. Британский солдат, живший в Галлен-Холле во время оккупации Чарльстона.

– Хм, – сказала я, сделав вид, будто это имя ничего для меня не значило. – Весьма интересно. И вы все это рассказали Джеку?

– Да, конечно. Я подумала, что он потом расскажет об этом вам. Правда, он сказал, что из-за праздников, съемочной группы в вашем доме и подготовки к историческому ужину вы сейчас испытываете большой стресс. Джек вам сказал, что к вам на основное блюдо пожалуют двадцать четыре пары гостей? И это вдобавок к тому, что у вас двое малышей, дочь-подросток и работа на полную ставку. Стоило мне подумать об этом, как я тут же почувствовала усталость. – Она сочувственно улыбнулась мне. – Но Джек такой замечательный муж, такой сострадательный и заботливый. Вероятно, поэтому он и не стал поднимать эту тему. Ведь это не срочно. Я имею в виду, привидения не способны причинить вам вред, верно?

Я пристально посмотрела на нее.

– Верно, – уклончиво ответила я. – Что ж, спасибо, что сообщили мне. И за это тоже спасибо. – Я взяла со стойки розовые бланки сообщений. По пути к себе в кабинет я ломала голову над тем, почему Джек не упомянул об этом. А когда закрыла за собой дверь, на меня

накатила волна гнева. Возможно, это было мелочно с моей стороны, но я терпеть не могу, когда от меня что-то скрывают. От обиды я всегда становилась прежней Мелли. И хотя я это прекрасно знала, обида никуда не исчезла, и я решила, что, когда Джек будет готов поделиться тем, что мне только что рассказала Джолли, я расскажу ему о пчелах в спальне Нолы и о том, что произошло, когда мама коснулась столбика кровати.

Я повесила пальто на вешалку, застегнула пуговицы до самого воротника и проверила карманы, хотя уже сделала это перед выходом из дома. Это была старая привычка, ведущая свою жизнь с тех времен, когда я юной девушкой ухаживала за отцом-алкоголиком, проверяя его карманы на предмет фляжек или бутылочек, чтобы уничтожить их прежде, чем он вспомнит, где они находятся. В общем, старая привычка, от которой трудно избавиться. Наряду с маркировкой ящиков, чтобы отцу не нужно было мучиться по утрам, выбирая между черными и темно-синими носками.

Когда Джек смеялся над некоторыми из моих причуд, у меня порой возникало желание объяснить ему, почему я так поступаю. Но тогда мне пришлось бы объяснять ему, почему я делаю так до сих пор, даже после всех этих лет, когда отец бросил пить. Знай я ответ, возможно, я бы прекратила так себя вести.

Подойдя к кофемашине «Кьюриг» – подарок на день рождения от Джека, – стоящей на моем серванте, я выбрала, какой ароматный кофе мне нужен, взяла со стойки соответствующую чашку – они расположены в алфавитном порядке – и вдруг краем глаза заметила красное пятно. Не двигаясь, я перевела взгляд на стол и застыла. Красная подушка в форме сердца, которую я взяла с чердака Вероники, стояла на моем стуле, приподнятая, чтобы я не могла не заметить ее.

Поставив кофейную кружку, я подошла и взяла подушку, надеясь, что это какая-то другая. Но оттого, как все складывалось в моей жизни, я знала: надежда – все равно что желание потушить лесной пожар, лишь разок подув на него. Я рассмотрела подушку: аккуратные, прошитые вручную швы вдоль оборки, мягкий красный материал, который казался таким же новым и ярким, что и тридцать лет назад. Я поднесла ее к лицу, понюхала и тотчас узнала слабый запах духов «Ванильный мускус».

Я нажала на настольном телефоне кнопку внутренней связи и стала ждать ответа Джолли.

– Джолли, кто-нибудь заходил ко мне в кабинет с тех пор, как я вчера ушла домой?

– Нет, Мелани. Только уборщицы. А в чем дело? Что-то пропало?

Я уставилась на подушку, которую все еще сжимала в руке.

– Вообще нет. Просто…

– Фарреллы уже здесь. Я отправляю их к вам.

– Спасибо… – начала было я, но она уже повесила трубку. Звук мертвого пространства быстро сменился стуком в дверь моего кабинета. – Входите.

Майкл открыл дверь и отступил, пропуская Веронику вперед, его рука заботливо легла ей на талию. Увидев, что я держу в руке, Вероника вздрогнула и вопросительно взглянула на меня. Майкл тоже заметил подушку и пристально на нее посмотрел, но в остальном не подал виду, что узнал ее. Я указала на стулья перед своим столом.

– Пожалуйста, присаживайтесь. – Не зная, куда еще можно положить подушку, я бросила ее на сиденье офисного стула и села на нее, надеясь, что никого не обидела. – Извините, – пояснила я. – Боли в спине.

Оба странно посмотрели на меня. Чтобы нарушить неловкое молчание, я предложила им кофе, а когда они отказались, вытащила из верхнего ящика стола новенький линованный блокнот. У меня имелся ноутбук, настольный компьютер и айпад, но ничто не могло сравниться с обычной бумагой и карандашом. И все, что я писала, никогда не исчезало в облаке, или как там называется это бестелесное нечто, где по настоянию Нолы я должна хранить документы.

– Итак, – сказала я, входя в привычную роль крутого риелтора. – Я рада, что моя дружба с Вероникой сегодня привела вас ко мне, но вместе с тем я надеюсь, что вы изучили мой послужной список продаж и теперь знаете, что я лучший агент и помогу вам продать ваш исторический дом.

– Разумеется, – сказал Майкл. Забросив ногу на ногу, он положил руки на бедра и наклонился вперед – мой босс, Дэйв Гендерсон, назвал это «силовой стойкой», что означало, что клиент созрел и готов поставить на пунктирной линии договора свою подпись. Вот только

я еще не зашла так далеко. – Давайте не будем тратить время на пустую болтовню и выставим дом на продажу уже сегодня.

Я положила на блокнот идеально заточенный карандаш номер два и посмотрела на Веронику. Та разглядывала свои колени.

– Сегодня?

– Да, – подтвердил Майкл. – Не вижу причин тянуть резину. Мы думаем, что он быстро уйдет, и поэтому заодно хотели бы рассмотреть варианты хорошего семейного дома, в который мы могли бы переехать. Конечно, мы поговорим и с Линдси, но преимущественно это будет выбор Вероники. – Он положил руку ей на плечо, но теперь она смотрела прямо на меня.

– Понятно. – Я снова взяла карандаш. – Итак, давайте с этого и начнем, чтобы я могла начать подыскивать доступные дома. Вероника, что бы вы хотели видеть в новом доме?

Майкл заговорил первым, не дав жене даже раскрыть рот.

– Мы гибки в выборе местоположения. Плезант и остров Джеймса – как варианты. Пожалуй, не в центре города или к югу от Брод-стрит, потому что мы определенно хотим что-то более современное, чем то, что у нас есть сейчас. – Он улыбнулся жене, как будто не замечая, что она не улыбалась и не кивала, а сидела и печально смотрела в пространство.

– Мы оба устали от ухода за старым домом, – продолжил он. – А поскольку Линдси скоро пойдет в колледж, нам хотелось бы проводить свободное время, путешествуя и делая что-то вместе, а не тратить время и деньги на ремонт дома. – Он указал на блокнот: – Разве вы не собираетесь записывать?

Я посмотрела на Веронику, пытаясь оценить ее реакцию, но она снова уставилась в свои колени. Я с решительным щелчком положила карандаш обратно на блокнот.

– Послушайте, давайте обсудим этот вопрос позже. Я уже мысленно выбрала около дюжины домов, позже мы сузим их выбор по местоположению. Прямо сейчас, я думаю, нам стоит посетить ваш дом на Куин-стрит и составить список вещей, которые, прежде чем выставлять его на продажу, возможно, следует заменить или обновить, чтобы вы могли получить за него больше денег.

– Да будет вам! – возразил Майкл. – В крыше может зиять дыра, и проливной дождь может хлестать прямо внутрь, и все равно кто-то

захочет его купить, потому что это историческое здание Чарльстона.

– Что ж, в этом есть доля правды: если дом требует дорогостоящего ремонта или серьезного обновления, это отразится на цене продажи. И если вы хотите сменить его на другой дом в Чарльстоне, вам понадобится для начала выручить как можно больше денег.

– Она права, Майкл, – наконец подала голос Вероника. – Не хочу экономить на новом доме, поскольку нам там жить еще много лет. Мы должны подумать о будущем, возможно, даже о внуках, о том, чтобы у них было игровое пространство и двор. Это будет недешево.

Его лицо смягчилось, как будто упоминание слова «внуки» дало ему новую перспективу. Или же слова «это будет недешево».

– Я понимаю, о чем вы. Но это не значит, что мы должны тянуть резину.

– Разумеется, нет, – согласилась я. – Но мы должны не действовать с бухты-барахты, а сделать все правильно, сколько бы времени это ни потребовало. Попробуйте подумать об этом с точки зрения денег: чем больше готов к заселению ваш дом, тем выше запрашиваемая цена.

Майкл улыбнулся, а я поняла, что мы наконец разговариваем на одном языке.

– Хорошо, – сказал он, вставая. – Тогда берите карандаш и бумагу и поедем к нам домой. Надеюсь, это не займет много времени. – Майкл уже шел к двери и не видел большого пальца Вероники, который она показала мне за его спиной.

– Надеюсь, – сказала я, убрав блокнот и карандаш в портфель и сняв с вешалки пальто. – Давайте на удачу скрестим пальцы, что дом не требует существенных переделок, прежде чем мы выставим его на продажу.

Майкл открыл дверь и, придержав ее для нас, театрально выставил вперед другую руку, чтобы показать скрещенные пальцы.

– Я загадал удачу для нас.

Вероника вышла передо мной. Она коротко поцеловала Майкла в щеку, отвлекая его, чтобы он не заметил, как красная подушка пролетела через всю комнату и, ударив меня по спине, упала на пол. Майкл на миг оглянулся, как будто цветная вспышка привлекла его

внимание. После чего последовал за мной в дверь и легонько захлопнул ее.

Глава 26

Чтобы встретиться с матерью и детьми и добраться от дома Фарреллов на Куин-стрит до Чарльстон-Плейс, я взяла велорикшу. Рискни я идти на каблуках после изучения всех трех этажей викторианского особняка Фарреллов, мне пришлось бы ампутировать обе ноги.

Мои ребра и спина были все в синяках, полученных от Вероники: всякий раз, когда я говорила, что что-то в порядке, она тыкала в меня пальцем, пока я к ее удовольствию не придумывала очередную идею обновления или ремонта. К тому времени, как я ушла от них, мой список насчитывал десять страниц. Этого было достаточно, чтобы не выставлять дом на продажу как минимум еще год, если только Майкл не настоит на своем. Закрывая за мной входную дверь, он определенно был далеко не в восторге, и я сомневалась, что он согласится хотя бы с половиной моих предложений.

Пока я сидела в тележке велорикши, мне в голову пришла блестящая мысль позвонить Софи и отправить ее к Веронике – предложить несколько структурных изменений вкупе со строгими предупреждениями. Как-никак она была профессором колледжа и неплохо умела запугивать и изматывать тех, кто не соглашался с ней относительно реставрации старых домов. Именно поэтому я выложила уйму денег на новую крышу и фундамент, а еще на обои с ручной росписью и отшлифованные вручную полы. А все потому, что я не могла спорить с Софи, пусть она и одевалась как трехлетний малыш, который сам подбирал себе одежду.

У меня в сумке зазвонил телефон. Я мгновенно его вытащила. Рядом со знакомым номером не высветилось имя – я была слишком оптимистична, полагая, что мне никогда не понадобится добавлять ее имя в свой список контактов. Проведя большим пальцем по экрану, я поднесла телефон к уху.

– Привет, Сьюзи. Это Мелани.

– Не могу поверить, что говорю с вами! Вас сложно застать на месте.

– Извините, – сказала я, имитируя скучающий тон, которым моя коллега Венди Уокс говорила с одним из бывших мужей. – Просто в этой суматохе недолго свихнуться.

– Это точно. – Сьюзи хихикнула, словно двенадцатилетняя девочка, собственно, она и выглядела так же.

– Как я понимаю, у вас дома сейчас полный аншлаг: съемочная группа, декоратор и студенты колледжа на заднем дворе. Как вы только со всем этим справляетесь?

– Это будет интервью о моей жизни? Потому что, если это так, я могу заранее сэкономить наше время и сказать вам, что мне это неинтересно.

Она вновь захихикала, а я стиснула зубы.

– О, я не сомневаюсь, что ваша повседневная жизнь чрезвычайно увлекательна, Мелани, но я звоню по другому поводу. Вы знакомы с серией статей, которые я пишу в «Пост энд курьер» о потерянных сокровищах Прибрежного района? Они выходят в газете каждую неделю в воскресном выпуске.

Я постеснялась признаться, что у меня было время только на то, чтобы вытаскивать из газеты вкладку о торговле недвижимостью, и что, несмотря на обещания самой себе, что я непременно прочту остальную часть газеты и стану более информированным членом общества, эта самая остальная часть обычно попадала в корзину непрочитанной. Джек обычно читал все от корки до корки, но я заметила, что в последнее время он был слишком увлечен разгадкой пазла и изучением архивных материалов, которые Ивонна присылала почти ежедневно. В общем, ему было не до газет.

– Мне кажется, соседская собака утаскивает нашу воскресную газету, поэтому мы не получали ее уже несколько недель. Кстати, ее зовут Синди Лу, и она милейшая собачонка, но просто обожает сочные газеты.

Я приготовилась услышать новый смешок, а когда его не последовало, я убрала телефон от уха, чтобы убедиться, что звонок не прервался.

– Поймите, Мелани, журналисты и редакторы вкладывают в газету много труда. Мы все были бы признательны хотя бы за малую толику уважения.

– Извините, Сьюзи. Я не имела в виду, что Синди Лу жует газету. Я подумала, что она, вероятно, берет ее почитать. Она очень умная собака.

Не знаю, почему я это ляпнула. Наверно, потому, что у меня болели ноги, а эта женщина раздражала меня.

– Рада узнать, что у вас есть чувство юмора, Мелани. Ребекка считает, что вам оно, вероятно, понадобится.

Я села прямо.

– Что вы имеете в виду? – Я легко могла представить, как репортерша пожимает узкими плечами.

– Спросите у вашей кузины. А теперь у вас найдется пара минут, чтобы ответить на несколько вопросов?

Мы на черепашьей скорости ползли по Кинг-стрит. Из-за большого количества машин и не меньшего количества пешеходов, делающих предпраздничные покупки, движение было медленным.

– Смотря каких.

– О потерянных сокровищах. Для моей серии статей.

– Понятно. Я не уверена, что мне есть что добавить, если только вы не имеете в виду цистерну на заднем дворе. Там нашли много битой глиняной посуды, если вас это интересует. Я бы посоветовала спросить одну из работающих на раскопках аспиранток, ее зовут Меган Блэк…

– Меня интересует нечто потерянное после революции, нечто ценное, подаренное французским королем патриотам предположительно для оплаты американских шпионов.

Я мгновенно напряглась.

– Нет, мы точно не нашли ничего ценного… – как можно спокойнее ответила я.

– Тем не менее, – перебила меня она, – изучая информацию о пиратских кладах на побережье, я – вы только представьте себе! – наткнулась в национальных архивах Барбадоса на историю о сокровище, подаренном в 1781 году маркизу де Лафайету королем Франции. Вы, наверное, спросите, при чем тут Барбадос…

– Вообще-то нет. Послушайте, Сьюзи, я понятия не имею…

Она продолжила, как будто я ничего не сказала.

– Я изучила биографию джентльмена-пирата, Стида Боннета, который родился на Барбадосе, но был повешен в Чарльстоне, или

Чарльз-Тауне, как наш город называли до революции. Вот почему я работала в национальном архиве Барбадоса и случайно наткнулась на малоизвестную статью о пропавших без вести сокровищах, включая сокровища Черной Бороды, Боннета и… – она выдержала театральную паузу, – маркиза де Лафайета!

Она вновь умолкла, очевидно, ожидая аплодисментов, и, не дождавшись их от меня, продолжила:

– Как бы то ни было, в статье утверждалось, что маркизу было поручено доставить подарок французского короля некоему американцу, вербовавшему влиятельных граждан Чарльстона в качестве шпионов. Чем бы он ни был, этот подарок, скорее всего, имел небольшие размеры и был весьма ценным, поскольку в то время большинство влиятельных граждан Южной Каролины были богатыми землевладельцами. Быть уличенными в заговоре против британской короны означало верную смерть, не говоря уже о конфискации всей собственности, что оставило бы семью без средств к существованию.

Мы проезжали мимо витрины магазина. Мое внимание привлекло симпатичное платье, поэтому я пропустила первую часть следующего предложения Сьюзи. Впрочем, услышав фамилию Вандерхорст, я тотчас же навострила уши.

– Извините, что вы сказали? О Вандерхорсте?

В моем ухе эхом отозвался тяжелый вздох.

– Я сказала, что я также просмотрела и прочла старые записи о заключенных в Подземелье Провоста во время британской оккупации в начале восьмидесятых годов восемнадцатого века. Эти записи включали показания американских шпионов, которые у них взяли до их казни. Один из них, которому грозила виселица, решил спасти свою шкуру, назвав имена, и упомянул Лоренса Вандерхорста с плантации Галлен-Холл. Вы даже не представляете, как я была взволнована, прочитав это. Ведь в числе моих инсайдеров есть владелица собственности Вандерхорстов.

Я хотела сказать ей, что она заблуждается, считая меня инсайдером, но оставила эти мысли при себе. Мой мозг был слишком занят Лоренсом и именем третьего обитателя мавзолея в Галлен-Холле. И я не собиралась сообщать об этом Сьюзи Дорф.

– Кстати, – сказала она, – Лоренс был известен как стойкий лоялист. Он сдавал властям американских шпионов, поэтому его

репутация была вполне безупречной. Его так и не арестовали, поэтому тот заключенный либо придумал что-то, чтобы получить более мягкий приговор, либо назвал не то имя.

– Ясно, – медленно сказала я. – Правда, я не совсем понимаю, почему вы звоните по этому поводу мне. Я не особенно увлекаюсь историей. – Мы приближались к перекрестку Маркет-стрит и Кинг-стрит, где я должна была покинуть велорикшу. Я перекинула сумочку через плечо и приготовилась завершить разговор.

– Ребекка Лонго говорила мне другое.

Я замерла.

– Что вы хотите этим сказать?

Я тотчас представила себе ее довольную улыбку. Еще бы! Ей наконец удалось привлечь мое внимание.

– Она сказала, что вы, ваша сестра и ваш муж работали с ее зятем, Энтони Лонго, над каким-то делом, которое как-то связано с плантацией Галлен-Холл. Думаю, вы можете догадаться, как я обрадовалась, когда прочитала показания, в которых был упомянут Лоренс Вандерхорст. Обвинитель утверждал, что Лоренс состоял в американской шпионской сети. Что стало настоящим ударом, поскольку Вандерхорсты якобы были такими стойкими лоялистами. Они даже разместили у себя в доме британских офицеров.

Она умолкла, как будто ожидая, что я соглашусь, скажу, что я это знаю, или даже удивлюсь. Но я промолчала. Я не была уверена, на чьей она стороне, и не собиралась выдавать ничего, что через Ребекку могло бы просочиться назад к Марку.

– В любом случае, – продолжила Сьюзи, – название шпионской сети было потеряно для истории, но я смогла выяснить одну вещь: для общения друг с другом ее члены использовали в качестве своего символа изображение павлина. В Чарльстонском музее до сих пор можно увидеть несколько восковых печатей на конвертах с тиснением в виде павлина, но нет никаких данных о том, кто эти письма отправлял, поэтому члены шпионской сети до сих пор неизвестны. Но семье Лоренса принадлежала единственная на реке Эшли плантация с большой популяцией *павлинов*, – она подчеркнула это слово, – и мой мозг журналиста не позволяет мне считать это совпадением.

– А по-моему, это совпадение, – бодро заявила я. – Мир полон совпадений.

– Странно, что вы так говорите, Мелани. Потому что Ребекка сказала мне, будто ваш муж любит повторять, что совпадений не существует.

Я сглотнула, надеясь, что она не услышит это в трубке.

– Возможно, время от времени он говорит нечто подобное. Тем не менее мы не нашли в нашей цистерне ничего ценного, и я почти ничего не знаю ни об американской революции, ни о маркизе, ни о короле Франции, поэтому, я думаю, вам стоит найти для интервью кого-нибудь еще, если вам нужно что-то пикантное для печати…

– Но вы знаете об Элизе Гровнер.

Я ответила не сразу, обдумывая свои следующие слова. Я отлично понимала: если заявить о своем полном невежестве, это лишь подтвердит, что я уклоняюсь от правды.

– Я знаю, что она была помолвлена с Лоренсом Вандерхорстом. Но почему вы думаете, что мне должно быть известно больше?

Сьюзи хихикнула, а я стиснула зубы.

– Когда я пару недель назад заглянула к вам в кабинет, чтобы узнать, свободны ли вы, там был с детьми ваш прекрасный муж. Так вот, пока он пытался не допустить начала Третьей мировой войны в коляске, он положил на стойку администратора стопку ксерокопий. Мне бросилась в глаза биография Элизы Гровнер, где кто-то услужливо выделил маркером имя Лоренса и слово «шпионская сеть». Если это история, над которой сейчас работает ваш муж, мне не терпится ее прочитать.

Несмотря на всех злых духов и мстительных призраков, с которыми я сталкивалась в своей жизни, ничто не внушало мне большего страха, чем эти слова из уст Сьюзи.

– Вы говорили об этом Ребекке? – спросила я как можно небрежнее.

– Нет. Во всяком случае, пока нет. А вам не хотелось бы, чтобы я это сделала?

Велорикша повернул направо на Маркет-стрит и остановился перед Чарлстон-плейс. Я подняла палец – мол, еще одну минутку. Я закрыла глаза и тотчас вспомнила лицо Джека, когда он узнал о подлой уловке Марка. Тогда книга Джека была отменена, а книга Марка на ту же тему вышла и пользовалась большим успехом. Я не была уверена, выдержит ли кто-нибудь из нас это во второй раз.

– Нет, Сьюзи. Честно говоря, я бы не хотела, чтобы вы рассказали об этом кому бы то ни было, но особенно кому-то с фамилией Лонго.

– Не знаю, Мелани. Вы слишком многого просите от журналиста, который пытается получить ответы.

– Подождите, – сказала я, копаясь в сумочке в поисках денег, чтобы расплатиться с велорикшей. Как же хорошо, что эти несколько мгновений дали мне возможность подумать. Прижав к уху телефон, я молча проводила взглядом удалившегося велорикшу.

– Мелани? Вы здесь?

– Да. Я здесь. Какие ответы вы ищете?

– О, я не знаю. Скажем так: эксклюзивный доступ ко всему, что происходит у вас на заднем дворе, и к тому, что связано с Галлен-Холлом. Я знаю, что легендарное сокровище, переданное Лафайету, имеет какое-то отношение к Вандерхорстам, и я хочу первой узнать об этом.

– Но если никакой связи нет и ничего не будет найдено, ни в цистерне, ни где-либо еще?

– Тогда я хочу взять у вас интервью. Хочу увидеть, как вы разговариваете с мертвыми, и рассказать об этом своим читателям. Или включить его в книгу. Кстати, я уже некоторое время работаю над ней… пишу об интересных жителях Чарльстона прошлого и настоящего, и думаю, что вы идеально подходите. В любом случае, по-моему, доступ к вам был бы справедливой сделкой, если я пообещаю ничего не рассказывать Ребекке, не так ли?

– Мама!

Я обернулась на звук тонкого голоска. Мое сердце тотчас смягчилось, стоило мне заметить Джей-Джея и Сару в их двойной коляске. Мать толкала их ко мне по тротуару, две пары пухлых ручонок тянулись ко мне.

– Послушайте, мне пора. Мы можем поговорить позже?

– Конечно. Только не тяните слишком долго. У меня есть крайние сроки, и мне нужно что-то напечатать, чтобы мои читатели уже предвкушали следующий выпуск.

Пылая праведным гневом в адрес Сьюзи Дорф – эта особа, почти чужой мне человек, была способна разрушить все, что мне было дорого, – я зашагала к матери и коляске.

– У вас большое сердце, Сьюзи.

– Просто я пытаюсь делать мою работу, – сказала она, чуть помолчав. – Между прочим, я тоже не фанат Марка Лонго. Он разорил моего брата, довел до банкротства посредством нечестной сделки. Я знаю, как он действует, и в данном случае я целиком и полностью на стороне вас и вашего мужа. Но у меня есть работа, а газеты нужно продавать.

– Мне нужно будет подумать об этом, – сказала я, подходя к коляске, и наклонилась, чтобы посмотреть на моих прекрасных малышей.

– Непременно. И, Мелани?

– Да?

– Хочу, чтобы вы знали, что пару вечеров назад я видела Джека в «Джин Джойнт». Он был один и заказал только имбирный эль. Но он то и дело заглядывал в меню и задавал бармену множество вопросов. И я не думаю, что это было в целях книжного исследования. Просто я подумала, что вы должны знать.

Что-то похожее на глыбу льда сковало мое сердце.

– Но он же ушел, ничего не заказав, верно?

– Верно. Ничего.

– Спасибо, Сьюзи.

– Пожалуйста. До скорого.

Звонок закончился, и я немедленно прижалась лицом к мягким щечкам моих детей, вдыхая их запах и ощущая их мягкое дыхание на своем лице. Внезапно меня поглотила непреодолимая потребность спасти Джека, спасти нашу семью. Я найду ответы, даже если мне придется делать это в одиночку.

– С тобой все в порядке, Мелли? – Заботливый тон матери растрогал меня. На глаза навернулись слезы.

Я выпрямилась.

– Давай сядем в вестибюле, поговорим, а Джей-Джей и Сара пусть посмотрят на поезд.

– Чу-чу-чу! – завизжал Джей-Джей, размахивая венчиком. Проходившая мимо нас молодая пара заулыбалась.

Мы вошли в красивый вестибюль с двойной лестницей, украшенной пышными гирляндами, бантами и гроздьями стеклянных украшений. Оба ребенка начали подпрыгивать в коляске, как только мы приблизились к огромной композиции под лестницей:

искусственные заснеженные горы окружали альпийскую деревню, а по рельсам и через горный туннель катил игрушечный поезд. Перед волшебной сценой, словно часовые, выстроились в ряд пуансеттии, и я почти почувствовала, как у меня упало давление.

Еще до того, как у меня родились дети, я всегда считала рождественскую композицию на Чарльстон-Плейс этаким волшебством. Я легко представляла, что этот миниатюрный мир домиков с настоящими огнями, этих крошечных, машущих руками людей и карет с открытыми дверями был реальным. И Джей-Джей, и Сара глядели на него, широко открыв глаза и разинув рты, и я ощутила, как страх, охвативший меня после разговора со Сьюзи, постепенно улетучился.

– Что-то случилось? – спросила меня мать.

Я пожала плечами.

– И да и нет. Обнаруженная нами информация пока никуда нас не привела… ни загадка мавзолея, ни четыре слова, над которыми Нола и Купер бьются каждую свободную минуту. Даже деревяшка, которую Меган нашла в цистерне, ничего не помогла разъяснить. А Джек по понятным причинам расстроен тем, что происходит с планами его издателя в отношении его книги, и еще тем, что без единой зацепки, от которой можно было бы оттолкнуться, он не может взяться за следующую книгу.

– Вчера Амелия обмолвилась на эту тему. Джек зашел в антикварный магазин своих родителей, чтобы помочь им расставить новинки из их недавней поездки за покупками в Европу на самые выигрышные места в магазине, и сказал, что затрудняется это сделать.

Я приподняла брови.

– Это может быть серьезнее, чем я думала. – Я хотела произнести эти слова как беззаботный комментарий, но слишком поздно поняла, что это не так. Обычно Джек расслаблялся и снимал напряжение, переставляя мебель и аксессуары. У него прекрасный вкус и зоркий глаз, и он всегда знал, где поставить этажерки или поместить лишнюю банку для печенья в стиле шинуазри. Но он в течение нескольких недель не передвинул даже пуфик.

– Есть еще кое-что, – сказала я. – Мне позвонила бабушка.

– Да?

– Именно. Она звонит только тогда, когда возникают проблемы.

– Я знаю. Она что-нибудь сказала?

Я встретилась с мамой взглядом и тотчас ощутила малоприятное чувство, в котором узнала страх и тревогу.

Я кивнула.

– Она назвала имя Джека. Как и ты, когда ты коснулась стойки кровати в комнате Нолы. Сразу после того, как ты сказала: «*Предатели заслуживают смерти и того, чтобы гнить в аду*».

Она нахмурилась.

– Я бы рада ответить, почему я сказала то или иное, но я ничего не помню. Неужели Джек снова пьет? – осторожно спросила она.

Я перегнулась через ручку коляски, чтобы поправить большой красный бант в волосах Сары.

– Нет. По крайней мере, я не видела. Но Сьюзи Дорф сказала, что видела его в «Джин Джойнт». Он не пил, но я думаю, было совершенно очевидно, что он хотел выпить.

Мать расправила плечи и как будто стала выше и шире, нежели позволяло ее хрупкое тело.

– Мы должны сказать твоему отцу. Джек – его поручитель, поэтому было бы логично, что он должен вызвать его на откровенный разговор.

Я покачала головой.

– Нет. Конфронтация с Джеком никогда не работает. Мы определенно можем сказать папе. Возможно, он сможет просто поговорить с ним. Но не давить на него. А пока я пытаюсь найти ответы на все эти вопросы о павлинах и шпионской сети. Сумей я подарить Джеку что-то конкретное для его идеи новой книги, он смог бы найти нового издателя, который издаст его роман так, как он того заслуживает.

– Я не уверена, что это поможет, Мелли. Джек гордится тем, что он тот еще умник. Он только и делал, что раскапывал и разгадывал забытые тайны прошлого. Вся его карьера была построена на этом. Что в свою очередь питает его самоуверенность и его эго. Не думаю, что если он получит на блюдечке готовые ответы, ему это поможет.

Я ощетинилась. Я всегда терпеть не могла, когда мне говорили, что мне делать, или что мои собственные мыслительные процессы текут в неверном направлении. По словам Софи, это служило доказательством того, что я упряма и слишком независима, – результат

моего воспитания. Она также утверждала, что это плохие черты и мне нужно от них избавиться. Я не была полностью уверена, что согласна с ней, но брак определенно научил меня компромиссу. В отношении некоторых вещей. Но не этой. Мы говорили о Джеке, человеке, которого я любила почти до безумия. Которому, по словам Ребекки, грозила серьезная опасность. Я должна была делать то, что считала в данной ситуации наилучшим.

– Я смогу позаботиться об этом, мама.

– Конечно, сможешь. Но ты не должна делать это одна. Твой отец, Джейн и я, мы всегда готовы помочь. Тебе просто нужно попросить.

При упоминании имени Джейн я вновь ощетинилась. Мать, должно быть, заметила это, потому что положила руку мне на рукав.

– Мелли, ты ведь знаешь, что сестра на твоей стороне, верно? И что мы с твоим отцом одинаково любим вас обеих. Я понимаю, что ее внезапное появление в нашей жизни стало для тебя небольшим потрясением, но я думаю, что иметь сестру – это хорошо. Мне не нравилось одиночество единственного ребенка. А Джейн такой дружелюбный и любящий человек…

Я одарила ее каменным взглядом, и она прекратила рассыпаться в дифирамбах моей сводной сестре.

– Я хочу сказать, – продолжила она, – что небольшая ревность с твоей стороны вполне объяснима. Но у вас так много общего и такой потенциал, чтобы стать ближе. Надеюсь, ты это осознаешь и соответственно сделаешь шаг вперед. Помни, Мелли. Вместе мы сильнее.

Все, что она сказала после слова «ревность», мгновенно испарилось.

– Я? Ревную? – Мой вынужденный смех прозвучал так странно, что близнецы с опасением на маленьких личиках повернулись ко мне. Мать смерила меня серьезным взглядом, но ничего не сказала.

Я схватилась за ручку коляски.

– Пойдем посмотрим на елку. Вдруг это подскажет нам идеи «джушинга» елок в моем доме для исторического ужина. По моему, они выглядят слишком жалко.

Мы молча прошли вокруг дисплея к огромному дереву. Джей-Джей раскапризничался, потому что мы оставляли поезд позади. Его

досада была под стать моей собственной. Неудивительно, ведь моя способность опознать и ухватить то, что я хотела, ускользала от меня.

– Мелли? – тихо сказала мать.

Я повернулась к ней.

– Да?

– Знаю, мы ничего не нашли в столбике кровати. Но там точно что-то есть. Я чувствовала это слишком сильно. Ты сказала Джеку?

Я покачала головой.

– Не видела необходимости, потому что там ничего не оказалось.

– Думаю, тебе нужно сказать ему. Вдруг он разгадает эту тайну. Потому что там определенно что-то есть.

Я уклончиво кивнула и вновь сосредоточила взгляд на елке и сверкающих украшениях, притворившись, будто не замечаю неодобрительного взгляда матери, который буквально прожигал меня в том месте, где спала моя совесть.

Глава 27

Тяжело дыша, я откинулась на подушку, и голая рука Джека прижала меня к его так же обнаженному телу. Генерал Ли спрятался где-то в комнате, потому что нашел для сна более спокойное место. Я же совершенно забыла об еще одном варианте расслабления и снятия стресса, который помимо расстановки мебели так нравился Джеку, и была благодарна ему за то, что он про него вспомнил.

– Ух ты, – сказал он, целуя меня в шею.

– Я собиралась сказать то же самое. Полагаю, с меня достаточно постельной аэробики, чтобы сегодня утром я могла пропустить пробежку, что скажешь?

– Хорошая попытка. – Джек легонько укусил меня за мочку уха, и по моей спине пробежала дрожь. – Но уже почти шесть часов, и тебе пора на пробежку. Можешь составить мне компанию.

Я повернула голову и открыла один глаз.

– Пытаешься меня убить?

– Джейн сказала, что твоя выносливость заметно улучшилась и ты увеличила темп. Ты должна гордиться собой. Она говорит, что в апреле ты побежишь марафон через Мост.

При упоминании имени Джейн я отвернулась к стене, вспомнив свой разговор с матерью. И Софи. Не скажу, что они были неправы, но мне определенно не хотелось соглашаться с тем, что они правы. Мои чувства к Джейн были гораздо сложнее, чем то, что они подразумевали, и были моменты, которые мне нужно было прояснить самостоятельно, без всяких советов.

– Вместо этого я подумываю заняться йогой.

Джек усмехнулся, и я спиной ощутила его смех.

– Ты ведь пробовала заниматься йогой на пару с Софи, помнишь? До рождения близнецов. По твоим словам, каждый раз, когда ты закрывала глаза и пыталась открыть свой разум, в комнату забредал какой-то заблудший дух.

– Да, но, по крайней мере, мои колени не болели. Думаю, я слишком стара, чтобы бегать. Мне больше подходит йога. Или же я попробую пилатес. Вряд ли там требуется медитация.

Джек снова поцеловал меня в шею, и я почувствовала, как мой мозг медленно тает.

– Пилатес звучит хорошо. Это могло бы сделать тебя еще более гибкой.

Он произнес слово «гибкой» как нечто неприличное. Я повернулась к нему лицом, положила ладони ему на щеки, наслаждаясь теплом его колючего подбородка.

– Я так рада, что тебе лучше.

Он слегка отстранился и в упор посмотрел на меня.

– Лучше? Я не знал, что плохо себя чувствую.

Увы, я слишком поздно осознала свою ошибку.

– Я хотела сказать, что знаю, как ты сильно расстроен по поводу этого издательского кошмара, а тут еще Марк Лонго пытается подкупить нас, чтобы мы дали согласие на съемки в нашем доме, ну, и все прочее. В последнее время ты ходил сам не свой, но сегодня утром я бы не сказала, что ты в таком мрачном состоянии.

Он отпустил меня и откинулся на спину, скрестив руки под головой.

– Мрачном состоянии? Ты смотрела «Звездные войны» с Нолой и Купером?

Я видела, что он пытался развеять мою тревогу, но теперь я была матерью, и мою тревогу было не так-то просто развеять.

– Ты просто был немного подавлен, вот и все. А учитывая твою историю…

– Мое алкоголическое прошлое?

Я приподнялась на локте и посмотрела ему в лицо.

– Я не это хотела сказать. Ты – завязавший алкоголик, и я по опыту своего отца знаю, что тебе всю оставшуюся жизнь каждый день придется иметь с этим дело. Но я здесь, Джек. И если ты чувствуешь потребность с кем-то поговорить…

Я еще не успела заметить его движение, как он уже опрокинул меня на спину. Его тело вжало меня в матрас, его голубые глаза прожигали меня насквозь. Я же в очередной раз убедилась в его умении убеждать и в том, как ловко он сумел отвлечь меня.

– Ты просто неотразима, когда ты пытаешься быть серьезной.

– Но я действительно серьезна, – сказала я, стараясь не сосредотачиваться на тепле его кожи или на том, что все это наверняка

было намеренно. – Я очень переживаю, что все это давление сказывается на тебе…

Легонько покусывая мою шею, Джек короткими поцелуями продвигался к мочке уха.

– На мне сейчас сказывается только одно, Мелли, и это ты, обнаженная, в моей постели. Не думаю, что когда-нибудь устану от этого.

Я изо всех сил пыталась сохранить остатки логики.

– Джек, пожалуйста. Послушай меня. Может, нам стоит взять длинные выходные и уехать куда-нибудь, например, в Пальметто-Блафф. Чтобы отдохнуть от всего.

Он даже не поднял головы, продолжая щекотать каждый нерв на моей шее.

– Мы не можем позволить себе никаких излишеств, разве ты забыла?

Я сосредоточилась на дыхании. Может, мне стоило попробовать метод Ламаза, который я не имела возможности применить на практике, когда близнецы чуть не родились на заднем сиденье минивэна.

– Просто пообещай мне одну вещь, Мелли.

– М-м-м? – пробормотала я, не в силах произнести осмысленное слово.

– Пожалуйста, не думай, что тебе нужно решать все наши проблемы, хорошо? Стоит тебе вбить в голову, что ты и только ты можешь все исправить, ты склонна действовать опрометчиво и независимо, и, как правило, это выходит боком.

– Но… – мои слова протеста были быстро забыты, когда он прижался губами к моим, напрочь стирая все мысли и тревоги. Мое блаженное забытье продолжалось потом еще целый час. От глубокого сна меня разбудил какой-то шорох: сев на край кровати, Джек зашнуровал кроссовки, встал и осторожно закрыл за собой дверь. Перед тем, как снова заснуть, я успела подумать, что он не поцеловал меня на прощание.

* * *

– Возможно, вам будет удобнее в очках, – предположил Энтони.

Я взглянула на него поверх обеденного стола Джейн. Хотя он пролежал в больнице почти неделю и не мог есть твердую пищу, он выглядел на удивление цветущим. Здоровый цвет кожи, густые блестящие волосы, никаких костылей и повязок на руке. Наверно, потому, что он мужчина. Я вспомнила, как я выглядела сразу после родов: ни дать ни взять статистка из «Ходячих мертвецов», а не молодая мать. Честное слово, я бы возненавидела его, не будь он так мил.

Я вздохнула, полезла в сумочку, стоявшую под стулом, за очками.

– Просто у меня нет привычки их носить.

Энтони сочувственно кивнул.

– Так они новые?

Я хотела было соврать, но передумала. Это было бы глупо.

– Нет. Они у меня уже пару лет. Просто я не привыкла их носить.

Он улыбнулся.

– Что ж, для вашего сведения, я думаю, что в них вы такая же красивая, как и без них. На тот случай, если вам интересно. И вы совсем не выглядите как старшая сестра Джейн, скорее как ее сестра-близнец. Но я полагаю, что у такой матери, как Джинетт Приоло, вечная молодость заложена в генах.

И вновь при упоминании имени Джейн я ощутила легкий спазм желудка. Мы только что устроили в саду чудесное чаепитие с близнецами, по очереди качая Джей-Джея и Сару на новых двойных качелях. Мне нравилось быть рядом с Джейн, и мне нравилось ее отношение к моим детям. Было видно, что она любит их, а они оба, в свою очередь, любят ее. Но комок негатива, застрявший в моем животе, не сдвинулся с места. Очевидно, я была худшим человеком в мире.

Я заставила себя улыбнуться.

– Не знай я вас лучше, Энтони, я могла бы поклясться, что вам от меня что-то надо.

– Ха… ловко же вы меня поймали, – сказал он, вставая и поднося один из снимков к моей стороне стола. – Я хочу, чтобы вы говорили вашей сестре обо мне хорошие вещи.

– Я и так их говорю.

Он на мгновение встретился со мной взглядом.

– Да, но мы с Джейн просто друзья. Надеюсь, мы сможем выйти за пределы зоны дружбы.

– Вот как! Вы говорили ей об этом? – Взяв фотографию, я наклонилась над столом, чтобы посмотреть, совпадает ли она с остальными.

– Нет. Я довольно застенчив с женщинами. – Его щеки залил легкий румянец. – Из нас двоих тем, кого всегда любили девочки, был Марк. Или же он просто подавлял меня до такой степени, что я не оказывал знаки внимания тем девушкам, которые нравились ему. И если у меня была девушка, которую он считал интересной, он обычно отбивал ее у меня.

– Очень похоже на чудесного старшего брата.

– Вы думаете? У него определенно имелся потенциал. Он из тех, кто умеет заставить людей выполнять любое его желание.

В его голосе слышалась странная нотка, которую я начала узнавать в своем собственном, когда я говорила о Джейн. Нечто такое, что могло быть либо любовью, либо ненавистью. Нечто необъяснимое.

– Даже сейчас?

Он какое-то время молчал, избегая встречаться со мной взглядом.

– Мы с ним больше не разговариваем, помните? Без него мне легче.

– Печально, – сочувственно сказала я. Несмотря на мои смешанные чувства в отношении Джейн, сейчас я не могла представить себе мою жизнь без нее.

Энтони махнул рукой.

– Не переживайте. Возможно, когда мы состаримся, мы с ним помиримся и даже станем партнерами по шахматам в одном и том же доме престарелых. Кто знает? Бинго! Один есть! – воскликнул он, прежде чем я успела что-то сказать, и пододвинул один из снимков, лежавший рядом с другими тремя, так, чтобы он идеально сочетался с ними сверху, снизу и с одной стороны.

– Слава богу. При таких темпах нам повезет, если мы все закончим к тому времени, когда будем готовы отправиться в дом престарелых.

– Так что хорошо, что я поживу здесь немного, пока выздоравливаю. Я намерен тратить каждую свободную минуту на работу над этим пазлом, пока все элементы не займут свои места. –

В голосе Энтони мне послышались резкие нотки. Интересно, было ли это связано с тем, что Джейн держала его на расстоянии вытянутой руки?

– Да, – сказала я. – Это хорошо. Потому что все остальное, что мы обнаружили в спешке, ни к чему не привело.

– Похоже на то, – сказал он. – Джейн держала меня в курсе: думала, что, возможно, я смогу помочь. Увы, ничего нового я предложить не в силах. Кроме… Кстати, Джек нашел рисунок в коробке с бумагами, которую я ему дал?

– Да, нашел. Но для нас он ничего не значит. Нам нужно увидеть тот, который Марк скопировал из дневника вашего деда, возможно, соединить их вместе, чтобы увидеть, образуют ли они картинку, или шифр, или что-то еще, что имеет смысл.

– Помните, я говорил вам, что Марк показывал ее мне? Я мог бы вспомнить, если бы увидел вторую картинку. Это маловероятно, но попробовать стоит, правда?

Впервые за долгое время я ощутила лучик надежды.

– Да, – бодро сказала я. – Определенно стоит попробовать. Я знаю, что Джек ее спрятал, но не знаю, где. Я бы позвонила ему и спросила, но я знаю, что он работает, и мне не хочется его беспокоить. Но я обещаю спросить его сегодня вечером. Не волнуйтесь – она в надежном месте, поэтому Марк не сможет ее найти. И если после того, как вы ее увидите, вы не сможете дать никаких подсказок, я постараюсь уговорить Ребекку помочь нам.

– Ребекку? Удачи вам. В том, что касается Марка, она определенно на его стороне, что бы он ни делал.

– Да, но она все же моя кузина. И, как говорят, кровь людская – не водица.

– Да, так говорят, – сказал Энтони, возвращаясь к изучению фотографии, зажатой в руке, в поисках того, куда бы она могла вписаться.

Раздался звонок в дверь и напугал нас обоих.

– Наверно, это курьер из «Ю-Пи-Эс», – сказала я. – Джейн делает много покупок в Интернете. – Это была только половина правды. Я тоже делала много покупок в Интернете, – до того, как наше финансовое положение резко ухудшилось, – и доставляла большую их

часть в дом Джейн, чтобы Джек не знал точно, сколько я всего приобрела.

Я вгляделась в боковые фонари и с удивлением увидела Меган Блэк. Она стояла перед дверью, прижимая к груди сумочку от Кейт Спейд. Перебросив через шею ремешок, он держала ее, крепко обхватив обеими руками. Я распахнула дверь и пригласила ее войти внутрь.

– Меган! Рада вас видеть. Но что вы здесь делаете?

– Ваша сестра, мисс Смит, сказала, что я могу найти вас здесь. Надеюсь, вы не против, но мне нужно было немедленно увидеть вас.

По моей спине пробежал холодок страха.

– Что-то случилось?

Она посмотрела мимо меня на столовую и увидела сидящего за столом Энтони. Он поднял глаза и помахал ей. Большие карие глаза Меган вспыхнули тревогой.

– Мы можем поговорить наедине?

– Не волнуйтесь, – заверила я ее. – Он на нашей стороне.

Она кивнула, но тревога не исчезла с ее лица.

– Мы кое-что нашли, – сказала она, снимая с шеи ремешок сумочки. Скрежет стула о пол столовой возвестил о приближении Энтони.

– В цистерне? – спросил он.

Меган кивнула.

– Если честно, ее обнаружила моя подруга Рэйчел Флоринг. Она не знала, что это такое, поэтому показала мне. Наверное, я бы тоже не догадалась, если бы не видела портрет Элизы Гровнер в Галлен-Холле – когда мы работали на кладбище, нам устроили экскурсию по дому. Помню, какое жуткое впечатление произвела на меня картина. Ее глаза как будто следили за мной, понимаете?

Энтони энергично кивнул.

– Отлично понимаю, что вы имеете в виду. Признаюсь честно, я всякий раз спешил мимо нее, когда мне нужно было подняться по лестнице. – Энтони протянул руку. – Энтони Лонго. Рад познакомиться.

Брови Меган взлетели вверх, и она резко обернулась в мою сторону.

– Он брат Марка Лонго, но ничего страшного. Энтони не согласен с тем, что Марк запланировал в отношении нашего дома на Трэдд-стрит, и пытается нам помочь.

Меган слегка расслабилась и пожала ему руку.

– Приятно слышать. И да, тот портрет с пугающими глазами… Такое не забывается. Особенно та брошь с павлином на платье Элизы. Что-то в ней привлекает внимание. Как будто она просит вас взглянуть на нее. – Меган начала открывать замок на сумочке. – Кстати, раз уж о ней зашла речь… – Вытащив из сумочки небольшой сверток, завернутый в ткань, она посмотрела в сторону столовой. – Можно положить на стол? Думаю, вам стоит увидеть это при лучшем освещении.

Я повела ее в столовую, Энтони пошел следом за ней. Заметив ряды и столбцы фотографий, Меган округлила глаза.

– Ух ты, что тут у вас происходит?

– Это фотографии кирпичей из мавзолея в Галлен-Холле, – ответил Энтони. – Мы думаем, что все они должны складываться в целостную картину, своего рода пазл. Это всего лишь предположение, но, как видите, мы уже сопоставили какую-то часть снимков, так что, возможно, мы еще на кое-что способны.

Меган улыбнулась.

– Это напоминает мне книги о приключениях Нэнси Дрю. Я была одержима ими, когда была младше, – перечитала их все примерно по десять раз.

– Я тоже, – призналась я. Меган нравилась мне все больше и больше.

– Итак, – с усмешкой сказал Энтони, напоминая нам о том, почему мы здесь, – что вы нашли? Золото Конфедерации или еще один бриллиант?

Его смешок прозвучал натянуто, и мы с Меган посмотрели на него.

– Видите ли, мистер Лонго, все алмазы давно обнаружены, а история о золоте, которое зарыто и лежит где-то, ожидая, что его обнаружит какой-нибудь счастливчик, – полная выдумка, – с серьезным лицом сказала Меган.

Энтони усмехнулся.

– Да, конечно. Просто проверяю, выучили ли вы урок.

Я не была уверена, но подумала, что Меган сейчас закатит глаза. Но она положила на свободный угол стола завернутый предмет и, осторожно развернув его, отступила, чтобы мы могли посмотреть на него в свете люстры.

– Вот это да! – дуэтом воскликнули мы с Энтони, одновременно протягивая руки.

– Пожалуйста, прежде чем брать в руки, наденьте вот это, – сказала Меган, вытаскивая пару перчаток и протягивая их мне. – Простите, мистер Лонго. У меня только одна пара, так что вам придется подождать своей очереди.

Я быстро натянула перчатки и тут же на короткий миг замешкалась.

– Это ведь та самая брошь, да? Брошь Элизы с портрета? – Я осторожно подняла ее одной рукой и, положив на ладонь, обвела контур головы и тела павлина, распущенные перья хвоста, словно пытаясь убедить себя, что это не мое воображение.

Меган кивнула.

– Я взяла фотографию картины, которую сняла на телефон, и сравнила. Это определенно одна и та же брошь. Либо точная копия, либо та же самая.

– Но четыре камня отсутствуют, – сказал Энтони, как будто не мог в это поверить. Меган взглянула на него и снова повернулась ко мне.

– Мы почти уверены, что это латунь, потому что ее не было ни на одном из наших сканов. А поскольку пинчбек почти исключительно использовался для изготовления бижутерии, мы предполагаем, что камни были стеклянными или пастовыми[2].

– Вы нашли хотя бы один из камней? – спросил Энтони. – Я имею в виду, даже если они не представляют ценности, было бы неплохо вставить их обратно в брошь. Для потомков.

Меган покачала головой.

– Пока нет. Но если они там, мы их найдем. Мы буквально просеиваем каждую унцию земли. Нам повезет, если мы закончим к следующему Рождеству. – Она рассмеялась, но, поняв, что никто не смеется вместе с ней, умолкла и прочистила горло. – Переверните ее и внимательно посмотрите на «затылок» птицы.

Я прищурилась и увидела только расплывчатое золото, после чего показала вещицу Энтони. Он тоже прищурился. Даже в очках я не

смогла ничего прочесть, ибо брошка была слишком мала. На сей раз я была уверена, что Меган закатила глаза.

– Там выгравированы инициалы С.В., – сказала она, указывая на пятно на обратной стороне броши. – Так что, даже если это пинчбек и в броши отсутствуют камни, она может иметь определенную ценность по той причине, кем был изготовивший ее ювелир.

– Сэмюэл Вандерхорст! – выкрикнула я, как будто была участницей шоу «Колесо фортуны». – Тот самый слесарь, который сделал все ворота на кладбище в Галлен-Холле, верно? А позже, уже после революции, он стал известен как вольноотпущенник, когда открыл в центре Чарльстона магазин.

– Совершенно верно, – сказала Меган. – Это еще одно свидетельство того, что это могла быть брошь Элизы, ведь она и Сэмюэл жили в Галлен-Холле примерно в одно время. Вполне возможно, это она заказала ее или же за нее это сделал кто-то другой. Или же Сэмюэл изготовил брошь в обмен на свободу.

– Почему вы так говорите? – спросил Энтони.

Меган пожала плечами.

– Раба редко освобождали, если он был мастером в каком-то деле. Наоборот, благодаря его умениям владелец мог получать хорошую прибыль. А Сэмюэл Вандерхорст был невероятно талантлив, и Кэрролтон Вандерхорст определенно это знал. Просто это любопытно, вот и все. Нечто такое, что потеряно для истории. Или похоронено в цистерне.

– Верно, – сказала я, осторожно кладя брошь поверх ткани. – Вы уже показали ее доктору Уоллен-Араси?

– Нет. Я хотела как можно скорее передать брошь вам, чтобы вы сами ей показали. – Она снова взглянула на Энтони. – Этим утром Марк Лонго и этот Харви снова слонялись возле раскопок, рассчитывая на то, что мы непременно скажем им, если найдем что-то интересное.

– Они это видели? – испуганно спросила я.

– Нет. В моей куртке огромные глубокие карманы, поэтому, как только Рэйчел показала ее мне, я сразу сунула ее туда.

– Молодчина, Меган! – похвалил ее Энтони.

– Согласна. Спасибо, Меган. Вы мне очень помогли.

Она широко улыбнулась нам.

– В любое время… рада помочь. – Она обвела взглядом столовую. – И если вдруг вам понадобится дополнительная помощь с этим пазлом, не стесняйтесь, дайте мне знать. Я бы с удовольствием поломала голову над разгадкой, да и моя подруга Рэйчел тоже.

Я проводила ее до порога и открыла ей дверь.

– Спасибо. Буду вас иметь в виду, когда проведу за столом три часа и не найду ни единого подходящего фрагмента.

Мы попрощались, и я закрыла за ней дверь. Зябко потирая ладонями плечи, я вернулась в столовую, где Энтони продолжал разглядывать брошь.

– Надвигается холодный фронт. Синоптик сегодня утром сказал, что к этим выходным может выпасть снег. Я очень надеюсь, что нет. К счастью, это редкость, но когда дело касается снега, Чарльстон хуже Атланты.

– Хм, – произнес Энтони, что заставило меня задуматься, слышал ли он хотя бы одно из моих слов. – Думаю, вам стоит оставить ее здесь, чтобы Марк ее не увидел.

– Я думала об этом, но мне действительно нужно показать ее Софи, чтобы узнать мнение специалиста. Не волнуйтесь, я знаю, где ее можно надежно спрятать. Он никогда ее не найдет.

– О, звучит интригующе. И где же?

Я осторожно завернула брошь в мягкую ткань, в которой мне ее принесли.

– Если я вам скажу, это место перестанет быть надежным.

Энтони рассмеялся.

– Нет. Полагаю, что нет. Просто хорошо ее спрячьте. По крайней мере, до тех пор, пока Марк и Харви не закончат съемки.

– Если они когда-нибудь их закончат. У них множество технических проблем, так что я посоветовала им найти где-нибудь студию и сделать ее похожей на мой дом. Потому что тогда они бы наконец оставили меня в покое.

– Хороший план, – сказал Энтони, усаживаясь в кресло и взяв еще одну фотографию. – А пока давайте сложим этот пазл, чтобы мы все могли двигаться дальше.

Я на миг посмотрела на Энтони: его слова нашли в моей душе отклик.

– Можно задать вам личный вопрос?

Не двигая головой, он посмотрел на меня.

– Пожалуйста. Если только он не слишком личный.

– Наверно, это потому, что я росла единственным ребенком и иметь сестру для меня в новинку, но задумывались ли вы когда-нибудь о том, какой необратимый ущерб это может нанести вашим отношениям с Марком, когда он узнает, что вы нам помогали?

Погруженный в изучение линий и кругов на снимке, который он держал в руке, Энтони продолжал смотреть на стол.

– Нет, – сказал он и, подняв на меня глаза, повторил: – Нет. Если Марк меня чему и научил, так это тому, что для достижения успеха нужно быть готовым нажить себе врагов. Даже если они ваши друзья. Или ваш родной брат.

Я не была уверена, каких слов я ожидала от него, но я точно знала, что не таких. Я подумала о Джейн, и, несмотря на все странные чувства, которые я испытывала, когда дело касалось ее, по крайней мере, я знала, что никогда не смогу намеренно причинить ей вред. Возможно, это значило, что все-таки я не худший человек в этом мире.

– Ну ладно, – сказала я, – мне нужно забежать на работу и забрать связку ключей для завтрашнего показа, так что я оставляю вас в покое. Удачи.

Даже не взглянув на меня, он махнул рукой. Не желая прерывать его занятие, я попятилась из комнаты. Надела пальто, шарф, перчатки и шляпу, вышла на улицу. На крыльце я остановилась и посмотрела вверх. Серые облака затянули яркое голубое небо раннего полудня, заслоняя собой солнце. На меня обрушился порыв ветра. Я вздрогнула и задумалась о сложных отношениях между братьями и сестрами, и на миг прониклась благодарностью за то, что мне есть о чем беспокоиться, кроме Джека.

Глава 28

Миссис Хулихан выглянула из окна кухни в задний сад, где мой отец и его друзья по садоводческому обществу изо всех сил старались украсить черную дыру, чтобы та во время исторического ужина выглядела более празднично. Я очень надеялась, что из-за ее зияющей пасти мой дом будет исключен из участия в мероприятии, но Софи просто попросила моего отца сделать что-то с цистерной, чтобы та выглядела сообразно празднику, не препятствуя ходу раскопок.

Во всяком случае, сейчас в этом отношении событий происходило не так уж много. Семестр закончился, и студенты разъехались по домам на каникулы. Меган прислала нам рождественскую открытку с фотографией ее пса, копии Генерала Ли. Именно тогда я поняла, что раскопки затянулись слишком надолго. Равно как и все ремонтные работы в доме. Рождественская открытка Рича Кобилта прибыла в тот же день, и мне не потребовалось много времени, чтобы понять: фон за его улыбающейся семьей – это мой палисадник.

Воспользовавшись тем, что миссис Хулихан отвлеклась, я пощипала одно из ее знаменитых имбирных печений, остывающих на решетке.

– Я все видела. – Она даже не повернула голову, подтверждая тот факт, что глаза у нее и впрямь на затылке. – И если вы возьмете еще одну, я скажу вам, сколько калорий в каждой из них.

Закончив жевать, я вытерла со рта крошки.

– Не понимаю, затем вам понадобилась вся эта выпечка? Вы ведь знаете, что ужин доставят из ресторана, верно?

Она с отвращением покачала головой, и ее щеки дрогнули от возмущения.

– За все годы, что я проработала на мистера Вандерхорста и на вашу семью, у меня ни разу не возникло необходимости нанимать посторонних, чтобы те приносили в мою кухню свою еду. Боюсь, я воспринимаю это как личное оскорбление.

– Извините меня, честное слово. К сожалению, я не могу контролировать то, что происходит в моем доме в эти дни. – Я подумала о чрезмерном количестве рождественских елок

и украшений, об историческом ужине и о Харви Бекнере и его людях, которые продолжали вторгаться в жизнь моего дома, упорствуя в своих попытках выполнить предварительную работу, которая, по идее, должна была быть выполнена за один день. «Интересно, – задумалась я, – будут ли они здесь в рождественское утро и стоит ли мне дарить им подарки, чтобы им было что достать из-под елки?» Я с тоской посмотрела на печенье.

– Я могу только надеяться, что мы скоро вернем себе наш дом.

– Они все еще планируют снимать здесь, начиная с января? – спросила миссис Хулихан.

– Да, если только я им не помешаю.

Она выглядела почти разочарованной.

– А жаль. Я слышала, что Джордж Клуни получил приглашение на роль отца Невина Вандерхорста, Роберта, а Риз Уизерспун сыграет его мать, Луизу. Я уже мысленно начала планировать меню.

Таймер на духовке запищал. Надев прихватки для духовки, она вытащила нечто похожее на шоколадно-мятные праздничные пирожные. У меня тотчас потекли слюнки. Я тоскливо проводила глазами противень. Поставив его на решетку для охлаждения, миссис Хулихан подошла к кухонной раковине и начала наливать в нее горячую воду и мыльную пену.

– Держите руки подальше от этих пирожных, – сказала она, стоя спиной ко мне. – Это для мистера Кобилта и его семьи.

Я пристыженно опустила руку.

Перед тем, как открыть дверь, в кухню постучали. Как хорошо, что во рту у меня не было еды, иначе бы я точно поперхнулась. В дверном проеме стоял очень высокий мужчина в ярко-красном британском полковом мундире с блестящими латунными пуговицами, в белых бриджах и блестящих черных сапогах до колен. Я несколько раз моргнула, чтобы проверить, не мерещится ли он мне, и в конце концов заметила в его руке айфон.

– Вам лучше не шаркать по моим полам этими сапогами, мистер Греко. – Теплая улыбка на пухлом лице миссис Хулихан смягчила ее суровый тон. – И если вы дадите мне минутку, я заверну для вас ваши любимые имбирные печенья, и вы возьмете их домой.

– Это весьма любезно с вашей стороны, миссис Хулихан. Спасибо.

– Греко, – выдохнула я с облегчением в голосе.

Должно быть, он заметил тревогу на моем лице, а может, даже мою прижатую к сердцу руку.

– Мелани, простите ради бога. Я почти забыл, что на мне вот это. – Он похлопал по белым перекрещенным ремням на мундире и усмехнулся. – Меня и нескольких моих друзей-реконструкторов пригласили сегодня вечером на мероприятие в здании Старой Биржи, но мне требовался образец ткани, который я оставил наверху, и я решил заглянуть по дороге.

– Не переживайте. Я видела в этом доме куда более странные вещи.

Он поднял брови, но ничего не сказал. Лишь взял у миссис Хулихан коричневый бумажный пакет с красной атласной лентой, которую она завязала бантом.

– Я обещаю не есть их до обеда, да и потом только по одному, чтобы растянуть удовольствие и по достоинству оценить ваши кулинарные таланты.

Она махнула ему рукой.

– О, не говорите глупостей. Я просто испеку для вас еще. Ешьте столько, сколько хотите. – Она широко улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки.

Я обиженно посмотрела на нее, но она уже повернулась к раковине и принялась мыть посуду.

Греко откашлялся.

– Э-э-э… Мелани. Вообще-то я искал вас. Можете на минутку подняться наверх, в комнату Нолы?

Поднимаясь следом за ним по лестнице, я все время представляла себе еще больше нацарапанных на гипсовых стенах слов или же торчащий из карниза человеческий череп. Интересно, сколько еще выдержит Греко, прежде чем сдастся и уйдет?

Он придержал для меня дверь, подождал, когда я войду, и последовал за мной внутрь. Здесь он снова откашлялся.

– Итак, – сказал он. – Когда я недавно поднялся наверх, я мог поклясться, что услышал… шуршание, которое издают длинные юбки, когда женщина идет по полу. Я дважды постучал в дверь, а когда не получил ответа, вошел и обнаружил, что комната пуста.

Не зная, стоит ли упоминать, что странные звуки в пустых комнатах были частью моей повседневной жизни, я постаралась сохранить невозмутимое лицо. Я огляделась по сторонам – хотела убедиться, что да, в комнате действительно никого нет, особенно женщин в длинных юбках. Проследив за его взглядом, я увидела новую кучку пчелиных трупиков, скопившихся вокруг ножки кровати. Когтистая лапа была почти вся покрыта ими.

Я сделала вид, будто проверяю окна, – мол, закрыты ли они, и даже щелкнула шпингалетами, чтобы убедиться, что они действительно заперты и не могут случайно открыться.

– Думаю, у нас в стене где-то есть улей, и мне придется вызвать специалиста по изгнанию пчел. Ну, вы понимаете, пчел нехорошо убивать – это вредно для окружающей среды.

– Это к тому же дурная примета, – сказал Греко, подходя к кровати. – Но зимой пчелы спят, что делает их присутствие в комнате еще более странным.

Он опустился на колени у ножки кровати и начал водить пальцами по тыльной ее стороне, осторожно стряхивая с нее пчел.

– Мой дед был пчеловодом, – пояснил он. – Поэтому я немного знаю о пчелах и их поведении. Дед всегда говорил мне, что умный человек слушает пчел, потому что им всегда есть что сказать. И это, – он указал на кучку полосатых трупиков, – мне кое о чем сказало. Со мной посреди зимы заговорила куча мертвых пчел, скопившаяся в одном месте. И я решил провести расследование.

Он продолжал двигать пальцами по тыльной стороне лапы, пока не раздался легкий щелчок. Его глаза удивленно расширились, и я поняла: он нашел то, что искал.

– Я просто водил руками вверх и вниз по дереву, пока не почувствовал что-то. И когда я нажал, прямо в том месте, где нога крепится к раме, открылась маленькая дверца, – мастер явно сделал так, чтобы ее нельзя было увидеть, когда снимали постельное белье, – и оттуда выпало вот это.

Он встал и что-то подал мне в сжатом кулаке. Подойдя ближе, он медленно раскрыл пальцы: на его ладони лежало золотое кольцо с плоским верхом, на котором было что-то выгравировано. Не говоря ни слова, Греко залез внутрь жилета и вытащил очки для чтения.

Я надела их и, поднеся к ним кольцо, чтобы лучше рассмотреть, провела пальцем по плоскому верху.

– Это павлин, – сказала я с волнением в голосе.

– Верно, павлин. И я уверен, что кольцо использовали как восковую печать – я видел такие раньше. Вот почему оно сверху плоское. Его не нужно снимать, чтобы окунуть в воск.

– Это павлин, – повторила я, не зная, как еще сформулировать свою радость по поводу находки. Я понятия не имела, почему, но была уверена, что у Джека это получится.

– Я знаю, – сказал Греко. Его тон был под стать моему. – Помните, как я упомянул шпионское кольцо, символом которого был павлин? Думаю, это кольцо принадлежало участнику шпионской сети, поэтому оно было спрятано, чтобы сохранить личность владельца в секрете. – Он протянул руку и осторожно перевернул кольцо на моей ладони. – Посмотрите на внутреннюю часть кольца… там есть два инициала. Интересно, принадлежат ли они владельцу?

Наклонившись и прищурившись даже в очках для чтения, я смогла разобрать инициалы С.В. Я подняла глаза и в упор посмотрела на Греко.

– Вряд ли это инициалы владельца… скорее, это инициалы мастера, который его изготовил, Сэмюэля Вандерхорста.

Греко возбужденно кивнул.

– Я слышал о нем! Он довольно хорошо известен своей обработкой металлов и ювелирными изделиями, верно?

– Да. К тому же он был бывшим рабом на плантации Галлен-Холл, где, скорее всего, и была изготовлена эта кровать. – Я посмотрела на красный мундир Греко, как будто заметила его впервые.

– Ваш двоюродный дедушка… тот, кто был профессором американской истории в Каролине, он еще жив?

– Жив, еще как жив! Мать говорит, что он нас всех переживет. А отец подозревает, что его долголетие связано с тем, что он проводит столько времени, изучая мертвых людей, и это убедило его в том, что ему лучше оставаться в мире живых. – Он наклонил голову. – О чем вы хотите, чтобы я его спросил? Я увижусь с ним завтра в лагере живой истории на поле битвы Камдена. Он будет играть роль генерал-майора Горацио Гейтса.

– Еще один красный мундир?

Похоже, Греко обиделся.

– Боже упаси, нет. В той битве генерал-майор Гейтс руководил американскими войсками, и из-за него они понесли сокрушительное поражение. Фактически это поставило крест на его военной карьере.

– О, понимаю, – поддакнула я, хотя никогда раньше не слышала этого имени. – Если вы не против пообщаться с дедом на эту тему, было бы замечательно. В учебнике, который Нола взяла у подруги, говорилось, что Лоренс Вандерхорст был застрелен. Это потому, что он был шпионом? Но если Вандерхорсты были известными лоялистами, чьим шпионом он мог быть, короны или американцев?

– Это очень хороший вопрос, и я уверен, что мой двоюродный дедушка сможет пролить на него свет. Надеюсь, вы помните, что область его интересов – шпионы во времена американской революции. Кстати, если вы не возражаете, я сделаю несколько снимков кольца на телефон и с удовольствием отправлю их дяде Оливеру.

– Нет проблем. – Я подняла ладонь, демонстрируя переднюю, боковую и заднюю стороны кольца, чтобы Греко мог его сфотографировать.

– Еще кое-что, – сказала я, надевая кольцо на свой самый толстый палец, где оно все равно болталось, и загнула пальцы, чтобы оно не соскользнуло. – На плантации Галлен-Холл квартировал британский солдат, некий Александр Монро. За четыре дня до того, как Лоуренса застрелили, его выловили мертвым в реке Эшли. – Я почти слышала в голове голос Джека: «Совпадений не бывает». – У меня нет причин подозревать, что они как-то связаны, но не могли бы вы спросить своего двоюродного дедушку на всякий случай, знает ли он что-нибудь о смерти того или другого?

– Нет проблем, я уверен, что дядя Оливер будет рад помочь. Это смысл его жизни. – Греко оглянулся и посмотрел на когтистую лапу и пчел. Пару секунд он молчал, словно обдумывая свои следующие слова. – Наверное, я должен упомянуть еще кое-что.

Я молча ждала. Вдруг он ищет причину, чтобы отказаться делать ремонт? Но он продолжил:

– Самое странное во всем этом… Я не знаю, как это объяснить. – Он умолк, и его красивое лицо залилось румянцем. – Хотя по какой-то причине, я думаю, вы воспримете это лучше, чем большинство других людей.

– Что вы имеете в виду? – спросила я, хотя была уверена, что уже знаю ответ.

Бросив на меня проницательный взгляд, он продолжил:

– Когда я нашел кольцо, я сделал то, что, полагаю, сделали бы большинство людей, – надел его на мизинец. Кажется, на мизинце носят перстни с печатками, верно? В любом случае, он идеально мне подошел, и когда я это подумал, я почувствовал чье-то присутствие… я почти уверен, что это была женщина… – Он умолк и потер затылок. – Я почувствовал, как кто-то поцеловал меня в щеку. Это определенно был поцелуй. Я его почувствовал и услышал, понимаете? Вот только он не был теплым, как чьи-то губы, он был ледяным.

– А в комнате больше никого не было? – Я представила себе, как миссис Хулихан пытается спрятаться за дверью, поскольку на тот момент она была единственным человеком в доме.

– Нет. По крайней мере, я никого не видел. – Его взгляд остановился на мне, и меня удивило, что в нем не было ожидания. Как будто он не нуждался в моих объяснениях. Меня это устраивало.

– Хм, – уклончиво ответила я, принимая к сведению информацию.

Он взглянул на экран своего телефона.

– Извините, мне нужно бежать. Только возьму образец ткани и печенье из кухни и сразу убегу. Я свяжусь с вами, когда поговорю с дядей Оливером.

– Большое спасибо, Греко. – Я прислушалась к топоту его сапог вниз по лестнице и начала сметать мертвых пчел на доску для образцов краски, досадуя, что Греко вспомнил, что забыл на кухне свой маленький пакет с печеньем. Закончив, я бросила мертвых пчел в пустую банку из-под краски, служившую мусорным ведром, и поспешила вниз по лестнице, чтобы поскорее показать Джеку перстень с печаткой и брошь, которую Меган нашла в цистерне.

Из моей спальни донесся громкий, надрывный кашель. Я бросилась вверх по лестнице и толкнула приоткрытую дверь. Джек, стуча зубами, скрючился под одеялом. Я быстро подошла к кровати и тыльной стороной ладони потрогала его лоб.

– Джек, да ты весь горишь! – Я посмотрела на электронный термометр на прикроватной тумбочке.

– Ты уже измерил температуру?

Он кивнул, его зубы продолжали стучать.

– Д-д-да, с-с-сто-четыре, – Джек попытался улыбнуться, но это больше походило на гримасу. – У меня лихорадка, потому что ты стоишь слишком близко.

Хотя он выглядел ужасно, я улыбнулась.

– Верно. – Я наклонилась и поцеловала его в лоб, губами ощутив жар его кожи. – Я дам тебе что-нибудь, чтобы сбить температуру, а потом позвоню твоему врачу. Это может быть грипп, сейчас многие болеют, и я не хочу рисковать. – Взяв шерстяной плед со спинки кресла, я укутала им Джека, хорошенько подоткнула края, села на матрас.

– Я могу для тебя что-то сделать? Например, почитать. Или спеть.

Его глаза наполнились тревогой.

– Н-н-н-нет. П-п-пожалуйста. – Он с надеждой посмотрел на меня. – Может, лучше куриный-с-суп?

– Конечно. Я спрошу миссис Хулихан. Если она не сможет приготовить его, я открою банку с консервированным супом.

Джек улыбнулся и закрыл глаза. Я снова поцеловала его и встала, рассеянно размышляя о том, не надеть ли ему на голову шапку Санта-Клауса и оставить в постели, если он не успеет к историческому ужину.

– Я скоро вернусь. Я оставлю дверь открытой, на тот случай, если тебе что-нибудь понадобится, а ты можешь мне крикнуть. Колокольчик, в который я звонила, когда лежала в постели, беременная близнецами, загадочным образом исчез еще до их рождения.

Джек снова закашлялся, и я поспешила выйти из комнаты на лестницу. Впрочем, стоило мне выйти в коридор и приблизиться к спальне Нолы, как я замедлила шаг. Дверь была открыта, хотя я была на сто процентов уверена, что закрыла ее, чтобы не пускать туда собак. Я сделала шаг вперед, чтобы закрыть ее, но тотчас замерла: моя нога ступила в лужу какой-то жидкости, промочившей чулок. Я сперва подумала о Бесс – у нее все еще случались конфузы в доме, когда погодные условия и температура были ей не по душе и, следовательно, не располагали пользоваться удобствами на открытом воздухе. Но мой взгляд скользнул через порог в комнату, где, образуя узор, виднелись лужи. Такой узор могли оставить только мокрые ноги. Я поставила ногу на один из следов и посмотрела вниз, отметив про себя, насколько он большой и четкий. Его явно оставила не босая нога. Скорее всего,

сапог. Судя по более узкой пятке каждого следа, его владелец направлялся из комнаты к лестнице. На мгновение я подумала, может, позвонить Греко и спросить, не наступал ли он на что-нибудь? Но тут воздух в комнате пропитал знакомый запах пороха и кожи. Я замерла на месте.

– Александр? – прошептала я. Единственным ответом стало жужжание одинокой пчелы. Пролетев вокруг моей головы, она столкнулась с окном. Ее тельце упало на подоконник и застыло там в неподвижности.

Глава 29

Я поискала за зеленью, обвивавшей входную дверь дома моих родителей на Легар-стрит, дверной звонок. Я знала, что он где-то там, просто хорошо спрятан за плодами усердного руководства комитета по рождественскому декорированию. В огромном потрясающем венке я узнала тот, который мать сплела во время мастер-класса, и постаралась не сравнивать его с жалким творением собственных рук. В список талантов, унаследованных мной от матери, пение и плетение венков явно не входили. Я не в первый раз пожалела, что была лишена выбора, какие гены мне нужны, а какие нет.

Зловещее свинцовое небо низко нависало над нами. Запах в воздухе был незнаком нам, уроженцам Чарльстона. Синоптики на всех каналах продолжали предсказывать снег, но было не совсем понятно, когда и сколько. Один даже заявил, что снег вообще обойдет нас стороной и направится прямиком в Северную Каролину. Мне оставалось лишь надеяться, что он обрушится на нас в субботу, и тогда исторический ужин будет отменен, а я смогу снова заняться выяснением того, что же все-таки спрятано в мавзолее.

Когда мой палец наконец нашел кнопку дверного звонка, я нажала на нее и подождала, когда он звякнет. Попробовав еще пару раз и ничего не услышав, – что типично для влажного климата прибрежной местности, – я постучала. Затем еще раз. В конце концов я вытащила ключ, который по настоянию матери всегда держала при себе, и вошла внутрь.

– Мама! – крикнула я из холла. Несмотря на ее постоянные напоминания о том, что это и мой дом тоже, и мне не нужно записываться на прием, чтобы увидеться с ней, я заранее отправила ей быстрое сообщение о том, что я скоро приеду. Просто на тот случай, если они с отцом чем-то заняты. Я не хотела знать, чем именно, но хотела их честно предупредить.

Я прошла через холл. Как и мой холл, он был украшен гирляндами и фруктами, а бабушкина мебель служила теплым и знакомым фоном для рождественских украшений. Бабушка любила Рождество и, несмотря на трения между моими родителями, всегда

старалась сделать его для меня особенным. На столе в центре холла стояла ее старинная миниатюрная английская деревня – крошечные фигурки хора, исполняющего рождественские колядки, в характерных викторианских нарядах. Интересно, в курсе ли Софи и дала ли она свое благословение? Впрочем, какая разница. Моя мать всегда поступала так, как считала нужным, но делала это таким образом, что другие думали, будто это их идея. А что касалось моей матери, Софи, большая поклонница оперы, всегда смотрела на нее с благоговением.

– Мама! – окликнула я снова, заглянув в переднюю гостиную с витражом, и через холл вернулась в столовую. – Мама! – крикнула я, на этот раз громче.

– Я здесь! – откликнулся тихий голос в дальнем конце дома.

Через кухню и узкий коридор я прошла в солярий со стеклянными стенами, который мой отец перестроил в оранжерею. Мать приходила сюда по утрам, чтобы выпить чаю и послушать музыку, что по совету Софи доносилась из новых, спрятанных в стенах динамиков. Эта комната была пристроена к дому гораздо позже, что, однако, не было поводом осквернять (это было слово Софи) целостность исторического дома уродливыми современными удобствами.

В толстом красном бархатном халате и в таких же красных тапочках, мать сидела в шезлонге и изящно потягивала из чашки чай.

– Привет, Мелли. Извини, я не слышала дверного звонка.

– Он не… – начала было я, но осеклась, поняв, что она не одна.

– Привет, Мелани!

Ребекка сидела напротив матери, в мягком кресле с великолепным цветочным принтом фирмы «Либерти оф Ландон», которое некогда принадлежало моей бабушке, а недавно было восстановлено. На фоне ярких подушек Ребекка выглядела маленькой и бледной. Я даже подумала, не захворала ли она. Или что-то случилось с Пуччи, потому что ее вездесущего четвероногого создания с ней не было. Глаза Ребекки опухли и покраснели. Не иначе как она потеряла свою любимую пару розовых перчаток, решила я.

– О, привет, Ребекка! Не ожидала увидеть тебя здесь.

Она быстро взглянула на мать.

– Я заглянула на минутку.

– Выпей с нами чаю, – предложила мне мать. Я сняла пальто и из старинного лиможского чайника бабушки налила себе в фарфоровую

чашку чаю. Сев на край кресла рядом с Ребеккой, я посмотрела сначала на нее, затем на мать, и наконец снова остановила взгляд на Ребекке, заметив, насколько она бледна.

– Я пыталась дозвониться до тебя с тех пор, как увидела тебя в тот вечер в отеле «Фрэнсис Марион». Мне кажется, мы еще не закончили наш разговор.

– Да, я была занята. – Избегая смотреть мне в глаза, она сделала большой глоток чая.

– Не сомневаюсь. Представляю, как подработка в газете и отсутствие детей изнуряют тебя к концу дня.

Мать укоризненно посмотрела на меня, и я тотчас устыдилась своих слов. А еще задумалась о том, сколько мне должно исполниться лет, чтобы этот взгляд перестал на меня влиять. Или же сколько времени пройдет, прежде чем он мне больше не понадобится.

– Как Джек, Мелли? – спросила она, прочистив горло.

– Все еще очень слаб. Врач подозревает, что это грипп, поэтому он на карантине в нашей комнате. Я сплю во второй гостевой комнате, которую не обновляли и не меняли с тех пор, как в доме жил мистер Вандерхорст. Я даю Джеку все лекарства, прописанные ему врачом, и регулярно измеряю его температуру. Миссис Хулихан кормит его своим домашним куриным супом, а Купер принес ему горы видеодисков со шпионскими триллерами, вышедшими на экраны в последние десять лет, чтобы ему было не так скучно.

Я осуждающе посмотрела на Ребекку.

– Правда, не скажу, что он может бодрствовать достаточно долго, чтобы посмотреть фильм целиком. Думаю, стрессы прошлого года действительно сказались на нем, и его тело таким образом намекает ему, что пора сбавить обороты и дать себе отдых.

Я не упомянула, что Купер приносил Джеку все книги по истории шифров, разгаданных на протяжении истории человечества, какие только мог найти, из числа тех, каких не было у Джека или каких он еще не читал. Джек отчаянно пытался выяснить, какую же тайну скрывал Галлен-Холл, но ему едва хватало сил держать в руках книгу дольше, чем требовалось, чтобы заснуть.

– Надеюсь, что ты не используешь болезнь Джека как предлог, чтобы утаивать от него важные известия, – мягко сказала моя мать. –

Я знаю, что ему требуется отдых, но я уверена, он был бы признателен, если бы ты держала его в курсе.

– Разумеется, – ответила я, постаравшись донести возмущение в моем голосе. Я рассказывала Джеку отнюдь не все, потому что он действительно был слишком болен. От лекарств он был вялым и сонным, и в любом случае вряд ли бы понял меня. Но как только ему станет лучше, я ему все расскажу. Непременно.

– И я не думаю, что сейчас подходящее время говорить об этом, – сказала я, переводя взгляд туда, где сидела Ребекка.

– Ребекка понимает важность семьи, Мелли. Что бы ты ни думала. Мы только что говорили об этом.

– Неужели? – переспросила я, поворачиваясь к кузине. – Итак, о нашем незавершенном разговоре… – Я осеклась, заметив, что по ее бледным щекам катятся крупные слезы. Она взяла с колен небольшую чайную салфетку и промокнула глаза.

– Извини, – сказала она. – Я пришла сюда за советом твоей матери… у нее гораздо больше житейского опыта, чем у моей собственной матери, поэтому я первым делом обратилась к ней.

В свое время моя мать была всемирно известной оперной дивой, но я не могла представить, чтобы любая из проблем Ребекки нуждалась в ее житейском совете. Я постаралась не закатить глаза. Мой взгляд скользнул к старинным дрезденским настольным часам на боковом столике возле шезлонга. Через час меня ожидал показ дома, но мне все еще нужно было поговорить с мамой.

– Может, я смогу помочь, – предложила я, пытаясь ускорить процесс.

– Почему бы тебе не рассказать Мелли то, что ты только что рассказала мне? – мягко предложила мама.

Охваченная внезапной тревогой, я выпрямилась.

– Тебе снились другие сны о Джеке или Ноле?

Ребекка покачала головой.

– Нет. Никаких. Я… как будто заблокирована.

Я села еще прямее, вспомнив, что я чувствовала, когда это дважды случилось со мной. И причины, почему.

– Продолжай, – подсказала мама.

– Вы уверены, что стоит продолжить? Начнем с того, что Мелли недолюбливает Марка.

– Это правда. А кто вообще его любит? – мама ласково улыбнулась, как бы вытаскивая из своих слов ядовитое жало. – Кроме того, Мелли свойственно чувство такта. Я права, дорогая?

– Разумеется.

– И мы здесь все свои, – продолжила мама. – И мы все согласны, что родная кровь важнее всего, верно?

Я подождала, когда Ребекка кивнет, и лишь тогда кивнула тоже.

– Марк изменяет мне, – сказала Ребекка сдавленным голосом, так тихо, что мне пришлось напрячься, чтобы ее услышать.

Я при всем желании не смогла изобразить удивление по поводу этого признания. Во всех своих делах Марк был мошенником и лжецом. Так что с какой стати ему быть верным в браке? Тем не менее я ощутила сострадание к Ребекке, вспомнив, как мне самой было худо год назад, когда я думала, что у Джека и Джейн роман.

– Ты уверена? – спросила я.

Она кивнула.

– Последнее время он вел себя… странно. Его стало не узнать. Знаю, эти съемки отнимают у него массу времени и сил, а Харви Бекнер умеет отравить жизнь всем вокруг. И все же… – Она снова вытерла глаза. – На прошлой неделе Марк заснул на диване, и его телефон упал на пол. Когда я вошла в комнату, он зазвонил, и я подняла его, чтобы посмотреть, вдруг это что-то важное и нужно разбудить Марка. Это была… – Она вздрогнула. – Это была фотография женщины. *Брюнетки*, – с отвращением сказала она, очевидно, забыв, что находится в комнате с двумя брюнетками. – На ней почти не было блузки – и уж точно никакого бюстгальтера, – и она говорила, что ей не терпится увидеть Марка снова, потому что последний раз был таким потрясающим… – Ребекка подавила рыдания, прижав к губам скомканную салфетку. – Меня как будто… вываляли в грязи.

– Бедняжка, – сказала мама, вставая, чтобы подлить Ребекке чаю.

– Я ничего не сказала, желая сначала убедиться. В общем, я провела небольшое расследование и выяснила, что она – студентка колледжа… учится на психолога или что-то в этом роде. И что они встречаются уже несколько месяцев. *Месяцев*!

– Ты собираешься уйти от него? – спросила я. Ее плечи поникли, она разрыдалась и покачала головой.

– Я… не могу.

– Но почему… – я запнулась, вспомнив, что она говорила о блокировке снов. Я отлично помнила, когда это случилось со мной. – Ты… беременна?

Ребекка сердито посмотрела на меня покрасневшими глазами.

– А почему это тебя так удивляет? У Марка по этой части все в порядке.

Я проглотила желчь, стоявшую у меня в горле.

– Ничуть не сомневаюсь. Но это вовсе не значит, что ты должна оставаться в браке с ним. Если у тебя есть поддержка, ты можешь вырастить ребенка самостоятельно.

По ее лицу полился новый поток слез.

– Но я люблю его! Я никогда не буду любить другого мужчину так же сильно, как люблю его. – Ребекка поникла так сильно, что буквально сложилась пополам, жалкая, словно котенок под дождем.

Чувствуя свое поражение, я откинулась на спинку кресла. Я бы солгала, скажи я, что не намерена воспользоваться ситуацией, чтобы убедить ее поделиться со мной листком бумаги, на который мы с Джеком так отчаянно хотели взглянуть. Но вид душевных мук Ребекки вынудил меня отказаться от этой идеи. Одна только мысль о том, чтобы жить без Джека, сводила меня с ума. Это было просто немыслимо! Я понимала ее боль и не могла воспользоваться ситуацией, как бы ни хотела. Даже если Марк это заслужил.

– Мне очень жаль, Ребекка. Но, как сказала мама, мы семья. Мы твоя опора. Мы поможем тебе пройти через это, независимо от того, решишь ты остаться с Марком или нет.

Мама села на подлокотник кресла Ребекки и притянула ее к себе.

– Мелли права. Мы всегда поддержим тебя.

Телефон в сумочке Ребекки пискнул, возвестив о том, что пришло текстовое сообщение. Она медленно отодвинулась от матери и потянулась за ним. Пару секунд она смотрела на экран, моргнув только один раз, причем очень, очень медленно. Я было подумала, что она вновь расплачется, но нет: выражение ее лица сменилось недоверием, затем гневом и наконец яростью. Не отвечая, она бросила телефон в сумочку.

– Это Марк. Сказал, что сегодня вечером не будет дома к ужину. У него *деловая* встреча, и он велел не ждать его.

Она сидела неподвижно, глубоко дыша. Постепенно на ее лицо вернулось нейтральное выражение. Мы с матерью наблюдали за ней, не зная, что нам делать.

– С тобой все в порядке? – спросила мама. Ребекка покачала головой. В ее покрасневших глазах вспыхнул новый решительный блеск.

– Нет. Но я сейчас успокоюсь. – Она снова полезла в сумочку, вытащила сложенный квадратом листок бумаги и прижала его к груди. – Я положила это в сумочку сразу после того, как увидела тебя во «Фрэнсис Марион», не особо надеясь, что смогу это сделать. Но Марк не оставил мне выбора. – Выждав театральную паузу, она встала и протянула мне листок. – Кстати, если вы не в курсе, Марк уже обшарил весь ваш дом в поисках вашего рисунка, пока он якобы помогал Харви. Не волнуйся, это копия. Я вижу, ты уже беспокоишься о том, как объяснить Софи, почему его сложили.

Мне очень хотелось сказать ей, что она ошибается. Вместо этого я быстро развернула лист: он выглядел как страница, идентичная той, которую мы с Джеком нашли в бумагах из обувной коробки.

– Спасибо, – сказала я. – Но разве Марк не рассердится?

Ребекка перекинула ремешок сумочки через плечо.

– Он ведь не узнает? Да, возможно, я люблю его больше, чем он того заслуживает, и сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть его, но это не значит, что я не могу слегка отомстить ему за то, что он со мной сделал. И с нашим ребенком. – Она положила руку на пока еще плоский живот и обняла маму. – Спасибо вам обеим. А пока мне срочно требуется спа-день, и я направляюсь прямиком в спа-салон. Все расходы я оплачу с кредитной карточки Марка. А потом я придумаю, как вернуть его… после того, как найду способ его наказать.

Мы попрощались, и она ушла, сказав, что ее не нужно провожать до двери. На этот раз я не закатила за ее спиной глаза, хотя она и напомнила мне Скарлетт О’Хара после ухода Ретта Батлера. Впервые с тех пор, как я познакомилась с Ребеккой, она продемонстрировала, что у нее гораздо больше ума и житейской мудрости, чем у куклы Барби, на которую она так походила.

– Что ж, – сказала мама, – это многое проясняет. – Она указала на листок в моей руке. – Как ты думаешь, это поможет?

Я пожала плечами.

– Понятия не имею. Я сравню его с тем листом, который есть у нас. Вдруг в этом и правда содержится что-то важное. – Я посмотрела на страницу, на странные линии и завитки, напоминавшие кирпичи мавзолея, но они слегка отличались. Мне придется поставить их рядом, чтобы знать наверняка. Я осторожно сложила бумагу и положила в сумочку.

– Я пришла обсудить расписание на субботу вечером. Я попрошу Нолу привести близнецов и собак в дом Амелии и напомню ей, чтобы у Джей-Джея был его любимый кухонный венчик. В прошлый раз она забыла его, и Амелия дала ему свой, из своей кухни, но он, видимо, видит разницу. В любом случае, ты будешь здесь готовить закуски, но я надеялась, что ты сумеешь заглянуть ко мне до ужина, чтобы помочь с последними приготовлениями, раз Джека не будет.

Мама села, взяла со столика блокнот и поправила на носу очки для чтения.

– Конечно, дорогая. Я уверена, что твой отец справится с любыми опоздавшими гостями, так что я могу уйти. И я прослежу, чтобы миссис Хулихан испекла имбирное печенье только для Джека – они могут поднять ему настроение, а имбирь не повредит. Ты в курсе, что она прислала нам подарочный пакетик печенья? Она просто душка.

Я посмотрела на мать. Интересно, она нарочно мучает меня? Но нет, она что-то записывала в своем блокноте.

Мой телефон пискнул: пришло текстовое сообщение. Я взглянула, чтобы увидеть, от кого оно.

– Это Нола, – предположила я. – Им нельзя пользоваться телефонами в школе, но иногда она пишет мне, что ей нужно купить в магазине или для домашнего задания. Ей нравится быть во всеоружии.

– Звучит знакомо, – сказала мама, снова склонившись над блокнотом. – Итак, поскольку вы в числе тех, кто принимает у себя гостей, вам нужно будет выставить подходящие сервировочные тарелки для устричного рагу и ветчины на косточке. Я заеду к вам домой позже и подсчитаю количество тарелок, но я бы советовала тебе взять прекрасный старинный фарфор Имари, оставшийся от Вандерхорстов. Все это золото будет прекрасно смотреться на фоне рождественских украшений, к тому же я знаю, что там огромное количество сервировочных тарелок.

Мой телефон пискнул снова. Я потянулась за ним, чтобы убедиться, что сообщение пришло от Нолы. Но когда я вытаскивала его, он зацепился за ремешок сумки. Та опрокинулась, а ее содержимое рассыпалось по полу. Мама поднялась, чтобы помочь, но я выставила вперед руку, останавливая ее.

– Тебе лучше не прикасаться к тому, на что ты можешь остро отреагировать, – предупредила я.

– Что это? – Она указала на ножку кресла, на котором только что сидела Ребекка.

Я узнала перстень с печаткой, который нашел Греко. Я принесла его, чтобы показать Софи, когда встречусь с ней за обедом, и думала, что он надежно хранится в кармане моей сумочки. Я не собиралась рассказывать матери, где мы нашли его, и не хотела показывать.

– Не трогай, – велела я. – Он был в столбике кровати, как ты и подозревала. Его нашел Греко.

Проигнорировав мое предупреждение, она шагнула к нему и, прежде чем я успела помешать ей, протянула к нему руку.

– Мама!

– Я не почувствовала исходящей от него угрозы, Мелли. Оно, можно сказать, умоляло меня найти его. Думаю, мне можно безбоязненно прикоснуться к нему. – Она наклонилась, чтобы поднять кольцо, и крепко сжала его в ладони. Я ждала, что она вот-вот закричит, заговорит потусторонним голосом или ее лицо исказит гримаса. Но мать лишь безмятежно закрыла глаза, а ее лицо смягчилось. Она склонила голову набок, как будто прислушиваясь к голосу, который могла слышать только она. Но тут ее свободная рука потянулась к шее. Она как будто потянула за что-то, чего я не могла видеть, и закашлялась.

– Мама! – я схватила ее за руку и потянула за пальцы, чтобы она отпустила кольцо, но они, словно стальные, не желали выпускать свою находку. Я уже было позвала на помощь Джейн, но в следующий миг мама перестала кашлять, и ее дыхание вновь пришло в норму. Ее глазные яблоки двигались под веками, как у человека, которому снится яркий сон, но она больше не была взбудоражена.

Она оставалась в таком состоянии целую минуту. Затем ее рука расслабилась, и кольцо с легким стуком упало на ковер. Она открыла глаза, как будто хотела понять, где находится, и откинулась на спинку

шезлонга. Я быстро шагнула к ней и взяла ее за руку. Та оказалась на удивление теплой.

– Мама? С тобой все в порядке?

– Да, честное слово. Просто сам процесс утомляет, и чем старше я становлюсь, тем больше. – Она ободряюще улыбнулась мне. – Но со мной все в порядке. Клянусь.

Я наклонилась, чтобы поднять с пола кольцо, и надела его на палец, чтобы не потерять.

– Ты что-нибудь видела? Например, того человека, которому оно принадлежало?

Она опустила подбородок, как будто мой вопрос застал ее врасплох.

– Того? – Она покачала головой. – Нет, Мелли, оно принадлежало не мужчине. Его владелицей была женщина. Определенно женщина.

– Женщина? – медленно переспросила я, вспоминая слова Греко о том, что, когда он надел на палец кольцо, кто-то поцеловал его в щеку.

– Да. – Мама протянула руку и провела пальцами по шее. – Она… не могла дышать. Она задыхалась. Но ей было больно и в другом месте. – Она прижала ладонь к груди там, где сердце. – Нет, то был не сердечный приступ. Скорее… разбитое сердце.

Мы посмотрели друг на друга, и я попыталась найти место для этого фрагмента пазла.

– Это все?

Мать покачала головой.

– Нет. Она повторяла одно и то же слово снова и снова. Думаю, она уже говорила его раньше.

– Какое? – спросила я, хотя еще до того, как слово сорвалось с ее губ, точно знала, что она скажет.

– Ложь.

Глава 30

Я стояла на крыльце маминого дома. Холодный ветер неприятно дул в лицо, воздух определенно пах чем-то странным. Чем-то, похожим на слово, которое я не осмеливалась произнести вслух. У нас на юге, где снег воспринимают столь же серьезно, как извержение вулкана и последующий поток лавы, само слово «снег» частенько называют неприличным.

Я снова посмотрела на часы. Я уже позвонила Джолли и попросила ее отменить ланч с Софи и перенести встречу с клиентом, поэтому я не слишком беспокоилась о том, что опаздываю. Но я разрывалась между двумя желаниями: то ли пойти домой к Джейн – куда, по словам Джека, он перенес коробку с документами – и сравнить рисунок, который подарила мне Ребекка, с листком из архива, то ли отправиться домой, чтобы посмотреть, как там Джек, и вместе с ним пройтись по последним событиям.

Ветер обрушивался на меня с такой силой, что мои щеки горели и я больше не чувствовала носа. Определенно с неба должно было пойти что-то ледяное, так что для меня было разумнее сначала поехать к Джейн, чтобы, если вдруг начнется снегопад, я могла бы вернуться домой, чтобы сесть и поговорить с Джеком. При условии, что он в состоянии вести разговор.

Сказав себе, что делаю это в интересах Джека, я села за руль своего «Вольво», радуясь, что вместо того, чтобы идти пешком, проехала небольшое расстояние в машине. Я усвоила урок в то утро, когда гуляла с собаками – обычно то была обязанность Джека, – и, пока ветер пронизывал мое пальто и три свитера и замораживал тушь на ресницах, я прониклась невольным уважением к участникам аляскинской гонки на собаках[3].

Хотя у меня был свой ключ, я позвонила в дверь дома Джейн. Но поскольку там временно поселился Энтони, просто взять и войти внутрь было бы вторжением в частную жизнь. Он открыл дверь и широко улыбнулся. Впрочем, улыбка эта резко контрастировала с его потрепанным видом и мутным взглядом.

– У вас такой вид, будто вы не ложились всю ночь, – сказала я, входя внутрь.

– Так и есть, – подтвердил он, закрывая за мной дверь.

– Все бьетесь над пазлом?

Он кивнул.

– Да. Знаю, это смахивает на навязчивую идею. Но стоит мне найти подходящий кирпич, я тотчас невольно думаю, что найти следующий будет проще, и возобновляю поиски.

– Но в целом, похоже, вам намного лучше. Несмотря на усталость, вы выглядите прекрасно.

– Вы правы. Я правильно сделал, кода решил выздоравливать здесь, у Джейн. По крайней мере, никто не сталкивает меня с лестницы.

– Это хорошо, – сказала я, делая шаг в сторону столовой.

– Джейн дома нет, – быстро сказал он.

Я остановилась.

– Конечно, нет. Она у меня дома, с Джей-Джеем и Сарой. Она их няня, разве вы забыли?

Он усмехнулся.

– Извините, да, конечно. Просто я еще слаб и поэтому порой плохо соображаю.

– Не переживайте. У меня тоже слегка едет крыша после того, как я десять минут смотрю на кирпичи. И далеко вы продвинулись?

– Я бы не сказал. Думаю, это займет еще неделю.

Я шагнула было в сторону столовой, но он встал передо мной, и на миг мне показалось, что он пытается перегородить мне путь. Поняв свою ошибку, он отступил в сторону и последовал за мной в столовую. Я остановилась перед столом и от удивления приоткрыла рот.

– Вы выполнили почти три четверти работы! Думаю, на то, чтобы ее закончить, уйдет немного времени, особенно с учетом того, что сейчас осталось меньше фрагментов.

Энтони почесал затылок.

– Пожалуй, вы правы. Купер был здесь какое-то время рано утром перед началом занятий и, как мне кажется, сделал больше, чем я думал.

– Может, вам стоит вздремнуть? – предложила я. – Вы сможете мыслить более ясно, если дадите своему мозгу отдых. Завтра состоится исторический ужин, и я думаю, что отдых вам не помешает.

– Он будет уже завтра?

– Да, к сожалению. Если только не пойдет снег, – с надеждой сказала я. – Но я знаю организаторов, они не откажутся от своих планов, даже если на нас с неба обрушится снежная буря.

Энтони с тоской посмотрел на лестницу, как будто уже представлял себе кровать и как он залезает в нее.

– Вы пришли, чтобы поработать над пазлом?

– Вообще-то нет. – Я полезла в сумочку и вытащила лист бумаги. – Ребекка только что дала мне вот это. Это рисунок, который Джозеф Лонго скопировал со стола Роберта Вандерхорста. Мне просто нужно сравнить его с тем, который вы нашли с другими бумагами в мусоре.

Я направилась к переднему окну, где стояла большая изогнутая банкетка. Энтони последовал за мной.

– Довольно хитрый тайник, не правда ли? А ведь он даже не заперт. Джек решил, что, во-первых, у Джейн есть сигнализация, а во-вторых, Марку и в голову не придет сунуть сюда нос. – Я сняла с сиденья подушки и откинула крышку. – И, похоже, он так и не догадался. – Я сунула внутрь руку и вытащила коробку.

– Ух ты! То есть она была здесь все время? Хитро придумано.

– Практически единственное, что не было спрятано, – вот это. – Я вытянула руку, демонстрируя перстень с печаткой. – Думаю, оно принадлежало кому-то из агентов шпионской сети, но я не уверена. Нам еще многое предстоит выяснить.

Энтони покачал головой.

– Значит, у вас пока не сложилась ни одна из частей загадки?

– Пока нет. Но я уверена, как только Джек встанет на ноги после гриппа, он непременно увидит связь. Так устроен его разум.

– Но вы оба считаете, что это приведет вас к сокровищу Лафайета?

– Мы очень на это надеемся. Это дало бы ответ на все наши вопросы. А заодно решило бы наши финансовые проблемы и дало бы Джеку идею для новой книги, чтобы начать все заново с новым издателем и новым контрактом. Ну и навсегда избавило бы нас от

Марка. – Я пристально посмотрела на него. – А как насчет вас, Энтони? Что надеетесь выгадать вы?

Мой вопрос его смутил.

– Я просто хочу, чтобы он впервые в жизни не получил того, чего хочет. – Он отвернулся и посмотрел на фотографии на столе. – Он привык получать все, что пожелает, независимо от того, кого он мог при этом обидеть. – Энтони указал на коробку в моих руках. – Посмотрим, скажет ли это нам что-нибудь.

Я поставила коробку на стол и села. Мне потребовалось всего несколько минут, чтобы пролистать документы, пока я не нашла нужный мне рисунок. Вытащив его, я положила его на стол рядом с тем, что мне дала Ребекка.

– Они выглядят одинаково, пока вы не положите их рядом, не так ли? – сказал Энтони.

Я кивнула и совместила их – сначала перпендикулярно, затем параллельно, чтобы посмотреть, изменит ли это перспективу. Нет, это ничего не поменяло. Я внимательно вглядывалась в них, зная, что уже видела нечто подобное. Причем недавно. Похожие, но не одинаковые. Я пару секунд молча пыталась вспомнить, где я это видела. Воспоминание болталась перед моим носом, как морковка.

Я прищурилась, наклонилась к странице из архива и увидела то, чего не замечала раньше. Я постучала по этому месту ногтем.

– Энтони, вы это видите? Это вам что-то напоминает?

Он наклонился над рисунком, а затем с улыбкой посмотрел на меня.

– Это инициалы. С. В. Как на броши.

Я взволнованно кивнула.

– Точно. Сэмюэл Вандерхорст, кузнец из Галлен-Холла. Возможно, это образец чего-то такого, над чем он работал. – Мой пыл слегка охладился. – А значит, вероятно, это нам ничем не поможет. Он изготовил все кованые ворота и ограды на плантации, так что разумно предположить, что его эскизы остались либо в архиве, либо в столе Вандерхорста. Но это заставляет меня задаться вопросом: почему Марк так хотел найти наш рисунок?

– Вероятно, потому, что он знал, что наш дед сделал копию того, что видел на столе Роберта Вандерхорста, и это должно что-то значить, верно? – Энтони взял в руки листы и повертел их, как делал

с фотографиями в кирпичном пазле. Когда ни одна из сторон не совпала, он поместил один рисунок поверх другого, затем поднес их к люстре, повертел тот, что сверху, несколько раз, и наконец остановился.

– Это похоже на примитивную карту… одни линии и углы, – сказал он. – Но их нужно привести к одинаковому размеру, чтобы они лучше подходили друг к другу. Может, тогда мы сможем выяснить, что это за карта.

– Это просто… – я закрыла глаза, отчаянно пытаясь вспомнить.

– Что именно? – подтолкнул Энтони.

– Я уверена, что видела раньше этот рисунок… или очень похожий. Причем недавно.

– Где?

Нетерпение в его голосе заставило меня поднять глаза.

– Я вспомню чуть позже. Мне просто нужно перестать думать об этом. Мое подсознание всегда делает за меня большую часть работы.

– Верно. Извините, я действительно переутомился. Простите меня.

– Я понимаю. Я мать близнецов, которым еще нет и двух лет, вы ведь не забыли? Я знаю, что такое умственное истощение.

Энтони кивнул, его взгляд скользнул мимо меня к лестнице у меня за спиной.

– Мне кажется, что от усталости я бываю в бреду. Мне все время кажется, будто я вижу Элизабет, хотя я не дома и здесь нет ее портрета. И у меня отчетливое впечатление, что я ей не нравлюсь. Я почти уверен, что это она столкнула меня с лестницы.

– Неужели? И вы уверены, что не оступились?

– Абсолютно уверен. У меня были синяки на спине – чем не доказательство – в форме маленьких женских рук.

– С Марком такое случалось, когда он там жил?

– Нет. Похоже, повезло только мне.

– Понятно. Счастливчик. Просто странно, что она пристает к вам и никому другому. Судя по моему опыту общения с ней, она больше похожа на настырного духа, нежели на злобного.

– Может, я просто напоминаю ей кого-то, кто ей не нравился при жизни?

– Может быть. Такое случалось. – У меня зазвонил телефон. Я вытащила его из сумочки и, посмотрев на экран, удивилась, что это звонит Нола. Она никогда не звонила. Лично я сомневалась, что ее поколение в курсе, что их смартфоны можно использовать для телефонных звонков. – Погодите, – сказала я Энтони. – Это Нола, может быть, что-то важное. – Я провела большим пальцем по экрану, чтобы ответить, но не успела даже поздороваться, как она потребовала:

– Ты где? Разве ты не читала мои сообщения?

– Я дома у Джейн, и нет, я еще не читала твоих сообщений. Все в порядке?

– Я дома. Я кое-что поняла, поэтому ушла с уроков, чтобы поскорее вернуться домой и показать тебе. Но тебя не застала.

– Ты ушла с уроков?

– Мелани! – В ее голосе слышалось отчасти разочарование, отчасти раздражение. – Можешь подать на меня в суд, но поверь мне, это важно. Ты можешь прийти домой прямо сейчас? Я уже написала Куперу, он тоже уже едет.

– Я буду там минут через пять. Но не могла бы ты сначала сказать мне, о чем идет речь?

– О шифре! – Она едва не выкрикнула это слово, и мне пришлось убрать телефон подальше от уха. – Те четыре слова, помнишь? В письме от Лафайета, которое отец дал мне и предложил над ним поработать? Коньяк, перья щегла, кухарка, бургундское вино? У нас на уроке истории искусств была викторина по голландским художникам – кстати, я получила пятерку, – и внезапно до меня дошло. Я знаю, что означают эти слова. И это определенно шифр.

* * *

После забега по подъездной дорожке Джейн мои пальцы так окоченели, что я с трудом смогла пошарить в сумочке в поисках ключей и открыть дверь машины. Мне почти удалось ее закрыть, когда она вырвалась у меня из рук и в дверной проем просунулась голова Энтони.

– Я с вами. Я могу помочь.

– Спасибо, Энтони, но у нас будут Нола, Купер, Джейн и даже Джек, если ему хватит сил встать с постели. А вы нам очень поможете, если закончите складывать пазл с кирпичами. Там осталось совсем чуть-чуть.

Было видно, что он так сильно расстроился, что я почти передумала и едва не отправила его в дом за пальто и ботинками. Но тут мой телефон зазвонил снова, и я взглянула на сиденье рядом со мной. Пришло сообщение от Нолы. ПЖЛСТА, СКОРЕЕ!

Я покачала головой.

– Спасибо, но мы справимся сами. Я свяжусь с вами позже. Идите в дом и вздремните.

– Пожалуй, вы правы. Но держите меня в курсе. – Он закрыл мою дверь и, сунув руки в карманы джинсов, встал и провожал меня взглядом, пока я выезжала с подъездной дорожки на Саут-Бэттери.

Я не проехала и квартала, как меня встретили мигалки и полицейский, направлявший движение в сторону Уотер-стрит. Судя по всему, это было столкновение всего двух машин, но и его оказалось достаточно, чтобы заблокировать движение в обе стороны. Едва не выругавшись, я, нетерпеливо барабаня пальцами по рулю, ждала за пятью машинами, чтобы сделать разворот. Мой телефон запищал снова.

Я вновь взглянула на сиденье, ожидая увидеть очередное сообщение от Нолы, но нет. Вместо этого мой экран быстро прокручивал все мои сохраненные фото, в основном с Джей-Джеем, Сарой и Нолой, и замедлился, дойдя до снимков, которые я сделала на кладбище в Галлен-Холле. Лично мне это уже действовало на нервы… Не хватало мне, чтобы вдобавок ко всему мой телефон вышел из строя. Но потом я заметила фото, на котором он остановился, и поняла, что с телефоном все в порядке.

Позади меня загудела машина. Резко подняв голову, я увидела полицейского. Он ждал, когда я развернусь. Я улыбнулась и помахала рукой, надеясь, что он не остановит меня за то, что я одновременно пишу эсэмэски и веду машину. Нет, конечно, я не писала никаких эсэмэсок, но со стороны могло показаться именно так. Мало того, что писать сообщения, сидя за рулем, опасно и глупо, я с великим трудом могла набирать текстовые сообщения, сидя за столом и используя для

этого обе руки. Что тогда говорить про одну руку во время управления автомобилем!

Проезжая мимо полицейского, я улыбнулась и, нажав кнопку набора на рулевом колесе, позвонила на мобильный Энтони.

– Он у меня в телефоне! – выпалила я, пропустив все формальности. – Вот где я раньше видела этот узор! – Я сделала глубокий вдох, чтобы говорить медленнее. – Он находится на маленьком квадрате внутри больших кованых ворот мавзолея. Я его сфотографировала, и он до сих пор у меня в телефоне.

– Можете отправить его мне прямо сейчас?

– Отправлю буквально через минуту – я еще не дома.

Между тем пришло очередное сообщение от Нолы. СКОРЕЕ!!!!!

Я стиснула зубы и заставила себя расслабиться. Не обращая внимания на ее эсэмэску, я сказала:

– Я тут подумала, что вы могли бы преобразовать три рисунка в одинаковый размер и, сложив их вместе, посмотреть, что из этого получится.

– Отличная идея, Мелани. Я непременно это сделаю. Буду держать вас в курсе, а вы делайте то же самое, что бы там ни обнаружила Нола, хорошо?

– Договорились. – Я нажала красную кнопку и в объезд покатила назад на Трэдд-стрит. Впрочем, даже эта поездка на короткое расстояние длилась вечно, потому что все улицы с односторонним движением вели не туда, куда мне нужно.

Остановившись на подъездной дорожке, я сразу же отправила Энтони фото и помчалась в дом. Нола встретила меня в холле и сразу же потащила в кухню.

– Я думала, мы поработаем за столом в столовой, но миссис Хулихан сказала, что ты наверняка оторвешь нам головы, если мы случайно испортим сервировку исторического ужина.

Прежде чем я смогла сказать хоть слово в свое оправдание, Нола потащила меня в кухонную дверь, и это даже к лучшему, поскольку миссис Хулихан, вероятно, была права.

– Джек! – удивилась я.

Он сидел во главе стола в пижаме, халате и тапочках, закутанный в толстое одеяло. Возле его правой руки стояла коробка салфеток. Одна из них, скомканная, торчала из-за воротника пижамы. Глядя на

его волосы, можно было подумать, будто он застрял в аэродинамической трубе. Его подбородок зарос трехдневной щетиной. И все же, когда он улыбнулся мне, мое сердце тотчас забилось быстрее. Он по-прежнему был самым потрясающим, самым красивым мужчиной, какого я когда-либо встречала в жизни.

Я метнулась было к его стороне стола, но он поднял руку, останавливая меня.

– Не слишком близко, Мелли. Не хватало, чтобы ты тоже заболела.

Я обвела взглядом стол и заметила, что все стулья сгруппированы на другом его конце. Я поздоровалась с Купером, поискала глазами Джейн и детей. Скажу честно, каждый день возвращаясь домой, я пристрастилась к прикосновениям двух пар пухлых ручек к моей шее и слюнявым поцелуям в щеку. Даже три собаки, скачущие вокруг моих ног в знак приветствия, – это было не совсем то. Тем не менее я наклонилась, чтобы почесать каждую пару ушей, уделив Генералу Ли больше времени и внимания, поскольку он старший.

– Джейн наверху с близнецами, но как только они лягут спать, она присоединится к нам, – сказал Джек. Хотя мне жутко хотелось увидеть Джей-Джея и Сару, я ощутила легкое облегчение от того, что Джейн не будет принимать в этом участия. Я сказала себе, что проанализирую свои чувства позже. Когда будет время. Между тем Джек продолжил:

– Мы думали расстелить для нас и близнецов на кухне одеяло, с игрушками и собаками, но они все время просились на руки. Не знаю, для кого этот карантин тяжелее – для них или для меня.

– Мне тоже очень тяжело, – сказала я, укоризненно взглянув на него.

Нола печально вздохнула.

– Эй, вы двое. Может, мы все-таки сосредоточимся, пожалуйста?

Я подошла к ней и встала позади нее. Она тем временем открыла тот самый учебник истории искусства, с которым я видела ее и двух ее подруг на мастер-классе по плетению рождественских венков. Купер вытащил блокнот и открыл пустую страницу.

– Итак, – начала Нола, – если вы помните, когда папа впервые дал мне эти четыре слова, поручив разгадать их смысл, мы с Купером сели и попытались разделить их на категории и посмотреть, что у них общего. – Она обвела взглядом стол, посмотрев на каждого из нас. Ее

глаза были такими же пронзительно-синими, как и у ее отца, когда он разгадывал запутанную тайну, гадая, за какую ниточку ухватиться. Это получалось у него лучше всего, и, очевидно, он передал этот талант своей старшей дочери. А может, и младшей, и сыну, но об этом пока рано было говорить.

– Мелани?

Я поняла, что Нола повернулась и теперь смотрит на меня, в то время как я смотрела на Джека и думала о наших детях.

– Да?

– Ты нас слушаешь?

– Конечно, – я кивнула. – Продолжай.

– Итак, мы с Купером сделали эти колонки и записали для каждого слова прилагательные, чтобы посмотреть, сможем ли мы найти что-то общее. Мы занимались этим несколько дней, снова и снова просматривали столбцы, находили новые слова, о существовании которых я даже не догадалась бы, если бы не всемогущий Гугл. Или если бы на месте Купера был кто-то другой.

Они переглянулись, и Джек нахмурился. Либо он поправлялся, либо его радар, нацеленный на Нолу, не пострадал от гриппа. Нола между тем продолжала:

– Единственное, что мы заметили, это то, что три предмета можно идентифицировать по цвету: коньяк коричневый, перья щегла желтые, а бургундское вино красное. Оставалась кухарка. Даже в семнадцатом веке они, вероятно, были разных цветов. Это было полной бессмыслицей, и мы с Купером решили, что идем по ложному пути.

Она театральным жестом взяла книгу и открыла для всеобщего обозрения, словно учительница начальной школы, читающая своим ученикам. Я узнала картину: женщина в белом полотняном чепце держит что-то вроде глиняного кувшина, из которого в миску льется молоко.

– Это известная картина голландского художника Йоханнеса Вермеера. Ее официальное название – «Молочница». Но… – Нола для пущего эффекта выдержала паузу, – возможно, потому что, по мнению многих людей, молочница выглядит иначе… как молодая женщина, которая доит коров… эта картина более известна как…

Она вновь умолкла, но вместо того, чтобы стиснуть зубы, Джек улыбнулся.

– «Кухарка».

– Бинго! – Улыбка Нолы была копией улыбки ее отца. – Я чувствовала себя круглой дурой. Мы ведь весь семестр изучали Вермеера, и я так много знала о нем. Странно, что до меня не дошло раньше. Но что было *действительно* интересно и что наконец привлекло мое внимание, так это цветовая палитра. – Руки Нолы напряглись под тяжестью фолианта. Заметив это, Купер встал и взял у нее книгу, а я заняла его освободившееся место за столом.

– Спасибо, – сказала она. Я очень надеялась, что Джек не заметит ее лица, когда она улыбалась молодому человеку.

Нола нахмурила брови.

– На чем я остановилась?

– На цветовой палитре Вермеера, – сказал Купер.

– Верно. В общем, у каждого художника была своя фирменная палитра. В семнадцатом веке, когда Вермеер писал свои картины, ему было доступно всего около двадцати пигментов, и он предпочитал работать в основном с семью. – Ее улыбка стала шире, и она указала на фон «Молочницы». – Его палитра была необычной из-за пигмента, который он использовал для создания теней на побеленных стенах. Они были теплее, чем тени, созданные с помощью черного пигмента, которым пользовались другие художники.

– И этот пигмент… – словно церемониймейстер, объявил Купер. Я даже подумала, не выстучать ли мне на столе барабанную дробь. Мы с Джеком вопросительно посмотрели на Нолу, а затем на Купера, словно ожидая, что они перевернут страницу и откроют ответ, потому что мы понятия не имели, к чему они клонят.

– Умбра! – крикнула Нола.

Купер положил книгу на стол.

– Итак, теперь у нас есть четыре объекта, каждый определенного цвета: коричневый, желтый, умбра и красный.

Я села прямо.

– И это значит?..

Купер и Нола переглянулись и снова посмотрели на меня.

– Мы не уверены. Вот почему мы рассчитывали на небольшой мозговой штурм.

Джек потянулся за блокнотом и ручкой, и Купер подтолкнул их ему через стол. Вверху пустой страницы Джек записал четыре слова

и четыре соответствующих им цвета.

– Что нам сейчас нужно сделать, так это поместить все это в контекст Вандерхорстов того времени. С чем они были бы знакомы и какова их связь с этими четырьмя словами или цветами. И главное, чтобы это было известно Лафайету, так что его письмо было понятно лишь им, надеюсь, никому больше.

– У нас точно такие же соображения, сэр, – сказал Купер. – И поскольку мы исходим из того, что это может быть связано с сокровищем французского короля, мы рассматривали наши четыре цвета именно в этом контексте.

Джек, который все еще что-то писал, поднял глаза на Купера.

– И что вы нашли?

– Пока ничего, сэр. Но я готов остаться здесь с Нолой на весь вечер и помочь разобраться в этом.

Джек недобро прищурился.

– Я уверен, что в этом нет необходимости.

– Папа! – крикнула Нола. Было видно, что она оскорблена в лучших чувствах.

– Нет, сэр, – ответил Купер, залившись румянцем, и прочистил горло. – Мы выяснили одну вещь, сэр, относительно умбры. Миссис Вандерхорст была заядлой собирательницей произведений искусства. Есть несколько картин, которые она приобрела, живя в Галлен-Холле, которые позже были подарены семьей музею Гиббса. Хорошо известно, что ее любимыми художниками были Рембрандт и Вермеер. Так что вполне логично предположить, что она была осведомлена об излюбленной палитре Вермеера.

– И маркиз наверняка бы это выяснил, – сказал Джек, постучав ручкой по блокноту. Впрочем, в следующий миг он выронил ее и устало откинулся на спинку стула. Его лицо приобрело восковой блеск.

– Джек, тебе нужно отдохнуть. – Я встала и подошла к нему. Купер и Нола тоже двинулись в его сторону, но он взмахом руки велел им отойти.

– Не стоит… вы можете заразиться… обещаю быть осторожной. – Я помогла Джеку встать и вновь услышала, как стучат его зубы. – Давай мы уложим тебя в постель.

– Мне нравится, когда ты так говоришь, – прохрипел он.

– Папа! – крикнула Нола. – Ты же знаешь, мы все еще здесь.

Джек улыбнулся и вновь потянулся к столу.

– Мне нужен блокнот. На потом, – сказал он, заметив мою тревогу.

Нола схватила блокнот и протянула мне. Взяв блокнот и обняв Джека за плечи, я повела его наверх. Здесь я дала ему жаропонижающее и уложила в постель, добавив по его просьбе еще одно одеяло.

– Положи сюда блокнот и ручку, – сказал он и указал на место на кровати, где обычно спала я. – Когда я проснусь и почувствую себя лучше…

– Конечно, – сказала я, – но только не перетруждай себя. Тебе действительно нужен отдых, если ты хочешь поправиться. – Сев на край кровати, я убрала волосы с его лба. – Тебе еще что-то нужно?

Он многозначительно приподнял брови.

– Джек, ты болен, или ты забыл?

– Это не значит, что я мертв, – пробормотал он. – Что угодно, о чем можно поразмышлять, пока я застрял здесь?

Слово «мертв» напомнило мне кое-что из сказанного Энтони.

– Может быть. Мы с Энтони разговаривали раньше, и он сказал, что почти уверен, что это Элиза Гровнер столкнула его с лестницы в Галлен-Холле. Всякий раз, когда он проходит мимо ее портрета, он ощущает неприятные флюиды. Поэтому он считает, что она его ненавидит. Он даже предположил, что, возможно, он похож на кого-то из ее жизни, кто ей не нравился.

– Может, она просто ненавидит мужчин.

Я покачала головой.

– Нет, это вряд ли. Похоже, она взъелась только на Энтони. У нее нет ненависти к мужчинам. Думаю, она даже поцеловала Греко.

Джек оторвал голову от подушки, но тотчас откинулся назад.

– Когда это произошло?

Я не могла вспомнить, что я уже говорила ему, а что нет. В свою очередь, Джек все еще не рассказал мне о том, о чем упомянула Джолли, – о злом духе из цистерны, который последовал за ним в мой кабинет. В пику ему я решила скрыть происшествие с пчелами и выкрики моей матери, пока он не поделится со мной тем, что узнал. Это было по-детски глупо, и я уже решила, что расскажу ему все. Как только ему станет лучше, когда он сможет все это осмыслить. Во

всяком случае, я все время убеждала себя в этом. Посмотрев на свою руку, на которой был перстень с печаткой, я прикрыла его другой рукой.

– Он зашел к нам, чтобы кое-что забрать, прежде чем отправиться на мероприятие, посвященное живой истории, и был одет в полную британскую полковую форму. Он стоял в комнате Нолы, когда, по его словам, почувствовал, как некая женщина поцеловала его в щеку. Я почти уверена, что это была Элиза… я постоянно ощущаю ее присутствие.

Джек на мгновение задумался.

– Итак, Александр был британским солдатом, стоявшим на постое в Галлен-Холле, но Элиза была помолвлена с Лоренсом, сыном семьи. – Его веки были готовы смежиться. – Странно, что она поцеловала британского солдата, не так ли?

Я снова посмотрела на перстень и вспомнила, как Греко сказал мне, что после того, как надел его себе на палец, он ощутил поцелуй. А моя мать была уверена, что владелицей кольца была женщина. Я подняла руку, чтобы показать ему.

– Греко нашел это в столбике кровати…

Я не договорила. Глаза Джека были закрыты, мускулы лица расслаблены, дыхание стало спокойным и размеренным.

– Неважно, – сказала я. – Я расскажу тебе позже. – Я встала и наклонилась над кроватью, чтобы поцеловать его в лоб. – Я люблю тебя, – прошептала я, наблюдая, как он спит, после чего тихонько вышла из комнаты.

Глава 31

В субботу утром, в день исторического ужина, я встала рано, чтобы руководить последними приготовлениями. Накануне вечером Нола помогла мне собрать близнецов и перевезти их вместе со всеми их вещами к родителям Джека. Сначала я возражала, что они не будут никому мешать, но Нола напомнила мне, что Джей-Джей обожает швырять круглые предметы, до которых могли дотянуться его маленькие ручки, как если бы это были бейсбольные мячи, а Сара пристрастилась карабкаться на рождественские елки в поисках самого блестящего украшения. Я быстро согласилась.

Миссис Хулихан, Нола и Джейн должны были быть рядом, чтобы помочь мне. Джек все еще был слишком слаб, чтобы вставать с постели, но Купер сказал, что всегда готов помочь, если нам вдруг понадобится дополнительная пара рук в установке взятых напрокат столов, чтобы рассадить еще двенадцать пар гостей, которые не поместятся за одним столом в столовой.

Я распечатала таблицы с графиком и задачами, которые предстояло выполнить, в соответствующих строках и столбцах. Каждый такой столбец и строчку я пометила именем человека, который за это отвечал, а затем распечатала дополнительные копии на тот случай, если кто-то потеряет свои, что, похоже, происходило часто. Главный обеденный стол в парадной столовой уже был накрыт старинной бельгийской кружевной скатертью моей бабушки и соответствующими салфетками, а потрясающий красный с темно-синим сервиз Имари, доставшийся мне от Вандерхорстов, сиял золотом, выделяясь на белой скатерти, словно россыпь драгоценных камней.

Хотя мне и не хотелось этого признавать, но самодельные композиции из апельсинов, ананасов и сосновых шишек, которые Софи заставила меня сделать, добавили к общему убранству великолепный праздничный штрих. Как и фонари «молния» на веранде, которыми Греко украсил гирлянду из вечнозеленых веточек сосны, сапфирового кедра и самшита. Он даже заготовил достаточно

материалов, чтобы украсить их композициями небольшие столы, чтобы те были столь же элегантными, как и основной стол.

Запищал мой телефон: пришло сообщение от Греко. Меня жутко обрадовало, что он писал как нормальный человек – полными предложениями и со знаками препинания.

Я получил ответ от дяди Оливера с скромной информацией для вас. Лоренс В. и его отец практически не общались, хотя жили под одной крышей. Поговаривали, что один из них поддерживал патриотов, а другой оставался лоялистом. Правда, не ясно, кем был тот или другой, поскольку историческая информация противоречива. Как бы то ни было, он считает, что Лоренс был убит именно по этой причине.

Пока я тщетно пыталась набрать слово «спасибо», на экране высветилось новое сообщение.

Кстати, вам также может быть интересно узнать, что Святой Галлен был покровителем птиц. Дядя О. находит любопытным, что смена названия поместья произошла примерно во время Революции и покупки Элизой первых павлинов.

В конце предложения он добавил смайлик и гифку с победно поднятым вверх кулаком.

Когда я спустилась по лестнице, из столовой вышла Джейн. Я показала ей текст Греко. Ее глаза тотчас полезли на лоб.

– Сюжет сгущается, – сказала она. – И вся эта история с Галленом – прямо у нас под носом.

– Видимо, мы были не единственными, потому что никто, похоже, не связал Галлен-Холл с павлинами.

Я перечитала текст еще раз, вспоминая, что я читала в учебнике Нолы о том, что к телу Лоренса вели единственные следы, причем вели они от дома.

– Так кто же убил Лоренса? – спросила Джейн, озвучивая мои собственные мысли.

– Кто-то из близких. Кто-то свой. Единственное, что мы знаем наверняка: это не Элиза или Александр, потому что они оба уже были мертвы. – Я нахмурилась. – И все же я уверена: Элиза как-то с этим связана. Именно она привезла павлинов в Галлен-Холл, а затем название плантации поменяли.

– Определенно не совпадение, – сказала Джейн.

Я кивнула.

– Наверняка мы знаем одно: она была помолвлена с Лоренсом. Но когда мать держала в руке перстень с печаткой, она сказала, что его владелицей была женщина.

– А значит… – начала было Джейн, но умолкла, когда мимо нас прошествовала в переднюю гостиную миссис Хулихан с перьевой щеткой для смахивания пыли в руке.

– Давай поговорим об этом позже, у нас много работы.

Джейн кивнула и подняла в руке апельсин.

– Я нашла их под столом и за шторами в столовой. Это часть рождественских украшений?

Я вспомнила, как некоторые из них летали вокруг стола, когда я была там с Майклом, но мне казалось, что я собрала их все.

– Нет, не совсем. Думаю, это сестра Вероники прислала их, чтобы напомнить мне, что она все еще здесь и ждет, чтобы двинуться дальше. Или же Джей-Джею дали побегать по дому с миской апельсинов.

Я направилась в столовую и начала собирать раскатившиеся апельсины.

– И?

– И что? – Я приподняла длинные шелковые шторы и вытащила еще два апельсина.

– И ты намерена ей помочь?

Я подошла к другому окну и, заглянув под шторы, обнаружила еще один фрукт.

– Думаю, придется. Я пообещала Веронике это сделать, но только не сейчас. Майкл хочет выставить их дом на продажу прямо сейчас, чтобы им поскорее переехать, но Вероника считает, что, если они переедут, то потеряют важный ключ к разгадке исчезновения Адриенны.

– И ты согласилась ей помочь?

– Вопреки здравому смыслу, да, но я помогу ей только после Рождества. В данный момент я так безумно занята, что просто не могла добавить в свою тарелку еще одного беспокойного духа. Думаю, я достаточно притормозила продажу дома, так что у нас есть время до конца года, прежде чем это дело сдвинется с места.

– Тебе не кажется, что я могла бы помочь тебе?

Я не решилась посмотреть ей в глаза.

– Может быть. Давай не будем торопить события.

Я принялась расхаживать по периметру комнаты в поисках незамеченных ранее фруктов.

– Знаешь, она права, – сказала Джейн. – Говоря о потере важной подсказки. Я тоже иногда вижу Адриенну, и теперь я знаю: время имеет решающее значение. Я видела ее несколько раз, когда работала с Вероникой. Должно быть, они были очень близки.

Я встала и посмотрела на сестру.

– Думаю, да. Вероника все еще тоскует по ней, хотя прошло уже больше двадцати лет.

На лицо Джейн легла печать задумчивости.

– Как, наверно, это приятно, расти вместе с сестрой. Делиться секретами. Косметикой. Одеждой.

– И ссориться, – добавила я. – Большинство сестер, которых я знаю, вечно ссорились, – сказала я и тотчас же пожалела о своих словах. Я на миг представила себе, как мы с Джейн, в одинаковых черных лакированных туфельках, в обществе нашей бабушки лакомимся пломбиром возле киоска напротив кафе «Каролина». Бабушка наверняка знала бы, что каждая из нас хочет свою собственную порцию, потому что даже сейчас, будучи взрослыми, ни Джейн, ни я никогда ни с кем не делились десертом. И мы бы знали о безмолвных духах вокруг нас, за другими столиками или стоящих рядом, но нам бы не было страшно, потому что мы были бы вместе.

Увидев ее оскорбленный взгляд, я поспешила смягчить тон.

– Да, было бы хорошо не расти в одиночестве. И я бы предпочла сестру, чем брата. Чтобы можно было меняться одеждой.

– Не думаю, что мы бы ссорились, – сказала Джейн, как будто слышала только первую часть. Она заглянула за дверь столовой и подняла апельсин, который я не заметила. – Потому что у нас с тобой есть нечто общее – этот дар или как ты там его называешь. Он бы сплотил нас. Примерно так же, как он связывает нас сейчас.

– Верно, – не совсем искренне согласилась я.

Она улыбнулась. Я улыбнулась в ответ, ощутив при этом лишь легкий укор совести, что не могла полностью согласиться с ней. Я указала на апельсины, которые мы обе держали в руках.

– Может, отнесем их в кухню для миссис Хулихан? Она наверняка найдет способ, как с ними поступить. Например, испечет еще одну

партию чудесного печенья, которое мне не даст. – Я направилась в кухню, чтобы положить апельсины в миску посреди центрального островка, Джейн последовала за мной.

– Вероятно, – сказала она и поморщилась. – Мне кажется, от сладостей отказаться проще всего, когда их вообще нет дома.

Мой укоризненный взгляд вынудил ее быстро сменить тему.

– Сегодня во время пробежки мне недоставало тебя. У тебя все получается хорошо, и я считаю своим долгом как тренера поддерживать твою мотивацию.

Мы вернулись в столовую, где я выглянула в окно.

– У меня больше мотивации выдержать этот день, нежели получить обморожение. Нас явно ждет непогода.

– Было лишь немного холодно. Главное, правильно одеться.

Я оделась потеплее и сунула в беговые перчатки грелки для рук.

Джейн в упор посмотрела на меня.

– Кажется, я знаю, что положить в твой рождественский чулок.

Я заставила себя улыбнуться.

– Вообще-то я предпочитаю шоколадных Санта-Клаусов, если это кому-то интересно. – Темный сплошной шоколад. Никаких пустотелых фигурок из молочного шоколада – с таким же успехом я могу съесть тофу.

Раздался звонок в дверь, возвестив о доставке мебели из бюро проката. Джейн, миссис Хулихан и я занялись размещением в передней гостиной шести дополнительных столиков и застелили каждый белой скатертью. Я начала расставлять на столы центральные композиции и даже попыталась «джушить» их, как учил меня Греко, но оставила попытки, увидев, что миссис Хулихан идет прямо за мной и все переделывает. И они действительно становились красивее.

Пока мы работали, из кухни, мешая сосредоточиться, доносились чудесные запахи выпечки. Миссис Хулихан настояла на том, чтобы добавить в меню свой знаменитый томатный суп с охлажденными креветками, которых ее муж поймал прошлым летом в Эдисто, а она отложила и заморозила их «на всякий случай».

Еще она уговорила меня позволить ей подарить нашим гостям небольшие пакетики с вкусностями, в число которых входили пралине с орехами пекан, домашние трюфели, лимонно-клюквенные пирожные и пряное песочное печенье с глазурью и мятой. Из всего этого я еще не

попробовала ни кусочка. В том, что касалось меня, миссис Хулихан, похоже, обладала неким шестым чувством, вечно встречая меня в дверях кухни, каждый раз, когда я пыталась прокрасться и стащить на пробу что-то вкусненькое. Она утверждала, что я не знаю, что такое проба, и что каждый раз, когда она позволяла мне это в прошлом, ей приходилось печь очередную партию того, что я пробовала. Я, конечно, это отрицала, обвиняя в этом любого, кто на тот момент был в доме, но она мне ни разу не поверила.

Мама приехала около десяти, после того как съездила с отцом в садовый магазин за брезентом для его любимых вечнозеленых кустов Дафны и камелий, чтобы защитить их от снега. Это были выносливые, устойчивые к холоду растения, но отец опасался, что его южные красавицы не переживут ледяной дождь или толстый слой снега. Я позвонила ему на мобильный и попросила купить больше брезента, чем ему было нужно, потому что Софи беспокоилась о цистерне, не желая подвергать ее содержимое лютому холоду. Меня так и тянуло спросить у нее, как холод может сделать кучу мусора менее ценной, однако я прикусила язык и воздержалась от язвительных фраз, напомнив себе, что мы как-никак подруги.

Нола спустилась вниз примерно в то же время, когда приехала моя мать. Нола была не любительница рано вставать, и меня впечатлило, что в субботу она спустилась вниз еще до полудня. Миссис Хулихан вложила ей чашку чая в одну руку, я вложила таблицу в другую и подождала еще минут пятнадцать, чтобы она полностью проснулась и приступила к работе.

Она начала с того, что помогла нам с миссис Хулихан поставить на столы «ассорти» из сервиза Имари, принадлежавшего Вандерхорстам, и свадебного фарфора Картье с узкими золотыми ободками, позаимствованного у мамы, которые прекрасно сочетались друг с другом. Это сочетание предложил Греко. Я даже удивленно покачала головой, отказываясь поверить, что нашла этого человека по рекомендации его хорошего друга Рича Кобилта, с которого вечно сползали штаны.

Пока мы работали, я продолжала поглядывать в окно, постоянно проверяя погоду на улице и по телефону, а иногда даже включала канал с прогнозом погоды, подтверждавшим, что до утра воскресенья

снег не пойдет. Мантра моей жизни заключалась в том, что если что-то стоило делать, то стоило делать трижды.

Под руководством Джейн мы с Нолой превращали салфетки в этакие элегантные вигвамы, – очевидно, в школе нянь она научилась складывать любой материал в любую форму, – когда наверху лестницы появился Джек.

– Мелли?

Я тотчас бросила квадрат льняной ткани и, перепрыгивая через две ступеньки за раз, взлетела по лестнице. Джек по-прежнему выглядел бледным и не совсем здоровым, но его щеки слегка разрумянились.

– Тебе нельзя вставать с постели.

– Наверное, нет, – согласился он, – но, кажется, я только что понял, что означают эти цвета. – Он наклонился ко мне, и я обняла его за плечи. Его колени как будто слегка согнулись, но я постаралась удержать его в вертикальном положении. Джейн взбежала по лестнице и, встав с другой стороны от него, обняла его за талию.

– Мне тоже подойти? – крикнула Нола.

– Нет, мы с тетей Джейн справимся сами.

– Но ведь это я…

– Да, ты помогла нам разобраться в умбре.

Об этом было невозможно забыть, потому что с вчерашнего вечера она привносила эту тему в любой разговор.

– И мы благодарны тебе, но эти салфетки не сложатся сами по себе. Можешь одолжить мою линейку, чтобы убедиться, что все стороны равны, – я оставила ее на столе рядом с тобой.

Мы с Джейн осторожно отвели Джека обратно в кровать, хотя сначала мне пришлось убрать блокнот и около десятка скомканных листов бумаги. Поправляя подушку под его головой, я нахмурилась.

– Ты работал над этим вместо того, чтобы спать?

Его улыбка была так хорошо мне знакома, что мой гнев моментально испарился, что, я уверена, и входило в его намерения.

– Может быть.

– Джек! Как ты собираешься поправляться, если не будешь беречь себя?

– Для меня достаточно увидеть твое красивое лицо, и мне сразу же становится лучше.

Он посмотрел мне за спину, туда, где, сложив на груди руки, стояла Джейн.

– Как это было?

Джейн попыталась скрыть улыбку за нахмуренным выражением лица.

– Ужасно. И Мелани права, Джек. Тебе нужен сон.

Я быстро кивнула ей в знак признательности.

– А теперь ложись спать, поговорим позже. Нам нужно готовиться к вечеринке. – Я потянулась к лампе, но Джек взял меня за руку.

– Сначала я тебе покажу, а потом я пойду спать. Обещаю.

Я вытащила из-под стопки мятых бумаг блокнот и протянула ему.

– Смотри, – сказал он, ткнув пальцем в какие-то каракули. – Моя ошибка в том, что я думал, что это будет сложнее, чем на самом деле.

– Типа искать зебр вместо лошадей, – сказала Джейн.

– Точно. – Джек с благодарностью посмотрел на нее.

Как будто догадавшись, что я понятия не имею, о чем она, Джейн пояснила:

– Раньше я работала у женщины-врача и ее семьи, и она сказала мне, что молодые врачи, исследуя симптомы, вечно ищут причудливые болезни, а не повседневные вещи типа простуды.

– А-а-а, – ответила я, глядя на запутанные слова в блокноте.

Джек закашлялся, и я протянула ему стакан воды, который стоял на его тумбочке.

– Итак, – сказал он, – я потратил пару часов, просматривая все книги по шифрованию, какие только у меня были, не зная, смогу ли я разгадать этот шифр. Здесь всего четыре слова. Нола уже проделала самую сложную часть, выяснив цветовую связь, и я подумал, что смогу выяснить остальное. – Он на миг умолк и откинул голову на подушку, чтобы отдышаться.

– В общем, – продолжил он, – впустую потратив уйму времени, я вернулся к самому простому из всех шифров – подстановке букв и первым буквам. То есть начал вместо зебр искать лошадей, так сказать. Это элементарно, но я подозреваю, что тот, кто придумал исходный список, счел его хорошо зашифрованным намеком на то, что любой дополнительный код был лишь мерой предосторожности и не требовал особых усилий.

Проследив за его пальцем, скользящим вниз по странице, я увидела его попытки составить слова, используя различный порядок букв. Затем на моих глазах Джек перевернул страницу, на которой корявыми печатными буквами было написано одно слово. RUBY[4].

– Red, umbra, brown, yellow[5], – сказала я вслух. – Так просто, но так дьявольски хитро, когда ищешь что-то посложнее.

Джейн потерла лоб.

– Итак, французский король дал маркизу де Лафайету ценный рубин, чтобы тот тайно отдал его кому-то – возможно, шпиону – в Галлен-Холле, чтобы поддержать дело Америки. И я лишь потому говорю «шпион», что Вандерхорсты были лоялистами, верно?

Джек кивнул, как будто усилие, которое потребовалось, чтобы открыть рот, было выше его сил. Но я понимала: сейчас мне его не остановить. Я больше всего любила в нем упорство и ум, и поэтому знала, что заставлять его сейчас замолчать и расслабиться – напрасный труд. Глубокая складка над его переносицей внезапно разгладилась. Похоже, он что-то понял.

– Там был не один рубин, – взволнованно сказал он. – А целых четыре. И где лучше всего спрятать драгоценные камни, как не в украшении? Помнишь брошь на портрете Элизы – в виде павлина. Я уверен, это та же самая брошь из видения Джолли, о которой я тебе рассказывал. В ней было четыре камня.

Джейн кивнула, а я попыталась расслабиться. Джолли рассказывала мне о своем видении человека с брошью, который следовал за Джеком, но мне Джек ничего не рассказал. Вплоть до этого момента я все еще ждала. Но, похоже, он рассказал Джейн. Отчасти мне хотелось верить, что это просто оплошность, – он был болен, а сейчас все было так безумно, – но отчасти я ощущала хорошо знакомую мне обиду.

– Но не все камни были красными, – сказала я, вспомнив портрет и те случаи, когда я видела Элизу. Я произнесла эти слова начальственным тоном и тотчас поймала себя на том, что с моей стороны это попытка придать значимости собственной персоне.

– Верно, – сказала Джейн и посмотрела на Джека. – Они могли быть замаскированы, верно? Например, морилкой или даже акварельной краской?

Джек одобрительно улыбнулся.

– Я тоже так подумал. Вставьте разноцветные камни в брошь из пинчбека, и никто не узнает, что там под ними.

– Тогда где четыре рубина? – спросила я.

Джек медленно покачал головой.

– Я знаю, что это как-то связано с мавзолеем, тем, что был разрушен и восстановлен, став на два кирпичных ряда выше. Это должно что-то значить. Не может быть совпадением, что его отстроили заново через год после того, как Лафайет якобы привез в страну сокровище.

– И трое похороненных там тоже должны быть как-то связаны между собой, – добавила Джейн. – Поскольку все они умерли в тот же год, когда сокровище якобы было доставлено в Галлен-Холл.

Я села на край кровати и внезапно вспомнила о перстне с печаткой, который все еще был у меня на пальце. Он был очень теплым, я бы даже сказала, горячим и обжигал мою кожу своим теплом. Я вспомнила, что сказала моя мать, когда взяла его в руки, вспомнила ощущение горечи и разочарования и поцелуй, которого удостоился Греко, когда надел кольцо. И следы мокрых подошв после ухода Греко. Я также вспомнила, что рассказывала мне Джолли о человеке, преследующем Джека, и разбитом сердце самого призрака.

Я тихо ахнула и подняла глаза. Я поняла, кто был шпионом. А еще значение слова «*ложь*». Что еще важнее, хотя я и не знала точно, где спрятаны рубины, я поняла, где их искать.

– Что такое? – спросил Джек. Было видно, что он борется с усталостью и его веки слипались.

– Это может подождать. У нас сегодня вечеринка, и мне нужно к ней готовиться. – Я встала и накинула на него одеяло. – А ты поспи. Поговорим завтра.

– Мелли… – мое имя прозвучало как предостережение. Сделав вид, будто не слышу его, я наклонилась, чтобы поцеловать Джека в лоб, и вывела Джейн из комнаты.

– Что это было? – спросила Джейн, когда я повела ее к лестнице.

– Ты о чем?

– Ты ахнула. Не знаю, потому ли, что я экстрасенс, или потому что мы сестры, но что бы ты сейчас ни думала, у меня дурное предчувствие.

– Единственное, о чем я сейчас думаю, – вечеринка. Нам нужно все подготовить до приезда первого гостя. А потом мы сможем выяснить, где находятся рубины.

С этими словами я поспешила вниз по лестнице. Джейн шла за мной по пятам, и я спиной чувствовала, как она с тревогой следит за каждым моим шагом.

Глава 32

Я застегнула на шее бабушкину нитку жемчуга, чувствуя себя немного странно из-за того, что делаю это сама. Мой обычный ритуал выхода из дома предполагал, что я приподнимала волосы, а Джек медленно застегивал кулон или бусы у меня на шее. Заканчивался этот ритуал нежным поцелуем под ухом. Джек был лишь в соседней спальне, но я скучала по нему, как если бы он был в долгой поездке в другой стране. Раньше за ним не водилось даже небольших простуд, и то, что он был прикован к постели почти неделю, не могло не тревожить. Как будто карусель, на которой мы ехали, внезапно сменила направление, и у меня перед глазами все закружилось-завертелось.

Прежде чем спуститься вниз, я зашла в спальню, проверить, не нужно ли что-нибудь Джеку. Он сидел, обложенный подушками, чтобы ему было легче дышать. Рядом с ним на тумбочке стояли пузырьки с таблетками и кувшин с водой. У него на коленях лежал раскрытый толстый том, в котором я узнала книгу двоюродного дедушки Греко о шпионах. Услышав, что я вошла, он поднял глаза. Его взгляд тотчас же затуманился, и лишь частично причиной тому было лекарство.

– Ты сегодня красавица, – сказал он. Я села на край кровати, стараясь не задеть мусорницу, до половины заваленную использованными бумажными носовыми платками, хотя я опорожнила ее всего пару часов назад.

– Чувствуешь себя немного лучше?

Он кивнул.

– Миссис Хулихан принесла мне тарелку своего фирменного томатного супа с креветками и печенье. У меня разыгрался аппетит, и я с удовольствием полакомился.

Я поискала глазами тарелку.

– Ты их все съел? И не оставил мне даже крошки?

– Извини, я съел все до последнего кусочка. Но я уверен, что внизу еще кое-что осталось.

– О да. Тонны всего. Но мне запрещено к ним даже прикасаться. – Я скрестила на груди руки.

– Надеюсь, ты понимаешь, что миссис Хулихан работает на тебя?

– Да, но…

Разумеется, он был прав. Я росла с отцом-военным, и у меня было почти неестественное уважение к власти, и перечить ей всегда было чем-то вроде неповиновения.

– Это сложно, – сказала я, и чтобы сменить тему, постучала по книге перед ним. – Нашел что-нибудь интересное?

– Точно сказать не могу. Я пытаюсь определить, кто были главными фигурами в шпионской сети павлиньих шпионов. Кэрролтон Вандерхорст, отец Лоренса, был известным лоялистом, но после революции сохранил все свои земли на реке Эшли. Ни пяди не было конфисковано в наказание за поддержку британской стороны.

– Интересно, – сказала я. – А что насчет Лоренса?

– Защитник короны до мозга костей. Если не до фанатизма… возможно, поэтому Кэрролтон держал свои истинные убеждения в секрете от сына.

– Кстати о Кэрролтоне. Двоюродный дедушка Греко, историк, утверждает, что между отцом и сыном отношения были натянутые. И, очевидно, убийца Лоренса пришел из Галлен-Холла. Две пары следов вели прочь от дома, а возвращалась только одна. Но никого не арестовали.

Джек приподнял брови.

– Это, безусловно, интересный штрих к рассказам о том, как они болели за враждующие стороны.

Я кивнула.

– И еще один момент. Святой Галлен был покровителем птиц. Не думаю, что это совпадение.

– Точно нет. – Он перегнулся через кровать и взял ксерокопию страницы. – Ивонна прислала это мне сегодня утром по факсу. Нола принесла ее мне, чтобы я не беспокоил тебя. Это из книги по архитектурному дизайну, которую она нашла в архивах о кладбищах Чарльстона. Там есть довольно большой раздел, посвященный мавзолею в Галлен-Холле. – Джек протянул мне лист, но, увидев, что я щурюсь, убрал руку. – Давай я лучше тебе перескажу?

– Мои очки внизу, к твоему сведению. Я надевала их сегодня утром, чтобы измерить складки салфеток.

Секунду помолчав, Джек продолжил:

– Первый мавзолей был построен в 1780 году Кэрролтоном Вандерхорстом как семейная усыпальница, поэтому на изначальном плане было десять ниш. Но именно Кэрролтон приказал разрушить его два года спустя, а в новом склепе похоронил своего сына, его невесту и британского солдата. Кэрролтон собирался добавить два ряда, а также заказал кованое железо для ограды по периметру, парадных ворот и ворот мавзолея. Для кладбища были спроектированы еще двое ворот, но они исчезли после урагана «Хьюго» в восемьдесят девятом. Остальная железная ограда чудом уцелела.

Я покосилась на страницу, пытаясь ее рассмотреть.

– Значит, для переделки предназначались трое ворот, но уцелели только парадные вместе с дверью мавзолея?

Джек кивнул.

– Похоже на то. Их все спроектировал и изготовил Сэмюэл Вандерхорст. Но есть кое-что еще, что лично мне кажется наиболее многообещающим.

Сняв с воротника пижамы очки для чтения, он сунул руку под тяжелый учебник и вытащил томик в кожаном переплете.

– Этот «самородок» был обнаружен Купером в библиотеке Цитадели. У них там внушительная коллекция книг о жителях Южной Каролины с военным прошлым, одним из которых был Кэрролтон Вандерхорст. Судя по всему, в первые годы Французской и Индейской войны он возглавлял отряд ополченцев в Вирджинии. Сам Джордж Вашингтон называл Вандерхорста своим «великим стратегом». Когда я это прочел, следующая часть начала обретать для меня смысл.

Он открыл книгу на странице, где в качестве закладки лежал чистый носовой платок.

– Кэрролтон умер в январе 1783 года… – Джек выдержал паузу, пытаясь подобрать точную формулировку, – от «желчной печени». Очевидно, он был болен в течение нескольких лет, так что его смерть не была неожиданной. Именно поэтому он и построил первый мавзолей вместе с кирпичной стеной, окружавшей кладбище. – Джек посмотрел на меня. – Итак, предположим, что Кэрролтон завладел четырьмя рубинами для дела патриотов. Но он умирает, и кто бы ни был шпионом, он не может ему помочь, и, возможно, он не знает, кому доверить драгоценности. В конце концов, Александр и Лоренс были убиты неизвестным лицом или лицами, так что существует реальная

опасность, что у него найдут эти рубины. Помните, гениальный военачальник Вашингтон называл Кэрролтона «великим стратегом», так что предположу, что он был довольно умен. Поэтому он придумал хитроумный способ спрятать камни, а также подсказки, где их искать – на тот случай, если он умрет, прежде чем придумает, что ему делать с рубинами.

– Вот только, возможно, он был слишком хитер, и никто этого не сделал.

Я подумала о рисунках, которые я дала Энтони, а также о снимке вставки ворот и решила, что сейчас самое время поделиться тем, что мне известно.

– Я…

Джек заговорил одновременно со мной, и я не стала его перебивать.

– С какой стати рядом с цистерной бродит призрак мужчины с брошью… а я предполагаю, что это Лоренс, поскольку из трех погребенных в мавзолее он единственный, кто не был солдатом? Это ведь не Галлен-Холл. Вероятно, он охраняет там рубины.

– Вполне возможно. Хотя этот дом был построен лишь в начале девятнадцатого века, до него здесь стоял другой дом, тоже принадлежавший Вандерхорстам. Софи считает, что когда они снесли первый мавзолей и кирпичную стену на кладбище в Галлен-Холле, они, по всей видимости, использовали часть кирпичей для строительства этой цистерны. В то время люди часто повторно использовали кирпичи, просто из соображений экономии. В результате дух, связанный со старым кладбищем, мог ощутить связь с цистерной. – Я криво улыбнулась Джеку. – То, что я их вижу, еще не означает, что я их понимаю.

Джек в сердцах бросил очки на кровать рядом с собой.

– Марк перерыл всю плантацию в поисках этих драгоценных камней. Я начинаю думать, что они в цистерне. Возможно, спрятаны внутри одного из кирпичей. Я так устал от болезни, что сегодня вечером почти готов встать с постели и начать копать сам.

Я положила руку ему на плечо, сдерживая его пыл и одновременно ощущая его досаду. Издательский мир Нью-Йорка в декабре практически закрылся на каникулы, так что Джек вновь

оказался в подвешенном состоянии, страдая от бездействия и обдумывая судьбу своей дальнейшей карьеры.

– Не глупи, Джек. На улице мороз, а ты болен. И не волнуйся, пока ты лежишь в постели, я не сижу сложа руки. Возможно, я даже смогу преподнести тебе приятный рождественский сюрприз.

Он с прищуром посмотрел на меня.

– Помни, что я сказал, Мелли. Не делай ничего опрометчивого.

– Как я могу забыть? – игриво ответила я. – Сегодня к нам на ужин пожалуют двадцать четыре пары. Единственная спешка, какую я могу себе представить, это то, как я обыскиваю праздничные пакеты миссис Хулихан, чтобы наконец-то раздобыть печенье.

Джек улыбнулся, хотя не было похоже, что мои слова его убедили. «Интересно, – подумала я, – он всегда видел меня насквозь или это следствие брака»?

– По словам Джолли, однажды Лоренс последовал за мной, – сказал Джек. – Я говорил тебе об этом? Навряд ли. Это было примерно в то время, когда только началась моя болезнь, и я вряд ли ясно мыслил. А Джейн – не самый надежный из экстрасенсов. Возможно, я не хотел тебя пугать. У тебя был трудный месяц.

– У нас обоих был трудный месяц, Джек, – сказала я, взяв его за руку. – Мне кажется, я очень близка к разгадке.

– Я?

– Мы, – быстро поправилась я.

Внизу звякнул дверной звонок. Я взглянула на часы и встала.

– Это рестораторы. Я должна спуститься к ним и показать, куда им все ставить. Мама и Джейн уехали одеваться, а Нола пошла к твоей матери, помочь с купанием близнецов. Затем она тоже переоденется и придет сюда, чтобы помочь. Я час назад отпустила миссис Хулихан домой, поскольку теперь это могут взять на себя рестораторы, но кто-то же должен ими руководить.

– А ты так хорошо умеешь руководить, – сказал Джек. В эти минуты он выглядел почти прежним Джеком. – Но что ты собиралась сказать? До того, как тебя прервали?

В дверь снова позвонили. Я наклонилась и поцеловала его в лоб.

– Пойду открою. Поговорим позже. – Сунув ему в руку пульт от телевизора, я выбежала из комнаты. И на пару секунд остановилась наверху лестницы, чтобы написать Энтони сообщения. Мне не

терпелось узнать, как там его дела с рисунками и снимком ворот. Увы, мне это удалось лишь со второй попытки: автокоррекция постоянно переводила мои слова в нечто похожее на суахили.

Когда я открыла дверь, чтобы впустить официантов, следом за ними, в пальто нараспашку, вошла Джейн. Мы обе застыли в фойе и, разинув рты, уставились друг на друга. В конце концов Джейн громко рассмеялась.

– Люди подумают, что мы созванивались, чтобы согласовать наши наряды.

Мы обе были в темно-зеленых бархатных платьях с глубокими вырезами и слегка расклешенными юбками.

– Я увидела его в витрине в «Финики Филли» и просто не могла его не купить, – объяснила я.

– Я тоже, – сказала Джейн, сдержав смешок. – Это мой любимый магазин.

Я не стала говорить ей, что это и мой любимый магазин.

– Пожалуй, я пойду переоденусь, – сказала я, направляясь к лестнице. – Скажи официантам, пусть ничего не делают, пока я не вернусь.

– Не глупи, – сказала Джейн. – Мне всегда хотелось иметь сестру, чтобы мы могли носить одинаковые наряды.

Я чуть было не призналась вслух, что и я тоже, но вовремя прикусила язык.

– Где Энтони? – спросила я, оглядываясь по сторонам.

– Предполагаю, что уже в пути. Я пыталась связаться с ним, но не получила ответа. В последний раз, когда я разговаривала с ним, он велел мне идти без него, потому что он опаздывал и отправился домой переодеться. Он в курсе, что ты поручила ему вешать пальто гостей вместо того, чтобы приносить закуски, и, похоже, его это устраивает.

Я нахмурилась.

– Я могла бы поручить ему пополнение запасов туалетной бумаги, но не стала этого делать. Я все еще могу изменить электронную таблицу, она у меня открыта на экране компьютера.

Джейн схватила меня за руки.

– Он тебе звонил? Он сказал, что будет?

Я посмотрела на свой телефон. Никаких недавних сообщений или телефонных звонков от Энтони не поступало.

– От него вообще ничего. А в чем дело?

– Он закончил складывать пазл. Где-то прошлой ночью. Когда я встала, дверь в его спальню была закрыта, так что я понятия не имею, когда. Пойдем скажем Джеку, ему тотчас станет легче.

– Нет. Погоди, – сказала я, удерживая ее. – Думаю, он спит. Но скажи мне, на что это похоже? Это нам что-нибудь говорит?

Она покачала головой.

– Нет. Во всяком случае, пока. Но это должно что-то значить, верно?

– Очень на это надеюсь. Давай дождемся Энтони. Думаю, у него будет что рассказать Джеку.

Джейн с сомнением посмотрела на меня, потом на свое платье.

– У меня есть время сбегать домой и переодеться. Ты справишься без меня? Как говорится, одна нога здесь, другая там. Обещаю.

Я посмотрела на часы, затем снова на Джейн.

– Я с тобой. Сейчас расскажу официантам, что им делать, затем напишу матери и попрошу ее прийти сюда чуть пораньше, чем планировалось. Я должна увидеть пазл, я просто не могу ждать.

– Честное слово, Мелани, думаю, это может…

– До прихода первых гостей у меня полтора часа, и я одета, и дом готов, и мама будет здесь. Все будет хорошо.

Не дожидаясь ее ответа, я побежала на кухню, дать указания официантам. Затем написала Ноле и матери, чтобы они знали, где мы с Джейн, и что мы вернемся максимум через полчаса. Схватив пальто и сумочку, я выбежала за дверь, но тотчас остановилась в конце веранды, глядя, как ледяной дождь сменяется маленькими снежинками, которые лениво порхали между уличными фонарями, прежде чем лечь на землю.

– Он не тает, – сказала Джейн. – Это нехорошо.

– По крайней мере, он не сильный. Может, это означает, что он скоро кончится.

Она посмотрела на меня, но я лишь пожала плечами и направилась к ее машине.

– Придется ехать на твоей – мою заблокировал фургон рестораторов.

Джейн вела машину как старуха, низко наклонившись к рулю, как будто это помогало ей лучше видеть.

– Он даже не прилипает к твоему лобовому стеклу, Джейн, так что ты определенно можешь ехать быстрее. Или я вылезу, пойду пешком и встречу тебя там.

Она чуть сильнее нажала на педаль газа, разогнавшись до двадцати миль в час. Не будь на улице так холодно, я бы выполнила свою угрозу и выбралась наружу.

Притоптывая ногой от холода и нетерпения, я ждала, пока Джейн откроет входную дверь, с трудом воздерживаясь от того, чтобы не оттолкнуть ее в сторону и пулей не вбежать в столовую. Войдя, Джейн щелкнула настенным выключателем, чтобы зажечь люстру, и мы застыли в дверях, с благоговением глядя на стол.

– Именно так я себе это и представляла, – сказала я. – Когда я сказала, что это напоминает мне квадратики пазла. Это по-прежнему множество случайных узоров, но посмотри, как они все соединяются друг с другом.

– То есть это было сделано намеренно, – сказала Джейн. – Тот, кто это придумал, хотел, чтобы это выглядело хаотично.

Я кивнула.

– Джек считает, что все это придумка Кэрролтона Вандерхорста, отца Лоренса. Он сражался вместе с Джорджем Вашингтоном во время войны с французами и индейцами, и сам Вашингтон называл его своим «великим стратегом». Это он спроектировал кладбище и, должно быть, оставил ключик к разгадке того места, где спрятано сокровище.

– Но от кого он его прятал? Он был патриотом, раз дружил с Вашингтоном? А как же Лоренс и Элиза? Чью сторону занимали они?

Я начала ходить вокруг обеденного стола.

– Я не уверена и затрудняюсь сказать, узнаем ли мы когда-нибудь всю историю. Но я думаю, что Лоренс был влюблен в Элизу, а Элиза любила Александра, британского солдата. – Я рассказала ей о Греко, который был одет в форму, и о поцелуе, которого он удостоился, когда надел перстень-печатку с павлином. – Мать сказала, что кольцо принадлежало женщине, и я почти уверена, что это была Элиза.

– И она носила брошь, помнишь? Она наверняка знала, что это. – Джейн на миг умолкла и задумалась. – Значит… тем самым шпионом

была она, – медленно добавила она. – И между ней и британским солдатом был роман. Может быть, поэтому он и похоронен в мавзолее.

– Возможно. А решение о погребении солдата наверняка принимал Кэрролтон. При всех своих патриотических убеждениях он, должно быть, знал, что Элиза захочет, чтобы ее похоронили рядом с возлюбленным.

– И Лоренсом тоже. Или же он считал, что место Лоренса тоже там, ведь как-никак он был его сыном.

Загипнотизированная завитками и линиями, я наклонилась над столом.

– Джолли рассказала мне кое-что интересное. Когда она почувствовала, что за Джеком следует этот человек, человек из цистерны, держащий брошь, который, как я подозреваю, и есть Лоренс, ей показалось, что его сердце истекает кровью от боли.

Джейн кивнула.

– Думаю, если его невеста была влюблена в другого мужчину, ему наверняка было больно. И то, что она предала его, будучи шпионкой другой стороны, было двойным предательством.

Я кивнула.

– Вот почему я не думаю, что она покончила с собой. Вот почему она все время повторяет слово «*ложь*». Она хочет, чтобы люди знали правду.

– Но какова эта правда? Что ее убил Лоренс?

Я пожала плечами.

– Он дух со злыми флюидами, ты ведь не забыла? Это он говорил через нашу мать, заявляя, что предатели заслуживают смерти, и желал им гнить в аду. Нет, конечно, нельзя исключать вероятность того, что Элизу убил Александр, когда узнал, что она использовала полученные от него сведения, чтобы передавать их патриотам, но это совсем не то чувство, которое исходит от него.

Джейн кивнула.

– Согласна. Но знал ли Александр о том, что происходит, и помог ли он Элизе или отвернулся в другую сторону – это потеряно для истории.

Я продолжала ходить вокруг стола, изучая собранный пазл. Время от времени я протягивала руку, чтобы выровнять края.

– Поскольку Элиза и Александр умерли раньше Лоренса, – сказала я, проводя пальцем по краю стола и размышляя вслух, – вполне возможно, что он убил их обоих. – Почувствовав на себе взгляд широко раскрытых глаз Джейн, я на миг умолкла. – Что возвращает нас к вопросу о том, кто убил Лоренса.

– Я подозреваю, что кто-то с американской стороны… возможно, они думали, что рубины у него.

– Или же они точно знали, что рубины у него. У Элизы была брошь. Помнишь дверь в потайном отделении ее шкафчика для драгоценностей – как она была сорвана с петель, словно в спешке. Или в гневе. И в цистерне была найдена только брошь, выброшенная вместе с мусором. Единственный сценарий, который имеет смысл, состоит в том, что Лоренс узнал о камнях и каким-то образом выяснил, где она их спрятала. Возможно, он убил ее из гнева или из мести.

– Или по причине разбитого сердца, – добавила Джейн. – А потом, пытаясь сбежать, он был убит, и рубины были спасены. Кем, точно не знаю. На данный момент все это лишь предположения. Единственное, что я знаю наверняка, – Элиза не убивала себя, и она хочет, чтобы все об этом знали.

Я вернулась к изучению лабиринта простых линий и завитков, словно наброска художника до того, как тот заполнит его цветом. Я почти слышала слова Джека о Кэрролтоне Вандерхорсте. *Он придумал хитрый способ спрятать камни и использовал подсказки, чтобы указать путь на тот случай, если он умрет, прежде чем решит, что делать с рубинами*.

Верх и низ пазла теперь были четко обозначены, два верхних угла изгибались в противоположные стороны. Совсем как арка над воротами, ведущими на кладбище. Я вскинула голову и почти рассмеялась хитрости Кэрролтона Вандерхорста.

– Джейн, мне нужно срочно поговорить с Энтони.

Джейн посмотрела на свой телефон и начала набирать номер. Но, подождав немного, завершила вызов.

– Переадресован прямо на голосовую почту.

Я обвела взглядом столовую и быстро вышла в фойе, к лестнице.

– Где его комната?

– Мелани, это было бы вторжением в личную жизнь.

Меня это не остановило.

– Это твой дом, Джейн, и он тут гость. Я ищу кое-что конкретное… пару рисунков, которые я дала ему раньше. Они принадлежат мне, так что технически я только пытаюсь вернуть свою собственность.

– Хорошо, – сказала она и прошла мимо меня по коридору. Она остановилась у одной из дверей и постучала. – Энтони? – Выждав из вежливости пару секунд, она толкнула дверь и подождала меня на пороге.

Комната была элегантно обставлена мебелью покойной хозяйки дома, Баттон Пинкни, тети Джейн. Кровать была аккуратно заправлена, шторы распахнуты. Единственное, чего не хватало, так это каких-либо признаков того, что здесь кто-то живет.

– Разве он не захватил с собой чемодан или что-то еще?

– Конечно, захватил, но я не знаю, что там было. Я предположила, что он набит одеждой. Меня здесь не было, Мелани, если ты на что-то намекаешь.

Я закатила глаза.

– Он привез с собой ноутбук, принтер или другие гаджеты, чтобы работать, пока он живет здесь?

Она кивнула и обвела глазами комнату.

– У него было и то и другое. Я знаю это, потому что несколько раз видела ноутбук и слышала звук работающего принтера. – Она подошла к шкафу и открыла створки. – Пусто, – разочарованно сказала она. – Ни принтера, ни ноутбука. Ни одежды. Может, он просто не хотел злоупотреблять моим гостеприимством и, найдя разгадку, решил, что пора домой.

– Может быть, – сказала я. – Давай я вновь попытаюсь дозвониться до него. – Я набрала его номер, но звонок вновь был переадресован прямо на голосовую почту. – Возможно, у него села батарея. Неважно, мы увидим его, когда вернемся ко мне домой.

Избегая смотреть ей в глаза, я встала на колени и подняла край покрывала, затем прошлась по комнате, открывая каждый ящик, и наконец остановилась у мусорницы рядом с комодом. Нетерпеливо схватив ее, я высыпала скомканные бумаги на покрывало.

– Что это? – спросила Джейн.

– Это несколько копий одного и того же… Энтони просто пытался напечатать их все одинакового размера. – Я развернула комок бумаги

и разгладила его на кровати, следом еще один, складывая их в две разные стопки. – Первая – это копия рисунка, сделанного Джозефом Лонго с бумаги, которую тот нашел на столе Роберта Вандерхорста еще в двадцатые годы. Вторая – страница из семейного архива Вандерхорстов в Чарльстонском музее, та, которую Марк пытался выбросить, а Энтони нашел. И третья… – я показала черно-белую копию на своем телефоне.

– Это маленькая панель от двери мавзолея, – закончила Джейн, округлив глаза. Она потянулась к одному из скомканных листков и начала его разглаживать. – То есть эти три картинки связаны друг с другом и представляют собой своего рода подсказку?

Я быстро кивнула и добавила в одну из стопок еще один лист.

– Старая кладбищенская ограда была сложена из кирпича и разрушена при перестройке старого мавзолея. В любом случае, Сэмюэл Вандерхорст спроектировал новую кованую ограду, ворота и дверь мавзолея. Но двое ворот были разрушены или потеряны во время урагана «Хьюго», поэтому от них остались только эти рисунки.

– О боже! – ахнула Джейн, двигаясь быстрее. – Значит, если мы соберем их все вместе, они должны нам кое-что показать, – взволнованно добавила она.

– Во всяком случае, это моя теория, – сказала я. Мое собственное волнение от того, что кто-то понял ход моих мыслей, почти скрыло неожиданный приступ раздражения, вызванный тем, что этот человек – Джейн. Когда мы разложили все помятые страницы по стопкам, я разложила их веером и принялась перебирать, сравнивая те, что больше всего подходили друг к другу, с теми, что были в двух других стопках. Поняв, что я делаю, Джейн вытащила из третьей стопки еще один лист и поднесла к двум, которые держала я.

– Думаю, этот подойдет.

Кивнув в знак благодарности, я взяла у нее лист и поднесла все три к свету.

– Они не совсем точные… полагаю, точные у Энтони, – но они подойдут.

Я выбежала из комнаты и устремилась к лестнице.

– Ты куда? – окликнула меня Джейн. Я не ответила и подвела ее к обеденному столу.

– Подержи. – Сунув ей в руку три страницы, я отодвинула стул и встала на него. Подняв телефон как можно выше, я сделала снимок. – У тебя ведь есть принтер, верно?

Она еще не закончила кивать, как я уже отправила ей снимок по электронной почте.

– Перетащи снимок в программу «памятный альбом», о которой ты всегда говоришь, и помести в квадрат восемь на восемь, чтобы он совпадал с тремя другими. И, пожалуйста, сделай его черно-белым. А я тем временем еще раз попробую связаться с Энтони. Если это не удастся, я позвоню маме, узнаю, дома ли она и не видела ли она его.

Я еще не закончила говорить, как она бросилась вверх по лестнице. При помощи инициалов С.В. я сориентировала каждое фото и вновь вытащила телефон. Когда через пятнадцать минут Джейн вернулась, я в ответ на ее незаданный вопрос покачала головой и взяла протянутую мне страницу.

– Отлично, – сказала я, улыбаясь ей. Поместив картинку собранного пазла под остальные три листа, я обменялась с Джейн радостным взглядом и поднесла их к свету, как это делал Энтони.

Не знаю, кто из нас ахнул громче, но я внезапно обрадовалась, что рядом со мной есть кто-то, с кем я могу поделиться своим открытием. При наложении трех картинок, под наслоением линий на каждой странице отчетливо просматривались четыре темных кружка. И каждый темный круг теперь проецировался на сложенный из кирпичей пазл.

– Пойду возьму маркер, – сказала Джейн. Она выбежала из комнаты и вскоре вернулась с черным маркером.

– Хорошая мысль.

Пока я держала страницы на свету, Джейн черным маркером помечала обратные стороны. Когда она закончила, я опустила их на стол и, вытащив последнюю страницу, маркером затемнила пятна, просочившиеся на лицевую сторону страницы с пазлом.

– Это карта кладбища, да? – спросила Джейн. Я кивнула.

– И я готова поспорить на все что угодно, что эти четыре пятнышка покажут нам, где зарыто сокровище Лафайета.

В холле пробили часы, и наша радость быстро сменилась паникой.

– Нам пора, – сказала я.

– Но я еще не переоделась.

– Нет времени. Нам нужно найти Энтони. Я надеюсь, что он будет дома к тому времени, когда мы туда доберемся.

– А если нет? – спросила Джейн.

– Тогда у нас будут проблемы.

Глава 33

К тому времени, когда мы с Джейн вышли из дома и направились обратно на Трэдд-стрит, метель прекратилась, но когда я проверила приложение «погода» на телефоне, оказалось, что затишье, скорее всего, было временным, а вероятность осадков в виде снега увеличилась к двум часам ночи с пяти процентов до ста.

Не горя желанием парковаться за несколько кварталов и возвращаться пешком по холоду, Джейн втиснулась на подъездную дорожку за фургоном рестораторов, пообещав отогнать машину, когда те будут готовы уехать. Нола ранее прислала нам эсэмэску, сообщив, что Купер привез песок, чтобы посыпать им дорожки и ступеньки. Я хотела, чтобы Джек непременно об этом знал и перестал косо смотреть в сторону этого молодого человека.

Мы быстро прошли по веранде. Входная дверь открылась, и я едва сдержала крик удивления, увидев Энтони – в смокинге и с двумя вешалками в руках.

– Дамы, – произнес он с широкой улыбкой. – Я так рад вас видеть. Мы уже волновались, приедете ли вы сюда раньше гостей.

– Мы звонили тебе и писали сообщения, – сказала Джейн, поворачиваясь, чтобы он помог ей снять пальто. – Мы заметили, что ты съехал… почему ты не предупредил меня?

– Извини, я должен был сообщить. Я решил, что слишком долго злоупотребляю твоим гостеприимством и мне лучше вернуться домой. Как назло, сегодня днем я уронил телефон с твоей лестницы, и он разбился. Завтра, если позволит погода, я первым делом отправлюсь в магазин «Эппл» на Кинг-стрит. Извини, что я заставил тебя нервничать. Я не додумался одолжить у кого-нибудь телефон и предупредить тебя, поскольку знал, что увижу тебя здесь.

Повесив ее пальто, он потянулся, чтобы помочь мне снять мое. Заметив наши платья, он на миг замер, но от комментариев воздержался.

– Что ж, – сказала я, – рада, что вы здесь. Нам нужно добраться до Галлен-Холла. Вы не могли бы отвезти меня, как только ужин закончится?

Его брови взлетели вверх.

– Зачем?

Я удивленно посмотрела на него.

– Вы не разобрались с картой?

Он покачал головой.

– С какой картой? Галлен-Холла?

– Нет, с картой кладбища. Мне кажется, там есть что-то…

Меня прервал звонок в дверь. Энтони бросил на нее раздраженный взгляд, но даже не сдвинулся с места. Я слегка толкнула его в спину.

– Прибывают гости, а я бы предпочла поговорить наедине. Поговорим позже.

Он хотел было возразить, но лишь улыбнулся и открыл дверь, впуская пару, которую я видела на другом мероприятии в «Эшли-Холл». За ними последовало еще несколько пар, в том числе группа учителей школы. Тотчас стало шумно и людно, гости начали заполнять фойе. Нола взялась помогать Энтони вешать пальто на взятые напрокат вешалки в кабинете Джека, хотя я была почти уверена, что не поручала ей эту работу.

Они в течение получаса выполняли роли гардеробщиков, поскольку люди приходили в разное время. Большинство не решались покинуть дома, где подавались закуски, не убедившись, что снег прекратится. Официанты в костюмах времен Войны за независимость расхаживали взад-вперед с кружками силлабаба[6] (сделанного по аутентичному рецепту Софи), поддерживая атмосферу вечеринки, а мы тем временем ждали, пока прибудут все и можно будет сесть за стол. Мне не терпелось выкроить минутку, чтобы поговорить с Энтони. Увы, я была вынуждена играть роль хозяйки: показывать гостям рождественские елки, рассказывать им, как я мастерила настольные композиции и венки.

– Они настоящие? – Мать одной из одноклассниц Нолы наклонилась, рассматривая апельсины в большой миске на столе в прихожей, которые Греко любезно «проджушил» для меня.

– Да, – ответила я. – Все фрукты в каждом украшении – настоящие.

– Знаете, – заговорщически прошептала она, прикрыв рот ладонью, – сейчас продаются подделки, которые выглядят так же

хорошо, как настоящие, а служат намного дольше.

Сохранив на лице улыбку, я на миг подумала, а не позвонить ли Софи и не попросить ли женщину повторить то, что она только что сказала.

– Да, я тоже это слышала, но мы хотели максимально точно передать для гостей историческую атмосферу.

Женщина пошла дальше, а ко мне приблизилась пожилая супружеская пара, которая помнила Невина Вандерхорста. Супруги сказали, что они счастливы вновь увидеть дом, наряженный по случаю праздника.

– Вы проделали такую прекрасную работу, моя дорогая, – сказала женщина, чьи зеленые глаза гармонировали с красивыми изумрудными серьгами. – Здесь вновь чувствуется домашняя атмосфера. – Она взяла мою руку и погладила. – Я уверена, Невин и его мать были бы в восторге, узнав, что вы сделали.

– Я почти уверена, что они знают, – сказала я, хотя и не собиралась произносить это вслух. Они оба слегка растерялись, а женщина отпустила мою руку.

– Я просто хотела сказать вам, что в дом наконец вернулись уют и домашнее тепло.

– Спасибо, – сказала я, выпятив грудь от любви и гордости за дом, которым я никогда не горела желанием владеть и относительно которого у меня все еще имелись сомнения. Но эта дама была права. Это действительно был дом для меня и моей семьи. То, за что стоило бороться.

Уходя, они остановились у центральной вазы с апельсинами, и я услышала, как пожилой джентльмен сказал:

– Честное слово, я впервые за всю мою жизнь вижу, чтобы зубчики гвоздики были воткнуты идеально, как будто при помощи линейки.

Я спрятала улыбку и повернулась к входной двери, куда как раз вошли последние из гостей. Я знала, что Вероника и Майкл приглашены на ужин в мой дом, поэтому не удивилась, увидев их, но была совершенно уверена, что Ребекки и Марка в моем списке нет. Тем более что я приложила все усилия к тому, чтобы их имена попали в список гостей ужина в другом доме.

– Кузина! – взвизгнула Ребекка, когда Энтони помог ей снять пальто. Я поздоровалась с Вероникой и Майклом, после чего они направились в гостиную, чтобы поприветствовать родителей Олстон и Купера. Я недовольно посмотрела на зеленое бархатное платье Ребекки, к счастью, в ансамбле с розовыми туфлями и такой же сумочкой. Благодаря розовому она, Джейн и я не выглядели как тройняшки. За те три секунды, которые потребовались, чтобы осознать, что на Ребекке то же платье, что на мне и на Джейн, я успела переосмыслить свое отношение к одинаковым нарядам в стиле «мы близняшки».

Обняв нас обеих, она отступила и окинула взглядом наши платья. Несмотря на внешнюю жизнерадостность, ее глаза были чуть припухшими, а обычно персиково-кремовые щеки усыпаны мелкой воспаленной сыпью. Либо на ней плохо сказывалась беременность, либо замужество.

– Великие умы мыслят одинаково, верно? И я надеюсь, вы не против, что я поменялась местами с другой парой, чтобы прийти сюда. – Она выглядела такой грустной и жалкой, что я сочла нужным улыбнуться.

– Конечно, – ответила я и оглянулась. – Марк с тобой? – спросила я, подавляя желание скрестить за спиной пальцы. Ребекка гордо выпятила подбородок.

– Нет. Он сказал, что у него важное «дело», которое не терпит отлагательств. – Она тяжело сглотнула. – Это не имеет значения. Я здесь, чтобы провести время с близкими. – Она помахала моей матери, стоявшей на другом конце комнаты, затем неуверенно улыбнулась нам с Джейн.

– Прости, – сказал Энтони, обнимая Ребекку за плечи. – Мой брат – наглец. Он всю мою жизнь был таким. Может, сядешь за наш столик, чтобы тебе не сидеть рядом с незнакомыми людьми? – Он вопросительно посмотрел на меня. – Вы не возражаете?

Прежде чем я успела сказать «возражаю» или что я угрохала целых три дня и две таблицы на планирование рассадки гостей, Энтони направился в гостиную, где, согласно моим таблицам, он и Джейн должны были сесть за один столик вместе с двумя учительницами из «Эшли-Холл». Увидев, как он подтащил к столу лишний стул, я постаралась не поморщиться.

Ребекка наклонилась ко мне.

– Надеюсь, тебе пригодился рисунок, который я тебе дала?

– Пригодился. Даже очень.

Джейн посмотрела на меня и округлила глаза.

– Спасибо, – добавила я.

– И что это было? – спросила Ребекка.

Я немного помедлила, не зная, что ей ответить. Все-таки она жена Марка. Но я была у нее в долгу. Я бы ничего не узнала без той важной информации, которую она мне дала. И, как они с мамой постоянно напоминали мне, она была нашей родственницей.

– Это часть карты.

– Карты?

Джейн кивнула.

– Да. Мелани все поняла. Кирпичный пазл, над которым бился Энтони, – это кладбище в Галлен-Холле, а два рисунка вместе с фотографией ворот мавзолея, которую сделала Мелани, – части той же карты.

Ребекка хихикнула.

– Вот это да! Марк не догадался бы об этом и за миллион лет. – Она тут же посерьезнела: – Ты же не расскажешь ему, что это я сказала, верно?

Я закатила глаза.

– В мои намерения не входит когда-либо снова разговаривать с твоим мужем, поэтому ответ – нет.

Она склонила голову набок.

– Никогда не говори никогда. Марк и Энтони вечно твердят, что ненавидят друг друга, но Марк сказал, что хочет, чтобы его брат стал крестным отцом нашего ребенка.

– Правда? – одновременно удивились Джейн и я.

Нас прервала мама, подошедшая к нам. В темно-фиолетовом шелковом платье и бархатных туфлях в тон она была сама элегантность и воплощенный аристократизм.

– Мелли, дорогая, я думаю, всем пора садиться.

Быстро взглянув на Ребекку, я отошла, чтобы найти Нолу и велеть ей позвонить в колокольчик к ужину. Рядом с ней тотчас появился Купер и проводил ее к одному из столиков поменьше. Она не стала жаловаться на то, что ее посадили за один из «детских столиков», как

она их называла, поскольку я сказала ей, что она может посадить за него всех, кого захочет пригласить.

Я помогла гостям найти карточки с их именами и занять свои места, и наконец направилась в столовую, чтобы занять свое место во главе стола как раз в тот момент, когда официанты начали подавать суп. Памятуя о хороших манерах, я по очереди разговаривала с обедающими по обе стороны от меня, живо отвечала на вопросы о моей связи с «Эшли-Холл», о доме, о моей работе и даже о том, что на мне своего рода униформа, поэтому мы трое в одинаковых платьях. Я улыбалась, ела и разговаривала, все время чувствуя, что где-то в глубине моего разума копошится что-то крошечное и разрушительное, как термит.

Обостренно осознавая время, я прислушивалась к бою напольных часов в гостиной. И как только ушел последний гость, я попросила Энтони отвезти меня в Галлен-Холл. Я уже представляла себе, как опущу в руки Джека рубины, после чего он поцелует меня и его гнев мгновенно сменится благодарностью.

Десерт подавали в разных домах, так что после того, как гости поели, они долго не задерживались. Возможно, я так увлеклась, выдвигая гостям стулья, убирая тарелки и в спешке внося в фойе пальто, чтобы гости поскорее ушли, но тут снова началась всеобщая суматоха, и я услышала, как в моей голове затикали воображаемые часы.

Хотя по фойе, болтая и рассматривая рождественское убранство, бродили последние гости, я отправилась на поиски Энтони. Я хотела убедиться, что он готов уехать, как только уйдет последний гость. Джейн прощалась с Вероникой и Майклом у входной двери. Ее улыбка исчезла, стоило ей увидеть меня.

– Где Энтони?

– Я пришла спросить тебя о том же. Разве он не был с тобой за ужином?

– Да, но сразу после того, как подали основное блюдо, он извинился, сказав, что ты просила его найти тебя до окончания ужина, потому что он тебе для чего-то понадобился.

Я медленно покачала головой.

– Нет. Я ничего подобного не говорила.

Мы посмотрели друг на друга, и меня изнутри затопило неприятное чувство, вязкое и темное, как чернила осьминога.

– Он должен быть где-то здесь, – сказала Джейн с безошибочной ноткой паники в голосе. – Должно быть, я неправильно поняла.

– Я уверена, что ты права, – сказала я, хотя такой уверенности у меня не было. Вместе мы осмотрели все комнаты на первом этаже, включая кухню и туалетную комнату, и даже обыскали задний сад. Мы застукали наших родителей, которые целовались под омелой, протянутой через порог рабочего кабинета Джека. Когда мы приблизились, я громко кашлянула, и они спешно отстранились друг от друга.

– Кто-нибудь из вас видел Энтони?

Отец кивнул.

– Я направлялся в ванную и видел, как около сорока пяти минут назад он вышел через заднюю дверь. Я подумал, что ты послала его с каким-то поручением.

– Нет. Я никуда его не посылала. – Я встретилась взглядом с Джейн. Не говоря ни слова, она бросилась к входной двери, распахнула ее и, оставив приоткрытой, помчалась через веранду к парадной дорожке. Когда она вернулась, я встретила ее у входной двери. Ее глаза были широко раскрыты, как от испуга.

– Его машины здесь нет. – Она посмотрела на меня. – Его машины здесь нет! – повторила она, словно убеждая себя.

Я схватила ее за руку и втянула внутрь, закрыв за нами дверь.

– Это плохо, да? – спросила она.

– Да, – подтвердила я. – Плохо.

Наши родители появились вместе с Ребеккой, все трое были тепло одеты по погоде.

– Мы возьмем с собой Ребекку, если ты не возражаешь. Это был прекрасный ужин, – сказала мама и поцеловала меня в щеку.

Я старалась держаться спокойно, как будто мой мир не содрогнулся, словно снежный шар. Мы попрощались. Я проводила их взглядом, а затем приблизила лицо к лицу Джейн.

– Ты говорила о карте за ужином?

Она покачала головой.

– Нет, – ответила она. – Я не знала. – Из ее горла вырвался громкий сдавленный всхлип. – Но…

– Что но?

– О карте говорила Ребекка. Она сказала, как с ее помощью ты во всем разобралась. Я не остановила ее, потому что разобралась не ты, а Энтони. Я не подумала, что это нужно скрывать. Но она ничего не сказала о том, что три рисунка и пазл с кирпичами нужно наложить друг на друга, потому что она об этом не знает. Это хорошо, правда?

– О, господи! О, господи! – Я сжала голову руками, как будто это могло каким-то образом искоренить ту глупость, которая, по-видимому, в ней обитала. Я вспомнила неприятное чувство в затылке, которое возникло, когда Ребекка упомянула, что Марк хочет, чтобы Энтони стал крестным отцом их ребенка. – Марк и Энтони… они просто притворяются. Они вовсе не ссорились!

– Но почему… – Джейн умолкла, ее зрачки расширились, дыхание стало надрывным. – Они нас подставили. – Она побелела как мел – похоже, до нее дошли все последствия. – Все, что Энтони говорил нам, было ложью, от начала и до конца. Он использовал нас. Всех нас.

Я кивнула, вспоминая отрывки всех разговоров, которые были у нас с Энтони, всю ту информацию, которой я делилась с ним, а он в свою очередь с Марком. Под стыдом и унижением я ощутила нарастающую волну гнева.

– Я не сомневаюсь, что они оба сейчас в Галлен-Холле.

– Но они же не знают всего, верно? Им все еще нужно понять, как все следует сложить вместе.

– Рано или поздно они догадаются. – Я закрыла глаза, позволяя мрачному страху поглотить меня с головой. И где-то в черной тьме я услышала голос бабушки. *Джек*. Я не могла подвести его сейчас, когда он как никогда нуждался во мне. Я открыла глаза. Мои вены наполнило новое чувство решимости. – Мы не дадим им победить нас. Этого нельзя допустить.

– Но как?..

– Дай мне ключи от твоей машины. Официанты поставили машину позади моей, и у меня нет времени на то, чтобы попросить их освободить мне путь.

– Куда ты собралась?

– В Галлен-Холл. На кладбище. Я должна найти эти рубины до того, как их найдет Марк.

– Но что, если ты столкнешься с Марком и Энтони? – спросила Джейн, испуганно на меня глядя.

– Не знаю, – хмуро сказала я. – Могу лишь надеяться, что они все еще пытаются разобраться с картой. Или подождут до утра. А если нет, то я подумаю об этом, когда возникнет необходимость.

Джейн покачала головой.

– Я с тобой, – сказала она, уже направляясь к двери. – По крайней мере, это двое против двоих, если уж на то пошло.

– Нет, нет. Ты должна остаться здесь. Если мне понадобится помощь, я позвоню тебе. Кроме того, еще не хватало нам обеим попасть в беду, не имея поддержки. И я не хочу, чтобы кто-то еще знал. Меня просто попытаются остановить, и тогда я опоздаю.

Было видно, что ее сопротивление ослабевало.

– Но что мне сказать Джеку?

– Тебе не нужно ничего ему говорить. Пусть спит. Я дам ему знать, когда вернусь домой с рубинами.

Я улыбнулась ей, но она не ответила на мою улыбку.

– Мелани, я не могу отпустить тебя одну. Вместе мы сильнее, помнишь?

– Я буду не одна. Элиза там, и она на нашей стороне. Теперь я понимаю, почему она столкнула Энтони с лестницы.

– И разбила его машину?

Я покачала головой.

– Нет. Теперь, когда я знаю, что Марк и Энтони сделаны из одного теста, я не удивлюсь, если он сам ее разбил, чтобы вызвать наше сочувствие.

– Но Лоренс тоже там, Мелани. Вспомни, что произошло в мавзолее.

Моя рука заныла при воспоминании, но я не могла позволить страху взять надо мной верх. Слишком многое было поставлено на карту.

– Дай мне свои ключи, Джейн. Пожалуйста. У нас мало времени.

Тяжело вздохнув, она подошла к импровизированной вешалке и сняла свою сумочку.

– Для протокола – я не согласна с тем, что ты делаешь. Думаю, Джек назвал бы это твое решение опрометчивым и необдуманным. Давай я скажу ему…

– Нет. Ему нужен отдых. Пусть спит. Я все ему расскажу, когда вернусь.

– Если вернешься. – Она уронила ключи в мою протянутую руку.

– Что значит если? Или ты думаешь, что Марк и Энтони убьют меня или что-то в этом роде?

Джейн округлила глаза.

– Раньше я думала, что Энтони не способен ни на какую подлость. До сегодняшнего вечера. – Она сглотнула, и на мгновение я подумала, что она сейчас расплачется. – Видимо, я не очень хорошо разбираюсь в людях.

Прежде чем я осознала, что делаю, я порывисто обняла ее. Похоже, это удивило ее не меньше меня.

– Если тебе от этого станет чуть легче, – сказала я, – я тоже. По крайней мере, так у нас есть шанс победить их в их же игре. – Я повернулась к гардеробу в коридоре и, открыв дверцы, вытащила пару плотных спортивных штанов и непромокаемых ботильонов. – Я надеваю их, когда выгуливаю собак, – пояснила я. – В них я буду в тепле и сухости. – Я бросила параноидальный взгляд в сторону лестницы, боясь, что увижу Джека и он никуда меня не отпустит. – Я надену это в машине.

– Тогда вот, – сказала она, сунув руки в карманы пальто и вытаскивая пару толстых перчаток. – Они водонепроницаемые и на флисовой подкладке.

Я с благодарностью приняла их, зная, что они будут намного теплее моих кожаных перчаток.

– И это. – Она надела мне на голову толстую вязаную шапку, натянула ее ниже ушей и заправила под нее мои волосы. – Но это не значит, что я согласна с тем, что ты собралась сделать.

– Я знаю. И если кто-нибудь спросит, я скажу, что ты пыталась меня остановить.

– Я это запомню. – Джейн шагнула вперед, чтобы заправить мой шарф за воротник пальто. – У меня в машине есть зарядное устройство для телефона, так что подключи свой, чтобы к тому времени, когда доберешься до Галлен-Холла, он был полностью заряжен. И обязательно позвони мне, как только доедешь туда, а еще каждые пятнадцать минут отправляй мне сообщение. Если сообщений не будет, я звоню Томасу.

– Честное слово, Джейн, я не…

– Такой уговор. Либо соглашайся, либо я скажу Джеку прямо сейчас.

– Ладно, – сказала я, направляясь к двери. На всякий случай я убедилась, что в фойе нет никого, кто мог бы увидеть, как я ухожу.

– Папин сарай не заперт, – сказала Джейн. – Тебе понадобятся лопата и фонарик.

– Верно, – сказала я, смутившись. Лично я точно не подумала бы ни о том ни о другом, пока почти не оказалась на кладбище. Я распахнула дверь и увидела весело мерцающие фонари Греко. Белые хлопья летели по веранде, танцуя вокруг них, как феи.

– У моей машины передний привод, – сказала Джейн. – Но если снега будет больше, чем полдюйма, у тебя не будет никакого сцепления. Только не забывай держать телефон на зарядке.

Я кивнула и, боясь оглянуться на случай, если передумаю, направилась к двери в конце веранды.

– Я люблю тебя, Мелани. Я рада, что ты моя сестра.

Я лишь кивнула. Пройдя через веранду, я вышла на улицу, не в силах говорить из-за внезапного кома в горле.

Глава 34

К тому времени, когда я въехала на мост через реку Эшли, начался снегопад. Кроме меня лишь совсем немногие водители осмелились отправиться в путь, искушая судьбу, несмотря на возможное закрытие мостов. Я старалась не думать о том, как буду возвращаться по закрытым мостам и обледенелым дорогам. Чарльстон не видел больших снегопадов с 1989 года, поэтому, кроме северных переселенцев, мало кто из нас умел ездить по снегу.

Моим рукам было больно от того, что я слишком крепко сжимала руль. Я пару раз согнула и разогнула пальцы, пытаясь восстановить нормальное кровообращение. Я не смела оторвать глаз от дороги, чтобы проверить уровень зарядки телефона, но, как и велела Джейн, подключила его. Вспомнив ее заботу, я немного успокоилась, чувствуя себя менее одинокой в моей миссии: шнур заряжал мой телефон и напоминал линь спасательного круга.

Я нашла дорогу в Галлен-Холл со второй попытки – в первый раз я проскочила мимо из-за снега. Я медленно ехала по ухабистой грунтовой дороге, пытаясь разглядеть ее сквозь вихри падающих снежинок, и садовые инструменты отца громко лязгали в багажнике. Помимо походного фонаря на батарейках, который я нашла в сарае, я взяла с собой две лопаты – совковую и штыковую – и кирку. Кирку я схватила в последнюю секунду, когда поняла, что земля затвердеет от мороза. Я старалась не думать о том, что мне может не хватить сил, чтобы взмахнуть киркой и хотя бы поцарапать поверхность земли. Неудача не входила в мои планы после того, как я зашла так далеко. Я подумала о Джеке и о том, насколько важно для него найти эти рубины – и в эмоциональном, и в профессиональном плане. И еще подумала, что хочу вернуть Джека – обаятельного, умного и заботливого мужа и отца, которого я так любила. С удвоенной решимостью я расправила плечи и повернула машину Джейн в густой, темный лес. Деревья, казалось, поглощали меня по мере того, как я приближалась к дому.

Доехав до опушки леса, я остановила машину и выключила фары на тот случай, если в доме кто-то есть. Мой план состоял в том, чтобы

незамеченной проскользнуть на кладбище, сделать все необходимое и вернуться домой до того, как снег повалит сильнее и перекроет дороги. Когда я вышла из дома, этот план казался четким, и только теперь, когда уже было слишком поздно, начались перепады уверенности в себе, необходимой для его успешного выполнения. Я взглянула на свой телефон. Я знала: одного моего звонка о помощи будет достаточно. Но я должна была рискнуть. А если не получится, то я позвоню.

Я посмотрела на темную дорогу: снег отражал окружающий свет, словно небесный фонарик, облегчая видимость. Вздохнув, я потянулась к полу пассажирского сиденья и взяла зонтик Джейн. Собравшись с силами, настроившись противостоять холоду и снегу, я выпрыгнула из машины и пошла по тонкому снежному покрову, но, не дойдя до главного подъезда, остановилась, чтобы остаться незамеченной. Увидев, что в доме не горит свет, я с облегчением вздохнула. Очертаний машины на подъездной дорожке я тоже не заметила. Либо Энтони и Марк остались в городе, не желая рисковать в такую погоду, либо они еще не вычислили последнюю подсказку.

Ощутив облегчение, я вернулась к машине. Включив фары, я проехала мимо дома к кладбищу и остановилась перед главными воротами. Свет фар проникал сквозь черные решетки и отражался от пухлых снежинок. Поставив машину на стоянку, я, не выключая фары и дворники, достала из-под сиденья рисунки и карту, которые Джейн положила туда, когда мы вышли из ее дома.

Отодвинув сиденье, я положила карту на руль, чтобы сориентироваться относительно четырех сделанных черным маркером меток, обозначавших места на кладбище. Я посмотрела на ворота и прилегающие секции забора, затем снова на карту и поняла, что края рисунков соответствуют орнаменту железных кладбищенских ворот.

Подобно красным огням на полу самолета, ведущим пассажира к аварийному выходу, орнамент ограды служил той же цели, указывая охотнику за сокровищами то, как далеко нужно идти вглубь кладбища, прежде чем свернуть влево или вправо к каждой точке на дорожке. Просто блестящая идея! Я повернула голову, чтобы поделиться этой мыслью с Джеком, но тотчас вспомнила, что я здесь одна.

Я вспомнила и то, как Ивонна говорила нам, что с тех пор, как Элиза, Лоренс и Александр были погребены в мавзолее в 1782 году, на

кладбище больше не было захоронений. Нам ни разу не пришло в голову спросить, почему, хотя на протяжении двух веков в Галлен-Холле жили люди и наверняка умирали в этот период. Мораторий на захоронения был частью главной подсказки Кэрролтона Вандерхорста, и мы полностью упустили его из виду.

Чтобы не намочить бумагу, я вытащила телефон и сфотографировала карту с отмеченными на ней точками, затем рисунок каждой секции забора, которую мне предстояло найти. Имея снимки на телефоне, я могла их увеличить, чтобы было легче увидеть замысловатый орнамент.

Я отправила эсэмэску Джейн и сообщила ей, что прибыла на место, что Марка или Энтони не видно и что я собираюсь отправиться на кладбище. Я не стала писать о густых хлопьях снега, которые теперь тихо опускались на мое ветровое стекло. Нажав «ОТПРАВИТЬ», я сунула телефон в карман пальто. Ладно, займусь этим позже. Если получится. Я открыла багажник, пониже натянула шапку на уши и вышла из машины.

Воздух был пропитан запахом пороха. Тишину падающего снега нарушало звяканье конской сбруи. Я быстро достала из багажника походный фонарь, точно зная, что я не одна. Высоко подняв его, я описала круг, но не увидела никого, ни мертвого, ни живого, лишь ощутила запах конского пота и кожи, теперь смешанный с запахом пороха.

– Элиза? – позвала я, скорее потому, что хотела услышать звук человеческого голоса, нежели потому, что я ожидала услышать ее ответ. Но она была там. Я чувствовала ее присутствие, теплое и успокаивающее, как будто она знала, что я хочу раскрыть правду о ее смерти. И, возможно, даже рассказать миру, что она была патриоткой и оставалась верна своему долгу, хотя сердце звало ее в другом направлении.

Освещая себе путь походным фонариком, я прошла в незапертые передние ворота. Здесь я вытащила телефон, чтобы получить доступ к карте и с ее помощью найти первое место. Из-за древнего обелиска в дальней части кладбища появилась темная тень. Я тотчас направила луч вверх, пытаясь выяснить, кто – или что – это было. В ушах шумела кровь, судорожное дыхание вырывалось морозными облачками. Я на

пару секунд застыла в полной неподвижности. Мой взгляд был прикован к тому месту, но там больше ничего не двигалось.

Лязг железа заставил меня вздрогнуть. Направив луч фонарика на мавзолей, я поняла, что это, похоже, захлопнулась дверь. Кстати, странно, а почему до этого она была открыта? Шепчущиеся голоса доносились сзади и впереди меня. Снег приглушал слова, отчего было невозможно разобрать, о чем они говорили.

Мои подошвы хрустели по замерзшей траве и тонкому слою снега. Я старалась избегать впадин, где, как предупредила меня Софи, находились самые старые деревянные гробы. Некоторые из них были сложены в три, и то и в четыре слоя и давно истлели под землей, и земля над этими впадинами стала опасна для ходьбы. При мысли о том, что я могу соскользнуть в яму, где буду погребена заживо, оставшись одна, и где никто не услышит моего крика, я вздрогнула. По крайней мере, здесь не было никого, кто мог бы мне помочь.

Я посветила фонариком на забор, изучая рисунок на каждой панели и сравнивая его с картинкой в телефоне. Снег теперь падал быстрее, и мне приходилось постоянно стирать его с экрана. Я дошла до середины забора, когда, сопоставив узор с краем кирпичного пазла, поняла, что мне пора повернуть направо и направиться в середину кладбища.

Шепот, звучавший теперь громче, походил на насмешку или угрозу. Я остановилась и прислушалась, и среди прочих слов, почти заглушенных падающим снегом, различила одно. *Предатели*. Я подавила страх и неуверенность. Я по натуре не слишком храбра, но в тот момент у меня не было другого выхода.

Я обошла небольшое углубление в земле и едва не споткнулась о надгробие. Взглянув на карту, чтобы убедиться, что нахожусь в нужном месте, я посветила фонариком на ее темную поверхность. Слова были стерты временем, но все еще разборчивы. Наклонившись ближе, я прочитала имя: ГЕРА. Я поднесла фонарик поближе, пытаясь найти фамилию или даты, но их не было. Я присела на корточки, чтобы изучить самый низ, и даже соскребла снег, чтобы убедиться, что ничего не пропустила. Откинувшись на пятки, я рассматривала резьбу, которую легко мог не заметить сторонний наблюдатель.

Это было павлинье перо, длинное и тонкое, с четко обозначенным на его конце глазом. Не будь мне так холодно и страшно, возможно,

я оценила бы хитрость всего этого. Я вспомнила, как Энтони упоминал, что Элиза хоронила своих любимых павлинов на кладбище, и как во время моего предыдущего визита я видела около дюжины камней, на которых были только имена. Вплоть до самой Гражданской войны, когда была съедена последняя птица, семья, по-видимому, продолжала хоронить здесь птиц, преднамеренно или нет, помогая скрыть четыре могилы, которые, я уверена, были отмечены на карте.

Воодушевленная своим успехом, я вонзила каблук в землю перед камнем и взрыхлила сухую траву и грязь, чтобы уже без карты снова найти его, при условии, конечно, что снег скоро прекратится. Я вновь взглянула на карту. Мои окоченевшие пальцы дважды чуть не выронили телефон, когда я вспомнила, что должна написать Джейн, что со мной все в порядке и я нашла еще три могилы, все с женскими именами из греческой мифологии. Чрезвычайно гордая собой, я отметила их каблуком ботинка, как и первый камень.

Мне хотелось рухнуть на землю и заплакать от облегчения. Но я знала: делать этого нельзя, иначе я рискую замерзнуть. Я должна двигаться дальше. Я должна двигаться дальше ради Джека, сколько бы раз я ни слышала в своей голове, как он велит мне не думать, что я могу решить все наши проблемы в одиночку. Но я была здесь и выяснила, где зарыт клад Лафайета. И сейчас мне нужно позаботиться о нем, или мы рискуем еще раз проиграть Марку Лонго.

Первым делом мне нужно было сесть в машину и включить обогреватель, чтобы прийти в себя и согреться. Я знала: где-то в сумочке у меня, кажется, есть шоколадный батончик, способный подпитать меня энергией, которая мне определенно понадобится. После чего я достану из багажника кирку и решу, что мне с ней делать.

Я была так сосредоточена на том, чтобы поскорее добраться до машины, что не сразу заметила движение со стороны мавзолея. Я тотчас испуганно вздрогнула, и дрожь эта никак не была связана с тем, что мне по лицу хлестал снег или что у меня окоченели пальцы ног. Просто я вспомнила, как в тот раз невидимая рука протащила меня в открытые ворота. Вспыхнул мощный фонарик и ослепил меня, но не раньше, чем я успела разглядеть, кто эти две фигуры.

– Спасибо, Мелани. Ты наша помощница, как всегда. – Марк Лонго шагнул вперед и встал передо мной. – Ты, я вижу, замерзла.

Я стиснула зубы, чтобы они не стучали, и, заглянув ему за плечо, увидела Энтони. Не скажу, что он втянул голову в плечи, но, похоже, ему хотелось спрятаться за своего брата.

– Надеюсь, тебе стыдно за себя! – крикнула я ему. Увы, эффект был смазан моими замерзшими губами.

– За помощь брату? – уточнил Марк. – Он поступил правильно. Как и ты, помогая нам найти сокровище. Я было подумал, что у нас с Энтони займет какое-то время, чтобы разобраться в этом самим, но потом понял, что нет смысла напрягаться. Ты у нас пчелка-труженица, Мелани, мы знали, что ты все разгадаешь. Мы припарковали наши машины на заднем дворе и ждали в теплом доме, пока ты сделаешь всю работу. – Он изобразил на лице заботу. – Мы даже оставили для тебя на плите горячий шоколад, если хочешь. На кухне горит огонь, а стул перед ним ждет тебя.

Я нахмурилась.

– Что? И оставить сокровище здесь, чтобы ты его нашел?

Марк запрокинул голову и рассмеялся. И протянул мне жестяную банку.

– Я принес баллончик с краской, чтобы пометить четыре надгробия, так что, когда через несколько дней потеплеет и земля немного оттает, мы займемся этим на досуге и выкопаем сокровище Лафайета. Только на этот раз мы не забудем запереть ворота от непрошеных гостей и оставим кого-нибудь на страже.

Мне подумалось: а ведь он не знает, что это за сокровище. И ему, похоже, все равно. Все, что ему нужно, это победить и сокрушить Джека и получить то, что он хочет. А если при этом ему в руки попадет клад, то оно даже к лучшему.

– Но ведь его нашла я! – сказала я, как ребенок на детской площадке, но лучшего способа просто не придумала.

– Верно, ты. Но ты нашла его во владениях Энтони. Согласно законам Южной Каролины, юридически оно принадлежит ему. Конечно, ты могла бы подать на нас в суд, но процесс будет долгим и обойдется тебе дорого, и мы с тобой знаем, что такая роскошь тебе не по карману. И кто знает, что стресс может сделать с Джеком? И поскольку мы какая-никакая родня, я, так и быть, не стану подавать на тебя в суд за вторжение в частное владение. На этот раз.

По кладбищу пронесся ледяной ветер. Он хлестнул меня по лицу и закрутил вокруг нас маленькие снежные смерчи. Я заметила, как Энтони с опаской взглянул на них, и мне пришло в голову, что эти вихри отнюдь не часть мира природы. Отчетливый лязг конской сбруи заставил Марка обернуться. Вместе с ним повернулся и луч его фонарика. Заметив на фоне темной фигуры блеск золотой броши, я моргнула. В этом блеске стоял человек с фотографии у цистерны – Лоренс. Темные впадины вместо глаз, белые чулки ярко выделяются на фоне ночи. И за миг до того, как фонарик Марка вновь ослепил меня, я увидела на его белой рубашке кровавую рану.

Меня затрясло от гнева, холода и страха. Я потеряла все, и мне некого было винить, кроме себя. Когда-то я любила свое одиночество, свою независимость, пусть даже это означало, что мне не на кого полагаться, кроме самой себя. Даже в последние годы, когда моя семья стала заметно многочисленнее, я все еще считала себя отдельным существом – то ли по привычке, то ли по упрямству, я не знала, и это уже не имело значения. Какова бы ни была причина, это погубило меня.

– Но его нашла я, – повторила я, не в силах выразить свои чувства. Это прозвучало так по-детски, что я даже поморщилась и ощутила странное облегчение оттого, что было так холодно, и мои слезящиеся глаза скрыли тот факт, что по лицу текли сердитые слезы.

– Как я уже сказал, – спокойно ответил Марк, – это не имеет значения. Плантация Галлен-Холл принадлежит Энтони, и все, что найдено на ее территории, тоже принадлежит ему.

– Не совсем так, – раздался голос со стороны ворот.

– Джек? – ахнула я. Облегчение в моем голосе боролось с ужасом.

Марк резко обернулся и скользнул лучом фонарика в сторону Джека. В его свете я увидела три фигуры, шагавшие к нам.

– Джейн? – Энтони шагнул вперед, но тотчас остановился, как будто понял, что она отнюдь не рада его видеть. Я прищурилась, и сквозь темноту и падающий снег узнала высокую фигуру детектива Томаса Райли. Мои колени почти подогнулись от облегчения, от осознания того, что я здесь больше не одна.

Марк холодно усмехнулся.

– Ошибаешься, Джек. Галлен-Холл принадлежит Энтони. Поэтому все, что здесь найдено, тоже принадлежит ему. – Он кивнул

в сторону Томаса. – Я рад, что ты привел с собой полицию, чтобы обеспечить соблюдение закона. Хотя я надеюсь, что разум возобладает и нам не придется применять силу.

Теперь Джек стоял в круге света, но ко мне не подходил. Он даже не посмотрел в мою сторону, и я сказала себе, что это потому, что он смотрит Марку в глаза.

– Ты прав, – процедил он сквозь зубы. – Галлен-Холл действительно принадлежит Энтони. Но кладбище – нет. Когда много лет назад Галлен-Холл был продан, продажа кладбища не вошла в сделку. Оно все еще принадлежало потомкам Вандерхорстов, пока Невин Вандерхорст не завещал его Мелани. А значит, все, что найдено на этом кладбище, принадлежит ей.

Мы все смотрели в ошеломленном молчании на Джека. Наконец Марк попытался обрести голос:

– Лжешь.

– А вот и нет, – возразила Джейн. – После того, как Мелани уехала сегодня вечером, я слишком поздно поняла, что Энтони может претендовать на сокровище, и решила выяснить юридические последствия. – Она бросила в мою сторону взгляд, как будто извиняясь. – Поэтому я все рассказала Джеку, и он позвонил Ивонне из архива. У нее на домашнем компьютере есть доступ к нескольким базам данных, и она смогла найти документ о праве собственности, чтобы выяснить законного владельца. Так вот, кладбище не участвовало ни в одной продаже, оставаясь собственностью семьи Вандерхорстов, пока Мелани не унаследовала его от Невина Вандерхорста. Ивонна прислала мне по электронной почте копию, если хотите посмотреть.

– Не смешите меня, – сказал Марк, подходя к Джеку. Но в тот момент Томас сделал шаг в направлении Марка. Тот пару секунд пытался подобрать слова, и его рот вновь скривила ухмылка. – И все равно вы вторглись в чужие владения. Чтобы добраться до кладбища, нужно проехать через частную собственность и припарковать машину на земле, принадлежащей Энтони. – Он повернулся к Томасу. – Я требую, чтобы вы арестовали этих четверых за нарушение границ частной собственности.

– Вот вам и родня, – пробормотала я.

– Чтобы у тебя было время выкопать то, что зарыто под этими камнями? – сказал Джек. – Даже не думай.

Марк повернулся к Энтони.

– Скажи им, Энтони. Скажи им, что ты требуешь, чтобы они покинули твою собственность прямо сейчас.

– Только посмей! – крикнула Джейн, подходя к Энтони с занесенной для удара рукой. Он не стал противиться ее пощечине.

– Детектив, это физическое насилие! – выкрикнул Марк. – Мы выдвигаем обвинения и требуем ее ареста.

– Нет. – Энтони шагнул в сторону от того места, где Марк стоял лицом к лицу с Джеком. – Мы не выдвигаем обвинения. Я это заслужил.

Грубо оттолкнув брата, отчего тот пошатнулся, он зашагал прочь.

– Эй, что с тобой? – крикнул Марк, бросаясь вслед за Энтони, и схватил его за плечи. – Ты говорил, что это проще, чем отобрать леденец у младенца, помнишь?

Энтони попытался вырваться, но Марк его не отпускал. Он наклонил голову и в упор посмотрел на младшего брата.

– Надеюсь, ты не спал с ней? Я же говорил тебе ничего не усложнять.

Энтони отвел для удара кулак, но прежде чем он успел размахнуться, Марк отлетел назад, отброшенный невидимой силой футов на двадцать, где он, крякнув, приземлился на спину.

Томас единственный из всех пришел в движение и бросился к Марку. Но вместо того, чтобы взять протянутую руку и помочь себе встать, Марк перевернулся в противоположную сторону, подтянулся, поднялся на ноги и сердито отряхнул снег с рукавов куртки.

– Что за…

Прежде чем он успел закончить фразу, невидимая сила вновь сбила его с ног, а затем за ноги потащила по снегу к мавзолею. Он цеплялся за землю, но, увы, тщетно. На его лице был написан ужас. Мы с Джейн бросились было вперед, чтобы помочь ему, но то, что тянуло его, было слишком сильным и быстрым. Прежде чем мы догнали его, мавзолей поглотил его. Его голова, словно резиновый мяч, ударялась о кирпичные ступени. Ворота захлопнулись у нас перед носом. Вцепившись пальцами в прутья, мы что было сил трясли их, но ворота не поддавались нашим усилиям.

– Марк! – закричал Энтони. Они с Томасом подбежали к нам сзади. Схватив фонарь Марка, Томас посветил внутрь, в поисках Марка водя лучом от одного склепа к другому, а затем обратно.

– Марк! – окликнул его Томас. Он медленно направил луч на верхнюю часть склепа Лоренса и остановился. Крышка была сдвинута неровно, ее угол свисал с края, отверстие было достаточно большим, чтобы в него мог пролезть человек.

– Здесь есть еще один вход? – спросил Томас.

Ответ Энтони я слушала вполуха, потому что заметила перед склепом Лоренса две черные тени. На наших – моих и Джейн – глазах эти тени приняли человеческие очертания. Я приказала своим ногам отступить и бежать в противоположном направлении так, чтобы только пятки сверкали, но застыла на месте и была вынуждена оставаться и наблюдать за тем, что должно было вот-вот произойти. Я узнала Лоренса – он лежал ничком, а красное пятно на его галстуке стало еще больше. Над ним стоял пожилой мужчина с собранными в хвост седеющими волосами и в плотной накидке. Он повернулся, чтобы посмотреть на меня. Его плащ распахнулся и открыл взгляду пистолет в его руке. Он в упор смотрел на меня, словно просил о чем-то, чего я не могла понять.

– Прощение, – прошептала рядом со мной Джейн. Я кивнула, потому что именно это слово прозвучало у меня в голове. Вот почему мне не было страшно. Я поняла, что он не хотел меня пугать. И когда я посмотрела на распростертую фигуру Лоренса, я поняла кое-что еще.

– Это его отец, – прошептала Джейн. – Кэрролтон Вандерхорст. Это он убил сына. Считал, что у него нет выбора.

Я кивнула: она была права.

– Как и Лоренс. – Я закрыла глаза, прислушиваясь к голосам в моей голове, пытаясь расшифровать слова, которые звучали так, будто они произносились не по порядку, а когда наконец поняла, кивнула. – Ему казалось, что Элиза предала его – за то, что был шпионом, и потому что она любила другого мужчину, поэтому он убил их обоих. – Я посмотрела на призрак старика. Его лицо было маской застарелого горя. – Скажите Лоренсу, что прощаете его за то, что он сделал, – прошептала я. – Чтобы он тоже мог простить вас.

Земля под нами сотряслась от приглушенного рокота, и я услышала, как Энтони позади меня выругался.

– Все в порядке, – сказала Джейн. – Это отлетают их души.

Земля вновь задрожала, а небо над нами прорезала молния, осыпав нас запахом сгоревших ионов и наполнив мавзолей ярким голубовато-белым светом. Когда он померк, мавзолей был пуст. Гробовую тишину нарушали лишь глухие стоны, доносившиеся из открытого склепа, и щелчок задвижки ворот. Дверь начала медленно открываться.

Энтони распахнул ее полностью и вошел. Томас и Джейн шагнули следом за ним. Ощутив легкое прикосновение к своей руке, я обернулась, думая, что это Джек, но там никого не было.

– Элиза?

Сильный толчок отбросил меня прочь от мавзолея. Я схватила телефон и включила фонарик, не понимая, что случилось с моим походным фонарем.

– Джек? – крикнула я и поводила лучом фонарика в его поисках. Я уже было направилась к главным воротам, когда сильный рывок за руку толкнул меня в противоположном направлении. Я сделала всего три шага, прежде чем увидела, что это Элиза, и поняла, куда она меня направляет. Одна из мягких впадин, которую я только что обошла, пока искала надгробия, теперь превратилась в зияющую дыру, темное пятно на белоснежной земле.

– Джек! – крикнула я и, подбежав к краю ямы, посмотрела на черную землю, перемешанную со снегом. Сон Ребекки о том, что Джека хоронят заживо, крутился у меня в голове, как кинолента. – Джек! – снова крикнула я.

Джейн подошла сзади и встала на колени рядом со мной.

– Вон там, – произнесла она, указывая на что-то бледное и неподвижное на дне ямы глубиной примерно в шесть футов. – Он там.

Я бы наверняка закричала вновь, но вид закрытых глаз и бледного лица Джека на дне могилы был слишком сюрреалистичен, чтобы принять его за реальность.

– Я позову на помощь, – сказала Джейн, вставая.

Она бросилась за Томасом, а я тем временем спустилась в яму, больше не чувствуя ни холода, ни страха последних нескольких часов. Я не думала о том, как я выберусь из ямы и даже насколько глубоко осела здесь земля. Я понятия не имела, сколько гробов было закопано

здесь и на какую глубину. Мне было все равно. Если что-то случится с Джеком, все остальное больше не будет иметь значения.

Его тело было полностью, до носа, присыпано землей и снегом. Стараясь равномерно распределить свой вес, я осторожно заползла на него. Мои пальцы дотянулись до его лица, и я начала счищать землю с его подбородка и рта.

– Джек, это я, Мелли. Ничего не говори, я сначала сотру грязь с твоего лица. Просто кивни в знак, что ты меня слышишь.

Он не шевелился и никак не реагировал. Его лицо оставалось неподвижным и бесцветным, как луна, а сам он лежал на дне могилы, как то видела во сне Ребекка.

Поцелуй его. Я не была уверена, были ли эти слова произнесены вслух, но, подняв глаза на край обрушившейся могилы, я увидела рядом с Элизой британского солдата, который обнимал ее. *Поцелуй его.*

Зажав Джеку нос, я прижалась ртом к его рту и вдохнула в него воздух. Безрезультатно. Я повторила попытку, на этот раз сильнее, представляя себе, как его легкие расширяются от моего дыхания. Он ахнул, его глаза открылись. В следующий миг он сделал самостоятельный вздох. Пару мгновений его веки трепетали, пока он не увидел меня.

– О, Джек. Все будет хорошо. Я здесь. Это я, Мелли. Я нашла рубины! – Его взгляд сфокусировался на мне, и я улыбнулась. – Я люблю тебя, Джек.

Его глаза посмотрели мимо меня, туда, где Энтони и Томас стояли на месте Элизы и Александра и смотрели на нас с вершины могилы. Затем его взгляд снова переместился на меня, но в его глазах не было ни тепла, ни света.

– Иди. В. Ад.

Глава 35

Остаток ночи прошел как в тумане. Выли сирены пожарной и спасательной служб, следом была карета «скорой помощи» и поездка в больницу с Джейн и Томасом на его полноприводном внедорожнике. Я вспомнила, как Джек отвернулся от меня, когда его погрузили в машину «скорой помощи», положили и привязали к сиденью, вспомнила, как была потрясена, увидев Марка, когда его каталку задвинули рядом с Джеком. Сначала я его не узнала, но не из-за большого синяка на скуле, а из-за его волос. Его густые темно-каштановые волосы стали совершенно белыми, что никак не сочеталось с его черными бровями и гладким, без морщин лицом. Он попросил меня позвонить Ребекке, что я и сделала, и это было последнее связное воспоминание, которое у меня осталось.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что нахожусь в доме матери. Я смутно припомнила, что она забрала меня у больницы, сказав, что с Джеком, не считая нескольких синяков и растяжения лодыжки, все в порядке. Его хотели оставить на ночь под наблюдением, и хотя я была готова ждать и привезти его домой на следующее утро, он наотрез отказался видеть меня и попросил кого-то другого – кого угодно – отвезти его домой. Я была слишком ошеломлена, и поэтому не расплакалась, и дала матери увести меня из больницы, тем более что Джейн и Томас предложили остаться и отвезти Джека домой, когда его выпишут.

Я сидела в своей старой спальне, плохо понимая, где нахожусь. Я как будто стояла на движущемся тротуаре, который внезапно остановился. Я вспомнила обидные слова Джека и не чувствовала ничего, кроме стыда, прекрасно зная, что заслужила их. Мне нужны были мои дети, мне срочно требовалось увидеть их, подержать их на руках, поговорить с Нолой, заверить ее, что у нас все будет в порядке, что Джек простит меня. Я сбросила одеяло и, надев зеленое бархатное платье, в котором накануне была на вечеринке, бросилась вниз в поисках матери.

Когда я вошла на кухню, она только что закончила телефонный разговор. В элегантном платье, с идеальным макияжем, но ее взгляд не

дрогнул, когда она увидела мои нечесаные волосы и мятое платье.

– Это была Амелия. Она сказала, что близнецы просто ангелы, что они вели себя идеально, и что она рада оставить их еще на несколько дней, если ты согласна. Она уже попросила Нолу принести чистую одежду на тот случай, если ты согласишься.

Я хотела что-то сказать, но у меня вырвался лишь громкий всхлип, и он быстро перешел в поток слез, которые я была не в силах остановить. Мать подошла ко мне и ласково заключила в объятия. Сладковатый аромат ее духов тотчас разбудил старые воспоминания о том времени, когда я была маленькой девочкой. Какой я была до того, как она меня бросила.

Мать привела меня в гостиную и усадила на диван, где я еще минут пять продолжала рыдать, пока у меня не осталось слез. Подождав немного, она слегка отстранилась и приподняла пальцами мой подбородок.

– Так что ты намерена делать, Мелли?

– Ты знаешь? – Я шмыгнула носом. Она кивнула.

– Джейн позвонила мне и сообщила, что вы все в больнице, и рассказала о том, что произошло. – Мать произнесла эти слова без осуждения в голосе, за что я была ей благодарна так, что разразилась новым потоком слез.

Успокоившись, я тыльной стороной ладони вытерла глаза и вспомнила, что она только что сказала. Если честно, я ожидала другого разговора. Я представляла себе, что она посочувствует мне, скажет, что, хотя все пошло не так, как задумывалось, я проявила ум и находчивость, и, в конце концов, все закончилось хорошо. А потом я буду сидеть и слушать, пока она не скажет мне, что делать дальше. Но она молчала, и тогда я не выдержала и спросила:

– Так, что мне теперь делать?

– Ты сильно уязвила Джека, Мелли. И поставила под удар ваш брак. Ущерб может оказаться даже непоправимым.

Я резко встала.

– Почему ты так говоришь? Я думала, ты будешь на моей стороне.

– Я на твоей стороне. Вот почему я говорю это. Потому что кто-то должен это сделать. Ты намеренно держала Джека в неведении, чтобы по причинам, которые мне еще предстоит выяснить, разгадать тайну и забрать всю славу себе. Хотя и обещала Джеку этого не делать. Ты

солгала ему, Мелли, и теперь ждешь, что он будет рукоплескать твоей сообразительности. Хороший брак так не работает. Я думала, ты уже это знаешь, но, похоже, я ошибалась.

Я ощутила непреодолимое желание найти отключенный телефон и позвонить бабушке.

– Она бы сказала тебе то же самое. – Мать с укором посмотрела на меня. – Нет, я не умею читать мысли, но я знаю, что ты думаешь. И найти кого-то, кто согласится с тобой, не значит стать взрослой. Порой ты напоминаешь мне мотылька, который бьется о фонарь на крыльце, думая, что если он еще раз ударится о него, то получит другой результат. Хотелось бы думать, что ты умнее.

Я с несчастным видом села на диван.

– Так что я должна сделать?

– А как ты сама думаешь? – Она подняла брови и в упор посмотрела на меня.

– Извиниться?

– Это будет хорошим началом. Нет, конечно, этого будет недостаточно, но это начало.

Мое сердце встрепенулось.

– Что ты имеешь в виду, этого будет недостаточно?

– Ты уже извинялась и раньше, помнишь? И давала обещания. Но ни то ни другое не казалось тебе достаточно важным. Ты должна найти способ показать, что ты говоришь серьезно, и убедиться, что он это знает. Просто пойми, это не произойдет в одночасье. При том условии, что он простит тебя. – Она взяла меня за руку. – Мелли, я знаю, отчасти ты такая, какая ты есть, из-за меня. Я бросила тебя, оставила на воспитание отцу-алкоголику. Чтобы выжить в детстве, ты привыкла полагаться только на себя. И я искренне горжусь тобой, горжусь тем, как ты в этом преуспела, несмотря ни на что. Мне кажется, ты потому сопротивляешься переменам, чтобы не забывать, как далеко ты продвинулись с тех пор, когда была той одинокой маленькой девочкой. Или что ты сделала все сама. – Она сжала мою руку. – Но то, что ты можешь положиться на кого-то другого, не отменяет того, через что ты прошла или кто ты есть. Просто научись принимать это.

Я покачала головой.

– Я не сопротивляюсь переменам. Я хочу измениться… я готова сделать это. Мне просто нужно сообщить об этом Джеку. – Я снова

встала. – Я пойду туда прямо сейчас.

Мать со вздохом отпустила мои руки. Я подошла к двери и распахнула ее настежь.

– Ой! – под белым слоем снега улица была неотличима от бордюров или тротуаров. Острые пики железной ограды под белыми шапками выглядели теперь менее угрожающе. Мать отошла от меня и закрыла дверь.

– Может, сначала примешь душ и причешешься? В шкафчике в твоей ванной есть новые зубные щетки и зубная паста, и ты можешь воспользоваться моей косметикой. Я оставлю одежду на твоей кровати… что-нибудь яркое и веселое. Твои снежные сапоги – на ступеньках заднего крыльца, а пальто – в шкафу в прихожей. Можешь захватить с собой туфли на шпильках, чтобы надеть их, когда будешь разговаривать с Джеком. Мужчины любят высокие каблуки.

– Ты думаешь, это поможет?

Она покачала головой.

– Нет. Но и вреда тоже не будет.

Я нахмурилась.

– Может быть, мне пройтись по снегу босиком, чтобы он понял, что я раскаиваюсь?

– Что ж, может, стоит попробовать, – сказала мать, обнимая меня, и, держа меня на расстоянии вытянутой руки, добавила: – Джек очень любит тебя, Мелли. И ты его тоже любишь. И у вас есть два ваших замечательных ребенка. И Нола. Им нужны вы оба, чтобы все заработало. Любовь – это великая основа, но должно быть и доверие. К сожалению, доверие гораздо труднее сохранить, чем любовь. Тебе придется очень, очень усердно потрудиться, чтобы вернуть его. – Она отступила назад и окинула меня взглядом с головы до ног. – Единственное, что я знаю точно: приходить к нему в таком расхристанном виде – не лучший способ начать сначала. И это даст тебе время подумать о том, что ты хочешь ему сказать. Ты же знаешь, как плохо все может обернуться, если действовать и говорить опрометчиво.

Я поспешила вверх по лестнице и вновь разрыдалась.

* * *

Зимняя страна чудес, по которой я прошла по дороге домой, напоминала книжку сказок. Амелия прислала мне эсэмэску с фотографией близнецов, одетых как эскимосы: Сара и Джей-Джей сидели в снегу рядом со снеговиком с руками-палочками, носом-морковкой и глазами, похожими на печенье «Орео». От этой картинки мне захотелось плакать, поэтому я сунула телефон обратно в карман и побрела дальше по улице.

С восходом солнца на безоблачном голубом небе температура уже начала подниматься. Капель с крыш домов и с ветвей деревьев звучала с обеих сторон улицы подобно радостному пению птиц. И дети, и взрослые выходили на улицу, используя в качестве санок все, что попадалось под руку, в том числе сплющенные картонные коробки и автомобильные камеры, и проводили большую часть времени в поисках чего-то похожего на горку, чтобы скатиться вниз. Я отвечала на их улыбки и махала руками, но мое сердце было таким же замороженным, как снег под сапогами.

Когда я открыла входную дверь, в моем доме на Трэдд-стрит стояла странная тишина, и только звуки воскресных колоколов церкви Святого Михаила эхом разносились по пустующим комнатам. Кто-то – вероятно, отец – передвинул мебель на место, взятые напрокат складные столы и стулья уже были сложены штабелями в столовой. Завтра их уберут отсюда.

В доме царила грустная атмосфера закончившегося праздника. Отзвучали смех и голоса людей, вышедших за дверь, оставив после себя только тишину. Даже блуждающие духи внезапно исчезли, либо измученные всей этой праздничной шумихой, либо встревоженные тем, что должно произойти дальше. Или же тревожилась и мучилась только я.

– Джек? – позвала я, снимая ботинки и надевая туфли на каблуках.

Наверху раздались звуки движения, но никто не ответил.

– Джек? – вновь позвала я, быстро поднимаясь по лестнице. Встав на верхней площадке, я ощутила в воздухе некую легкость, как будто он только что очистился.

Заглянув в комнату Нолы, я увидела шкафчик для драгоценностей. Все его ящики были закрыты. Я вспомнила потайное отделение и представила себе, как Элиза наклоняется и прячет брошь с четырьмя замаскированными рубинами. Я вспомнила, как рассматривала ее

вместе с Софи, как она сказала, что петли сломаны, потому что дверь была сорвана как будто нетерпеливой рукой. Я представила себе, как Лоренс угрожает Элизе, требуя, чтобы та сказала ему, где находятся рубины, или шпионит за ней, чтобы узнать, где они спрятаны. Он все равно убил ее, представив ее смерть как самоубийство. А его собственный отец убил его в наказание или чтобы вернуть рубины. Этого мы никогда не узнаем. Но они помирились в мавзолее, и Элиза с Александром тоже вместе ушли в вечность. С тех пор как они помогли мне найти Джека, я больше не чувствовала их присутствия. Было приятно знать, что мы помогли друг другу, установили связь сквозь время, связь, которую мне посчастливилось испытать. Раньше я никогда не думала об этом в подобном ключе, и моя грудь расширилась от гордости, когда я размышляла о последствиях.

Я остановилась на пороге и глубоко вздохнула. Белизна мира снаружи как будто заливала стены ярким, отраженным от снега светом, как будто мир соглашался с тем, что настало время для нового старта. Начать жизнь с чистого листа. Ободренная, я направилась по коридору в нашу с Джеком спальню.

Дверь была слегка приоткрыта, и я толкнула ее, ожидая увидеть Джека в постели и мусорную корзину с носовыми платками рядом с ним. Но нет, кровать была заправлена, а на ней лежал открытый чемодан, в который были аккуратно сложены несколько свитеров, рубашек, носки и нижнее белье Джека.

– Джек? – снова окликнула я его дрожащим голосом.

Он вышел из ванной с косметичкой в руке, хромая на перебинтованную ногу. Даже не взглянув в мою сторону, он шагнул мимо меня к своему чемодану.

– Что ты делаешь?

– Собираю вещи. – Он передвинул несколько рубашек, чтобы освободить место для косметички, и закрыл чемодан. Звук застегиваемой молнии прозвучал как окончательный приговор.

– Собираешь вещи? Но почему? Ты болен, тебе нездоровится. Ты должен лежать в постели.

– А я и буду в ней лежать. Сдаваемая родителями квартира на Стейт-стрит свободна, и они разрешили мне пожить в ней.

Мне как будто дали под дых. Воздух вырвался из моих легких. Чтобы остаться в вертикальном положении, я была вынуждена

схватиться за спинку кровати.

– Но… зачем тебе куда-то уходить? Я пришла извиниться. Сказать тебе, что была неправа, что мне не следовало уходить прошлой ночью в одиночку, не сказав тебе, что происходит. Это было глупо и опрометчиво, но я все равно это сделала. – Я посмотрела на него умоляющим взглядом. – Но я извлекла для себя урок. Я больше никогда не подорву твоего доверия. Я изменилась. Я теперь другая. Прошлая ночь научила меня тому, что в моей жизни есть люди, которые любят меня и на которых я могу положиться. Я не должна действовать в одиночку.

Как будто не услышав моих слов, Джек взял чемодан, вышел в коридор и направился вниз по лестнице. Я бросилась за ним следом.

– Джек, постой! Прошу тебя. Пожалуйста. Я сказала, что сожалею.

Он остановился и посмотрел на меня. На его лице не было никаких эмоций, кроме гнева.

– Слишком мало, слишком поздно. Я дам тебе знать, когда захочу увидеть Джей-Джея и Сару, чтобы нам договориться о графике посещений.

– Графике посещений? Как долго ты собираешься отсутствовать?

Джек покачал головой.

– Понятия не имею. Мне нужно время вдали от тебя, чтобы поразмышлять.

– Поразмышлять? О чем? Я люблю тебя, и я сказала, что сожалею. Я изменилась… пожалуйста, дай мне шанс это доказать.

– Я дал тебе больше шансов, чем могу сосчитать на пальцах. Я просто не могу больше так жить. Я люблю тебя, но этого недостаточно. К сожалению, я больше не могу тебе доверять.

Он взял из шкафа пальто и надел его. Мне хотелось броситься ему на шею, вцепиться в его лацканы и заставить остаться, независимо от того, насколько это унизительно. Я уже была опустошена, меня как будто выскребли изнутри, и осталась лишь моя пустая оболочка. У меня не осталось ни гордости, ни стыда, лишь тошнотворное ощущение, что я потеряла Джека, и мне некого винить, кроме себя.

– Я вернусь на этой неделе, пока ты будешь на работе, и соберу остальные вещи. – Он нахмурился. – Нола хочет остаться здесь, хотя и говорит, что не занимает ничью сторону. Она сказала, что устала

вести себя как единственная здесь взрослая. – Он обвел взглядом фойе, как будто видел его в последний раз. – Как же она права.

Он шагнул к входной двери и открыл ее. Я бросилась следом за ним, надеясь, что хотя бы один жест, один взгляд подскажут мне, что еще есть надежда. Джек переступил тот же порог, через который перенес меня в день нашей свадьбы, и встретился со мной взглядом. Я затаила дыхание, ожидая.

– Прощай, Мелли. – Дверь с легким щелчком закрылась у меня перед носом. Я стояла неподвижно, глядя на закрытую дверь, и каждые пятнадцать минут слушала бой напольных часов. Тем временем день угасал, свет снаружи становился все тусклее и тусклее, а я ждала, когда худший день в моей жизни наконец закончится.

Глава 36

Неделю спустя я сидела за пустым столом Джека в его кабинете, пытаясь подписывать рождественские открытки и стараясь не замечать, что фотографии Нолы и близнецов в рамках исчезли, а мои остались. Не знаю, что причиняло мне большую боль – это или пустые ящики и шкаф Джека наверху в спальне, нашей спальне. Я посмотрела на счастливый снимок всех нас, который Рич Кобилт сделал возле Ананасового фонтана, на близнецов в непарных разноцветных костюмчиках и на собак вообще без таковых. И в самом центре был Джек – главный человек всей нашей жизни. Его рука небрежно обнимала меня, а я смотрела на него со счастливой улыбкой.

Закрыв открытку и сунув ее в конверт, я ощутила знакомый комок в горле. Я уже думала о том, что не буду посылать поздравления в этом году, не желая тем самым увековечивать ложь. Но толика упрямства, за которое я цеплялась, вселяла в меня надежду, что Джек вернется. Я была даже согласна до конца моих дней отказаться от кофе и пончиков, если это позволит сохранить те крохи упрямства, помогавшие мне каждое утро вставать с постели и встречать новый день.

Зазвонил телефон, и я, посмотрев на экран, ощутила трепет надежды – вдруг это Джек? Даже его короткие, лаконичные эсэмэски о его посещениях близнецов поднимали мне настроение, служа доказательством того, что он не забыл о моем существовании. Это было большее, на что я могла надеяться прямо сейчас.

Но нет. Это сообщение было от Сьюзи Дорф. Она напоминала мне о нашей беседе, когда она попросила меня дать ей интервью о разговорах с призраками. Взамен она предложила не рассказывать Ребекке о том, что она узнала о Вандерхорстах и шпионской сети. Не то чтобы теперь это имело значение. Жаль, что ее не было на кладбище в ту ночь, когда невидимая сила затащила Марка в мавзолей. Это могло бы убить двух зайцев одним выстрелом.

Я провела большим пальцем по экрану, чтобы стереть текст, и, сделав вид, будто ничего не видела, пообещала себе, что поступлю по-взрослому и перезвоню ей. Только не сейчас. Я еще даже не

положила трубку, когда что-то мягкое шлепнуло меня по затылку. Я посмотрела на пол, куда упал предмет, и увидела красную подушку Адриенны в форме сердца. В последний раз, когда я ее видела, она лежала в моем шкафу, задвинутая в самую глубь полки.

Я подняла ее и стояла, теребя рюш, когда раздался звонок в дверь. Мое сердце пропустило удар, и я почти услышала в голове слова Джека о том, что совпадений не бывает. Я бросилась через все фойе, распахнула дверь и тотчас застыла на месте, глядя на гостей. Я даже не сочла нужным скрыть свое разочарование тем, что это не Джек, который решил сам привести домой близнецов, а использовал в качестве посредника Джейн.

Но нет, на веранде стояли Джейн, Вероника и Ребекка, – сияя улыбками и с чем-то похожим на большую коробку из «Глазированных пончиков», – а ноздри мне щекотал сладкий запах. Когда я никак не отреагировала, Вероника сказала:

– Мы решили зайти и подбодрить вас.

Я попыталась улыбнуться, поблагодарить их за доброту, но у меня ничего не вышло, потому что мои губы дрожали.

– Если только в этой коробке нет Джека, не думаю, что вы сможете как-то подбодрить меня. – Я быстро заморгала, чувствуя, что вот-вот разревусь. В очередной раз. Я думала, что дошла до той точки, когда слез уже не осталось, и мне не придется постоянно говорить коллегам по работе и клиентам, что у меня зимняя аллергия.

– О, Мелани, – сказала Джейн, делая шаг вперед и обнимая меня, пока остальные прошли мимо нас в фойе. – Мы – и пончики – здесь для того, чтобы помочь тебе пройти через это. Вот увидишь, ты справишься!

Я шмыгнула носом и уткнулась ей в плечо.

– Но я не хочу проходить через это. Я просто хочу, чтобы он вернулся.

– Пойдемте с нами, – сказала Вероника, направляя нас всех в гостиную. Миссис Хулихан вошла и, поздоровавшись с нами, вскоре вернулась с подносом с кофейником, чашками и тарелкой с ее рождественским печеньем, которую поставила передо мной. Уходя, она легонько похлопала меня по плечу, то ли из сочувствия, то ли извиняясь за то, что в течение всех праздников лишала меня своих кондитерских шедевров. Я с улыбкой поблагодарила ее, хотя и знала,

что ничего не могу есть. Она искушала меня всеми моими любимыми блюдами, но моей энергии или энтузиазма хватало лишь на то, чтобы переместить еду на тарелке таким образом, чтобы могло показаться, будто я съела больше, чем один или два кусочка.

Джейн налила мне кофе, добавив в чашку побольше сахара и сливок, которые, как она знала, я обожала, положила на тарелку тирамису и три печенья миссис Хулихан.

– Спасибо, – сказал я, но, сделав глоток кофе, почти не почувствовала его вкуса. Вероника посмотрела на красную подушку, которую я положила на журнальный столик.

– Это подушка Адриенны?

Я кивнула.

– Она ударила меня по голове прямо перед тем, как в дверь позвонили.

Все трое переглянулись.

– Отлично, – сказала Ребекка.

Я на всякий случай еще раз посмотрела на нее. Сегодня она была не в розовом, а скорее в нежно-лиловом.

– Я подумала, – сказала она, перехватив мой взгляд, – что ярко-розовый цвет на фоне новых белых волос Марка слишком бросается в глаза, поэтому слегка его смягчила. Кроме того, я решила приберечь более яркие оттенки розового до тех пор, пока не родится наша дочь.

– Дочь?

Я сделала еще один глоток кофе.

– Мне приснился сон, – сказала она, оглядываясь на двух других женщин. – До того, как я забеременела и меня как будто заблокировали… – Между ее бровями появилась маленькая буква V. – Примерно в то же время мне приснился еще один сон… – сказала она и умолкла.

– Продолжай, – мягко сказала Джейн. Ребекка кивнула.

– Мне приснилось, что мы втроем в доме Вероники… – Она сглотнула. – Адриенна тоже была там, указывала на что-то у себя на шее. И был кто-то еще… кто-то на чердаке. И дом…

– Дом горел, – закончила Вероника.

– Так мы и думали… – Джейн вздрогнула.

– Это означало, – продолжила Ребекка, – что мы должны объединить наши силы и помочь Веронике узнать, что же случилось

с Адриенной. Даже остановить пожар. Ты ведь обещала ей помочь, верно, Мелани? – Ребекка смерила меня тем же взглядом, каким я обычно удостаивала близнецов, когда те отказывались есть овощи.

– Как это поможет мне вернуть Джека? – пролепетала я. Мой голос прозвучал жалко, под стать моим чувствам.

– Мелани, – мягко сказала Джейн. – Помощь другим – лучший способ избавиться от собственных забот. Ведь пока думаешь о чем-то другом, в голове сам по себе распутывается клубок собственных проблем. Это беспроигрышный вариант. – Она улыбнулась мне, и мне стало стыдно за все те моменты, когда я завидовала ей буквально во всем.

Прежде чем повернуться к ней, я, чтобы остановить новый поток слез, посмотрела на потолок.

– Я рада, что ты моя сестра, Джейн. Ты даже не представляешь, как! И я разрешаю тебе дать мне пощечину, если я хоть когда-нибудь забуду об этом.

Она рассмеялась.

– Если бы ты увидела синяк на лице Энтони, ты бы точно изменила свое мнение. Нет, я его не видела, – и не хочу видеть его снова, – но Ребекка прислала мне фотографию со своего телефона. Думаю, я упустила свое призвание. Быть боксером, а не няней.

– Мне кажется, – сказала Ребекка, – ты можешь применить свои способности даже сейчас. Энтони нанял охрану для кладбища, пока не найдет кого-то, кто выкопает могилы для павлинов. Он даже не пытался оставить рубины себе.

Джейн фыркнула.

– Потому что это было правильно. Но я все равно не хочу видеть его снова, пока я жива.

Вероника отщипнула кусочек от пончика, оставив остальное на своей тарелке.

– Надеюсь, ваши рубины в надежном месте, Мелани. Особенно после всего, через что вам пришлось пройти, чтобы их заполучить.

– Они в сейфе в нашем банке, пока мы с Джеком не решим, что с ними делать. – Я пока не принимала никаких решений относительно неожиданно свалившейся на нас удачи. Я была готова ждать столько, сколько потребуется, чтобы вернуть Джека, а потом мы решим с ним вместе.

Джейн тепло посмотрела на меня и взяла за руку.

– А пока я хочу, чтобы ты хорошенько подумала о том, как применить свой дар. Мы можем сделать так много хорошего. Даже после того, как поможем Веронике и Адриенне. У Томаса десятки нераскрытых дел. И давай не будем забывать ту девушку в отеле «Фрэнсис Марион».

Ребекка подалась вперед.

– Поскольку мой дар в течение следующих шести месяцев не работает, я могу задействовать все свои навыки привлечения мужчин, чтобы помочь тебе вернуть Джека.

– Но… – я умолкла, думая о ее семейных проблемах, но не желая показаться грубой.

– Я знаю. У нас с Марком были проблемы. Но после… инцидента… на кладбище он стал очень внимателен и заботлив. Он почти не отходит от меня. То ли потому, что он действительно хочет быть со мной и принять предстоящее отцовство, то ли просто напуган до безумия и не хочет оставаться один. В любом случае, я знаю несколько приемов, как поддерживать в мужчине интерес, и готова поделиться с тобой всем, что знаю.

Я нахмурилась.

– Я хочу одного: чтобы ты отговорила Марка от съемок в моем доме. Тогда я поверю, что он изменился.

Ребекка посмотрела на меня, и ее большие голубые глаза наполнились слезами.

– Это не он, Мелани, это все Харви. Его невозможно отговорить. И поскольку вы с Джеком подписали контракт, вы не можете отказаться. Мне очень жаль.

Чувствуя, что мне на глаза вновь наворачиваются слезы, я моргнула. Вероника повернулась ко мне.

– Вы с Джеком самая идеальная пара, Мелани. Все видят, как вы любите друг друга и своих детей. Это тяжелый период, но через него проходят все браки. От этого они только крепнут. Вы справитесь, я в этом уверена. И у вас есть друзья и семья, на которых вы всегда можете опереться. Вы ведь это знаете и без меня, верно?

Я кивнула, не в силах говорить, потому что снова расплакалась. Мы все обнялись, плача и смеясь вместе. Никто из нас даже не

удивился, когда красная подушка взлетела в воздух и приземлилась Веронике на колени.

«ПОСТ ЭНД КУРЬЕР»

21 декабря

Дорогие читатели! Многие из вас написали мне, желая поблагодарить меня за мою недавнюю серию статей о тайных кладах Чарльстона и Прибрежного района, призывая продолжить ее. Скажу честно: даже не будь это одной из моих любимых тем, ваш энтузиазм побудил бы меня писать больше. И пока мы говорим о темах, пожалуйста, продолжайте присылать ваши запросы для будущих колонок. Никогда не знаешь, что можно обнаружить, посветив фонариком в заброшенный темный угол.

Кстати о заброшенных темных углах, некоторые из вас спрашивали меня о событиях на кладбище Галлен-Холл в ночь Большого Снега. По-видимому, большая часть новостей была посвящена пятидюймовому снежному покрывалу, которое легло на наш город, отчего другие новости прошли почти незамеченными. Некоторые из вас спрашивают, не был ли в этом замешан владелец земли, на которой расположено кладбище, тем более что он неоднократно упоминался в моей колонке. Скажем так: эта история заслуживает отдельной колонки, в которой будет достаточно места для всех непристойных подробностей, а их, я уверяю вас, в ней немало.

Пожалуйста, следите за этой колонкой каждое воскресенье, чтобы не пропустить новые открытия и истории, связанные с нашим прекрасным городом и его жителями, как живыми, так и мертвыми. И теми, кто между ними. Я уверена, что в ближайшем будущем будет много материала для обсуждения, потому что источник, близкий к большинству странных событий в Священном городе,

недавно резко поменял свою позицию, что весьма взволновало автора этой колонки.

Что касается незавершенных дел, связанных с моей предыдущей серией статей об исторических домах в Чарльстоне, спешу сообщить, что раскопки цистерны в бывшем особняке Вандерхорстов на Трэдд-стрит все еще продолжаются, но неназванный источник сообщил мне, что там скрыто больше секретов, и некоторые члены нашего сообщества делают ставки по поводу того, будут ли владельцы дома жить в нем вместе к тому времени, когда будет обнаружено последнее сокровище. До следующей встречи, приятного вам чтения.

СЬЮЗИ ДОРФ, штатная колумнистка

От автора

Я преисполнена благодарности моему редактору Синди Хван и другим замечательным людям из издательства *Penguin Random House*, чей энтузиазм и самоотверженность на всех этапах доведения моих книг до читателей я ценю очень высоко. Что бы я делала без вас! Как всегда, спасибо моим первым читателям, Сьюзан Крэндалл и Венди Вакс, за то, что они терпеливо прочли каждое написанное мной слово и постоянно призывали меня писать еще лучше. Спасибо за вашу дружбу.

И огромное спасибо Джеймсу Дель Греко, разрешившему мне использовать свое имя для одного из моих любимых новых персонажей в этой книге. Вы выиграли в розыгрыше и великодушно позволили мне задействовать воображение, чтобы вылепить персонажа, который, я уверена, полюбится моим читателям так же сильно, как и мне.

Примечание для читателей: все подробности жизни персонажа (помимо описания внешности) полностью вымышлены и являются плодом воображения автора.

И последнее, но не менее важное: спасибо моим читателям, которые влюбились в Мелани и Джека, а также в остальных персонажей, населяющих серию книг «Трэдд-стрит». Изначально предполагалось, что в этой серии будет всего две книги, но вы вдохновили меня, и я написала целых семь. Да, будет еще одна! Подпишитесь на мою рассылку на karen-white.com, чтобы получать новости первыми.

Благодарим Вас за то, что воспользовались проектом NemaloKnig.net - приходите ещё!

Ссылка на Автора этой книги

Ссылка на эту книгу

---

notes

Сноски

1

50 градусов по Фаренгейту – это плюс 10 градусов по Цельсию. – *Прим. пер.*

2

Paste gemstones (*англ.*) – имитация драгоценных камней, изготовленная из шлифованного стекла. – *Прим. ред.*

3

На Аляске проходит знаменитая ежегодная гонка на собачьих упряжках. Непогода и холодный ветер для участников не помеха. – *Прим. ред.*

4

Рубин *(англ.). – Прим. пер.*

5

Красный, умбра, коричневый, желтый *(англ.)*. – *Прим. пер.*

6

Силлабаб – британский десерт из густых сливок, взбитых вручную с сахаром и белым вином. – *Прим. пер.*

Благодарим Вас за то, что воспользовались проектом NemaloKnig.net - приходите ещё!

Ссылка на Автора этой книги

Ссылка на эту книгу